ХРИСТИНА Д. СЕМИНА

ТРАГЕДИЯ РУССКОЙ АРМИИ

Первой Великой Войны 1914–1918 г.г.

ЗАПИСКИ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ
КАВКАЗСКОГО ФРОНТА

Книга вторая

ПОХОД НА МОСУЛ

•

НЬЮ МЕКСИКО
1964

Сестра Х. Д. Семина на фронте в 1916 г.

ХРИСТИНА Д. СЕМИНА

ТРАГЕДИЯ РУССКОЙ АРМИИ

Первой Великой Войны 1914–1918 г.г.

ЗАПИСКИ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ
КАВКАЗСКОГО ФРОНТА

Книга вторая

ПОХОД НА МОСУЛ

•

НЬЮ МЕКСИКО
1 9 6 4

THE TRAGEDY OF THE RUSSIAN ARMY DURING THE WAR 1914—1918

by

CHRISTINE D. SEMINE

Produced by Rausen Language Division, 150 Varick Street, New York, N. Y. 10013
65

Посвящается моему мужу
доктору Ивану Семеновичу Семину
и
всему русскому воинству.

Вы были орлы боевые, отдали
за родину молодость и здоровье,
а я написала эту книгу, — чтобы
люди вас не забыли . . .

Часть вторая

ОПЯТЬ НА ФРОНТ

Глава 1

Поезд пришел в Тифлис на следующий день вечером. Я решила остаться в Тифлисе до завтра, чтобы повидать окружного медицинского инспектора и поговорить с ним о Ване. Выйдя из вагона я пошла в зал первого класса, где меня должен был найти Гайдамакин, как мы условились с ним. Но весь вокзал, это сплошная, огромная толпа, двигающаяся по всем направлениям и никогда не останавливающаяся. Я едва добралась до зала. Но там, кажется, было еще больше народу. Гайдамакин меня ни за что не разыщет в этой толпе. Люди ходили толпами друг за другом, точно в майский день по Головинскому проспекту. Диваны, стулья, кресла, — всё было занято людьми. Всюду навалены горы сундуков, корзин, дорожных мешков, чемоданов. И толпы двигающейся публики переправляются через все эти препятствия, почти не задерживаясь и нисколько не смущаясь. Вокруг всех обеденных столиков не только все места были заняты, но за каждым стулом стояло по несколько человек в очереди и ждали, когда освободится место. И как только кто-нибудь встанет из-за стола, на освободившееся место сразу бросается несколько человек. Все заказывают много всякой еды и непременно кофе. Никогда я раньше не видела ничего подобного. Все эти, очевидно, небогатые люди, которые боялись раньше и подойти к буфету первого класса, теперь не стесняясь заказывали всё, что попадается на глаза в мало понятном для них списке блюд. Эта публика пришла в первый класс только теперь, во время войны. До войны они ездили и сидели в третьем классе, брали в буфете только кипяток в чайник, который возили с собой, со вздохом платили за него зажатый в кулаке большой медный пятак. Потом развязывали корзинку, вынимали домашнюю еду и перекрестясь и не спеша, ели холодные котлеты, пирожки и старого, жареного петуха, запивая бесконечным количеством чая. Оставшуюся еду аккуратно опять

заворачивали в газетную бумагу и укладывали обратно в корзинку. А тут, — все сидят за столом первого класса, заказывают такое количество еды, которое в нормальное время не съели бы и в два раза... Я встала около мраморной колонны и решила ждать здесь Гайдамакина. Толпа точно морской прибой: то вдруг движется густой беспрерывной волной в зал, то обратно к выходу из зала. Наконец я увидела Гайдамакина, ныряющего среди толпы, точно среди морских волн. Временами я вижу его голову, потом она пропадает. И вдруг он вынырнул рядом со мной!

— Чемоданы принес?

— Принес.

— Вот, Гайдамакин, запомни. Завтра в десять часов здесь же, на этом месте ты найдешь меня. У тебя есть место где спать?

— Есть. Я буду ночевать вместе со всеми солдатами, которые везут вещи для нашего транспорта.

— Ну, хорошо! А теперь идем. Найди мне извозчика и я поеду в гостиницу, а ты ступай к ним. А где эти солдаты?

— Они в третьем классе, ждут меня.

Я села на извозчика и поехала на Головинский проспект. Там самые большие и лучшие гостиницы в городе. Мы объехали их все и не нашли нигде ни одной свободной комнаты. Тогда повернули обратно на Михайловскую, где тоже была хорошая гостиница. Но тоже безрезультатно.

— Дайте хоть кресло, на котором я могла бы пересидеть ночь.

— Нету! Еще с вечера всё занято, — сказал швейцар.

Я вышла, села на извозчика и не знала, что мне делать...

— Вот, около вокзала есть еще номера, — сказал возница. — Да там только вам будет страшно — поди? Всякий там народ останавливается... Ну и пьют тоже! Да иной раз шум и драки бывают.

— Вези! Попробуем. Всё равно другого ничего нет.

Объехали и «номера»! Подъезжая к некоторым, мы видели, как с шумом и треском открывалась дверь и из нее выкидывался какой-нибудь пьяница-скандалист. Тогда, мой извозчик, не останавливаясь, ехал дальше к следующим «номерам».

— Здесь не стоит спрашивать, — говорил он дергая вожжами. После нескольких безрезультатных остановок извозчик обернулся ко мне: — Барыня! Я больше не знаю «номеров». Здесь мы объехали все. В другие и ехать нельзя, — опасно.

— А где ты живешь? Может быть у тебя найдется для меня место переночевать?

— Ну, где там! Мы живем в тесноте, да и далеко отсюда...

— Ну, что же, вези обратно на вокзал!

Когда приехали к вокзалу, было уже четверть второго ночи. Два с половиной часа ездили, а в результате у меня всё же нет места для ночлега. Я даже позавидовала Гайдамакину, который наверное спит в тепле и под крышей. Заплатив извозчику, я позвала носильщика, чтобы взял чемодан, а сама протянула руку, чтобы достать маленький ручной саквояжик, который лежал позади, в открытом верху фаэтона. В этом саквояже я возила все мелкие вещи, — умывальные принадлежности, носовые платки, письма, духи, пудру. И там же было мое сестринское свидетельство и несколько сторублевок запасных денег. Но сколько я не искала, а моего чемоданчика нигде не было. Сразу холод пробежал по спине и остановился где-то в сердце! Не денег и вещей жаль, а какой-то безотчетный страх охватил меня. Меня ограбили в городе на освещенных людных улицах, а что было бы со мной, если бы я остановилась ночевать в одном из этих «номеров»? Никто бы и трупа моего никогда не нашел!..

— У меня пропал чемоданчик с документами, — сказала я извозчику. Но тон, которым ответил мой возница, удивил меня. Сразу с покровительственного, добродушного — сделался грубым.

— Кто же ездит ночью по таким улицам! Конешно жулики везде есть. Но я отвечать не могу! Я говорил вам, что места здешние «плохие».

Чемодан отдала носильщику на хранение, а сама пошла в жандармскую комнату и рассказала всё, что произошло со мной. Дежурный жандарм всё записал, но, конечно, никакой помощи оказать не мог. Я пошла в дамскую комнату и когда открыла дверь, то пришла в полное отчаяние... Эта дамская комната, когда-то служила местом отдыха для проежающих пассажирок первого и второго классов. Там стояли мягкие диваны и большие кресла; была приличная женщина — горничная для услуг и поддержания порядка и чистоты. Всегда чистая уборная, умывальник с горячей и холодной водой. Словом там были все удобства необходимые пассажирам и, конечно, всё содержалось в полном порядке и чистоте. Сейчас же я увидела какую-то грязную ночлежку. На мебели и на полу сидели и лежали группами и в одиночку. Многие сидели скорчившись, поджав под себя ноги и укрывшись кто чем мог, — шубой, пальто или шалью. Некоторые еще не спали и разговаривали; другие что-то жевали. Как только стало светать, — все зашевелились

и стали выползать из-под своих покрышек. В одну минуту около уборной образовалась длинная очередь. Тут были и старухи, и молодые, и подростки. Лица у всех заспанные, волосы растрепанные, одежда помятая. Они уже знали друг друга и весело переговаривались, как давно знакомые. Те, кто выходил из уборной, занимали очередь около умывальника. Но он скоро засорился и грязная вода потекла через край, заливая пол. Не запиравшаяся дверь в уборную, делала пребывание в этой ночлежке совершенно невыносимым. Когда рассвело, пришла женщина, которая должна смотреть за чистотой этой комнаты. Но сама она была так ужасно грязна, что самое понятие о чистоте было для нее, очевидно, недоступно. Как только она пришла, ночлежницы стали сдавать ей вещи на хранение. Она запихала вещи в стенной шкаф и заперла его на замок. Очевидно, большинство спавших здесь женщин пользовались вокзалом, как гостиницей. Я не могла дольше оставаться тут и вышла в столовую. Решила, если буфет будет открыт, выпить кофе. Но было еще очень рано и в столовой не было никого. Столики стояли никем не занятые и без скатертей, стулья перевернуты. Только в самом дальнем углу за столиком, накрытом свежей скатертью, сидел элегантный и совсем еще молодой генерал. Я решила сесть где-нибудь подальше от него, но случайно еще раз взглянула в его направлении. И вдруг узнала в нем своего старого хорошего знакомого, — генерала Зубова...

Я так обрадовалась ему после всех неудач и бессонной ночи среди грязных ночлежников и загаженного вокзала, что чуть не бросилась сама к пустому месту за его нарядно накрытым столом. Но, к счастью, он сам увидел меня, сразу узнал и пошел ко мне, удивленный странной встречей, но обрадованный и с ласковыми словами привета:

— А вы что делаете в этом грязном месте и в такое странное время, на границе ночи и рассвета?!.. Почему вы одна? Где ваш верный телохранитель и нянька — денщик?.. Идемте сразу к моему столу. Выпейте кофе и рассказывайте мне ваши приключения и затруднения...

Меня не надо было уговаривать! Я была готова плакать от радости, усталости и голода... Но, конечно, плакать я не стала, а свои ночные неудачи рассказывала в комическом тоне... Зубов слушал меня внимательно, но даже не улыбнулся на мои попытки рассмешить его...

— Вы сами не знаете, на границе какой опасности вы были всё время! Сам Бог вас спас! Его благодарите за то, что вы живы и невредимы!.. А что вы не спали всю ночь, — так это пустяки. Выспитесь при первом удобном случае.

Он так ласково, по-отечески со мной говорил, что я забыла обо всем. А в его присутствии мне уже не грозила никакая опасность. Не вставая из-за стола он сделал всё, что было нужно. Пришел жандарм, за которым генерал послал лакея. Он продиктовал ему, что нужно написать в протоколе о пропаже моих документов, а через некоторое время дежурный жандарм принес переписанный протокол, на котором генерал расписался, как лично знающий меня. Я стала благодарить его и только теперь обратила внимание, что он выглядел нездоровым и каким-то усталым.

— Сергей Евгеньевич, что с вами? Вы были больны?

— Был. И очень жалею, что еще жив...

Я подумала, что убит один из его сыновей. У него были два сына и оба были на западном фронте.

— Что нибудь случилось с вашими сыновьями?

— К счастью нет, но со мной случилось много неприятного... Я еду сейчас на минеральные воды по приказу, как в ссылку... Вы приблизительно знаете мою семейную жизнь. Поэтому я не стану тратить слова на объяснения. Еще в начале войны я встретил женщину, в форме сестры милосердия. Она работала в одном из крепостных госпиталей. И полюбил ее. Мне казалось, что и она отвечает мне тем же!.. Но позднее я заметил, что она тяготится нашими отношениями. В один ужасный вечер я сидел у нее в комнате. Наш разговор становился всё более запутанным и тяжелым... Совершенно неожиданно она схватила револьвер, приложила его дуло к своему виску и сказала, что застрелится! В ужасе, желая остановить ее, я схватил ее за руку. И в этот же момент раздался выстрел и она упала мертвой. Это было ужасно...

Он замолчал и дрожащей рукой долго не мог зажечь спичку, чтобы закурить папиросу. Он сидел молча опустив голову и, казалось, весь ушел в пережитое...

— Ну! Потом был суд... Меня оправдали в предумышленном убийстве... Но я чувствую себя совершенно разбитым и оправдательный приговор не мог, конечно, уменьшить мои страдания. Если бы меня послали на фронт, хотя бы простым солдатом, — я мог бы может быть весь уйти в работу и забыться... А меня послали на минеральные воды, — для поправления здоровья!.. Помолчав он продолжал: — которое мне совершенно не нужно...

— Когда ее хоронили, я весь гроб покрыл живыми цветами и почти один шел за ним. На суде это мне было почему-то поставлено в вину. Но мне это безразлично! Я нравственно был совершенно разбит и страдал безумно... Мне хочется за-

быть весь мир. Когда мой поезд пришел сюда ночью, я нарочно остался на вокзале и не поехал в гостиницу, чтобы избавиться от жадно-любопытных взглядов. Ведь все газеты писали так много и правды, и неправды, что каждый смотрит на меня с невольным интересом...

— Слава Богу я ничего не читала, — искренно сказала я. — Люди больше всего падки на чужое несчастие.

Он взял мою руку и молча прижал ее к губам. — Какое счастье для меня, что я встретил вас, может быть в последний раз в моей жизни, перед отъездом отсюда навсегда! У меня будет самое лучшее воспоминание о вас на весь остаток моей жизни. Со дня ужасной драмы, вы первый человек, с которым я разговариваю с чувством душевного облегчения!..

Пришел носильщик и сказал, что поезд подан и место для его превосходительства занято. Мы попрощались самым сердечным образом. Генерал пошел в свой вагон, а я поехала в город к окружному инспектору. Было уже около одиннадцати часов утра, когда я вошла в его приемную и увидела там много ожидающих своей очереди для приема. Все ожидающие с тоской смотрели на двери кабинета инспектора. Врачи, пришедшие по службе, ожидали приема в длинном коридоре без окон, но с целым рядом выходивших в него дверей и с широкой крутой лестницей, ведшей прямо к выходной двери на улицу. Ни одного стула в этом коридоре не было. А врачи, часами, стоя, ждали очереди, когда их примет окружной инспектор. По коридору, из одной двери в другую, пробегали чиновники с пачками бумаг. Но дверь в кабинет инспектора ни разу не открывалась и из нее никто не вышел и ни вошел. Я подошла к группе врачей и спросила: — Инспектора еще нет?

— Нет, он здесь. У него какая-то сестра сидит уже два часа! Мы вот с девяти часов ждем. Но он еще никого не принял.

— Может быть его там нет? — говорю я.

— Какое там — нет! — сердито говорит один из врачей. — У него кто-то уже два часа сидит! А мы вот стоим и ждем у моря погоды...

Я села на ступеньку лестницы и стала смотреть на проходящую по улице, мимо стеклянных дверей, публику. Опять в коридоре какое-то движение! Я встаю и иду туда, куда устремились все. По коридору быстро шел один из чиновников управления. Врачи обступили его и стали спрашивать: — Что же это такое! До сих пор инспектор ни одного еще человека не принял! Есть у него там кто-нибудь?

— Да, есть. Инспектор занят.

— А нельзя ли постучать, и, как бы нечаянно, войти туда? — предлагает какой-то врач.

— Нет, нет! Пожалуйста подождите еще немного. Я думаю посетитель скоро уже выйдет!.. — И чиновник быстро бежит дальше.

— Это чорт знает, что такое! Мне по спешному делу нужно видеть его. А я два часа торчу тут, — возмущался один из врачей. — Да, что это за болтун сидит столько времени у него?! Почему инспектор держит одного человека так долго, когда его ждут тут столько других?

В коридоре, стоял тихий шум голосов, все говорили полушопотом. Я устала стоять и опять села на ступеньки. Вдруг в коридоре наступила тишина, раздался звук открываемой двери. Из инспекторского кабинета вышла сестра милосердия! Она быстро прошла мимо врачей, метнула взгляд в мою сторону, сбежала с лестницы и выбежала на улицу... Я встала и пошла к ошеломленным врачам.

— Вот! Видите теперь, кто два с половиной часа занимал время инспектора полумиллионной армии! А десятки врачей ждали! Ждали сотни госпиталей и десятки тысяч раненых и больных! — сказал старый врач.

В это время всё тот же чиновник прошел в кабинет инспектора и сейчас же вышел обратно: — Идите, коллеги! Кто первый? — Но, все врачи показали на меня: — Уж идите вы лучше первая. А мы после.

Когда я вошла, инспектор сидел за письменным столом. Он привстал и поздоровался со мной. Я объяснила ему кто я такая.

— Доктор вы знаете моего мужа. Вы знаете, что он с первого дня войны находится на фронте со своим транспортом.

— Да, я знаю.

— За это время он совершенно изменился. И к худшему. Он стал сильно пить и чувствует себя очень плохо.

— Что же я могу сделать для вас в этом отношении?

— Переведите его в тыл на госпитальную работу. Дайте ему отдохнуть в человеческой обстановке хоть несколько месяцев. Работа в госпитале его отрезвит, и он опять войдет в нормальную жизнь.

— Милая барыня! Ко мне столько приходит врачей и их жен! И все просят о переводе на лучшие места или убрать хоть временно с фронта. Но куда же я всех их переведу? Где я возьму для них хорошие места в тылу? И, кто же будет тогда работать на фронте? Доктор Семин знает свое дело. Его транспорт работает лучше всех других транспортов взятых вместе! Если

я такого работника сниму с налаженного дела, то сразу нарушится работа целого района!

— Доктор, дайте мужу возможность хоть на короткий срок уехать оттуда, иначе он погибнет. Я это знаю! С ним уже были припадки горячки. Я еду к нему сейчас потому, что он страшно пьет и чувствует себя совершенно больным...

— Хорошо! Я могу вам обещать только одно: когда вы приедете туда, скажите ему, чтобы он подал рапорт о болезни. Тогда я дам ему отпуск на месяц, на два по болезни. А там будет видно. Может быть и удастся устроить его где-нибудь в тылу...

Я его поблагодарила и ушла. До вечера и отхода моего поезда время тянулось бесконечно долго. Я не знала, что мне делать, и как убить время. К знакомым не хотелось идти. Тяжело слушать рассказы об убитых и искалеченных. А это было теперь неизбежным разговором в каждом доме. В Тифлисе живет много кабардинских семей. Среди них нет почти ни одной семьи, у которой не было бы кого-нибудь убитого или раненого. Ни помочь им, ни облегчить их горя я не могу, а слушать душу раздирающую драму семьи — невыносимо тяжело. Поэтому решила ни к кому не идти. Просто похожу по Головинскому, посмотрю на публику, на магазины. Прежде всего пойду пообедаю в ресторане... Пошла в гостиницу Ориант, тут же на Головинском. При ней был великолепный ресторан. Его кухня славилась на весь Кавказ. Но в огромном зале не было ни одного свободного столика.

— Подождите пожалуйста. Скоро должны освободиться столики, — сказал лакей.

Я села в одно из кресел, которые стояли в разных местах зала под пальмами. На эстраде играл струнный оркестр. За каждым столиком сидели военные с нарядными дамами. Столики были заставлены едой и винами. Настроение у сидевших за столиками было приподнятое, веселое. Некоторые подпевали под оркестр. Слышался смех. Сидеть одной в таком месте очень грустно. Музыка и веселый, счастливый смех других, нагоняют безотчетную грусть... Мне хотелось уйти... В это время подошел лакей. — Пожалуйте! Столик освободился!

Он повел меня в дальний угол и усадил за маленький столик. Я пообедала и опять вышла на Головинский. В это время на солнечной его стороне было много гуляющих. Конечно, больше всего было военных. У некоторых из них на груди виднелись белые георгиевские кресты. У других — совсем молодых, безусых, были новенькие полковничьи погоны. И положительно у всех на эфесе шашки красные темляки. Несмотря на оживлен-

ность веселой толпы, среди которой я шла, мне было скучно. Я поехала на вокзал. Там всё как-то больше подходит к моему настроению. В городе гуляли люди, у которых был свой дом, своя комната. На вокзале все были только временно, проездом; и среди них мне было легче. Утром, когда я уезжала в город, вокзал был почти пустой. Теперь он был опять переполнен, как и накануне. Я подошла к мраморной колонне, оперлась на нее спиной и стала ждать Гайдамакина, как мы условились с ним вчера. Он тоже пришел много раньше, чем мы условились. Я рассказала ему всё, что случилось со мной прошлой ночью.

— Вот ведь какое несчастье! Я сплю, а вас ограбили и я ничего не знаю!..

— Солдаты из команды здесь?

— Здесь. Сдают продукты в багаж, с собой брать ничего невозможно. Вон тысячи народу ждут поезда. Не знаю, как место для вас найду.

— Хоть бы скорее сесть в поезд. Так устала стоять тут...

— Барыня, я боюсь вы не доберетесь и до вагона. Столько народу и все лезут к самому краю, чтобы, значить, сразу стать ближе к дверям.

— Ты хочешь, чтобы и я пошла и стала тоже к самому «краю»?

— Да вы посмотрите, что делается!

— Хорошо! Идем...

Мы вышли и стали двигаться по течению к концу платформы, где должен стоять поезд идущий на Джульфу. Но толпа была такая огромная, что ни о месте, ни о спанье не могло быть и речи. Солдаты, офицеры, чиновники: в галифэ, с красными крестами на рукавах и без крестов. Всех рангов чиновники, сестры милосердия, врачи и просто штатские люди. Армяне по обыкновению едут целыми семьями с мешками, узлами, корзинками, со множеством женщин. И откуда только они берут столько женщин? У каждого армянина, куда бы он не ехал, всегда с ним три-четыре армянки и непременно с грудным младенцем. Всегда и всюду они первые у железнодорожной кассы, и у дверей вагона. Когда они займут вход в вагон, то ни один человек не разорвет эту живую армянскую цепь, пока все они не пройдут друг за другом. Как они держатся так крепко друг за друга в толпе, — я не знаю и не могу сказать, но они как-то ширятся и становятся цепкие, колючие, и всякий, кто попробует пройти мимо них или разорвать их цепь, непременно сдастся. — А ну, их! Пускай лучше пройдут все. А я уже за ними как-нибудь проберусь, — говорят все, кто ездил в поездах закавказских железных дорог. Так случилось и со мной.

Вот наконец и поезд на Джульфу — Эривань подан. Меня всё время толкали, как будто к поезду. Но, когда поезд подошел к платформе, — я оказалась далеко от дверей вагона. У входов же в вагон с обоих концов стояли плотной черной массой армяне, ехавшие в свои родные места. Как только открыли двери в вагон, конечно, они первые вошли туда, а за ними уже военные. Я думала, что никогда не попаду в вагон. Но, толкаемая толпой, и почти безо всяких усилий с моей стороны, я очутилась в вагоне, стиснутая и прижатая к стене так сильно, что думала, что задохнусь. Около самого моего носа стоял какой-то гигант, как мне показалось, и от его солдатской шинели шел запах табаку, дыма и мокрой шерсти. Не было никакой возможности отодвинуться от него, хотя бы немного...

Но вот впереди произошло какое-то движение, гигантская спина отодвинулась от моего лица... Легче стало дышать!.. Хорошо, что у военных не было никаких вещей, или были маленькие корзиночки или пакетики. А что было бы, если бы меня прижали армяне?

— Кондуктор! — кричал кто-то впереди вагона. — Немедленно освободить места для военных едущих на фронт! Это безобразие! Весь вагон, все купэ заняты армянами и частной публикой! А для тех, кто едет на фронт нет места! Это невозможно! Нам нет дела кто куда едет. Но для нас, военных, должны быть места!

Наконец-то нашелся энергичный человек и потребовал для военных законные удобства. А то все обычно считают, что военный «как-нибудь устроится», что о нем нечего заботиться, он может и постоять. — На то он и «военный»! — говорит кто-то впереди меня. Это действительно так. — Весь вагон забит частной публикой, а мы, военные, хоть на крыше поезжай на фронт! А платим мы такие же деньги, как и частная публика, — продолжает кто-то.

— Места для едущих на фронт! — раздалось вдруг из-за могучей спины, за которой я стояла. — Прежде всего места для военных! Места для едущих на фронт! — еще раз закричал гигант.

— Пришел наконец и обер-кондуктор, — говорит кто-то позади меня. Через несколько минут началось движение в коридоре и как будто стало немного свободнее. Я рада была и этому, стало легче...

— Сестра, сестра! Идите сюда! — кричит кто-то. Я вытянула шею и старалась увидеть откуда неслись эти слова. Через два купэ от меня стоял в дверях офицер, махал рукой и звал какую-то сестру. Он смешно вытянул кверху голову и махал

рукой: — Сестра! Идите сюда! Господа пропустите сестру! — Я оглянулась, чтобы увидеть эту сестру и помочь ей пробраться к офицеру (должно быть это ее муж зовет?). Но, кто-то похлопал меня по плечу и сказал — Сестра! Идите же. Это вас зовут. Место для вас есть! — Но я не могла сделать ни одного шага ни вперед, ни назад. Нужно было большое усилие и ловкость, чтобы раздвинуть эту плотную человеческую стену и проложить себе путь. А я едва стояла на ногах от усталости, духоты и давки со всех сторон. В это время резким толчком поезд рванулся и затем медленно стал двигаться вперед... Все бросились к окнам, чтобы хоть через чужие спины взглянуть в последний раз на близких оставшихся на платформе. Те тоже смотрят в окна вагонов, стараясь увидеть уходящее дорогое лицо, послать последний поцелуй, перекрестить... Но в тысячной толпе не всем удается найти родное лицо... Все машут, выкрикивают дорогие имена, стараются вложить всё свое чувство в слова прощания...

Дрожащая, материнская рука крестит все окна вагона, где уже не разобрать ничего сквозь слезы и сумрак ночи. А поезд увеличивает свой ход и крики становятся слабее и скоро совсем затихают... Стоящие в коридоре и увозимые в неведомое, но грозное будущее, остались одни со своими думами, кто из них вернется на этот вокзал сам и встретит опять радостных близких?.. Не многие!.. Одних привезут в Навтлуг, на товарную станцию и осторожно вынесут на носилках. Сопровождающий фельдшер скажет: «ранен в живот! Осторожно несите»... Других привезут в простом деревянном гробу. Вагон отведут на запасный путь. Потом выгрузят... — Сначала раненых нужно вынести, — скажет начальник поезда. А вот, сейчас, все они стоят сжатые со всех сторон. И не имеют места не только полежать, отдохнуть, а даже просто сидеть. А на перроне осталась жена и сын, которых не мог даже разглядеть в тысячной толпе, чтобы послать им последний поцелуй. Где-то в этой толпе стоит жена, держит на руках сына и говорит ему: — вон смотри, Бобочка, там в окне верно папа стоит! — Мальчик вытягивает шейку к окну, куда показывает мать, старается разглядеть папино лицо, но в глаза лезут всё чужие бороды и усы, а папиного лица нигде не видно!.. — Видишь, Боба, папу? Пошли ему поцелуй, — говорит мать, которая держит мальчика на своей груди и сама ничего не видит, кроме Бобиного пальто. — Видел? — ставя его на пол и плача, спрашивает мать. А поезда почти уже не видно, и только стук колес заглушает плач оставшихся на пероне.

Плачут все, молодые и старые. Старик в военной шинели, с отставными погонами на плечах, успокаивает маленькую ста-

рушку: — Не плачь! Володенька вернется жив и невредим, — говорит он, а сам украдкой утирает глаза...

В нашем вагоне всё, как-то само собой утряслось. В коридоре стало свободнее, даже можно было, хотя и с трудом, пройти. Кто-то потянул меня за рукав. — Сестра, идите в наше купэ, мы для вас бережем место! — Это опять тот же самый офицер, который раньше звал... Мы пробрались до купэ. Хотя там уже сидело больше чем полагается, но когда я вошла, сидевшие на одном из диванов, военные потеснились и я села между ними.

— Мы, сестра, для вас давно бережем место. Садитесь к окну, вам будет там лучше, — вставая говорит один, который казался постарше других. Только теперь я почувствовала, как я безумно устала, простояв на ногах несколько часов.

— Спасибо вам, господа, что дали мне место.

— Мы сразу же заметили, что вам приходится плохо, но не могли вас вызволить. Вас затерла толпа, точно льдом в половодье. Мы за это место бились много раз. Желающих было много, но мы все атаки отбили и позицию для вас удержали. А теперь не уступим нашу позицию ни перед какой атакой, — будем биться до последней капли крови, — смеясь говорили они. — Устраивайтесь, сестра, с комфортом! Нас только трое останется на нижнем диване.

Так и сделали; двое из них легли на верхний диван, а мы втроем устроились на нижнем, но ночью к нам пришли еще двое из коридора и попросили посидеть немного: — Ноги затекли стоять, — сказал один из них. Они сели на краешек дивана, положили головы на руки и, кажется, сразу заснули. Когда рассвело, ночлежники ушли, а я вытянула ноги, которые тоже затекли, и заснула. Проснулась я когда поезд уже подходил к Эривани. Закатное солнце освещало голые горы, а Арарат казался вот тут — рядом.

Наконец поезд пришел на станцию Эривань. Я вышла из вагона и смотрела на блестевшую вершину Алагеза. Самый город Эривань находился от станции в двух верстах и не был виден отсюда. Дальше до Джульфы пейзаж очень скучный, — ни одного деревца, ни кустика не было видно. Всюду голые, красно-бурые, не высокие горы. После заката солнца быстро стемнело... — Джульфа! — проходя по коридору кричал кондуктор. Все стали укладываться, готовиться к выходу. Поезд замедлил ход и остановился. Станция, — небольшое, низкое, белое здание, плохо освещенное. Пришел Гайдамакин, взял мой чемодан и мы вышли. Тут же, неподалеку, стояла линейка и пассажиры садились в нее. Я спросила есть ли извозчики и где гостиница? Мне сказали, что извозчиков нет, а гостиница на-

ходится в версте от вокзала. Пока шли эти расспросы линейка уехала и мы с Гайдамакиным пошли пешком в гостиницу. Ночь была лунная, теплая и я шла с удовольствием. Но, когда мы пришли в гостиницу, то оказалось, что все комнаты были уже заняты. Единственное, что мне предложил хозяин гостиницы, это стул: — Мадам! — сказал он, — я вам поставлю на галерее стул и вы будете там сидеть. Это вам ничего не будет стоить. А спать вы всё равно не сможете. У нас остановилась армянская дружина и они сегодня кутят! Ну, знаете, раз много мужчин и все много пьют, то шума бывает много. Но, что поделаешь? Завтра, может быть, они будут уже с турками драться! Завтра может быть кто-нибудь из них будет убит! Нельзя сегодня им мешать выпить вина и петь родные песни...

Я не могла не согласиться с его доводами, (другого выхода и не было). Итак, первую ночь в Джульфе, и просидела на стуле, положив голову на перила и любуясь на полную луну. Галерею окружал виноградник, а перила и столбы были обвиты вьющимися розами. Недалеко от меня на полу сидел Гайдамакин. Из-за двери, позади меня, всё время был слышен женский смех. К утру оттуда вышли женщина и какой-то военный.

— Барыня, вот освободилась комната. Я пойду спрошу хозяина дать ее вам?.. — Он скоро вернулся и сказал, что хозяина нет, пошел спать. Гайдамакин зашел в комнату, осмотрел ее, вышел и сказал: — если бы послать наши простыни, так вы бы могли поспать там. — Светло! Мало-помалу всё стало затихать в гостинице. Даже у дружинников тишина. Из некоторых комнат выходили постояльцы и уходили совсем из гостиницы. Взошло солнце. Гайдамакин пошел в буфет и принес мне горячего кофе. — Барыня, я говорил с хозяином, он пришлет вычистить комнату для вас.

Пришел армянин с веником и стал делать вид, что подметает. Я ему сказала, что нужно переменить на постели белье, а подмести можно после.

— Белье! Зачем белье менять?! Я вчера только менял.

— Но сегодня на нем спали какие-то люди?

— Да, ведь, только одну ночь спали!..

— Вот вы и перемените теперь...

— Зачем его менять? Оно совсем еще чистое? — Мне пришлось сильно настаивать, чтобы заставить его снять грязное белье. Но он заявил, что чистого белья у них нет.

— Хорошо, у меня есть свое, — так и сделали. Но спала я не долго. Гайдамакин принес мне кувшин воды. Я умылась и пошла к коменданту, чтобы получить пропуск в Персию. Когда я показала ему единственный документ, выданный мне вокзаль-

ным жандармским управлением, комендант, злобный, чахоточный офицер, уставился на это свидетельство, как бык на новые ворота. Он поворачивал его во все стороны и что-то искал: какое-то, повидимому, мошенничество?

— Что это за документ? Я не могу на нем поставить пропуск!.. — Он говорил скрипуче, неприязненно.

— Куда вы и зачем? В вашем свидетельстве ничего не указано. Куда я должен разрешить пропуск?

— Но, у меня ничего нет больше, кроме этого свидетельства. Вы видите, что это мне выдано взамен украденных моих документов.

— Госпожа Семина (так, по крайней мере, написана ваша фамилия в этой бумаге), я не могу поставить на этом свидетельстве пропуска и ничем не могу быть вам полезным. — Он протянул мне свидетельство.

— Что же мне делать? Не ехать же обратно в Тифлис!..

— Я ничего не знаю и ничем помочь вам не могу, — закончил он аудиенцию. Попросту говоря он выпроваживал меня из своего кабинета.

— Мне кажется, что вы здесь находитесь не для того, чтобы заявлять о своей бесполезности, а для того, чтобы всячески помогать и облегчать все трудности в которых находятся в настоящее время люди? Во всяком случае вы должны поставить пропуск на мое свидетельство. Вы видите, что оно выдано Тифлисским жандармским управлением и засвидетельствовано Комендантом Карсской крепости Зубовым...

Никакого впечатления! Этот, высохший от туберкулезных бацил, капитан, был глух ко всему, что хоть немного не подходило под букву закону. Ему подай сестринское свидетельство!

Я ушла. Прийдя в гостиницу, Гайдамакин сказал мне, что муж прислал за мной лошадей. Я рассказала, что комендант не дал мне пропуска. Требует показать ему украденные у меня документы! Когда я рассказала всё это Гайдамакину, какой-то старый полковник, стоявший не далеко от нас и должно быть слышавший мой рассказ, подошел ко мне и представился.

— Ищу попутчика или попутчицу! А вы, сестра, куда едете? Не в Хой ли? Вот бы вместе нам поехать! Дешевле, да и веселее.

— Да, я еду в Ван.

— И отлично! В Ван ведь надо ехать через Хой.

— А, вы едете в Хой, или дальше?

— Я еду в Дильман, но сначала заеду в Хой.

— Мой муж прислал за мной лошадей, не выехать то я отсюда не могу. Комендант не дает пропуска.

— Как так? Почему не дает?

— Видите ли, у меня в Тифлисе украли документы. — И снова я рассказала все свои злоключения старому полковнику.

— У вас есть кто-нибудь в Тифлисе, на кого бы вы могли сослаться, как на заслуживающего доверие, свидетеля?

— Конечно! Инспектор Окружного Медицинского управления Гопадзе.

— Ну, так вот, этого совершенно достаточно! Идемте к коменданту, — сказал полковник.

И вот я опять у коменданта, но, когда мой полковник стал говорить с ним, то тот сразу сбавил тон.

— Хорошо, я пошлю телеграмму в Тифлис окружному медицинскому инспектору и дам вам пропуск, но только до Хоя. И, пока я не получу ответа на мой запрос, вы не должны никуда выезжать из Хоя.

Когда мы возвращались, я опять чувствовала себя счастливой. Полковник нанял фаэтон и на другой день мы выехали из Джульфы. На лошадях, присланных мужем, поехал Гайдамакин с моими вещами в Ван, не заезжая в Хой. Дорога от Джульфы до Хоя была страшно пыльная. Красная глина, размолотая тысячами колес до мельчайшей пудры, толщиной в поларшина, поднималась за нашим экипажем густым столбом высоко к небу. К вечеру мы приехали на питательный пункт. Заведующий пунктом накормил нас. Для меня отвел отдельную комнату. На другое утро, чуть свет, мы напились чаю и опять поехали дальше вглубь Персии. Дорога была такая же, как и вчера. Только к вечеру мы подъехали к Хою. Теперь мы ехали в сплошном красном облаке. Всё время мы перегоняли табуны скота, который гнали домой на ночь. Наш экипаж переехал мост, а потом въехал в крытый караван-сарай. На меня эти темные, узкие, крытые улочки произвели потрясающее впечатление! Мы ехали по ним так долго, что я думала мы заблудились и никогда не выедем так свет Божий. Всюду одно и то же, — крошечные лавочки с вялеными фруктами, кэбавни,[1] горячий лаваш,[2] менялы денег. Всюду ковры, ковры, ковры и ковры. Идут закрытые чадрой[3] персиянки и звонко чокает каблуками чувяк[4] по плитам. Гонят

[1] Кэбав — мелко нарубленное баранье мясо нанизанное на плоский вертел и жарится на горячих углях.

[2] Лаваш — тонкий сочень из пресного теста, повешенный на тонкую палочку, печется над горячими углями.

[3] Чадра — большой кусок материи, у богатых шелковая, а у бедных из простого ситца, которым персиянки закрываются с головой и только оставляют щелку для глаз, или сетку вроде тюля.

[4] Чувяки — туфли из цветной кожи с загнутыми кверх носками и невысокими каблуками, но без задков.

десятки навьюченнх осликов, и погонщик — старый перс, тычет их в круп заостренной палкой. Какой-то приторно-затхлый запах в этих улочках вызывает тошноту и головную боль. Но вот, слава Богу, опять выехали на открытую улицу, переехали мост и остановились перед гостиницей. Это была гостиница только для русских. Мне дали комнату на втором этаже. Запах караван-сарая чувствовался и здесь во всём здании. Я, как поднялась в свою комнату, так в этот вечер больше и не спускалась. Мне принесли чаю, черствый хлеб, кусочек сыру и этим я поужинала. Потом сразу умылась, как могла и легла спать. Умывальные принадлежности были более чем примитивны, — небольшой медный кувшин с водой, медный тазик и ведро для грязной воды. На другое утро я рано привела себя в порядок, спустилась и сейчас же увидела моего попутчика-полковника.

— Ну, что сестра отдохнули? Пили чай? Нет? Ну, так пойдем искать столовую. Я тоже еще ничего не пил.

Мы нашли столовую тут же в гостинице. Довольно большая комната, простые грубые столы и такие же стулья; а чад из кухни очевидно никогда не выветривался из этой столовой. Нам подали чай, с персидским горячим чуреком,[5] молоко, вареные яйца и овечий сыр.

— Что вы, сестра, думаете делать после завтрака? — спросил меня полковник.

— Пойду искать госпиталь и скажу там, чтобы дали мне знать если придет на мое имя телеграмма.

— Я вас провожу туда. Я знаю где госпиталь и знаком со старшим врачом.

Мы позавтракали и пошли в госпиталь. Там разыскали мы старшего врача и я рассказала ему всё. Он сразу же предложил поселиться у него в госпитале.

— Эта гостиница единственная для всех, и там одной женщине жить неудобно, — могут быть недоразумения. А здесь вы в полной безопасности. Сразу же перебирайтесь сюда.

Я вернулась в гостиницу, сложила вещи, взяла перса-носильщика и перебралась в госпиталь. Меня поместили в комнате с тремя сестрами. Познакомилась со старшей сестрой и предложила работать в палате, пока получу известия из Джульфы.

— Сначала отдохните, а работа всегда найдется, — сказала сестра.

---

[5] Чурек — хлеб из пшеничной муки на дрожжах, формы овальной лепешки в пол-аршина длины и толщиной в один вершок. Румяный и хорошо пропеченный.

Тягуче-медленно тянется время. Вот уже скоро неделя, как я приехала в Хой, а ответа от коменданта Джульфы всё еще нет. Госпиталь большой. Много персонала. Личные отношения друг с другом хорошие, и меня приняли ласково и просто. Но мне скучно и я встречаюсь с ними только за едой. Получила от мужа телеграмму, что вышлет за мной лошадей, как только я сообщу, что разрешение на проезд в Ван получено. А его-то всё еще нет! Показала телеграмму мужа старшему нрачу.

—Сестра Семина, мы должны послать в Ван продовольствие и добавочный персонал, — одного врача и сестру, в отделение нашего госпиталя. Так я думаю, вам незачем и телеграфировать вашему мужу и ждать, когда он пришлет за вами лошадей. Вы можете ехать с нашим обозом. Место найдется. А ехать всем вместе будет и безопаснее и удобнее. Путь-то, ведь не малый...

Прошло еще несколько дней и наконец я получила разрешение ехать в Ван. В разрешении сказано, что сестре Семиной разрешается ехать в санитарный транспорт доктора Семина. Мы завтра рано утром выезжаем из Хоя. Наши двуколки были уже нагружены с вечера. Нужно было только решить по какой дороге ехать. Хорошая дорога шла через Дильман, но она была много длиннее прямого пути. Зато этот последний, не всюду даже можно назвать дорогой. Это старая караванная тропа для вьючных животных. Она много короче первой дороги. И поэтому, хотя она и не безопасна от курдских шаек, но топерь по ней нередко направляли наши обозы в Ван. Вечером в столовой, за ужином, все обсуждали вопрос по поводу выбора этой дороги для нашего похода. Поднялся большой спор. Многие из персонала трунили над молодым врачом армянином, который ехал с нами в Ван.

— Не бойтесь, коллега! С вами две сестры едут! Они спасут вас от курдов!

Другие говорили, что никакой опасности для нас на этом пути нет. Шайки курдов, которые раньше нападали на дороге на наши обозы, отогнаны вглубь страны. Третьи уверяли, что теперь на этой дороге стоят наши казачьи посты, которые и охраняют транспорты. Четвертые возмущались: — да что вы трусите, — с вами ведь едут три солдата. Возьмите винтовки! И, если курды нападут, вы сможете отстреливаться. А тем часом на стрельбу подойдут казаки с поста и выручат вас.

— Сестра Семина, если вы боитесь ехать, то вам лучше подождать лошадей вашего мужа и ехать через Дильман. Та дорога, хотя и длиннее, но зато безопаснее...

— Конечно, я поеду с вашими двуколками. — По правде сказать, мне очень хотелось, как можно скорее покинуть, хотя и гостеприимный, но чужой мне госпиталь, и добраться до мужа.

И вот, рано утром, на следующий день мы уселись на тюки сена положенные в двуколки как сидения, и тронулись в опасный путь. Весь персонал вышел нас провожать и каждый давал наставления, как нужно отстреливаться, если нападут курды. Как только мы проехали Хойские сады, сразу же начались горы, вначале не высокие, но, чем дальше мы ехали, тем они становились выше. Скоро мы вошли в ущелье, дно которого составляло широкое и почти сухое русло реки. Мы ехали по многовековой, караванной дороге, которая извивалась вдоль подножия высоких гор, покрытых кустарником и редким лесом. Под колеса двуколок всё время попадались большие камни, которые нельзя было никак объехать. Солдаты как будто не замечали этого и ехали рысью. Но нас так подкидывало, что под ложечкой делались колики и мы просили остановиться, чтобы хоть немного перевести дух. Мы держались обеими руками за края двуколки, но усидеть на твердых тюках сена не было никакой возможности. У солдат были винтовки, а у доктора револьвер. Все поглядывали с большой опаской на близкие горы и громадные камни, которые лежали почти-что около самой дороги, и из-за которых, каждую минуту, могли раздаться выстрелы. Солдаты не знали сколько верст нам ехать до казачьего поста, где мы должны были ночевать, и, поэтому, гнали лошадей вовсю, чтобы засветло туда приехать. Не останавливались даже для обеда. Когда было уже близко к вечеру, мы увидели высоко над дорогой, на краю обрыва, человека с винтовкой. Мы все сразу решили, что это выследивший нас курд и ждали каждую секунду, что вот-вот раздастся выстрел...

— Стой! — сказал доктор. — Видел курда с ружьем?

— Видел, — ответил наш солдат.

Мы остановились. Остановилась и передняя подвода... Один солдат соскочил с нее и подошел к нам.

— Вы видели курда? — спросил его доктор.

— Где? Нет мы не видели. — Солдат оглядывается и кричит своему товарищу — Слышь! Курды! — Тот, точно его кто-то сдунул с двуколки, стоял уже около нас и расширенными глазами смотрел на доктора и спрашивал: — где ж ён? Я ничего не вижу!..

— А мы видели курда на самой верхушке горы. Он был с ружьем, но теперь его не видно. Должно быть спускается к нам, или дает сигналы другим курдам. Каждую минуту могут

напасть на нас! Где ваши винтовки? — строго спросил доктор. Оба солдата бросились к двуколке и вытащили винтовки.

— Всё равно, — будем ли мы стоять, или ехать! Нас курды и так и этак расстреляют! От Хоя мы отъехали далеко и возвращаться назад нельзя, — лошади не дойдут... А впереди, где-то скоро должен быть казачий пост. Так уж лучше мы поедем вперед.

Солдаты ушли на свою подводу и мы тронулись дальше. Доктор взял винтовку нашего солдата, готовый каждую минуту открыть огонь по неприятелю. Но мы больше не видели курда с ружьем. Наш солдат, который сидит на доске двуколки, говорит, — Один курд на нас напасть побоится! Он теперь дал сигнал своим товарищам и вот нужно ждать их каждую минуту. Как только к ним подойдет подкрепление, так они спустятся с горы и захватят нас!

Момент был журткий! Доктор крепко держал винтовку обеими руками наготове и зорко всматривался в каждый камень. Ждал, что вот-вот покажется страшная рожа!..

— От курдов пощады ждать нельзя, — говорил доктор, (он был армянин). — Они сначала нас, мужчин, всех перебьют, а потом и вас сестры!

— Доктор, пожалуйста вы меня первую застрелите, чтобы не попасть к ним в руки! — говорит сестра. Она сидела бледная; выбившиеся из-под косынки волосы развивались жидкими косичками по ветру. Обеими руками она держалась за меня, а голову спрятала за мою спину.

— Сестра, верьте мне! Буду защищать вас до последней пули! Но одну оставлю для вас, а самую последнюю для себя! — торжественно проговорил доктор.

А мы, я и три солдата, остаемся на милость курдов? — подумала я, но ничего не сказала... Да и что скажешь? Я здесь чужая для всех. Что со мной будет никого не интересует. Каждый думает о себе! Как быстро всё меняется. Совсем недавно я жила в собственном доме, за крепкими стенами, за дубовой дверью, которую запирали и на замок, и еще на цепочку... Когда я спала, все в доме ходили на цыпочках, чтобы не разбудить меня... Для мужа я — самое дорогое в жизни. Будь он здесь сейчас, он жизнь отдал бы, чтобы защитить меня!.. А вот сейчас сижу с людьми рядом, локтями касаемся друг друга. А они меня даже и не замечают. И им совершенно безразлично, что будет со мной. Вот убьют меня сейчас и труп мой будет валяться, почернеет, засохнет, как и труп лошади, мимо которой мы только что проехали. Потом пошлют солдат, казаков. Будут преследовать курдов. Да будет уже поздно!..

Вдруг меня так подбросило, что я едва попала обратно на тюк. Солдат изо всех сил хлестал лошадей и они мчались, не разбирая ни дороги, ни камней. Доктор стоял на дне двуколки на коленях, опираясь на винтовку. Сестра одной рукой обняла меня за талию, а другой держалась за край двуколки! Но ничего не помогало. Мы обе качались из стороны в сторону и нас подбрасывало так высоко, что я удивлялась, как это мы еще попадали обратно на тюк сена... Револьвер валялся у нас под ногами и подпрыгивал, стуча о пол. Я взглянула на переднюю двуколку. Она мчалась вперед, как и мы. Оба солдата качались и подпрыгивали, удерживаясь с трудом на сидении... У одного солдата фуражка была нахлобученной до ушей. Другой был без фуражки и волосы у него развивались, как перья. Они оба хлестали лошадей не жалея... И вдруг, на всем скаку, их двуколка с треском налетела на камень и так сильно накренилась, что оба солдата из нее вылетели. Лошади остановились... Наш кучер не отставал от первой двуколки. Он едва сдержал лошадей, чтобы не налететь на нее. От неожиданной остановки мы все попадали. Доктор толкнул головой в спину солдата. Тот сунулся носом в хвосты лошадям. А мы с сестрой упали на доктора!.. В этот момент раздался такой страшный выстрел, какого я не слышала и во время Сарыкамышского боя!.. Курды стреляют прямо у меня под ухом... Я закрыла глаза и не хотела вставать... Я ждала новых выстрелов, но стрельба прекратилась... Была тишина и пахло порохом. Кто-то под нами зашевелился и я услышала голос доктора: — Да вставайте же вы! Совсем меня придавили!.. — Я открыла глаза и встала. Другая сестра тоже поднялась. Наш солдат стоял около двуколки. — Сама выпалила! — сказал он. — Хорошо еще никого не задела пуля!..

Доктор тоже поднялся, сел на сено и стал рассматривать винтовку. — Как это, черт ее побери, она сама выстрелила? Не понимаю!.. — Но вспомнив курдов и опасность угрожавшую нам, он говорит: — Что же вы стоите?! Поезжайте скорее!..

— Да вон, у них двуколка перевернулась! Они поднимают ее.

Передняя подвода еще лежала на боку и солдаты возились около нее. Мешки и ящики с макаронами валялись на земле.

— Скорее! Скорее трогайтесь!

Наш солдат пошел помогать. Пошел и доктор. Потом пошли и мы с сестрой... Ни двуколка, ни лошади, ни солдаты, — никто не пострадал. Просто под колесо попал большой камень и от толчка выкинуло солдат и несколько мешков и ящиков. Общими усилиями двуколку подняли; вывалившуюся поклажу

положили обратно; солдаты сели на свои места и поехали. Наша двуколка не отставала от них ни на шаг. Доктор сел на прежнее место, на тюк сена. Винтовку поставил между ног и держал ее за ствол кверху дулом.

— Что же курды на нас не нападают? Испугались? Увидели, что мы вооружены или ждут удобного случая, чтобы напасть? Эта сволочь нападает храбро, когда видит безоружных...

— Они, ваше высокоблагородие, ночи ждут, чтобы зарезать нас спящих, — говорит наш солдат. Доктор меняет положение и поворачивается беспокойно к солдату: — А где мы будем ночевать?

— А, кто-ж его знает? Где придется!.. Где ночь застанет, — спокойно отвечает солдат.

— Но так же нельзя. Нас так мало! Мы не можем выставить караула! А если заснем, то нас курды спящих всех убьют!..

— Тоже и я говорю! Вырежут беспременно! Начисто всех вырежут! — И перекреститься не дадут! — вторит солдат... — Вот только стемнеет, они нас всех кончат!.. Они завсегда так... Днем за камнями притаятся и следят... А как станет темно — режут, всех начисто!..

У доктора начинают бегать пальцы по стволу винтовки...

— За каким дьяволом мы сюда поехали? Короче дорога опять же! Ну эта короткая дорога прямо ведет в ад! Я ведь не за себя волнуюсь! На моей ответственности две беззащитные женщины!.. — сказал доктор. Хотя мы с сестрой сидели и ничем не показывали страха, но доктор стал нас успокаивать: — Вы, сестры, не волнуйтесь! Мы будем вас до последней капли крови защищать!

— Доктор, вы за нас не беспокойтесь, — говорит сестра. — Ведь если нападут курды то перебьют всех вместе. Живыми никого не оставят, ни мужчин, ни женщин. На то и война!

Доктор предложил нам папиросы, сам закурил и ничего больше не говорил... Солнце стояло уже низко и освещало только верхушки гор. В ущельи становилось темно... Вдруг с передней подводы солдаты что-то закричали нам и показали на гору над нашим ущельем... Все глаза повернулись туда...

На вершине, на фоне неба, стоял человек с ружьем... И не успели мы даже как следует испугаться, как раздался новый крик: — Смотрите! Смотрите! На нашей стороне тоже курд с ружьем!.. — Он был ярко освещен заходящим солнцем, но мы не успели его разглядеть... Он скрылся...

— Вот когда пришел конец! Они весь день следили за нами. А теперь, когда наступает ночь, они окружили нас и расстреляют с обеих сторон, как зайцев!.. Мы в ловушке! —

дико вращая глазами говорит доктор. Сейчас начнется стрельба. ..

— Зачем они ждали ночи? Ведь днем лучше, виднее стрелять по нас! — спросила я...

— Просто кровавые инстинкты! Хотят заманить жертву так, чтобы ей некуда было уйти, — объясняет доктор.

А в ущельи становится все темнее. Солнце уже зашло за горы. С передней подводы опять что-то орут и тычут руками в сторону сухого русла реки...

— Черти! И чего орут? Не все-ли равно какой конец нас ждет?!.. Они же первые попадут под курдские пули. Гораздо легче было-бы умереть без всякого предупреждения! А то кричат: «в вас стреляет курд, берегитесь!» Как же убережешься, когда в тебя уже стреляют!.. — Доктор в ужасе поворачивается туда, куда показывают солдаты. Я очень боюсь, как бы опять не выстрелила сама винтовка, она так дрожит в докторских руках!..

— Боже мой! Смотрите! Что это?.. На нас летит курдская конница?!..

С противоположной стороны по сухому руслу реки скакал на перерез нам страшный курд... На горе стоял другой... На нашей стороне опять появился тот, который всё время выслеживал нас. Окружены со всех сторон! Теперь уже ни назад, ни вперед! Крышка! Смерть... И вдруг, скакавший на нас курд снял шапку и радостно махал ей, как бы приветствуя свою добычу. Передняя подвода остановилась в ожидании (все равно не ускачешь). Остановились и мы, наехав вплотную на переднюю...

— Ну, что же! Умирать, так с музыкой! Будем отстреливаться до тех пор, пока не перебьют всех, — сказал доктор, крепко сжимая в руках винтовку. А смерть так близко, что ближе уж некуда... Вот, вот затрещат выстрелы! Упадут солдаты, а потом и мы с сестрой (женщин всегда убивают последними). Но где же курд? Мы его потеряли из вида... Вдруг он сразу выскочил из под берега с нашей стороны и совсем близко от нас! Сначала показалась голова. Потом и весь всадник... Он продолжал махать шапкой и кричать: — Стойте! Стойте! Вот «здеся» спуск к речке! И он показывал нам рукой совершенно незамеченный нами спуск в русло, который мы уже проехали. Всадник выбрался из под крутого берега и подскакал к нам. Мы вздохнули глубоко, всей грудью! Это был наш русский — казак!..

— Что ж это вы пропустили дорогу на переправу?! Я кричу, кричу вам. Ворочайте! Вон спуск где!.. — Казак поехал вперед показывая нам дорогу.

Мы повернули, спустились, переехали по дну русла и поднялись на другой берег. Здесь в небольшом закрытом ущельи мы увидели длинное, из грубого камня здание, без окон и с одной дверью. Нас встретил старший казак — урядник и повел в помещение поста. Недалеко от двери, посреди сарая, горел, большой костер, а вдоль стен было разостлано сено для спанья. От костра шло приятное тепло и свет. Слава Богу, кончились страхи и ужасы. Мы находимся среди своих, да еще среди казаков! Теперь нам ничего не угрожает!

— Сейчас принесут вам ужин, — сказал урядник. — Мы уже поужинали. А вы запоздали маленько. Мы вас ждали раньше. Суп варили из барашка! Да не дождались и поужинали без вас. Казакам нужно было идти на посты. Наш часовой заметил вас еще до полудня и всё время доносил нам на пост о вашем продвижении. Ну, я зарезал барашка и сварили хороший, с рисом , суп для всех.

— А где же курды? Мы видели на горах курдов с ружьями. Если бы ваш казак не приехал за нами, они бы напали на нас ночью и перебили всех! — говорю я.

— Нет. Это вы наших часовых казаков за курдов принимали... Теперь тут тихо. Курды ушли дальше. А раньше, правда, нападали на всякого, кто ехал по этой дороге. Мы их выжили отсюда. По обеим сторонам дороги на горах день и ночь стоят казачьи посты.

Слушая всё это наш доктор сидел в непринужденной позе, курил и меланхолически смотрел на огонь.

Всё, значит, было напрасно! Геройство, готовность на подвиги и самопожертвование, для спасения женщин. Оказывается теперь, что мы весь день ехали под охраной казачьих часовых!.. После горячего супа мы легли и всю ночь отлично проспали на мягком, душистом сене. На следующее утро, как только стало светать, мы выехали с поста, а к вечеру уже подъезжали к Вану. В этот день мы всё время видели то на одной, то на другой стороне дороги высоко, на самом гребне гор, вооруженных людей. Но сегодня эти фигуры своим появлением вызывали в нашей душе спокойствие, уверенность, что нас охраняют и, если понадобится, защитят... За несколько верст до Вана ущелье стало расширяться и вскоре мы выехали на широкую долину и увидели впереди и немного вправо от себя, громадное Ванское озеро. Скоро мы подъехали к какому-то курдскому или турецкому селению. Там был русский комендант и команда сол-

дат. Здесь было тепло, как летом. Около домиков цвели вьющиеся розы и нарцисы; на пруду, близко около дороги, плавали дикие утки, гуси, лебеди, а на отмелях бегало бесконечное множество куликов. Одни искали еду, другие гонялись друг за другом, третьи сидели на берегу и чистились. В воздухе стоял птичий крик и шум хлопанья крыльев.

Что это за птицы? — спросила я коменданта.

— Божьи! Прилетели на зимние квартиры. А мы их пугаем. Но я заметил, что они уже привыкли к нам и не пугаются, как раньше. Я иногда бросаю им в воду ячмень. Ух! Как они кидаются на него!..

Поехали дальше. Никонец вот и Ван! Мы въехали в какую-то улицу и наши подводы остановились около низкой, глинобитной стены. Вглуби за ней видны были два здания. На шесте висел флаг с красным крестом.

— Кажется приехали! — сказал доктор и соскочил на землю. Я тоже слезла, поблагодарила доктора, попрощалась со всеми, и расспросив у подошедшего к нам солдата где стоит транспорт, пошла в указанном им мне направлении. Для верности я спрашивала дорогу и у других встречных солдат. Улицы были довольно широки. Но огромные деревья, растущие по обеим сторонам, пропускали мало света. Чем дальше я шла, тем становилось всё темнее и тем больше чувствовалась сырость и затхлость. В домах двери были сорваны, окна выбиты. Всюду валялись какие-то тряпки, битая посуда, поломанная мебель. Около дверей — втоптаная в грязь подушка. В другом доме, на втором этаже, из выбитого окна висели женские платья и стеганное, шелковое одеяло... Дома тут были все большие, двухъэтажные, но жуткие: ни одного целого окна или двери я не видела... Я старалась как можно скорее пройти мимо них и боялась даже смотреть в черные отверстия окон и дверей. Мне казалось, что там лежат трупы убитых... Я свернула в какой-то переулок, более узкий и темный чем другие, и услышала журчанье ручья — арыка. Здесь пахнуло на меня еще большей сыростью. Но нигде ни одного огонька! С одной стороны улицы стояли разрушенные дома, а с другой — высокая глухая глиняная стена, в которой были крепкие, наглухо запертые ворота. Не было видно ни одного человека. Кого спросить, куда идти? А ночь спускалась быстро и в этой мертвой улице было уже совсем темно. Я остановилась и старалась сообразить где бы мог тут жить муж? Мне объяснили, что, как только я сверну с широкой улицы в переулок, то первый и будет его дом. Но, как тут разберешь, где кончается один дом, и где начинается другой? Кроме одной сплошной глиняной стены я ничего не

вижу... Опять я пошла вдоль нее в поисках дома и двери, но, кроме огромных, закрытых наглухо ворот я ничего не нашла... Я вернулась опять к той улице, по которой пришла. Было уже совсем темно. Разрушенные и мертвые дома казались еще страшнее чем днем... Чувствовала я себя, точно заблудилась среди топкого болота. Я стояла на углу и не могла шагу сделать ни в одну из этих черных, мертвых и бесконечно страшных своей пустотой и молчанием улиц... И вдруг впереди, в середине огромных ворот, открылась калитка и осветила человека, который шел из нее прямо на меня... Это был солдат. А когда он подошел ближе, то оказалось, что это был санитар из транспорта мужа.

— Здравствуйте! Где живет старший врач?.. — Санитар смотрел на меня, как на сошедшую с другого света и молчал. Я повторила вопрос... Санитар молча мотнул головой в сторону ворот, но вдруг точно опомнился и, заговорил:

— Барыня! Здравия желаю! А я ведь не признал вас. Здесь! Здесь мы и стоим. Вот и ворота! — Он перешел улицу, открыл калитку в воротах и заорал во всё горло. — Барыня приехала! Гайдамакин! Барыня приехала! — Я вошла в калитку и очутилась в большом помещении, из которого шла лестница на второй этаж. С нее кубарем скатился Гайдамакин. А следом за ним и Ваня!..

— Тиночка! Ты откуда? Как ты приехала? Только четыре дня, как я послал Ткаченко за тобой...

— Я его не видела! Я приехала на госпитальной двуколке, которая привезла продукты в здешний госпиталь. Да еще одного врача и сестру. Вот я с ними и приехала.

— Я не ждал тебя сегодня! По моим расчетам ты должна бы приехать не раньше, чем дней через пять. Ткаченко поехал через Дильман. Это дальше, но безопаснее.

Мы поднялись на второй этаж и вошли в комнату мужа. Комната была длинная; часть ее отгорожена ширмой, за которой он спал. В передней части комнаты стоял стол; вдоль стен стояли широкие деревянные скамьи, на которых лежали шерстяные тюфячки. На столе керосиновая лампа, несколько стульев. Стена на улицу была без окон, только под самым потолком были крошечные оконца. Муж сказал, что это бойницы. Но со стороны двора стена комнаты состояла почти сплошь из стекол и даже все были целы! Вся мебель, полы и стены до половины высоты, все было из орехового дерева с замечательной тонкой резьбой. Другая половина комнаты была такая-же, но на диванах лежали наши толстые, шерстяные тюфяки. На одном из них и спал муж.

— Раньше всюду кругом лежали тюфячки. Но я приказал их выкинуть. До прихода русских здесь жили турецкие солдаты. А среди турецких войск страшный тиф.

— Что это за странный запах в комнате!

— Видишь ли, я не ждал тебя сегодня. И не приготовился к встрече. У меня, вчера, были гости и как полагается выпили порядочно. Я почти весь день спал, а комната не проветривалась. У меня здесь есть кое-кто из друзей. Я тебя познакомлю с ними. Хорошие парни: один корпусной врач, Ващенко, другой ветеринарный корпусной врач, Щукин, и еще несколько человек, но все очень хорошие ребята и любят выпить. Но ты не думай, что это просто какие нибудь забулдыги, нет это всё люди семейные. Когда они узнали, что ты приезжаешь и что, следовательно, всякие попойки у меня прекратятся, то решили вчера кутнуть, как следует. Я думал, что до твоего приезда у меня будет время принять нормальный вид. Но ты, неожиданно, приехала раньше и расстроила все мои расчеты.

— Где ты достаешь напитки, чтобы напаивать столько народу?

— Вот в этом мне повезло! Когда я занял этот дом, то внизу в кладовой нашли не только десятки пудов сухого кишмишу, но и всех размеров медные котлы и трубы. Здесь край замечательно богатый! Всюду сады, роскошные виноградники. Из винограда здесь выделывали коньяк и водку. Вот я и устроил в саду свой винокуренный завод и теперь у меня заготовлен большой запас водки. Я тебе потом покажу завод... Виноградной водки у меня есть несколько ведер. Водка отличная, крепкая! Слабого человека прямо с ног сшибает! Только вот запах ужасный... Что ни делал, а не мог уничтожить эту сивушную вонь. Очень трудно очищать от масла. Но, если хорошенько повозиться, то в конце концов можно достигнуть лучших результатов...

Смотрю я на него и сердце больно сжимается... Ничего от прежнего моего Вани не осталось! Лицо опухло, глаза красные, отекшие, даже веки отвисли настолько, что видна слизистая оболочка, воспаленная, красная... Он заметил мой грустный взгляд.

— Тиночка! Не смотри так на меня! Я знаю, рожа опухла с перепою... Но я ведь не ждал тебя сегодня! Я надеялся, что просплюсь к твоему приезду...

Всюду одно и тоже! — с тоской подумала я... Там в тылу пьют дорогие напитки, слушают музыку и сидят с нарядными женщинами... Здесь пьют вонючий самогон под пошлые анекдоты и пьяные разговоры без смысла и без радости... Сущность

же всюду одна — всё и вся летит в пропасть! — Всё разваливается... Нет спасения никому и негде! Вот я, преодолела все препятствия, приехала к мужу искать у него защиты и спасения от захватывающей пошлости и разврата. А здесь оказывается всё то же самое, только под другим видом. Разве можно говорить с этим тонущим в своем бессилии человеком так, чтобы разрешились все давящие меня сомнения и, чтобы после этого на душе стало легко как после Причастия и радостно, как в Светлое Пасхальное утро?!.. Ничего уже не осталось от этого, когда-то сильного и цельного человека. Весь он стал бесформенной алкогольной развалиной!.. Такая горечь подступила к горлу, что я едва сдержалась чтобы не разрыдаться. Слезы градом текли из глаз...

— Тиночка, родная! Что случилось? Почему ты плачешь? — Он стал на колени, гладил мои руки и целовал меня и говорил ласковые слова, какие только знал... А я не могла выговорить ни одного слова... Всё напряжение моего настроения за эти дни вырвалось наружу и я исходила слезами... Потом немного успокоилась. Но уже ничего не хотелось говорить ему. Первый раз за всю совместную жизнь мне просто не хотелось говорить ему всего того, что лежало у меня на душе... А когда я ехала сюда, то мне казалось, что он — единственный человек, которому можно доверить всю себя, все свои помышления и сомнения, у которого можно найти защиту даже от своих собственных сомнений и слабостей...

— Тиночка родная! Прости меня! Я даю тебе слово, что пока ты со мной, капли вина в рот не возьму! А теперь не плачь. Успокойся. Расскажи как ты ехала. Я так тебя ждал! Ведь ты знаешь, как я тебя люблю! Мне невыносимо видеть твои слезы...

На другой день, после утреннего чая, муж повел меня в сад, показал свой водочный завод и тут же, при мне, приказал немедленно разрушить его до основания... Потом мы пошли смотреть город и он мне все показал и объяснял:

— Когда мой транспорт пришел сюда, то во всех этих домах лежали армянские трупы... Турки жестоко с ними расправились! Поголовно вырезали всех женщин и детей, и стариков и молодых... Никому не было пощады!.. Даже те, которым удалось бежать из города, тоже почти все погибли! Одних настигли и убили. Другие погибли от голода и болезней... Некоторые и сейчас еще прячутся в пещерах и лесах... Среди них много одичалых детей, родители которых убиты. Мои санитары на днях видели одного такого, когда транспорт ездил за ранеными. Они пробовали его поймать, но не могли. Он был совершенно

голый и как только заметил людей, как зверь куда-то спрятался и сколько его ни искали, так и не нашли. Здешний комендант, очень энергичный человек, собрал команду солдат-армян, которые лазят по горам и всюду ищут этих одичалых детей. Нескольких поймали и уже привезли и сдали коменданту. Я надднях видел их... Это сплошной ужас! Одни кости, да кожа! Животы огромные, как пузыри надутые... И до такой степени дики, что если протянуть к ним руку, кусаются совсем по звериному. Мы с доктором Ващенко ходили по домам... Таких насмотрелись картин, что всё виденное до сих пор — было просто детской шуткой. Армяне здесь жили очень богато и турки не только убивали их, но и грабили убитых. Все дома были разграблены. Грабители могли унести только немногое, деньги и драгоценности... Остальное, что нельзя было унести, старались изломать, уничтожить... В одном богатом доме мы увидели на пороге, очевидно собственной комнаты, лежала женщина с разрубленной головой, а внутри комнаты на кроватке — совсем крошечный ребенок истыканный, не то кинжалом, не то штыком. В другом доме наши солдаты обратили внимание на большое пятно крови на потолке! Послали на крышу посмотреть. Там оказались три трупа, — мужчины и двух женщин... Похоже, что это была семья. Они вероятно спрятались, но были найдены и убиты. Я видел очень много этих страшных армянских трупов. Все они были убиты холодным оружием. Большинство были зарублены или заколоты сзади, видимо когда бежали от страшной смерти... Больше всего и раньше всего подверглись разграблению богатые квартиры. Беднота тем временем бежала в горы. Но их потом преследовали, догоняли и многих убили. Но всё же кое-кто спасся... Мы видели женщин с отрезанными ушами, с отрубленными руками. У некоторых трупов головы валялись на большом расстоянии от тела... После этого избиения и грабежа всё турецкое население бежало из города вслед за отступавшими турецкими войсками. Когда через несколько часов после этого в город вошли наши войска, то на улицах валялись одеяла, подушки, простыни, одежда, медная посуда. В раскрытые двери домов виднелось еще больше богатой добычи. В таких случаях никакая дисциплина и строгость не может удержать многих, даже хороших солдат, от искушения подобрать брошенное добро. Одиночные люди подбирали кто подушку, кто одеяло. Если начальство замечало это, то их заставляли бросать вещи... Но это не останавливало других делать то же самое... — Мы никого не грабим, — говорили они; — у нас голову не на что положить ночью, а эти вещи ничьи — брошенные... Мы их ни у кого не берем... — Но, когда наши войска стали преследовать

отступавших турок, то оказалось, что многие солдаты были так нагружены подобранными вещами, что почти не могли двигаться. Я сам видел, как некоторые солдаты тащили на своих плечах швейные машинки. Другие по два, по три стеганных одеяла, медные тазы, пудовые котлы... Я говорил с офицерами, как все это остановить... — Что мы можем сделать, солдаты считают это своей военной добычей и хотя из сил выбиваются, но тащат. Когда же не сможет тащить, устанет, то всё равно бросит... — Так оно и было. На одной из стоянок, будучи больше не в силах нести швейную машинку и несколько одеял, солдаты разбили прикладами машинку, а одеяла сожгли на костре. Медную посуду тоже ломали и бросали... Мои санитары стали было тоже подбирать всякую дрянь, но я сказал, что всякого замеченного с чужими вещами, немедленно отдам под суд и приказал сейчас же выбросить все, что они натащили в транспорт. Участь бежавшей из города армянской бедноты ужасна. Они прячутся от людей в горах и пещерах и гибнут и группами и в одиночку. Сколько мы видели детских трупиков, высохших, как мумии! Однажды, когда мой транспорт шел к Вану, мы остановились на ночлег. Ты видела, что дорога почти всё время идет вдоль гор. Мы выбрали место, съехали с дороги и разбили бивак. В походной кухне суп был готов и команда сейчас же стала ужинать. Я сидел тут же, около своей двуколки. Вдруг кто-то говорит: — Смотрите! Что это такое?.. — Из-за камней вылезли к дороге не то люди, не то какие-то звери... Они согнулись и почти ползком направились в нашу сторону... Когда они подошли поближе, мы увидели, что это люди. Но они были страшны своей худобой, истощением и почти черной наготой...

— «Клеп! Клеп!» — протягивая руки едва выговаривали они единственное слово, которое приблизительно знали по-русски. Мы сначала приняли их за турок. Но армяне санитары стали говорить с ними по-армянски и выяснилось, что это Ванские беженцы. Команда их накормила и всё, что только было лишнего — хлеб, суп, чай, сахар, — всё им отдали. После этого те ушли назад в горы. У них там пряталось еще много народу. Мои санитары армяне пошли их провожать и помогли унести данные им припасы. Однажды приехали мы в большое село (по-турецки — караван сарай). Там стоял наш русский пост, а вокруг расположились армянские беженцы. Пока команда распрягала лошадей и приготовлялась к ужину, мы с заведующим хозяйственной частью, пошли посмотреть этих беженцев. Они всегда располагались по близости от русских, потому что наши части и разные команды всегда делились с ними едой. Мы ходили среди бе-

женцев и фотографировали более интересные картины их тяжелой жизни. Видим в стороне от других на тряпье лежит женщина, вернее человеческий скелет, обтянутый черной кожей. У груди этого скелета шевелится крошечное существо. Настолько маленькое и черненькое, что только с трудом можно было разобрать, что это ребенок... Ножки и ручки, как тоненькие обгорелые сучки. Голова, почти голая, туго обтянутая черной кожей. Он теребил изо всех сил высохшую грудь матери. Когда мы нагнулись и пригляделись к женщине, то она оказалась — мертвой... Я взял ребенка, а заведующий позвал ближайшего армянина. Мы показали ему мертвую мать и ее ребенка и спросили, что с ним делать? Армянин посмотрел на мертвую женщину и махнул рукой. — Он тоже помрет, — сказал он показывая на ребенка. — Мы все помрем с голоду! Есть нечего! — Мы не знали, что нам делать? Не оставлять же ребенка умирать около трупа матери! Подошли еще несколько армян. — Сколько месяцев этому ребенку? — спросили мы. — Где ее муж или семья? — Семьи нету!.. Мужа убили турки. А это ее первый сын. Она его всё время несла на руках. Она молодая. Ей было всего восемнадцать лет. Ребенку два года. Никого у него не осталось родных... — Два года!.. А ему можно было дать судя по его костям, пять — шесть месяцев... Заведующий взял ребенка и понес в команду. Когда мы рассказали, как нашли ребенка, два санитара, — один грузин, а другой армянин, изъявили желание взять его. У обоих были свои дети дома, но оба не колебались. — Пускай растет с моими ребятами! Хлеба всем хватит! — сказал грузин. Но армянин запротестовал: — Это ребенок моего народа! Разрешите взять его мне! Я счел справедливым отдать ребенка армянской семье... После этого я не видел этого ребенка несколько недель. Что Карапетьян делал с ним, чем и как его кормил я не знал. К моей помощи он не обращался. Но однажды принес его сам показать мне. Я прямо глазам своим не поверил! Совершенно другой ребенок! Побелел, оброс мясом, на голове выросли черные волосы. И даже смеется! Я спросил, как он его выходил? — Да сначала день и ночь кормил жеванным хлебом и мясом. Мальчик совсем не умел есть! Теперь понемногу научился жевать. А сейчас и суп солдатский ест со мной из одной тарелки! — Я заметил, что оба они очень любят друг друга. Мальчик держался крепко за шею приемного отца. Я разрешил ему поехать в отпуск и отвезти домой ребенка...

Мы шли посреди улицы. Под ноги всё время попадались какие-то тряпки и я как-то невольно старалась их обходить.

— Ну теперь-то ничего! А вот ты бы посмотрела что было, когда мы пришли сюда! Ступить некуда было! Непременно наступишь на руку, на ногу, или на голову трупа!.. Всюду вонь и зараза! Целые роты собирали трупы и хоронили их. Но говорят, что даже и сейчас еще в некоторых домах есть трупы. Вот здесь царство ангорской кошки. Но только совершенно одичалые! Питаются трупами своих хозяев!.. Но красивы чрезвычайно. Многие из офицеров отправили в Тифлис. В команде санитары хотели поймать одну для тебя, когда узнали, что едешь сюда. Высмотрели красивую. Она приходила и лежала на крыше перед моими окнами. Устроили засаду и поймали. Но она искусала поймавшему ее солдату руку; другого исцарапала, выбила окно, выпрыгнула и убежала. У санитара рука распухла и болит.

— Ну, вот и госпиталь! — показал муж. Мы зашли в большой двор, где было длинное двухэтажное здание буквой Г. — Вот канцелярия. Пойдем туда. Может быть старший врач уже там. — Когда мы подошли к дверям канцелярии нас окликнули: — Доктор Семин, кого вы ищите? — Муж обернулся: — Вас коллега! — К нам подошел врач, заведующий госпиталем.

— Позвольте познакомить. Моя жена. Только вчера приехала с вашими обозными двуколками.

— Да, да, мне говорили об этом приехавшие с вами врач и сестра...

— Я боюсь, что вы, доктор, не нуждаетесь в рабочих руках? Я пришла предложить вам мою помощь в работе.

— Ошибаетесь! Я очень рад! У меня совершенно недостаточно персонала. Хотя теперь и прислали еще врача и сестру, но и это для нас недостаточно. Всякая помощь принимается с благодарностью. У меня вон сколько сыпнотифозных! А там всего на всего одна сестра, которая работала бессменно. Когда уходила спать, то тяжело больных приходилось привязывать к кровати, чтобы не выбросились из окна. Это варварство! Но ничего не поделаешь! Сестра должна иметь отдых! А теперь еще ловят по горам и лесам армянских детей и тоже везут к нам. Вон, мы соседний дом уже очистили для них! Очень, очень рад вашему приезду! Хоть сейчас идите работайте!..

— Нет. Жена еще не отдохнула, — сказал муж.

— Да я не так уж и устала! Завтра, доктор, я приду с утра.

— Вот и отлично! Приходите! — Мы попрощались и пошли обратно домой.

Когда мы пришли, Гайдамакин сейчас же подал нам обед. Муж вышел и скоро вернулся.

— Ходил посмотреть, что делает мой младший врач. Он у меня под замком сидит. У него запой. Если его не запереть то он уходит из дому в одном белье и так и ходит по улицам. Если попадется на глаза генералу Чернозубову, беды не оберешься! Он страшно преследует за пьянство. Когда войска отряда шли сюда, транспорт мой шел вместе с ними походным порядком. Тогда я перезнакомился со всеми. На одном из ночлегов я устроил у себя небольшой кутеж; вино у меня всегда было в запасе. Пришел доктор Ващенко, Щукин и несколько офицеров из штаба Чернозубова. Выпили хорошо, так, что даже вина не хватило! Пришлось послать двуколку за новым запасом. Только перед рассветом стали расходиться из моей палатки... А через короткое время, когда я еще спал, пришли из штаба с обыском, чтобы отобрать у меня всякие напитки! Меня разбудили. Я конечно обозлился и послал к чертям всех, кто пришел обыскивать меня. Вместо же того, чтобы отбирать у меня мое вино, я предложил им лучше выпить его... И всё, что еще было у меня мы выпили сообща. После этого обыскиватели ушли тоже совершенно пьяные! Потом мне передавали, что Чернозубов грозится отдать меня под суд. Но пока, он своей угрозы еще не выполнил. Генерал бы собственно никогда и не узнал об этой попойке! Да его адъютант с пьяных глаз, уйдя от меня, вместо своей палатки ввалился в генеральскую и стал кричать своего денщика. — Ей! Где ты, скотина, дрыхнешь? Снимай сапоги! Ну, тут поднялся невероятный переполох! Прибежал часовой. Зажгли огонь. И генерал видит, что его собственный адъютант вдребезги пьян, влез в его палатку, да еще его же ругает!.. Утром конечно допрос. В результате пришли ко мне, чтобы обыскать и отобрать у меня все напитки...

На счет кошек же санитары не успокоились. Прошло два-три дня после моего приезда к мужу. Как-то вечером мы сидели в комнате и муж что-то рассказывал мне. Вдруг, в темных сенях мы услышали какую-то возьню и приглушенные голоса: — Лови! Держи! Держи ж ты, черт! Она мне вцепилась в руку! — Как же! В твою руку! — Это ты держишь мою руку!.. — Эх, дьявол! Отпустил! А совсем в руках была!.. — Снова возня, сопение и отрывочные слова... — Поймал! Поймал! Держи!.. — Где? Где она?.. — Да подо мной!.. Смотрите ребята! Держите ее за шею!.. Ну держишь, штоль? — Держу, держу! Подымайсь... Ох, окаянная! Царапается. Всю руку мне ободрала! — Муж открыл дверь в сени. Там была полная темнота. Но недалеко от нашей двери на полу копошилось несколько солдат.

— Что вы делаете — спросил муж. — Кошку пымали!.. — Опять?.. Что вы с ней будете делать? Посадим в ящик. Покормим, привыкнет; тогда принесем барыне.

Дикая кошка сидит в ящике. На отверстие поставлена корзинка. Солдаты разошлись. Утром подавая кофе Гайдамакин смотрит мрачно: — Проклятая кошка! Только зря руку всю исцарапала, — чтоб ей провалиться! Ночью ее разве разглядишь? Зашла в сени на приманку, всё как следует. Лювили ее окаянную. А утром смотрю в щель, а она не та! Я открыл дырку в ящике, чтобы лучше посмотреть, а она, как сиганет, да прямо в стекло! Так и высадила пол рамы! Вот ведь какую поймали!..

Не то из конюшни, не то из какого-то сарая муж приказал делать под его руководством баню. Арык протекал под нашими окнами. Воды в нем было сколько угодно. Когда я приехала, то баня уже функционировала.

— Кругом тиф сыпняк! А у меня не было еще ни одного заболевания в команде! Строго слежу зи чистотой помещения и белья. Заставляю мыться в бане часто. Топят ее чуть ли не каждый день. Я и сам хожу в эту баню с удовольствием...

На другой день я пошла на работу в госпиталь, хотя муж просил сегодня еще не ходить, отдохнуть. Но я чувствовала себя хорошо отдохнувшей. Пришла в госпиталь и познакомилась со всеми. Главный врач назначил меня в хирургическое отделение.

— Сестра Семина, — я вас назначаю помощницей в хирургическое к доктору Финштейн.

Я пошла в «хирургическую» комнату и увидела насколько примитивно всё было оборудовано. В этот день не было операций, только перевязки. Доктор Финштейн здесь был за «хирурга». Молодой, недавно окончивший университет и еще не имевший никакой практики по хирургии, он «набивал руку» (как он сам выражался) на попадавшем к нему «разнообразном материале». Старший врач был занят по хозяйственной части; тот врач, с которым я приехала, заведывал сыпно-тифозными. Был еще фельдшер и четыре сестры. Одна из них работала в тифозном отделении и к перевязкам отношения не имела.

Прошла неделя с тех пор, как я приехала в Ван. Погода стояла чудесная, целые дни светит яркое, теплое солнце. Мы с мужем ходили в турецкую часть города. Беднота и нищета потрясающие. Здесь не было ни одного дома похожего на дома в армянской части. Всюду жалкие домишки — лачуги. И все пусто, брошено. В армянской части хоть кошки остались. А в турец-

кой — все мертво. Ни кошек, ни собак, — все ушли за турецкой армией и населением. Встретили коменданта генерала Термена.

— Доктор Семин, не хотите-ли купить ковры? Солдаты только что их откопали. А мне нужны деньги для содержания детей, которых у меня набралось уже около пятидесяти человек; всё найденные в горах и в лесу; совершенно голые, больные и дикие, как зверьки. Пойдемте, посмотрите ковры. Может быть что нибудь и понравится вам.

Мы вошли во двор, который был обнесен каменной стеной. Там, рядом со свеже взрытой землей, валялись какие-то ящики, мешки, тряпки, поломанная мебель, корзины. Мы зашли в комнату, бывшую раньше лавкой. В ней всё было перебито и изломано; дверей не было; вместо окон дыры в стенах; пол разворочен; полки сорваны со стен. Посреди помещения вырыта яма, земля лежала рядом, как у свеже-вырытой могилы. Тут же лежали перепачканные землей ковры, ситцы, женская обувь, шали, головы сахару в синей толстой бумаге; катушки ниток. Все это выбрасывалось из этой «товарной» могилы вместе с землей.

— Вот, доктор, ковры! Выбирайте! Ничего, что они запачканы; зато большинство их очень хорошего качества.

Муж купил два молитвенных коврика, — один был очень старинный, редкого рисунка и красок.

— Отнесите ковры доктору на квартиру, — сказал генерал Термен двум солдатам. — Госпожа Семина, может быть вы иногда сможете зайти и посмотреть за моими ребятами. Домик, где они живут, находится позади вашего госпиталя. Мы сделали в стенке проход и это теперь совсем близко от вас.

Мы попрощались с Терменом. Муж пошел домой, а я в госпиталь. Когда после работы я вернулась домой, муж ходил по комнате чем-то возмущенный. Руки заткнуты за ременный пояс. Изо рта валил папиросный дым, как из пароходной трубы.

— Что случилось?

— Да этот идиот удрал из дому в одном белье!

— Какой идиот?

— Да, Евсеев! У его дверей сидит неотлучно его же денщик. Так вот ведь какой он хитрый! Как только денщик ушел в уборную, а Евсеев очевидно следил за ним, он вышел из комнаты спустился по лестнице, вышел на улицу и побрел куда глаза глядят. Послал погоню за ним. На днях только было в приказе по корпусу, что всякий замеченный в пьяном виде на улице будет предан суду. А тут на! Пьян! Разгуливает по городу босой и в одних кальсонах. Это черт знает, что такое! Нет! Я его завтра же отчислю... Довольно! Он совершенно негоден

для работы в транспорте. Ведь я всё время сам за ранеными езжу. Я ничего не имею против выпивки вообще. По совести сказать, я сам пью ведрами! Но будь же человеком... Не теряй головы... Нет! Довольно я ему прощал! Теперь — к черту...

В это время кто-то постучал в дверь. — Войдите! — Вошел санитар: — Поймали! Привели доктора Евсеева, — сказал он.

— Где поймали? — Да тут, не очень далеко, квартала три, отсюда. Я в лавочку ходил за табаком, а он только вышел на штабную улицу. Я иду, смотрю. Чтоб, думаю, это такое было? Турка — не турка? Может армянин какой, раздетый турками? Далеко еще было. Но, когда я подошел поближе, — вижу наш младший врач в одним подштанниках! Тут же враз выбежали наши санитары и тоже увидали его. Ну мы его просим: — Идемте-мол, домой, вид у вас не «благородный»! — А он: — Наплевать мне на ваш благородный вид!.. Пойдем лучше да выпьем! — Ну, мы его взяли под ручки и привели домой...

— Идем! Теперь я его запру на замок и буду держать до тех пор, пока не протрезвится!

— Гайдамакин, снеси доктору Евсееву ужин, — сказал муж, когда мы сели за стол. — Но дверь опять запри на замок.

Сейчас же после ужина я пошла спать. Здесь нет вечеров. По моему на фронте сутки состоят только из двух частей: день, который принадлежит целиком работе и еде, и ночи, — времени для отдыха и сна, если нет работы, конечно. Дома вечера особенно приятны. Сидишь на мягкой удобной мебели, читаешь, или слушаешь музыку, или муж рассказывает, что нибудь. Время тянется приятно-счастливо... А здесь, с утра, с перерывами только для еды, и до позднего вечера всегда есть бесконечная работа: то раненого спешно нужно оперировать, то поднялась температура — нужно узнать причину, то кровотечение — нужно сказать доктору. А там раненый жалуется на боль, то кто нибудь просит пить. И так без конца... Хоть не выходи из палаты все двадцать четыре часа. А когда наконец вырвешься и уйдешь, то всегда такая усталая и до того измученная, что только и думаешь, как бы скорее лечь в постель. Ведь завтра с утра начнется то же самое, что было и сегодня. И так изо дня в день, месяцами. А ведь многие сестры работали по два года без отпусков.

Проснулась я от шума голосов. Было совершенно светло. Муж встал так тихо, что я ничего не слышала, и теперь с кем то разговаривал. Я прислушалась: — Как только все будет готово, сейчас же и выезжайте!.. — Осторожно закрылась дверь.

— Ваня, с кем ты разговаривал? Кто и куда собирается ехать?

— Ты проснулась? — входя за перегородку спросил он.

— Как ты встал так осторожно, что я ничего не слышала?

— Меня разбудили. Я встал; оказалось получена телефонограмма — требуют транспорт взять раненых. Я уже отдал распоряжение готовиться. Сейчас чай будет готов. Но ты не вставай! Еще ведь рано. Мы к вечеру вернемся. Я думаю ехать не очень далеко. Это для нас новое место; я еще не смотрел на карту, но во всяком случае думаю, что не далеко. Гайдамакин уже подал самовар. Хочешь я принесу тебе чаю?

Как только муж вышел из комнаты я стала одеваться... — Ваня, я хочу поехать с тобой! Я сегодня вечером вступаю в дежурство и могу днем не приходить. Да и раненых у нас мало.

— Ну, это ты напрасно! Здесь каждый раз обстреливают транспорт, когда мы ездим за ранеными. В горах шайки курдов и партизан-турок. И вообще ничего интересного в поездке нет. Всё горы и горы! Дорога грунтовая ужасная. Вот только озеро очень уж хорошо. — Он подумал... — А знаешь?.. Хорошо!.. Поедем!..

Мы выпили наскоро по чашке чая, вышли на улицу, где уже нас ждал Ткаченко, сели на двуколку и стали догонять транспорт, который уехал немного раньше нас. На самом выезде из города стояло низкое, белое здание, которое было всё изрешетено и продырявлено пулями. Это турецкое комендантское управление. Шоссе кончалось около этого здания и дальше пошла грунтовая дорога. Показались первые лучи восходящего солнца и осветили гладкую поверхность озера. Оно было необычайно красивое и казалось бесконечным, как море. Дорога шла вдоль берега озера с одной стороны, а с другой вдоль цепи гор.

— Здесь зимует масса всякой водяной и болотной дичи. Мы ездили несколько раз на охоту. Я убил гуся из винтовки, он упал далеко в озеро. Мы долго ждали пока прибой принес его к берегу. Потом меня с этим гусем снял доктор Ващенко. Я покажу тебе карточку.

В стороне от нашей дороги виднелись сады и красивые дачи, которые доходили до самых камышей. Долго мы ехали вдоль озера. Далеко позади уже осталась полоса камышей. Кончились и дачи Ванских армян-богачей. А мы всё еще не видим дороги, на которую должен свернуть от озера транспорт.

— Стой, Ткаченко! Вот кажется она и есть, та самая дорога, на которую нам нужно свернуть. — Мы ехали впереди транспорта. Ткаченко остановил лошадей, а муж развернул карту и стал проверять. Подошел и подпрапорщик Галкин.

— Вот проверяю та ли это дорога, куда нам нужно свернуть? Как бы к туркам в гости не попасть! Да нет! Кажется это наша дорога.

Транспорт свернул с главной дороги и стал подниматься в горы по очень трудной дороге. Долго мы тащились, ныряя и переваливаясь, по этой ослиной дорожке. Но вот наша двуколка въехала на пригорок и мы увидели внизу, и как мне показалось, совсем близко лагерь наших войск. В небольшой лощине стояли палатки. Дымили среди них походные кухни: повсюду стояли лошади и обозные двуколки, между ними сновали солдаты. Казалось мы уже приехали; лагерь уже совсем близко. Но пришлось еще порядочно кружиться, по извилистой тропе между холмов, скал и небольших бугров. Наконец, после которого-то спуска, мы очутились в лощине, где был устроен перевязочный пункт. Мы остановились. Муж соскочил с двуколки и пошел к большой палатке, где развивался флаг Красного Креста. Я тоже слезла и пошла за ним и сразу наткнулась на раненых лежавших повсюду. У большой палатки перевязочного пункта их было еще больше! Одни уже были перевязаны, другие еще ждали своей очереди. Тяжело раненых несли прямо в палатку, где полковые врачи и фельдшера перевязывали безостановочно. Санитары и солдаты носили в ведрах воду и поили раненых. Солнце поднялось высоко и сильно нагревало закрытую со всех сторон лощину. Кругом не было ни одного деревца или кустика. Вон какой-то доктор нагнулся над раненым, лежавшим прямо на голой земле и накладывает повязку. Мы подошли к палатке. Там было еще теснее. Стояло несколько носилок с ранеными. Пахло загнившей кровью, иодом, грязным бельем и пóтом. Муж нагнулся к врачу, который сидел на корточках и записывал показания раненого, — какой части, когда и где ранен, имя, фамилию, возраст...

— Коллега, сколько у вас раненых, которых можно нагружать?

Тот выпрямился, посмотрел на мужа, как бы не соображая, что от него хотят, но потом сказал: — Около двухсот уже есть готовых. Можете сразу грузить их. — Они оба вышли из палатки.

— Что, ночью бой был? — спросил муж.

— Бой? Избиение, а не бой! Рота отошла, чтобы отдохнуть. Несколько дней и ночей беспрерывного боя так измучили людей, что они просто не могли больше сидеть в окопах, — засыпали. А тут наступило, как будто затишье... Командир роты выставил сторожевое охранение, а людей вывел за окопы и разрешил поспать немного... Очевидно и стража-то тоже засну-

ла!.. Турки подкрались тихо, незаметно и вырезали спящих. Почти бесшумно... Не много из них и раненых осталось. Турки как дьяволы резали, кололи, рубили, так что наши и проснуться не успели. Думают, что это были не регулярные солдаты, а курды и партизаны. Кое-кому всё же удалось проснуться и поднять тревогу. С соседнего участка прибежала помощь. Но было поздно. Наших уже кончили! Стали преследовать турок. Ворвались в их окопы и здорово им всыпали! Вон сколько взяли пленных!..

Доктор показал на беспорядочную, тесно сбитую толпу турок, окруженную нашими солдатами. Подошел подпрапорщик Галкин и получил распоряжение грузить раненых.

— Только сразу мы не сможем взять всех. Придется может быть раза два приехать сюда.

Я вернулась в палатку перевязочного пункта и предложила свою помощь. Какой-то врач сразу согласился и передал мне своего раненого. — Сестра, нате вот моего раненого, а я пойду покурю! — Я стала перевязывать. Муж и еще несколько человек из транспорта пошли смотреть место ночной драмы. Когда вернулся, он был очень расстроен. Он позвал меня и мы пошли к двуколке.

— Хорошо, что ты не пошла со мной. Какой ужас представляет эта поляна покрытая людьми убитыми во сне. Целые ряды их как легли, так видно и заснули моментально. Я ходил среди них: некоторые закурили, но засыпали не успев даже выкурить папиросу. Один развел маленький костер, вынул из кармана письмо, но даже из конверта не успел его вынуть, — заснул вечным сном. Лица у всех спокойные. Так и не проснулись и от ран не мучились! Очень немногие пытались бежать. Это видно по трупам: все они заколоты в спину и падали лицом вниз. Ноги подогнуты, шапка отлетела в сторону. У некоторых головы отрезаны совсем. Почти у всех убитых ружье крепко зажато в руке, или между ног. Капитан роты чудом остался жив. Но на него смотреть тяжело. Сидит на камне, обхватив голову руками, так же около убитых. Мы пробовали говорить с ним. Ничего не отвечает. Даже папиросу не взял. Насилу его растормошили. Так нельзя! Человек может сойти с ума... Я закурил папиросу и ткнул ее ему в рот. Тогда он стал курить машинально. Мало по малу стал отвечать и на вопросы:

— Мои люди несколько ночей не спали. Но этой ночью, как нам показалось, турки оставили нас в покое и обратили свое внимание на соседний участок. Я выставил сторожевое охранение, отвел роту несколько назад и разрешил людям лечь и отдохнуть. Все моментально легли на землю, кто где был! Даже есть никто не стал, так всем хотелось спать! Я сам тоже заснул

как убитый... Проснулся от какого-то шума... Открыл глаза и вижу, как будто вся рота бегает по поляне! Но как-то странно! Перепрыгивают друг через друга, взмахивают руками, точно бьют друг друга... Придя немного в себя я услышал стоны. Кто-то закричал... Наконец я очнулся совершенно и сообразил, что на нас напали турки и избивают спящих людей! Я стал стрелять. Несколько ближайших ко мне солдат тоже проснулись и присоединились ко мне. Стрельба вызвала тревогу в соседних ротах. Все бросились к нам и мы штыками обратили турок в бегство, переколов часть из них, а часть захватили в плен...

— Очень тяжело было слушать этот рассказ... Ну, теперь надо выступать! — Вон Галкин идет с докладом...

Только к вечеру транспорт пришел в Ван. Стали выносить раненых и небольшое помещение госпиталя сразу всё заполнилось. Раненых клали на пол. Только тяжело раненым достались койки. Сейчас же стали и кормить. Обед был еще утром заказан по телефону в госпиталь. У многих промокли повязки; у некоторых поднялась температура. — Не хочу я есть, сестра, дайте только пить! — говорит раненый. У него голова горячая, губы засохли. Сейчас же после обеда стали подбинтовывать и перевязывать. Некоторых пришлось брать на стол в перевязочную. У меня был список раненых с высокой температурой и с кровотечением. Я сказала об этом доктору Финштейну. Жалко мне было давать этих раненых для практики неопытного доктора...

— Посмотрим, посмотрим! Приготовьте, сестра, всё для операции! Я сейчас освобожусь и тогда возьмем раненого в операционную...

Я пошла, зажгла спиртовку под ванночкой с инструментами. Санитары принесли раненого и положили на стол. Пришла еще одна сестра и мы стали его раздевать. Пониже ребер, на боку лежал толстый слой ваты и марли, которые промокли от крови. Когда я сняла эту вату и марлю, обнажилась большая рана, в которую вошел бы мой кулак. Подошел доктор и зондом потыкал в рану и пощупал ее края. Вид у него стал совсем растроенный. Он не знал с чего начать... — Может-быть сегодня положить просто тампон? А завтра, если кровотечение не остановится, сделаю операцию! Сегодня уже поздно и темно, — (над столом горела керосиновая лампа). Я хорошо, на совесть, забинтовала рану; санитары положили раненого на носилки и унесли в палату. Я положила под спину ваты и одеяло, чтобы было удобно опираться. Раненый лежал на здоровом боку. Дала ему пить... Слава Богу! Спасла сегодня одного от предприимчивого доктора! Завтра неизвестно еще что будет! А

может быть утром их повезут в Хой, а там, как-никак, есть настоящие врачи. Там будет и уход и до некоторой степени контроль... Теперь принесли еще одного раненого. Его осторожно переложили с носилок на стол. Я разрезала промокшую марлю и сняла вату, которая тоже была пропитана свежей кровью. Доктор Финштейн стал осматривать рану, без сожаления тыча в нее зондом, а у несчастного солдата слезы катились градом от нестерпимой боли. Ведь живое мясо, только что разрезанное, вернее разорванное куском стали! А этот неуч-садист тычет без толку и без малейшей осторожности в поисках сам не зная чего!.. Я держу ногу, а у самой мурашки бегают по спине...

— Не могу найти, — не прощупывается! А должен быть! — говорит он и снова тычет. — Я уверен, что осколок, или пуля должны быть здесь! Поэтому рана и кровоточит!

— Может быть наложить тугую повязку и подождать часа два? Если не промокнет, то оставить до утра? Я сегодня дежурная и буду смотреть за ранеными. А, в крайнем случае, вызову вас, доктор.

— Ну нет, из-за этого я вставать не буду, да и живу я далеко, в турецкой части.

— Что же делать? Если вы уверены, что в ране осколок, то ведь нужно делать операцию?

— Слушай! Когда тебя на позиции первый раз перевязывали, не говорил ли доктор, что у тебя в ране пуля, или осколок?

— Никак нет, не говорил ничего.

— Ну, хорошо! Тампон и тугую повязку! — И доктор вышел из перевязочной, недовольный оборотом дела.

Ох! И этот спасен!.. Всю ночь я осторожно поднимала одеяло и смотрела не промокла ли повязка. Но всё было благополучно, — кровотечение видимо остановилось... К девяти часам утра приехали двадцать пять санитарных двуколок с доктором Евсеевым. Нас еще в шесть часов утра предупредили, чтобы раненые были готовы к отправке в Хой. Мы подбинтовали кого нужно, напоили чаем и стали помогать санитарам укладывать в двуколки. Я спросила доктора Евсеева где мой муж?

— Иван Семенович уехал за ранеными еще в четыре часа утра. Я думаю он скоро должен вернуться с ними.

— Александр Евграфович, у вас в транспорте есть тяжело раненые. Пожалуйста посмотрите за ними. Идемте, я вам покажу их. Один, кажется, ранен в почку.

— Хорошо, покажите. Да только вы не волнуйтесь, — доставлю благополучно всех!

В это время подошел доктор Финштейн. — Сестра, тех раненых, которых мы вчера осматривали, нужно оставить до следующей эвакуации. Я думаю, что необходимо сделать им операцию!

Я позвала санитаров и сказала раненым, что их оставляют пока в госпитале.

— Не хочу я, сестра, оставаться здесь! Я хочу ехать! — чуть не плача говорит Лаптев.

— И я тоже не хочу, — говорит Курочкин. — Тащили, мучили! А теперь обратно вытаскивать хотят! И опять терпеть муки!.. Не хочу.

— В чем дело, сестра? — спросил меня кто-то. Я оглянулась. К двуколке подошел главный врач госпиталя, а с ним Евсеев и еще какой-то врач. Я рассказала, что мы погрузили тяжело раненых, а теперь доктор Финштейн сказал, что их нужно снять для операции. Все трое подошли к двуколке.

— Ничего! Доедут! — поворачиваясь ко мне говорит незнакомый врач. — Не стоит еще больше их мучить! Вот доктор Евсеев будет смотреть за ними.

— Сейчас должен вернуться транспорт с позиции и привезти новых раненых. Места для них нужно освободить, — обращаясь к доктору Финштейну сказал незнакомый врач. Потом он обратился к Евсееву: — Если у вас все готово, то трогайтесь! — Транспорт ушел.

Старший врач обратился ко мне: — Сестра Семина, вы ведь были дежурная? Идите домой, пока ваш муж не вернулся. А потом опять приходите помогать. Доктор Ващенко, вы не знакомы? Это жена доктора Семина. — Мы поздоровались и я пошла домой. По дороге меня догнал доктор Ващенко.

— Транспорт вернется не раньше трех часов. У вас есть время поспать и отдохнуть. Я не знал, что вы были дежурная. Здесь тяжело работать, недостаточно персонала. Иногда привезут сразу несколько сот раненых и всех нужно перевязать, накормить и оказать помощь. Персонал с ног сбивается, некогда ни есть, ни спать. А потом опять перерыв и раненых подвезут какой нибудь десяток-другой. Мы не задерживаем здесь их долго. С продовольствием трудно...

Мы дошли до моего дома и попрощались. Прийдя, я первым делом попросила у Гайдамакина теплой воды, чтобы помыться.

— Барыня, я топил баню. Я стираю белье, но воды теплой много. Если «хочите», так идите в баню. Я сейчас приберу там.

— Мое белье не трогай! Я его сама помою. Слышишь?

Гайдамакин морщится и отворачивается опустив голову. — Когда ж вы мыть-то будете? Вам и пообедать нет времени! А я пропадаю без дела...

Пока я мылась, Гайдамакин сварил мне кофе. Но хлеб был черствый как камень! А сгущенное молоко — один сахар. И всё такое невкусное, что прямо в тоску вгоняет.

— Барыня! У меня есть жареное мясо. Подать? Ведь вы вчера не ужинали.

— Гайдамакин, я иду спать! Ты разбуди меня около трех часов. — Но, сколько я ни лежала, а заснуть не могла. Встала, оделась и пошла в госпиталь. Только вошла в госпитальный двор, увидела сестер. Они куда-то шли и, увидев, меня, закричали: — Сестра Семина! Идемте с нами кормить детей! — Они несли ведро полужидкой каши, тарелки и ложки. Мы пролезли в узкую, только что проделанную калитку, просто дыру в стене, прошли мимо колючего шиповника и остановились около небольшого домика с новыми дверями и с окнами забитыми досками вместе стекол. В щели между этих досок следили за нами несколько пар детских, блестящих как раскаленные угольки, глаз. Как только мы подошли ближе и стали открывать замок, эти угольки исчезли. Слышно было только, как босые ноги шуршали по голым доскам нар. (На день подстилки и одеяла выносились на двор на просушку). Когда мы вошли в дом, большая часть детей забилась под нары, выглядывая оттуда со страхом. Остальные сидели на нарах и не могли с них сползти. Животы их были так огромны и вздуты, а ножки и ручки так тонки, что неверилось, что всё это составляет одно тело. Несоразмерно огромная голова на тонкой шейке казалась надутым безобразным шаром. Только большие черные глаза были ненормально оживленны, полные животного страха, как-бы ища убежища куда им спрятаться. Несмотря на то, что сестры приходили каждый день и приносили им еду, уход и ласку, дети всё же были страшно дики и не приветливы. Но все они отлично понимали, что в ведре им приносят еду! Из-под нар и других убежищ они выползали и хватали за ведро. Некоторым удавалось запустить руку и в ведро. Жидкая каша капала, просачиваясь сквозь пальцы, но они засовывали их в рот и обсасывали. Сестры дали им имена, но это мало помогало! Никто не знал своего имени и не отзывался на него.

Мы разлили кашу по тарелкам, раздали ложки, но не все понимали назначение их. Большинство ело просто с тарелки, как едят щенки, или котята. Но делали это так быстро, что не успевали мы раздать пищу всем, как многие уже опять протя-

гивали свои уже пустые тарелки и просили без слов добавки... Пришел санитар-армянин, который приставлен к детям и сказал: — Транспорт с ранеными приехал. Много пленных привезли. — Я сейчас же пошла в госпиталь. Еще издали увидев Ваню, я прямо пошла к нему.

— Здравствуй Ваня! — Много привез раненых?

— Хватит вам! Полные двуколки. Да еще в придачу раненых турок. А ты, что же и домой не ходила после дежурства?

— Сестра! Идите записывать раненых, — позвал меня доктор.

Раненых турок всех заперли в одной комнате, а у дверей поставили часового. После раздачи обеда раненым и больным я сдала свое дежурство другой сестре и пошла домой. На углу госпитальной и нашей улицы я увидела Ваню. Он шел навстречу мне: — Тиночка, что ты так долго завозилась там? Ведь серьезно раненых сегодня нет. Гайдамакин сказал, что ты совсем не отдыхала? — Когда мы пришли домой, стол был уже накрыт и мы сели обедать. Но обед показался мне ужасным. Суп был мутная бурда. Жареное мясо черное и твердое как осиновая кора...

— Гайдамакин! Хоть бы ты достал какую нибудь курицу, или коровье вымя, или хоть собачьи мозги. Я не могу больше есть это мясо. У меня под ложечкой болит от него.

Гайдамакин сразу стал мрачным. — Где тут достанешь курицу? Турки всё забрали и увезли в Турцию. А «близь» Дильмана ничего нельзя достать... Вот и хлеб тоже черствый, как песок...

— Нужно послать двуколку в Дильман, — сказал муж. — Гайдамакин, позови ко мне подпрапорщика.

На следующее утро, как только я пришла в госпиталь, доктор Финштейн был уже там. И сейчас же сказал мне: Сестра, у нас сегодня будет большая операция. Приготовьте всё и как будет всё готово скажите. Я сейчас пришлю раненого. — Я приготовила инструменты, стол, халаты и стала ждать. Вдруг открылась дверь и в комнату вошли двое солдат: один был с ружьем. Свободной рукой он поддерживал под руку другого. — Вот, сестра, пленного вам привел! Ему будут делать операцию. — Пленный был в одной рубахе с растегнутым воротом, и штанах. Он был высокий, блондин, с большими голубыми глазами... Одной рукой он закрывал рот. Я его усадила на стул, а как только вошел доктор, уложила его на спину и прикрыла простыней. Вымыв руки, доктор подошел к раненому отнял его руку ото рта и сказал: — Посмотрите, сестра, как его разделали!

— Я увидела черную дыру вместо рта. Ни нижней, ни верхней губы не было. Ни челюстей, ни языка. Одна большая круглая дыра!..

— Сестра, держите его в сидячем положении! Мне будет удобнее делать операцию.

— Как же мы его удержим в таком положении? Ведь мы должны дать ему хлороформ...

— Ну, хорошо!.. Тогда кладите его и давайте хлороформ. Инструменты готовы?

Я надела раненому маску и стала капать хлороформ. Другая сестра стояла у инструментов. Как только он заснул я сняла маску с его лица, а доктор стал его осматривать. Ни одного зуба не было во рту... Не было и самих челюстей! Конец языка был оторван, а оставшаяся часть его страшно распухла, почти заполнив страшную дыру, бывшую раньше ртом...

— Отлично будет жить и без челюстей! А эту дыру постараюсь зашить на подобие рта, — говорит доктор.

— Что вы хотите, доктор, делать с ним?..

— А что я могу здесь сделать? Вот только обрежу острые концы костей и куски кожи, да зашью дыру, чтобы он мог пить и есть!

Каждый кусочек раздробленных костей, которые он отламывал с хрустом, заставляли всю меня вздрагивать, отдаваясь болью в моем сердце... Потом стал накладывать швы... Просто так! Схватит в одном месте, посмотрит... — Вот разве еще здесь схватить?.. Потом вот еще здесь! — И шил так, как делают это маленькие девочки, когда неумело шьют кукле шляпку... В конце концов получилась вместо рта маленькая, круглая дырочка, в которую едва мог пройти палец...

— Ну, вот и новый рот готов! — отходя и любуясь своей работой, сказал он.

— Доктор! Да как же он есть то будет?!.. Ведь дырочка рта так мала, что в нее чайная ложка не пройдет!!..

— Ну, что вы? Правда? Вы думаете?.. Ну что ж! Можно сделать и побольше! — он снял два шва. Дыра стала вместо круглой — немного продолговатой...

— Как же мы его кормить будем?

— Ну, это уже ваше дело, а не мое! Да это и не важно. А важно то, что мне удалось поработать на живом человеке! Сейчас только и можно набить руку по хирургии! А после войны можно уже будет открыть хирургическую лечебницу, или получить место хирурга в больнице!

Доктор кончил свою страшную операцию. Я разбудила турка и он сел на стол. Но вдруг, поддерживая раненого, я почув-

ствовала под своими пальцами какие-то твердые и круглые предметы в спине несчастного...

— Доктор, что то у него есть на спине! — Стали смотреть и нашли несколько круглых картечных пуль. Они были не глубоко под кожей... Пришлось еще сделать несколько ран. Доктор разрезал кожу и вынул картечины. Когда турок окончательно проснулся, первым движением было поднять руку ко рту... Его глаза выражали боль, испуг и недоумение... Он в бессильном отчаянии опустил руки... Позвали часового, который стоял за дверями. Он взял раненого под руку и повел его обратно в комнату — тюрьму.

После операции мы пошли кормить обедом раненых, а потом я ушла домой и легла в постель. Устала и неприятное ощущение в горле и небольшая боль не то в желудке, не то где-то рядом. Есть не хотелось. Но к вечерней работе всё-же пошла в госпиталь. Оперированного турка не видела. У дверей стоял другой часовой и я ничего не спросила. А дежурная сестра ответила мне, что ей не до турок, со своими не знаешь как управиться! На другой день утром, когда я пришла в госпиталь, часовой, увидев меня, сказал: — Сестра, всю ночь раненый кричал и бился в дверь. Его успокаивали другие турки-товарищи. Но он всё кричит и вырывается. Воды просил, я два раза приносил им по полному кувшину.

Подойдя к дверям и услышав стон, я попросила открыть двери. Когда я вошла в комнату, в ней стояла страшная трупная вонь. Но, Бог ты мой, какой вид у моего раненого! Лицо опухло. Прекрасные, голубые глаза смотрели на меня мутным, бессмысленным взглядом. Повязка была сорвана, швы лопнули и из них торчали куски шелковых ниток! А из черной, и теперь огромной дыры-рта шел гной. Раненый сидел на койке, что-то бормотал и показывал пальцами на рот... Другие пленные старались тоже что-то объяснять, но я ничего не понимала. — Сур! Сур! — говорили они и показывали на кувшин с водой и для большего пояснения сами зачерпнули воды и стали пить.

— Сестра, они говорят, что он просит пить, а пить то не может! Вода вся выливается назад. Проглотить-то не может!.. Ведь дыра у него только вместо рта! — стал объяснять мне часовой-солдат. — Бедняга! Вот как его раскромсали, — с сердечной жалостью простого русского человека говорил солдат. (Почти пятьдесят лет прошло с тех пор, а я не могу забыть, этого турка и его страдания).

— Почему же ты не позвал доктора?

— Да где ж его найдешь! Никого ночью не было. Только одна сестра дежурная.

— Хорошо, я сейчас позову доктора. — Я вышла и, не имея сил подавить свое волнение и жалость к страданиям человека, заплакала.

— Сестра, что с вами?..

— Ах, доктор! Он страшно страдает! — Я показала на дверь где были заперты пленные. Это был доктор Финштейн.

— Хорошо, я посмотрю, успокойтесь!

Я пошла в палату, где тоже было не меньше страданий...

— Сестра! У нас обнаружилось среди раненых трое сыпнотифозных, — говорит дежурная сестра. — Мы их отправили в сыпное отделение.

Я перевязала раненого, который лежал на столе, когда вошел доктор Финштейн.

— Что у него, сестра?

— Чистая пулевая рана! — Он нагнулся и стал пальцами нажимать вокруг раны.

— Пули в ране нет? Больно тебе, когда я нажимаю?

— Больно-то, больно! А пули там нет. Доктора, которые перевязывали на позиции, смотрели и сказали, что нет.

— Ну, хорошо! Сухую повязку. — Когда унесли раненого он сказал: — Сестра, это неизбежно должно было случиться! Он бы всё равно погиб! Рот это такая грязная вещь, а вы видели, что у него во рту одна сплошная рана. А я ведь только почистил, обрезал острые концы костей и зашил!..

На другое утро подали транспорт и погрузили на него раненых и пленных. Когда транспорт вернулся из Хоя я спросила Евсеева, как он довез раненого турка? — Помер в первый же день пути! Мы его сдали на казачьем посту и его там похоронили; его товарищи прочли молитву над ним...

Прошло несколько дней после всех этих волнений. — Както после обеда к нам в госпиталь заехал генерал Термен и сказал: — Сестры! А ведь дети-то у нас совсем голые!.. Их нужно одеть. Идут холода, а природа, к сожалению, не наделила их пушистой шерстью. И наши звереныши просто погибнут от холода. Стекол в окнах нет, да и купить негде! А послать за ними нужно в Хой, или в Дильман. Это далеко. И денег нет. Но, зато у меня есть ситец, мы нашли его в армянских тайниках. Вот было бы хорошо, если бы вы, сестры, пошили хотя бы только рубахи. Но только длинные! Чтобы было теплее! Только бы нам прикрыть их от холода. Да и больше будут походить на человеческих детенышей!

— Я умею шить и кроить, — сказала сестра Ольга. — Я накрою для всех и буду показывать другим как шить. — Скоро дети были одеты в пестрые, яркие рубахи.

Через улицу, против госпиталя, стоит дом, мимо которого я хожу каждый день. Нижний этаж без окон. Толстая дубовая дверь всегда плотно заперта, а окна на втором этаже заделаны толстыми решотками. Там лежат сыпнотифозные... Я всегда прохожу мимо не задерживаясь, так как не работаю в заразном отделении. За ними смотрит специальная сестра и санитары. Сегодня ночью эти тифозные подняли настоящий бунт, который услышало начальство. Эти несчастные, исключительно тяжело больные, среди них были и раненые, требующие всегда особенно тщательного и непрерывного надзора, при высокой температуре и в беспамятстве оставались на всю ночь в полном одиночестве и без всякого ухода!.. Специально ими заведующая сестра запирала дом на ночь на замок, а сама уходила домой на всю ночь. С шести часов вечера и до восьми утра больные оставались совершенно одни. Больных в беспамятстве она привязывала к койке! Сколько их погибло в этих ужасных условиях — осталось навсегда тайной... Но сегодня ночью один из больных сохранивший сознание, стал кричать караул и трясти оконную решетку. Кто-то, проходивший по улице, услышал и поднял тревогу. Пришли какие-то солдаты, сломали замок и вошли в эту сестринскую тюрьму, где стояли крик и плачь: — Пить! Пить!.. Воды!.. — неслось со всех сторон. — Сестра каждую ночь запирает нас на замок! А сегодня воды нам совсем не оставила! — говорили больные солдаты.

В комнате стояла вонь от нечистот... Пустой кувшин от воды валялся на полу. Ни простынь, ни одеял, ни подушек на койках не было. Только голые сенники, сбитые в комок, лежали на досках. Некоторые больные лежали на голом полу!.. О привязанных к койкам раненых с пролежнями, говорить даже страшно, в таком ужасном виде они были... Сестра жила далеко от госпиталя, криков умирающих о помощи не слышала... Она устроила себе уютную квартиру (рассказывала это сама), собирая из пустых брошенных домов уцелевшую от разгрома мебель! Там же жил и главный врач...

После вечерней работы вернувшись домой, застала Евсеева у нас в столовой. Они с мужем пили вино из больших чайных стаканов. Как только я вошла, Евсеев взял свой стакан с вином и собрался уходить. Потом посмотрел на стакан, в котором вина было меньше половины, и сказал: — Тина Дмитриевна, разрешите долить стаканчик! А пить уж я буду у себя в комнате.

— Куда же вы уходите? Сейчас обедать будем, — сказала я.

— Что это? У обоих опять начался запой? — спросила я мужа, когда вышел Евсеев.

— Нет никакого запоя! Я устал и решил выпить немного. Пришел Евсеев. Я предложил ему выпить тоже. Но он от одного стакана уже пьянеет...

Пришел Гайдамакин и стал накрывать на стол.

— Я послал в Дильман двуколку закупить свежего хлеба, кур, яиц, если найдут, и Боржомской воды. Я подозреваю, что у тебя с печенью не ладно... Хотя ты и не пьешь вина. Гайдамакин, долей бутылку! — Гайдамакин взял бутылку и вышел.

— А ты разве забыл, что дал мне слово не пить, пока я с тобой?

— Нет, не забыл! Но я только сегодня!.. Скучно!.. Невыносимо скучно!.. Знаешь, что нет выхода! Пей, не пей, — всё равно нет выхода! Два года подбираю и вывожу раненых! А они не уменьшаются... Сегодня вывезу всех, а завтра опять набираются сотни таких же жалких, изуродованных, бывших людей. Десятую тысячу ведь я их вывожу! И все они похожи один на другого, — все как один! Разница только в том, что у одного рана побольше, у другого поменьше. У одного в голову, у другого в ногу. И конца нет этому!

— Тебе, Ваня, непременно нужно уехать в тыл и отдохнуть!

— Хорошо это говорить! А как я уеду? Если бы мог, конечно уехал бы сейчас же. Так всё надоело здесь!

— Подай рапорт о болезни и тебе разрешат уехать, хотя бы на несколько месяцев. А там может быть устроишься где нибудь в лазарете или в госпитале.

— Хорошо, очень хорошо ты говоришь!.. Ну, а кто же здесь то будет работать, в транспорте?! Стоит мне уехать на неделю только, и здесь всё пойдет к чорту!

— Да что пойдет к чорту? Чего ты беспокоишься? Раз ты уедешь, пришлют другого хотя бы временно, или будет заменять Евсеев.

— Ну, нашла заместителя! Ведь он же совершенный рамолик и развалина! Он же умственно ненормальный! Я хотя и пью, но головы не теряю и держу всю работу в своих руках. А у такого типа, в одну неделю всё придет в полную негодность! Весь транспорт развалится: лошадей покалечат, двуколки разобьют! Транспорт сразу выйдет из строя... А у меня он, хотя и потрепанный, но вполне работоспособный...

— Допустим! Но нельзя же губить себя ради лошадей и двуколок! В другом месте ты сможешь принести еще больше пользы России! А здесь ты погибнешь, сопьешься!..

— Всё равно! Отсюда нет выхода! Раз попал, — крышка! Кого сюда пошлют? Все там пускают вход и тетей, и сестер, и жен, лишь бы только никуда их не посылали из больших городов. А за меня и просить-то некому! Да если бы и нашелся кто нибудь, чтобы похлопотать за меня, так всё равно ничего из этого не выйдет!

— А вот и выйдет! Ты попробуй! Напиши рапорт. И увидишь, что и тебе тоже дадут заслуженный тобою отдых!

— Почему ты так уверенно говоришь? Надеюсь, ты не ходила просить кого нибудь за меня?

— А если бы я просила, — разве это такое большое преступление с моей стороны?

— Неужели ты была у инспектора? Не может этого быть! Я тебя не узнаю... Ты для меня новая, какая-то...

— Да! Я была у инспектора и всё ему рассказала! Я умоляла его помочь мне спасти тебя! Дать тебе работу в тылу, хотя бы не надолго. И он обещал мне сделать это, если ты подашь рапорт о болезни...

— Ни за что я этого не сделаю! Это позор! Кажется вся наша семья состоит из подлецов!.. Ни у кого нет ни чести, ни сознания долга!.. Чёрт знает, что такое!.. Как ты могла пойти и просить, чтобы меня, спившегося алкоголика, перевели в тыл?!..

— Ваня! Ты не видишь, как люди устраиваются. А это не есть, ведь, устройство!.. Ты болен! — Ты погибаешь здесь! И здесь для тебя нет спасения!.. Вон, первый твой помощник доктор Штровман, тот при первом же выстреле уехал! У него было уже припасено место в Самаре. А ты просто больной и уставший человек нуждающийся в отдыхе.

Но муж даже не обратил внимания на мои слова, так был поглощен своими мыслями. Я очень хорошо понимаю его состояние. Гордость, самолюбие и высокая порядочность не позволяли ему поступить так, как поступали многие, иногда совершенно не стесняясь в средствах для достижения своей цели. И он не мог согласиться с моими доводами. Бросить транспорт и работу в нем!.. Он думал, что это равносильно тому, если бы боевой офицер или генерал бросил свою часть, полк или дивизию, и стал бы проситься о переводе в тыл, на спокойное место... Я чувствую и знаю, что он никогда не сделает ничего подобного. Ну, что же! Значит так и должно быть! От судьбы не уйдешь... А я его не оставлю одного, что бы ни случилось, пока война не кончится. Он делает большое дело! Может быть оно и не такое заметное, как могло бы быть внутри страны. Но он служит России, спасая многих раненых своевременной по-

мощью и вывозом их в госпиталя тыла. Так было в прошлом году в Сарыкамыше. Муж всегда шел первый на позиции на горы! И за ним уже шли и санитары. Они на руках спускали по обледенелым скатам полузамерзших, тяжело раненых, грузили их на двуколки и вывозили в ближайшие к фронту госпиталя. Конечно, я бесконечно жалею его, родного, близкого мне человека, — но всё, что он делает — нужно для России! А другой на его месте, может быть, и не сумеет сделать то, что делает муж! Господи! Спаси и сохрани, мне моего мужа и помоги Родине моей выйти из этого тяжелого испытания!.. Дай вернуться всем к мирному труду и к своим семьям!.. Я в душе молюсь и невольные слезы текут по моему лицу. Муж сидит опустив голову и ничего не замечает. Поданный обед не тронут.

— Ваня! Родной мой! — Я встала перед ним на колени, положила голову на его руки и плачу...

— Что ты, Тиночка, любимая моя деточка!.. Не плачь! Ничего мы с тобой не можем изменить... Тысячи гибнут каждый день молодых, здоровых людей... Им так же хотелось жить по человечески. А их сваливают в общую яму и конец! Ни жены, ни матери, ни дети их, никогда не узнают где могила их отца, мужа, или сына... А мы с тобой еще в очень хороших условиях живем. Самое главное это то, что мы вместе! Да и вон в какой прекрасной комнате живем! Моемся каждый день, едим правильно и не плохо, — он показал на стол и на нетронутую еще на нем еду. — А там, в окопах ведь такие же русские люди! А они ведь лишены всего этого! Едят когда придется, не спят по несколько ночей... А про мытье уж и говорить нечего, всех вши заедают! И только когда не могут уже больше держаться на ногах падают где придется и засыпают... Ты сама видела результаты там на поляне, где рядами лежат заснувшие на веки солдаты вырезанной турками нашей роты!.. Понимаешь ли ты весь ужас положения? Легли чтобы отдохнуть после тяжелого дня и многих бессонных ночей... и не проснулись!.. А теперь лежат, сваленные в одну общую яму... Когда я ездил за ранеными в последний раз, присел я на камень, и курю... Лошади отдыхали и нагружать раненых было рано. Подошли ко мне несколько человек врачей, офицеров, а с ними тот капитан, который командовал этой вырезанной ротой... Он был всё еще в совершенно подавленном состоянии... Стали разговаривать о боях, о западном фронте, о тыловой жизни. Один из врачей стал рассказывать: — «Я только что вернулся из отпуска. И прямо вам скажу, что рад, что опять я здесь! Узнать нельзя нашу публику в городах! Все какие-то взвинченные! Говорят совсем не то, что говорили раньше, до войны. Всюду

пьянство, разврат. Куда ни придешь, мужья и жены или разводятся или уже развелись! Дети в семьях стали лишними, матерям смотреть за ними некогда! А рестораны полны веселой, нарядной публикой. У всех деньги без счету. Походил я по кабакам и ресторанам (для этого и поехал!). И насмотрелся!! Все они переполнены толпами здоровых и крепких молодых людей... Одеты, — как модные картинки, или под восточного бандита, — с целым арсеналом оружия на нем... Это всё спекулянты! Всё — коршуны, питающиеся и жиреющие на трупах жертв войны!.. Они всегда кутят группами. Шушукаются, встают, бегают, что-то записывают, подсчитывают, шепчут друг другу на ухо, требуют шампанского, заказывают музыку, какая им нравится. Прямо скажу вам, господа: я рад, что вернулся сюда, в тихое, святое место!» — закончил врач. — «Еще раз приходится пожалеть, что турки меня не прикончили вместе с моими солдатами», — сказал вдруг, молчавший до сих пор капитан. — «Успеете! Времени еще много для этого впереди», — ответил молодой офицер. — «Всё равно деться нам некуда! Турки ли расстреляют, от тифа ли умрем? Вон каждый день роют новые братские могилы!.. А кончится война, мы же будем опять расплачиваться и за фронт и за тыл, когда вернемся домой». — «Неизвестно еще до чего довоюемся, если в тылу уже сейчас идет такое разложение!» — сказал капитан. — «У нас здесь всё же какая-то нормальная жизнь. А в тылу бездельники, кутилы и спекулянты, — все только и дрожат на яву и во сне как бы их, несмотря на всю протекцию и подкупы, не погнали на фронт. Из страха перед возможностью попасть на фронт они всеми способами ведут пропаганду против войны среди женщин и среди подобных себе. Война-мол ужасна! Довольно лить народную невинную кровь!» — Капитан вскочил, швырнул папиросу и опять сел. — «Неужели всё это действительно происходит?» — спросил он меня. — Я ведь на фронте с первого дня мобилизации, и ни разу еще не был нигде в тылу. Но доктор Ващенко ездил домой. И он рассказывал почти то же самое! Мы здесь живем прямо, как святые. Разве только иногда выпьем какой нибудь сивухи. А в тылу много ведь соблазнов! — Главное, денег много и время не так занято.... Больше всего его поразило то, что семьи разваливаются. Многие мужья вернувшись с фронта не найдут того, что оставили, когда уезжали из дому... А прошло-то всего только два года с начала войны! — «Я тоже с первого дня на фронте. Жена живет в глуши, у тещи. Пишет редко. Здоровье у нее не важное. — Пять ведь человек ребят! Сама на всех шьет, моет, кормит! К ним туда и новости-то наши доходят когда мы о них уже забыли!» — ожи-

вился наш капитан, как только заговорил о семье. Полез в нагрудный карман, вытащил серый растрепанный конверт, повертел его в руках и опять положил в карман и зестегнул пуговицу. Я подумал, что у него в конверте карточка всей его семьи и он хотел показать ее мне, но почему-то раздумал. — «Вот, видите, капитан! Жизнь ваша очень нужна вашим детишкам! И, если вы спаслись сейчас от турецкого кинжала, то от этого выиграла и Россия!!..» — Когда транспорт был готов я попрощался с капитаном, но он пошел проводить меня до моей двуколки. Я просил его, если он будет в Ване, чтобы зашел к нам... Вот родная моя Тинушка, это жизнь войны! И мы ничего не можем изменить в ней! Мы только крошечные, самые ничтожные колесики в этой огромной машине войны. Но без нас эта машина не может работать! Она остановится! Поэтому мы останемся на своих местах и не будем нарушать правильную работу этой машины... — Он всё время гладил мою голову. — А если совершенно испортятся и выйдут из строя такие маленькие колесики, как я, то их заменят другими. Вот и всё!.. Но, всё же лучше, чтобы все колесики работали подольше и без остановок... Так, моя родная Тиночка!

Вошел Гайдамакин: — Подогреть обед?..

— Разве мы еще не обедали?

— Никак нет! Обед простыл уж. Я возьму и подогрею...

— Ты видишь, при многих лишениях мы с тобой живем еще по барски и, если еще приносим хоть маленькую пользу нашей родине, то мы должны благодарить Бога.

— А вот и суп! Где бутылка с вином?

— Я думала что она тебе не нужна. Ее вынесли, я приказала...

— Нет! Не плохо бы выпить стаканчик...

На другой день, когда я пришла в госпиталь, раненых уже напоили чаем и стали приготовлять к отправке. Доктора Финштейна еще не было в госпитале...

— Как же быть? Вон тот раненый жалуется, что всю ночь не спал. Болела рана. Его нужно осмотреть и перевязать? — сказала дежурная сестра.

— Мы и без доктора перевяжем! Через час подадут транспорт за ранеными. Мы должны их приготовить к отправке! Санитары, несите вот этого в перевязочную. — Мы перевязали троих тяжело раненых. Я стала разбинтовывать четвертого. Но пришел доктор и стал торопить нас.

— Доктор! У него болит рана. Он всю ночь не спал. Посмотрите рану!

— Теперь, сестра, нет времени перебинтовывать его. Да я всё равно ничем не могу помочь ему. А транспорт из-за одного раненого мы не можем задерживать! Положите сухую повязку и пускай выносят — и доктор вышел...

— Сестра! Снимайте бинты! Я пойду и скажу, чтобы подождали, пока мы его перебинтуем! — Мы с сестрой стали его перевязывать. Раненый всё время стонал и жаловался: — Всю ночь так и «мозжит»! Совсем заснуть не мог. Хочу повернуться на другой бок, и тоже не могу!.. Нога-то как колода «чижолая»! Товарищи ругаются, что им не даю спать... А я бы и рад сам заснуть, да куды там, — больно! Так и промучился всю ночь...

— Что же не позвал санитара, или сестру?

— Да я звал! Так разве дозовешься кого? Всю ночь никто в палату не приходил к нам... Ну, да спасибо, теперь лучше стало, как перевязали рану-то!..

— Я рада, что тебе лучше стало. С Богом езжай! Вот подживет рана, — домой тебя пустят.

— Ох, сестра! Как охота поехать-то домой!.. Жена живет с родителями. Старые они у меня. Отец помаленьку по хозяйству еще справляется, ему моя то жена помогает. А мать по домашности у печки возится! Да за внуком смотрит. Сынок ведь у меня годовалый есть! Жена писала — большой вырос. И лицом похож на меня... — как-то весь просияв и забыв и про рану, и про то, что она «мозжит», рассказывал раненый о том, что больше всего ему дорого и близко... Раненого унесли. Я тоже вышла во двор, увидела мужа и доктора Евсеева. Они проверяли раненых по списку и муж приказал выезжать. Транспорт тронулся, вытянулся по улице, стал заворачивать за угол и скоро весь скрылся вдали.

Глава 2

— Ну, ты сегодня свободна! Всех раненых отправили. Идем домой. Я получил от доктора Щукина записку, — приглашает на охоту. Он заедет к нам после обеда и мы поедем пока втроем. Он хочет поохотиться на бекасов, у него прекрасное охотничье ружье. А к вечеру туда приедет доктор Ващенко и другие на вечерний утиный перелет.

— Мы пришли домой и стали приготовлять закуску, чтобы взять с собой, и, конечно, выпивку тоже. Приехал доктор Щукин, — маленький, щуплый, с рыжей бородкой. И сейчас же заторопился. — Скорее! Скорее! Едемте! Погода прекрасная; как раз ходить по болоту. — Мы поехали к Ванскому озеру, которое было от города в десяти верстах. Местность была совершенно ровная. Дорога, как все дороги в Турции, простая, грунтовая, но довольно хорошо накатанная. Проехали мы несколько верст. Стали попадаться вдоль пути домики. Начиналась дачная местность. Но мы поехали по боковой дороге, отходившей в сторону от дачь, тянувшихся почти до самого озера. Не доезжая до озера мы остановились. Щукин сказал, что дальше ехать не стоит. — Вы располагайтесь вот здесь на валу, под деревьями. А я пойду по болоту бекасов стрелять!

— Подождите, сейчас откроют вино! Выпейте для удачи, — сказал муж.

— Ну нет! Это уж не полагается! — отказался Щукин и спустился с вала прямо в болото, которое тянулось вдоль полосы камышей.

Ткаченко принес ящик с закуской и вином. Разостлали одеяла и мы сели. Муж взялся за вино и закуски. . . Совсем не далеко от нас, прямо из-под ног доктора Щукина вылетали, небольшие птички, делали дугообразный перелет и опять садились дальше в кочки болота. Доктор шел к тому месту где садились маленькие серенькие птички. Они взлетали опять. По дороге вылетали еще другие и так же описав дугу, комом падали в зеленую траву, которая покрывала всё болото. Но вот раздался первый выстрел и какая-то несчастная птичка упала! Доктор

подошел, подобрал, и, потрясая первой добычей в воздухе, крикнул: — Это ваша Тина Дмитриевна! — Потом выстрелы стали раздаваться чаще, и мы видели, как доктор кружился по болоту гоняясь то за одной, то за другой птицей, которые улетали от него. Издали его стрельба казалась нам безрезультатной. Но он уже был на другом конце болота и мы плохо его видели. Солнце уже спустилось низко. Скоро должны были приехать и другие охотники. Наконец доктор Щукин вернулся к нам и показал свой трофей. Это была одна единственная маленькая птичка с длинным клювом. Больше ему не удалось убить ни одной...

— Напуганы!.. Не подпускают близко! Не успею подойти, а они уже снимаются... Тина Дмитриевна, после охоты мы поедем к вам и зажарим эту дичь. Но, пожалуйста, вся птица вам, а головка мне!..

В это время из-за бугра, с другой стороны дороги показались несколько человек... — А! Вот и охотники! — Те тоже увидели нас и помахали нам руками. Когда все подошли, поздоровались, муж предложил выпить. Все выпили...

— Вон утка! Утки летят! Это еще только одиночки, — сказал один из охотников. — Но, пожалуй, пора уже становиться на места. Скоро уже начнется перелет! Мы должны занять места до начала тяги, — сказал доктор Щукин. Все пошли к дороге недалеко от камышей. У всех охотников были винтовки. Только у одного доктора Щукина было охотничье ружье.

— Поэтому я лучше здесь встану на последнее место, — сказал он. — Если вы все промахнетесь, то я уже наверняка убью... И он стал расставлять всех по номерам. А сам встал последним. Меня поставил около себя; потом встал муж, а дальше все другие. Мне дали винтовку, которую я держала первый раз в руках. Муж стал объяснять, как нужно целиться в утку. Солнце село где-то за горами и сразу стало темнеть.

— Тише! — скомандовал доктор Щукин. — Утки летят! — У меня по телу пробежала дрожь. Я стала сжимать винтовку в руке, а палец невольно сам тянет за собачку... Вдруг позади меня раздался выстрел! Потом другой, третий!.. Муж тихонько сжимает мою руку, чтобы я не волновалась. Но в это время над моей головой с шумом и свистом пролетала целая вереница уток... Я выстрелила. Мне показалось точно из пушки, выстрелили совсем около меня, такой был сильный звук выстрела! Я ничего не видела и не знала убила-ли я утку или нет, но мне хотелось еще стрелять! Муж взял мою руку и сказал: — Видела? Ведь ты убила утку! — и взял от меня винтовку. Все охотники окружили меня и стали поздравлять. — Вот так здорово!

Первым же выстрелом убили! — говорили они. Но я стояла ничего не понимая. Я знаю, что я не целилась, а выстрелила в вереницу, которая была над головой. Но все видели, что утка упала сразу после моего выстрела.

— Нет, нет! Я не могла убить! Это кто нибудь другой, но не я, — стала я оправдываться. Потом выяснилось, что я выстрелила одновременно с мужем и, конечно, убил утку он, а не я. Пошли все к озеру искать утку. Но она упала в камыши, а лодки не было, поэтому поиски отложили до утра. Мы пошли по песчаной косе, которая отделяла ту небольшую полосу воды между берегом и озером, на которой ночевали утки, гуси и множество других водяных птиц. Было почти уже совсем темно, но было слышно, как утки с шумом и кряканьем летели над нашими головами и садились на воду. Хотя они нас может быть и не видели, но должно быть чувствовали наше присутствие и беспокоились. Селезни крякали не переставая...

— Если бы была лодка, так прямо можно было бы руками наловить их, сколько угодно, так много их тут! — сказал кто-то позади меня.

— Но, так как у нас нет лодки, то едемте домой, — предложил Щукин. Мы вернулись к двуколкам.

— Господа! Едемте ко мне выпить по стаканчику вина и закусить, — предложил муж.

— Хорошо! Выпить всегда неплохо! Но насчет закуски отказываемся. Нас в штабе будут ждать, — сказал доктор Ващенко.

Приехали мы домой и доктор Щукин сам стал объяснять Гайдамакину, как нужно жарить единственную, но особенно замечательную дичь. Гости выпили по стакану вина и уехали, кроме доктора Щукина, который остался у нас ужинать. Когда подали жареного бекаса, который без перьев оказался не многим больше воробья, доктор Щукин отрезал себе головку, а птичку положил мне на тарелку. Я хотела отдать половину мужу, но он отказался. По правде сказать, — так в этой птичке и еды-то никакой не было!

Как только уехал доктор Щукин, я пошла спать. — Ваня! Ложись спать! Поздно уже, и ты устал...

— Нет, я посижу еще. А ты ложись и спи. — Просыпаюсь ночью, вижу в передней половине комнаты горит свет, а на постели мужа нет. Я встала и заглянула за перегородку. Муж сидел боком к столу, положив на него локоть, а голову на руки. В стакане было немного вина, но бутылка была почти пустая.

— Ваня! Ты еще не ложился спать! Ведь уже три часа утра. Он поднял тяжелую, одурманенную голову, посмотрел на меня мутным взглядом...

— Хорошо, хорошо! Ты иди и спи. А я еще посижу. — Он протянул руку, взял бутылку и налил в стакан. Я взяла стул и села к столу напротив него. — Ну, хорошо. Хочешь вина, на пей, — предлагал он.

— Мне холодно сидеть тут. Идем спать, а вино завтра допьешь.

— Нет! Я лучше сегодня его допью! Завтра будет другое...

Я взяла стакан и выплеснула вино прямо на пол.

— Напрасно ты вылила вино. Теперь мне придется позвать Гайдамакина, или самому идти на кухню искать вино...

— Пожалуйста, Ваня! Не делай этого. Пойдем спать. — Он смотрел на меня мутными, воспаленными глазами, и мне казалось, что он совершенно ненормален, что он уже сошел с ума... Вот в таком состоянии он может что угодно сделать! Вплоть до убийства...

— Завтра у меня много операций в госпитале. Да и генерал Термен просил меня смотреть за детьми, — вру я, чтобы отвлечь его от вина и мрачных мыслей, (ведь он сам знает, что всех раненых сегодня вывезли).

— Хорошо! Идем спать! Я не пойду за вином на кухню. Только жалко, что ты вылила вино на пол, я хотел его допить...

— Завтра допьешь. Иди ложись, я потушу лампу и приду тоже.

Когда я легла в постель у меня зубы стучали от нервного напряжения и волнения. Я поняла, что мы — обреченные жертвы, и что для нас нет ни спасения, ни выхода. Мы так же погибнем, как гибнут и другие! Только одни гибнут от пуль, другие от тифа, а третьи от алкоголя! Конец же для всех один! Утром муж встал мрачный. От чая отказался.

— Принеси вина и что нибудь закусить, — приказал он Гайдамакину.

— Ваня, пойдем в детский лазарет. Посмотрим, что там делается.

— Хорошо, только дай мне выпить стакан вина...

Мы пошли в госпиталь, а оттуда в детский домик. В это время как раз сестра и санитар шли кормить детей. Так же как и в первый раз моего прихода сюда, дети сразу набросились на ведро с кашей, но санитар ведро поднял высоко и что-то по-армянски говорил им. Они мало его слушали и, плача и крича, продолжали тянуться к ведру. Многие уже были одеты в пестрые, длинные рубахи. Но кашу всё еще многие ели как животные, прямо слизывая ее с тарелки языком. На нарах лежало много стеганных, теплых одеял и подушек, собранных в брошенных домах. Но вонь в комнате попрежнему стояла ужасная. Муж вышел. — Я буду тебя ждать снаружи, — сказал он. После

кормления детей мы пошли домой и я стала шить рубаху для детей, скроенную сестрой. Но много мне сшить не удалось. На следующий день муж получил из штаба предписание ехать в Тавриз за ранеными.

— Что за дикая мысль посылать отсюда, когда, гораздо ближе к Тавризу, есть другие перевязочные пункты! Муж читал несколько раз бумагу. — Не понимаю откуда в Тавризе наши раненые взялись? Ну, да это всё равно! Раз приказывают, значит нужно ехать! Поеду я туда сам. Я знаю персидский язык и это много облегчит поездку. Сегодня должен вернуться из Хоя доктор Евсеев. Он с половиной транспорта будет работать здась. Хочешь ты поехать со мной?

— Да хочу. Тем более, что в госпитале сейчас нет работы.

— Хорошо. Посмотришь новые места. Я был в Тавризе несколько раз и знаю его хорошо... Гайдамакин! Позови старшего по транспорту ко мне, так как подпрапорщик уехал с Евсеевым. — Пришел солдат и они выяснили сколько осталось санитарных двуколок, что всё в исправности, что лошади в порядке. — Завтра мы выступаем в Персию, в Тавриз за ранеными! Скажи команде, чтобы готовились. Я поеду с транспортом сам. Выедем я думаю в восемь часов утра. — Солдат ушел. Утром следующего дня мы выехали на юго-запад в Персию.

*

Два дня мы ехали до Тавриза. Ночевали прямо в поле. На костре варили еду. Дорога ничем не замечательна. Скучные голые горы, да изредка бедные персидские деревни... После суток езды, к обеду следующего дня, мы приехали в какой-то маленький городок и остановились на главной улице. По нашему, это была просто-напросто деревня. Но тут зовется городом и есть караван-сарай, то есть базар. Санитары распрягли лошадей и дали им корм. А мы с мужем пошли в караван-сарай поесть персидской снеди. Еще не дойдя до базара мы уже слышали мелкий, дробный стук ножей, — это кэбабщики рубили баранье мясо для кэбаба. Всякий перс, попадая на базар, непременно ест горячий кэбаб, завернутый в только что испеченный тонкий сочень (лаваш по-восточному).

— Хочешь съесть горячий кэбаб? Пойдем вон к тому. Кажется он почище других...

Мы подошли к прилавку, на котором перс раскатывал тонкое тесто. Он скосил глаза в нашу сторону, но никакого любопытства, внешне, не проявил. Но когда муж заговорил с ним на его родном языке, он сразу переменился! Что они говорили я, конечно, не поняла, но перс схватил в обе руки по тяжелому

ножу и тут же на прилавке с усердием стал рубить мясо, которое и без того было уже мелко изрублено.

— Сейчас он нам приготовит кэбаб, — сказал муж. А перс раскатал из теста два тонких сочня, повесил их на тонкую палочку и держал над горячими углями. Когда сочни были готовы, он их положил на прилавок, взял горсть рубленого мяса, помял в руке, и стал налеплять его на тонкий и плоский железный прут-шомпур, всё время раздвигая по нему мясо пока оно не образовало тонкую полоску вокруг шомпура. Тогда он его положил на мангал, где только что испек сочни и поворачивая всё время над раскаленными углями. А жир капая на угли распространял острый аромат жареного мяса, лука, перца, щекоча ноздри и вызывая аппетит. Через несколько минут кэбаб был готов. Перс осторожно снял ножем мясо с шомпура на сочень, свернул его в пирожок и дал его без тарелки в руки сначала мужу, а потом и мне. Это так было вкусно, что я, не кончив еще есть первую порцию, сказала мужу, чтобы заказал вторую для меня. Но когда я доела эту первую порцию то почувствовала себя вполне сытой. После кэбаба мы выпили горячего чая, походили по базару и пошли к транспорту. За это время лошади отдохнули и мы тронулись дальше. К вечеру мы остановились на ночлег где-то в поле. Съехали с дороги, распрягли лошадей. Солдаты развели костры и стали варить ужин. Я всегда любила сидеть у костра, где нибудь на берегу Волги, или Камы. Но и здесь, в поле без воды, было очень хорошо. Вдруг позади меня раздался чей-то голос.

— Барыня, «хочите» куриного супу? — Это подошел один из санитаров транспорта. — Мы наварили «курей». Хороший суп!

— Спасибо, ешьте на здоровье сами.

— Да вы не стесняйтесь. У нас ведь много! На каждого по куре, а то и больше придется, — убедительно говорит солдат.

— Откуда же вы достали столько кур? Купили?

— Ну, что вы барыня! Да разве у перса «укупишь» куру?! На ней перья, да кожа, а стань торговаться, так перс за нее запросит как за барана!.. Ну, — и мы не просты! Сами наловили! Ни одна и не пикнула даже! У нас тоже есть умеющие люди по этой части! Не хуже казаков!

— Слушайте! Как же это можно? Ведь мог бы выйти скандал, если бы персы заметили!

— Почему допускать до скандала? Мы действовали чисто, у нас — ни шума, ни скандала! Право барыня! Скушали мы супу с курятинкой! Где еще другой раз удастся сварить такой суп?..

На другой день к вечеру мы были в Тавризе. Остановились мы в бывшей немецкой фабрике ковров. Вернее, во дворе

фабрики, где уже были какие-то русские солдаты. Никакого помещения мы не занимали; наши солдаты спали в двуколках. Мы с мужем пошли в город искать гостиницу, чтобы взять комнату. Мы были в двух из них, но всё, что нам показывали, было ужасно! Грязь, двери не запираются, окна выходят на общий балкон, занавесок нет, уборная во дворе для всех — общая!..

— Нет, я не хочу здесь ночевать, в этой грязи! Моя двуколка идеал чистоты по сравнению с этой комнатой и кроватью.

— Ну, раз ты не хочешь брать комнату, так идем обедать, — сказал муж. Тут же, в нижнем этаже, под гостиницей был ресторан. Но ни одного свободного столика там не было. Все были заняты важными, повидимому, военными в шикарных френчах, с огромными накладными карманами, с массой разных, невиданных мною значков на груди, с широкими погонами на плечах, — не то адмиральскими, не то генеральскими! За некоторыми столиками сидели и дамы. Тоже очень нарядные. В ушах и на руках масса крупных бриллиантов. Все военные — толстые упитанные, выхоленные, очень важные, — сразу видно, что по меньшей мере командующие армиями! Я подумала, что это какой нибудь деловой банкет высшего командного начальства и смотрела с уважением на этих важных людей. Невольно взглянула и на мужа и сравнила его с окружающими... Рядом с ними он просто был оборванцем! Правда всё на нем было совершенно еще годное для носки и даже не очень поношенное. Но искать у него хоть маленький намек на элегантность было совершенно безнадежно! Да и откуда ей было быть, когда всё, что на нем было надето, покупалось в разное время, в разных местах и находилось в постоянной носке, пока не приходило в негодность. Даже дорогая каракулевая папаха тоже помята и выглядела неважно. Вот уже вторую зиму муж в ней спит, когда приходится ночевать в поле прямо на земле. Невольно взглянула я и на себя в зеркало. Я увидела там просто замухрышку! Мне сделалось просто неловко стоять перед этими нарядными дамами! На мне было коричневое помятое платье, черный фартук с красным крестом на груди; на голове белая косынка. Сверху шуба с воротником из лисицы, бывшей когда-то черно-бурой... И так мне стали все эти сравнения смешны, что я невольно засмеялась. Главное для нас теперь было то, что мы были голодны. Муж обратился к лакею:

— Мы пришли обедать, дай нам столик.

— «Абаждите» немного! Вот господа скоро кончат обедать. Тогда и столики освободятся, — сказал лакей. Муж страшно обозлился.

— Мне нет дела до «ваших господ»! Немедленно дать мне стол и обед! — крикнул он обращаясь к хозяину, толстому армянину, который стоял за стойкой.

— Тише Ваня. Видишь, что какой-то банкет у начальства.

— Какое там к черту начальство! Это всё обвешанные наградами уполномоченные и тыловые интенданты... Кто же другой может быть здесь, в тылу, в большом городе?!

Армянин позвал лакея и что-то сказал ему. — Подождите! Сейчас стол освободится. — Из дальнего угла встали и вышли двое в штатском. — Вот, пожалуйте! Стол освободился. — Мы поели, пошли к своему транспорту и спали в двуколке.

На другой день муж пошел узнать насчет раненых. Он скоро вернулся и сказал, что раненых направили по другому пути и в Тавриз они не попали. Поэтому мы можем выезжать обратно, как только люди и лошади отдохнут.

— А пока мы пойдем смотреть Тавриз и караван-сарай. Может быть купим ковры, если увидим что нибудь особенно хорошее.

Мы пошли прямо в караван-сарай. Он был замечательно интересный, во много раз больше чем Хойский. Ковры сотнями лежали не только в лавках, но и на тротуарах, и даже на мостовой где по ним ходят и ездят. Каждый торговец коврами расстилает перед лавкой на тротуаре и на мостовой много огромных ковров. Их не убирают ни днем, ни ночью до тех пор пока под ногами людей и животных не сойдет лишний ворс и ковер не станет мягким и тонким. Тогда его моют, сушат и после этого держат в лавках для продажи. Торговлю в лавках ведут только мужчины-персы. От раннего утра и до вечера, когда с минарета раздается призыв муэдзина к молитве, работа в лавках не прекращается. Но, как только раздается этото призыв, товары складываются, слегка прикрываются цыновками, а хозяева и приказчики персы всовывают ноги в чувяки, и цокая каблуками по плитам, идут к ближайшей мечети на молитву. Редко у кого лавка запирается на замок. Да и двери даже имеются не во всех лавках... Но зато по улицам всю ночь ходят сторожа и бьют колотушкой в чугунную доску. Звук этих ударов разносится далеко и гулко и как бы говорит хозяевам, что они могут спать спокойно, а воров предупреждает, чтобы они были осторожны и помнили бы о своих руках, если они у них еще не отрублены. У каждого торговца-перса есть подушка, на которой он всегда сидит на покрытом ковром полу, поджав под себя ноги, а неподалеку стоят его расписные сафьяновые, с загнутыми кверху острыми носками, чувяки. На голове маленькая каракулевая ша-

почка. Она никогда не снимается. Шелковый широкий халат подпоясанный куском пестрого шелка. Борода и ногти ярко-красного цвета, (выкрашены хной). Во рту чубук кальяна. В Тавризе самый большой караван-сарай из тех, что я видела в Персии. Это целый крытый город. Он весь покрыт крышей и улицы его тянутся и извиваются во всех направлениях. Идешь по ним и не заметишь, как очутишься в такой узкой улочке, что встречные два груженные ослика едва могут пройти мимо друг друга. Но есть и несколько широких улиц где расположены главные лавки с «заграничными» товарами. В эти лавки, где все товары продаются дороже, приезжают на разукрашенных осликах богатые персиянки. Они еще издалека видны среди моря человеческих голов. Десятки осликов идут в обе стороны. Одни из них в богато убранной сбруе, — уздечка украшена кистями из яркого гаруса с серебром. На высоком седле, закутанная в черную шелковую чадру, сидит персиянка, дама из богатого персидского общества. Около ее стремени идет маленький «адъютант», — сын, или родственник, или наемный слуга. Ни одна персидская женщина никуда не поедет без провожатого. Такой телохранитель, смотря по хозяйке, так же одет богато. На нем хорошего сукна кафтанчик, а если летом — шекловый халат, так же как и у взрослых подпоясанный широким куском яркого шелка; на голове высокая шапка светлого каракуля, на манер наших казачьих, а на ногах сафьяновые расшитые серебром сапожки. Мальчик-телохранитель одной рукой всё время держится за стремя своей матери, или госпожи, а ослика ведет старый слуга-перс. Таким образом богатые персидские женщины передвигаются всюду: и в гости, с визитом, и, главным образом, в караван-сарай, любимое место всех восточных женщин. Всё различие между богатой и бедной только в том, что украшение ослика, у менее состоятельной, победнее. Да, может быть, бедная персиянка сама правит ослом. Но около ее ноги так же держится за стремя маленький сын, только одет он не так богато и ярко. Самые же бедные персиянки идут пешком, закутанные в ситцевую чадру, и звонко стуча задками чувяк. Но и с ней так же рядом бежит ее сын, или брат, держась за ее чадру, ибо руки ее всегда спрятаны. Часто такая бедная женщина несет на голове огромный узел, где лежит всё ее имущество (одежда и посуда), а в руках, под чадрой держит еще и ребенка.

Толпа так густа, что все задерживают и толкают друг друга, особенно в полдень. На базаре стоит одуряющий, пряный, специфический восточный запах. На лотках и плоских медных подносах лежат груды сладостей, всегда ярко окрашенных, ча-

ще всего в розовый цвет. Зато толпа совсем не ярка. В ней выделяются белые чалмы на головах, большей частью стариков, изредка мелькнет зеленая, — святого человека. Тонут в общей массе мало заметные серые острые папахи ничем не выделяющихся персов. Но всё это только пятна на основном черном фоне! Женщины составляют главную массу толпы. Покрытые чуть не сплошь с головы до ног черными чадрами, они стоят и ходят по кривым и тесным переулочкам базара. Даже дети, которых так много в этой толпе, не оживляют ее мрачный оттенок. Неожиданно я, вдруг, очутилась в центре одного из таких черных пятен женской толпы... Муж сразу оказался оттесненным куда-то далеко от меня. А острые, жадные, любопытные руки хватали меня за платье, обувь, ощупывая и осматривая меня с самым бесцеремонным и назойливым интересом, как интересную вещь... Вдруг одна из этих черных назойливых ворон, державшая меня за руку, откинула свою чадру с лица и обдала меня блеском своих прекрасных, лучистых, громадных глаз и радостью улыбки и жемчужно белых зубов. Но только на короткое мгновение и снова чадра закрылась! И невозможно было сказать которая из этих ворон скрывает под своей чадрой столько радостно-лукавой молодой красоты... Как песчинки в пустыне, все одинаковы и все равны под чадрами... И только молодой смех звучит с разных сторон радостью, которую не могут убить даже эти мрачные чадры. Персы сидят целыми днями на базаре, прислонившись спиной к стене, или просто на корточках, и курят. Кто из них и когда работает не знаю. Но, пока не закроется базар, тысячи праздных людей сидят и ходят, ничего не делая и ничего не покупая. Да даже и едят очень мало! Обошли мы с мужем весь базар, посмотрели ковры, но не могли ни на чем остановиться. Ковры все так хороши, что хотелось бы все их купить. Но возить их трудно, а дома у нас их и так много. Зато мы накупили много сушеных и вяленых фруктов и орехов. В конце концов мы зашли в персидский ресторан, поели шашлыка, выпили чаю и затем пошли в транспорт.

Узнав, что санитары тоже уже пообедали, муж приказал запрягать и через час транспорт уже выезжал из Тавриза обратно в Ван. В том городке, где несколько дней тому назад санитары наловили персидских кур, мы не остановились, а проехали верст десять дальше и заночевали прямо в поле. На другой день, на походе, мы увидели большое стадо дроф совсем близко от дороги. Я подумала, что это домашние индюки, так спокойно они ходили и щипали траву. Но старший солдат подошел к нашей двуколке, сказал, что это дрофы и просил разрешить пострелять по ним хорошим стрелкам из винтовки.

— Нет, это опасно! Вон, по той стороне котловины, идут обозы. Как нибудь специально из Вана съездят пораньше утром и поохотятся. А теперь опасно! — сказал муж.

Я видела как был разочарован солдат, но он ничего не сказал и ушел, а транспорт продолжал свой путь дальше. Когда мы вернулись «домой» доктор Евсеев отрапортовал, что в транспорте всё благополучно; что его вызывали на позицию только один раз и не за ранеными, а за тифозными больными. Санитары-охотники вечером пришли проситься ехать на охоту. Дела в транспорте не было и муж разрешил. Уехало человек десять в эту же ночь, а на другой день вечером вернулись и привезли двух убитых дроф. Вся команда ела их целую неделю. Принесли и нам крыло, которое мы никак не могли съесть до самого отъезда.

Вскоре после возвращения в Ван, в декабре, муж получил предписание ехать на замен другого транспорта в Хой. Транспорт стал готовиться в дорогу. Муж осмотрел все двуколки и лошадей, и совершенно случайно обнаружил спрятанное в двуколках добро, натасканное из разрушенных армянских домов. Несмотря на строгое запрещение мужа, санитары не могли утерпеть, чтобы не взять брошенное добро. И в двуколках под сенниками были запрятаны медные тазы, казаны, стеганные шелковые одеяла, подушки и другие вещи. Я пошла в госпиталь попрощаться, но там ни кого не застала, — уехали на охоту. Рано утром транспорт выступил из Вана. Не успели мы отъехать несколько верст, — слышим крик: — Стой! Лови! Держи! — Транспорт остановился. Оказалось, почти в каждой двуколке были кошки. Почувствовав, что их куда-то везут они вышибали крышки ящиков и убегали. Мы видели, как они бежали в горы.

— Пропали денежки! — с сожалением сказал наш Ткаченко. — Говорили что здешних кошек в Тифлисе покупают по двадцать пять рублей. Солдаты ночей не спали, ходили облавой на этих кошек. Эта была охота потруднее, чем на дроф!

Приехали в Хой и, конечно, никакого помещения для нашего транспорта не нашлось. Транспорт остановился лагерем на площади между Европейской гостиницей и тем госпиталем, в котором я жила перед отъездом в Ван. Был уже декабрь на дворе и ночи были очень холодные. У нас в палатке стояла железная печка. Когда она топилась, то было еще сносно. От безделия солдаты с утра до вечера болтались в караван-сарае. Но однажды пропало несколько казаков! Через несколько дней

нашли их трупы во рву за крепостной стеной. Она шла вокруг всего караван-сарая, а ров был глубок, но только без воды. Только весной он наполнялся водой... После этих убийств, муж запретил отпуски и только разрешалось ходить группами и то не надолго. Как-то пришел к мужу санитар-армянин и сказал, что на базаре продают очень хорошие шкурки куниц. Мы поехали с мужем и купили десять шкурок. Когда наш санитар узнал сколько мы за них заплатили, то сказал, что с нас в три раза взяли больше, чем спрашивали с него. Муж дал ему денег и просил купить еще, если он найдет. Он принес несколько, но сказал, что мы совершенно испортили цену. Шкурки не отдают теперь уже дешево! До прихода русских в Хой шкурка куницы продавалсь там по рублю. Теперь за такую шкурку просят десять рублей! Да и то все раскупают на расхват. Персы тяготятся пребыванием русских войск в их стране. И, несмотря на высокие цены, неохотно ведут с нами дела. Но, только муж заговорит с ними по-персидски, они сразу меняются. Охотно разговаривают, продают дешевле. В особенности если узнают, что мы из Баку. В Персии нет городка или деревни из которых не уехал бы кто нибудь на заработки в этот чудесный золотой город. Продававший нам шкурки перс обещал достать их для нас еще сколько мы захотим.

Жить в Хое скучно в непривычной обстановке без дела. Да и как можно жить зимой в палатке?! Вечером еще ничего: топится железная печка; на ней всегда стоит чайник и греется вода. Хоть и совсем не хочется пить чай, но пьешь его всё время. Это главное развлечение... Под потолком подвешена на проволоке керосиновая лампа. Муж сидит на своей койке, я на своей. Читаем газеты, хотя и очень старые. Днем сидеть в палатке невозможно. Без лампы — темно, а зажигать ее днем неприятно. Главное и постоянное занятие, — топить чугунку...

Ходила в госпиталь. Но у них у самих нет никакой работы. Сейчас на Ванском фронте полное затишье. Где-то на другом фронте идут бои, и наши войска наступают. Кажется на Эрзерумском направлении. Вот где теперь много работы!.. А мужа заткнули на край света, в эту дыру! Решила пойти походить по улицам и посмотреть, как живут персы. С нашей площади я пошла в первую попавшуюся на глаза улицу. По правде сказать ее и улицей-то назвать было нельзя. Идешь, как по дну узкой пыльной канавы, а по обе стороны тянутся высокие, каменные стены. Изредка попадается в этой стене маленькая, едва заметная дверка-калитка. А что за ней никак не увидишь. Только чувствуешь, что там идет какая-то своя невидимая для тебя жизнь. Да видишь безлистые ветки деревьев. Дверки в стене

окованы солидным железом. Висит толстое кольцо или молоток, чтобы постучать когда нужно, чтобы открыли эту дверку, которая всегда на запоре... Далеко я прошла по этому ущелью-улице и ни одного человека не встретила по пути. Всё жутко-тихо и мертво. Невольно повернула обратно к лагерю. Вдруг кто-то схватил меня крепко за руку! И не успела я опомниться, как очутилась втащенной в маленькой дворик! Калитка за мной захлопнулась и толстый брус уже положен поперек ее в глубокие пазы. Передо мной стояла молодая персиянка, втащившая меня во двор. Она хохотала как сумасшедшая, показывая блестящие белые зубы. Молодая, с непокрытой головой. Черные волосы заплетены в четыре косы с массой вплетенных в них серебряных монет. На руках медные браслеты, на шее яркие стеклянные бусы. Одета в красного ситца длинную кофту и такие же шаровары. На босых ногах чувяки без задков. Она опять взяла меня за руку и повела в дом. Дворик был небольшой. Посреди, квадратный бассейн, с проточной водой. Вдоль стен грядки с цветущими нарциссами. Дорожки выложены плитами. Чистота. Солнце ослепляющее. Дом занимал весь фасад двора. Вся стена его была стеклянная. Из дверей вышли еще две женщины постарше той, которая затащила меня, а с ними три девочки и мальчик лет восьми. Все смотрели на меня, как на белую ворону и быстро что-то говорили. Мы вошли в дом и они стали показывать мне свою гостиную. Это была длинная комната, одна из стен была из цветных стекол и выходила на дворик. В ней было прохладно, но темновато, часть стен и пол были завешаны и устланы коврами. Ковры на полу лежали один на другом. И груды подушек. Стояли низенькие столики, украшенные перламутром, серебром, и слоновой костью. Всюду медные кувшины всех размеров, и подносы от самого маленького и до огромного. Они висели на стенах, стояли на столиках и на полу. Около наваленных подушек стояли кальяны. Женщины сели кто на подушки, кто прямо на ковры и знаками приглашали сесть и меня. Чтобы не показать, что трушу, я села на минутку. Но сейчас же встала и сказала, что всё у них мне очень нравится, и хотела уже уходить. Но старшая из женщин сделала мне знак, чтобы я опять села. Потом она что-то сказала одной из молодых женщин и та вышла из комнаты позвав с собой мальчика. Через несколько минут они вернулись неся на подносе сладости и стали меня угощать. Хотя страх у меня не прошел и мне больше всего хотелось поскорее очутиться на улице и на свободе, я всё же делала радостное лицо и хвалила всё единственным словом, которое я знала по-персидски — «якши»! Они все от души хохотали. Глаза у всех черные, блестящие и очень кра-

сивые. Зубы белые, ровные. Волосы у всех густые, длинные, заплетенные в несколько кос, а на лбу чёлка, То-ли день был будний, рабочий, но все женщины были в ситцевых одеждах. Я встала и стала их благодарить. Женщины окружили меня кольцом, трещат что-то все вместе и показывают на мою одежду. Они бесцеремонно поднимали подол юбки и расспрашивали обо всех предметах моего туалета. Дико хохотали над лифчиком и панталонами. Потом они расспрашивали меня кто я — «ханум» или «кызы». Я объяснила, что я ханум и что муж мой доктор и они поняли меня. Я стала опять прощаться с ними. Думаю, — довольно шуток, пойду домой! Но, не тут-то было! Только я хотела перешагнуть через порог, одна из женщин схватила меня за руку и насильно усадила опять на подушку, а старшая из женщин что-то сказала молодой и та быстро убежала из комнаты. Вероятно за веревками, чтобы меня связать, — подумала я... Но девушка вернулась с большим подносом, на котором лежали сушеные фрукты и сладости, чтобы я взяла с собой домой. Я молчала, но зато все остальные громко разговаривали, размахивали руками и всё время показывали на меня. Я снова решительно встала, чтобы идти к дверям, но они опять стали рассматривать мою одежду. Когда всё было рассмотрено, одна из них, та самая, которая захватила меня в плен, стала показывать как они одеты. Она подняла кофточку, а под ней не было ничего! Даже рубашки! Так же прямо на тело надеты шаровары, да чувяки на босу ногу! Я стала пробираться к дверям. Но та же молодая женщина взяла меня за руку и повела через сени к лестнице. По ней мы поднялись на крышу. Перед нами за домом расстилался большой сад. Сад этот и вся земля дальше, были обнесены высокой глиняной стеной. Вдали виднелись ворота для скота и телег. Я с тоской смотрела туда, где была площадь и мой Ваня, но ничего не могла разобрать, всюду только плоские крыши и голые деревья садов.

— Летом здесь хорошо, ты приходи к нам, — сказала женщина. Точно я к ним пришла сама, а не была затащена силой! Потом мы спустились с крыши и вышли во дворик, где были все женщины и дети... Прощаюсь, смело иду к воротам которые заперты. Только теперь я заметила, что по обе стороны ворот, около самой стены, стоят уборные, конечно без дверей. Но внутри чисто! Стоят медные с длинными носками кувшины. Тут же протекает ручей-арык... Я беру толстый брус на воротах и начинаю его поднимать. Но смуглая рука молодой персиянки ложится на мою руку и крепко ее сжимает, так, что я не могу больше открыть задвижку. Она смотрит некоторое время в мои глаза, своими черными, блестящими глазами, и как бы любуясь

моим страхом перед ней. И вдруг начала хохотать!.. Потом сняла мою руку с бруса, сама открыла калитку и, прежде чем выпустить меня на улицу, высунула голову посмотрела в обе стороны. Потом пожала мою руку и отпустила меня наконец на свободу!.. Только я перешагнула через порог калитки, как она захлопнулась, а когда я отошла на некоторое расстояние, то уже не могла бы сказать с уверенностью из которой калитки я вышла. Не знаю наблюдали ли за мной или нет, но ноги мои сами, по собственной воле так быстро бежали, что я не успела и дух перевести, как была уже на площади около нашего лагеря! Муж заметил меня и шел навстречу.

— Где ты была столько времени? Я послал искать тебя? И сам ходил по улицам, спрашивал встречных солдат, но никто тебя не видел. — Оказывается он проходил два раза мимо калитки, за дверями которой я была в «гостях-плену»... — Никакие силы не могли бы тебя найти! Разве только с обыском идти в каждый дом. Да и то они могли так тебя спрятать, что мимо бы ходили, но тебя бы не нашли. Не забывай, что это Азия!

Значит я счастливо отделалась от гостеприимных хозяев! Но после этого уж никуда ни шагу с площади одна ни ходила. Так прошли три недели полного безделия. Санитары держатся как-то странно. Встретишь кого нибудь из них подальше от транспорта и спросишь, — куда идете, — сейчас же его глаза забегают по-воровски: — Да так, что прачку искал!.. — Или еще что нибудь в этом роде... Сегодня мужа вызвали к главному врачу Жуковскому. Вернулся он оттуда как-то особенно раздраженным.

— Чем больше я приглядываюсь к людям, тем больше убеждаюсь, что все они, без исключения, сволочь...

— Что ты Ваня! Почему ты так думаешь?

— Вот сейчас главный врач позвал врачей санитарных транспортов для обсуждения кому из нас ехать в Урмию, чтобы сменить стоящий там транспорт. И что же? Все, конечно, кроме меня, стали жаловаться что устали и не хотят ехать в эту дыру. У одного скоро должна родить жена; у другого уже родила; третий — сам нервный и нуждается в продолжительном отдыхе, и так далее. Пошли счеты между собой. До того договорились, что стали считать чей транспорт больше прошел верст. Раненых-то они вывезли, — кто тысячу, а кто и того меньше! А главный врач, — деликатный полячек. Сидит слушает и мило улыбается, да изредка вставляет: «Коллеги, вы уж как нибудь между собой поладьте!» Они все там друзья и приятели Называют друг друга по имени и отчеству. Два года сидят на одном месте, играют в карты, выпивают... Как не быть друзьями! А я

для них чужой... Вот, скажу я тебе, когда я вышел от главного-то врача, то ясно убедился, что я действительно чужой всем! Где бы я ни был, с кем бы я ни встречался, всегда чувствую, что я не подходящий, чужой! Сколько людей я за это время встречал. И кажется всё ничего, по-хорошему... выпиваем, закусываем, тосты говорим. Но, как только разойдемся, уже навсегда сразу забыли друг друга! Вернее, они все меня забывают очень быстро. — Чужой! Помнишь студенческие годы? Сколько народу приходило ко мне: то за книгами, то костюм взять на время, то сапоги... Старые продрались, а новых купить не на что. Все приходили и брали кому что нужно. Я уж не говорю и не помню сколько я давал денег малыми суммами! А тогда, в восьмом году, когда готовился побег политических из тюрьмы. Ко мне же пришли и взяли несколько костюмов и деньги! А как кончили — уехали и никто никогда ни одного письма мне не написал! Даже Петька Юзбашев с которым я учился в гимназии и кончили вместе, а потом вместе все годы провели в университете! Ведь я за него держал несколько государственных экзаменов. И уж он-то, казалось бы, мой друг! А вот, только разъехались, точно никогда и не знал он меня! Ни разу мне не писал, ни одного раза не зашел. А ведь он тоже бакинец и бывает в Баку. Да почему я это всё рассказываю тебе? Правда тяжело, как-то становится жить! Скучно! Ну, да чорт с ними со всеми! Все прошли мимо. Зашли взяли, что им было нужно и ушли! Я не жалею. Ушли и ушли! Только вот ты не уходи, не оставляй меня! А больше мне никого и не нужно... Кончится война, вернемся домой в привычную домашнюю обстановку. И заживем опять попрежнему: я засяду у себя в кабинете за книги и за стетоскоп, а ты будешь заказывать наряды, ходить в театр, да возиться с детьми... Тиночка родная моя! Если бы сейчас вернуться домой, я думаю, что я бы еще выправился, попал бы опять на дорогу! А так я чувствую, что погибну... сопьюсь!.. Ну, так вот! Сидят эти старшие врачи и спорят. Стараются каждый показать побольше своих заслуг, чтобы увильнуть от поездки в неприятное место. Тогда доктор Жуковский предложил, чтобы мы тянули узелки. Ну, мне стало окончательно противно и я предложил добровольно свой транспорт туда. Только просил, чтобы сначала дали возможность починиться. Транспорт-то весь разхлябался, а где там, в дыре, станешь чиниться? Все сразу обрадовались. И вот мы завтра же выступаем в Джульфу. Там погрузимся на поезд и прямо в Тифлис. Сдам транспорт в ремонт, а сами поедем домой. Поживем хоть немного по-человечески. Закажу себе кое-что из одежды, обтрепался-то ведь порядочно!..

Приехали в Джульфу и ждали несколько дней состава для перевозки нашего транспорта. Наконец погрузились и через сутки были на станции Навтлуг. Тут нам и выгружаться. Какой-то военный чиновник подошел, назвал свою фамилию и сказал, что он помощник коменданта станции. Он указал место для транспорта и ушел. Муж поручил подпрапорщику Галкину выгружать транспорт, а сам поехал в управление узнать куда его вести. Я осталась на станции ожидать его возвращения. Скоро он вернулся и привез адреса починочной мастерской, куда должен сейчас же идти транспорт и тут же неподалеку казармы, где будут жить санитары и стоять лошади.

— А вот и адрес гостиницы, в которой нам дадут комнату. Она реквизирована специально для приезжающих с фронта. Иначе найти помещение невозможно.

— А для чего нам комната, раз мы сейчас же поедем домой?

— В том-то и дело, что уехать не разрешили! Но инспектор обещал отпустить, как только будет возможно. А вы, Александр Евграфович, куда денетесь? Хотите с нами в ту же гостиницу?

— Да нет! Я думаю вместе с командой поселиться пока. А потом буду просить вас, Иван Семенович, отпустить меня к матери в Кисловодск, хотя бы на несколько дней.

— Хорошо. Только чего вам ждать-то? Поезжайте сейчас же, ну, хоть на две недели. А когда вернетесь, — поеду я.

Мы взяли извозчика и поехали в гостиницу. Гостиница была на Эриванской площади, рядом со штабом фронта. Дали нам крошечную комнату с одной кроватью, а для мужа пришлось поставить его походную. И началась новая городская жизнь, немногим лучше той, которую мы оставили там в разрушенных городах фронта. Утром около уборной очередь. Прислугу никогда не дозвонишься. Воды в умывальнике нет. Сапоги выставленные на ночь за двери остаются не чищены. Убирать комнату приходят тогда, когда мы собираемся уже ложиться спать.

— Нет! Нужно, чтобы Гайдамакин жил здесь-же. А то чорт знает, что такое делается! — сказал муж. И Гайдамакин вскоре очутился на стуле в коридоре, недалеко от двери, а спать уходил куда-то в подвал, где спали и другие денщики.

Тифлис находится в каком-то напряженном настроении. К этому времени, наши войска уже подошли к самому Эрзеруму и ожидалось взятие его с часу на час. Всюду только об этом и говорили. Тысячи раненых и еще больше обмороженных везли с фронта в Тифлисские госпиталя. Сколько их замерзло и лежат засыпанные снегом, никто сосчитать не может. Да теперь и не до них! Вот, придет весна, стает снег тогда и видно будет.

Тогда станут рыть огромные ямы братских могил и свалят туда всех, известных и неизвестных, как никому ненужный хлам... Только в деревнях будут ждать весточки от сына, или мужа, в надежде, что он лежит где-то раненый, а может быть теперь едет домой...

Мужа не оставляют в покое ни на один день: его посылают то в один, то в другой госпиталь в помощь, или заменить отсутствующего врача. Я его совсем и не вижу целыми днями. Только обедать ходим вместе. Написала домой, чтобы квартиру держали теплой и ждали бы нас.

Без стука, вдруг, открылась дверь и Гайдамакин просунув голову кричит: — Барыня! Наши взяли Эрзерум. Экстру продают! Народу сколько на улицах, страсть!.. — Захлопнул дверь и скрылся. Я быстро надела шубку и вышла на Эриванскую площадь. Боже мой! Что делается всюду! Огромная толпа что-то кричит, двигается. Все балконы увешаны коврами и флагами. Мальчишки-газетчики не закрывая рот выкрикивают геройскую победу наших войск и имена героев! Точно праздник! Лица у всех радостные, веселые. Я иду в толпе, но на сердце нет радости и веселия. Только вернулась в гостиницу — пришел муж.

— Тина, отец Смирнов ранен! — входя в комнату говорит он. — Пойдем, навестим его.

Приехали в госпиталь. Комната отца Смирнова утопала в цветах. Несколько дам и мужчин стояли и сидели перед кроватью отца Павла, который рассказывал им глухим грудным голосом...

— Что-то сробели! А может быть просто устали... Но не хотят выходить из окопа! Офицеры уговаривают, ругают. Угрожают перестрелять всех тут же на месте... Ничего не помогает! А немцы засыпают нас снарядами! Носу нельзя показать! Раненых и убитых выносят всё время... А всё-таки выходить не хотят. Как ни как, — всё же убежище... — рассказывал отец Смирнов. Его черные волосы на висках стали совсем белыми... — Взял я крест, с которым хороню убитых, выскочил на вал окопа и кричу: «С нами Бог! За мной братья!..» и побежал к проволочному заграждению, не оглядываясь... В душе-то страх, — пойдут ли за мной солдаты... Но, не успел я добежать до проволоки, вдруг слышу: «Ура! Ура!..» И уже догнали меня и перегоняют!.. Добежали мы до проволоки... Я споткнулся и упал. А солдаты смяли колючую проволоку и «Ура» уже несется далеко впереди!.. Так смаху и ворвались в немецкие окопы!.. А я всё лежу там где упал, и радостно мне сознавать, что окопы взяты... Но хочу встать — и не могу. Сначала думал, что зацепился за проволоку; сделал усилие подняться, но

от боли потерял сознание. Пришел в себя уже только на перевязочном пункте. Вижу около меня стоит наш командир полка, врачи, сестры... Сначала понять не мог в чем дело, почему я лежу, а командир полка передо мной стоит. «Ну что, батя, как себя чувствуете?.. Вы герой, батя! Благодаря вам мы взяли немецкие окопы и батарею, которая нам не давала жить! Я вас представлю к Георгиевскому кресту. Вот только доктор говорит, что ногу придется отнять. Тазобедренная кость перебита в нескольких местах!..» Что же! На всё Божья воля! Я рад, что хоть чем нибудь мог послужить России! Меня сначала перевезли в Варшавский госпиталь, но там я не долго пролежал, эвакуировали в Петроград и там уже мне сделали первую операцию. Ногу мою не отрезали, а только выпилили полтора вершка раздробленной кости и опять соединили всё вместе. Доктор говорил — «Ничего, батюшка! Лучше иметь хоть и покороче свою, чем длинную, да чужую-деревянную. Всего ведь только на полтора вершка одна будет короче другой». — Когда мне стало немного лучше, я просил отправить меня на Кавказ в Тифлис. Вот и лежу здесь и не чувствую, что у меня рана, и что одна нога короче другой! Столько каждый день навещает меня друзей и знакомых! И семья моя пока живет здесь. И, слава Господу, я жив и даже чувствую себя счастливым среди многих таких же раненых русских солдат...

— Помните Володю, моего старшего сына? — обратился отец Павел к мужу. — Он кончил училище и вышел офицером в Кабардинский полк. А второй — Сергей, кончает весной. Он пошел в артиллерию. Я счастлив бесконечно, что и мои сыновья послужат России. А если моя короткая нога позволит мне, то и я еще послужу ей!

— Отец Павел, это у вас офицерский Георгиевский крест? — спросил муж, видя ленточку приколотую к иконке, которая висела на спинке кровати.

— Да, Иван Семенович! Дали мне наивысшую награду за мою храбрость. Хотя я таковой за собой и не чувствую, но и отказаться от Царской милости не имею права!..

*

— Как быстро прошли две недели! — сказал муж. — Сегодня вернулся из отпуска доктор Евсеев. Завтра я пойду проситься в отпуск. А то транспорт починят и прикажут выступать. А я ведь ни одного дня еще и не был свободным...

Но и на следующий день в отпуске ему отказали! А вместо отпуска прикомандировали для работы к госпиталю.

— Поезжай ты домой одна, — сказал он мне, — может быть я скорее вырвусь отсюда, когда буду один!..

И вот я еду в скором поезде в Баку... Чисто, удобно! Пришла из вагона-ресторана, а мне уже приготовлена постель, — белоснежные простыни, в головах электрическая лампочка для чтения. В аршине от дивана — дверь в уборную, где теплая вода! Я помылась, переоделась и легла в постель. За шесть месяцев, первый раз я почувствовала, что легла в настоящую постель... Приехала домой и сразу позвонила к Нине. Все очень огорчились, что Ваня не приехал. Больше всего дети. Но через неделю вдруг получила телеграмму: «Еду, Ваня». Поднялась суматоха! Все стали готовиться к встрече: Яша хотел устроить у себя большой обед, приглашал гостей. Но и Нина хотела устроить обед у себя, чтобы дети могли видеть дядю Ваню.

— Как ты думаешь, Тина, на сколько времени он едет сюда? — спрашивали Нина и Яша.

— Ничего я сказать не могу! Может быть на неделю?

Решили первый обед будет у Нины, чтобы дети видели дядю. Но обед только для своей семьи: никого чужого не приглашать. Приехал Ваня рано утром. Не снимая еще пальто он всё ходил по комнатам, очень грустный. Всё рассматривал.

— У меня такое чувство точно я первый раз всё это вижу! Жаль только, что всё закрыто, а не так, как было до войны. — Потом он умылся, переоделся и пошел к себе в кабинет. Открыл книжный шкаф, посмотрел книги.

— Тина, как всё здесь хорошо! Как мне всё нравится. Вот бы остаться и никуда бы не уезжать больше!..

Пришли Нина и Яша. Потом приехал отец Нины — Иван Яковлевич и Марья Яковлевна. Все расспрашивали. На перебой задавали вопросы о войне, о боях, скоро ли мир, как армия относится к войне? А в это время приходят всё новые и новые гости и снова задают всё те же вопросы. Пришла старуха квартирантка, которая знала всех Семиных, когда они были еще маленькими, а с матерью дружила до самой ее смерти. Когда она увидела мужа, — сразу заплакала:

— Вернулся! Жив! Слава Богу! Хоть один вернулся!.. А вон Алексея-то забрали немцы! Поди, живого-то и не выпустят? Голодом, говорят, морят. Чтобы, значит, мерли побольше.

Муж отвечает на всё, что у него спрашивают. На коленях у него сидят с одной стороны Надя, а с другой Таня, которых привела нянька. Я видела, что муж счастлив держать девочек и чувствовать, что он дома. По кавказскому обычаю гостя нельзя отпустить, не угостив его вином. Поэтому в столовой всё время открываются новые бутылки, всё время чокаются и говорят

тосты и пожелания. Точно праздник! Все радостные, приветливые и веселые... Пришли кое-кто и из старых квартирантов. Наконец Нина сказала, что обед ждет нас всех у нее. Чужие ушли, а мы все пошли к ней. Там еще две девочки прибавились, Мара и Оля. Обед тянулся долго. Несколько раз все выходили из-за стола в галлерею, чтобы там сниматься. Потом опять садились за стол и пили.

— Дорогой Иван Семенович! Завтра прошу ко мне обедать! Сам приготовлю всё! — говорил Иван Яковлевич. Но Яша возмутился.

— С какой радости Ваня поедет к вам, когда я всё уже приготовил и гостей пригласил! Если хотите, — приезжайте лучше и вы ко мне. А после, когда нибудь, и к вам поедем обедать!

— Да постойте! Время есть, у всех побываю и пообедаю, — сказал Ваня.

— А кстати, на сколько дней дали тебе отпуск? — спросил Яша.

— Да ни на сколько! Неопределенно. Сказали, что когда я буду нужен, то меня вызовут телеграммой.

В это время вошел денщик Алексея, которого он оставил дома, как хранителя семьи, и протянул мужу телеграмму... Муж взял, раскрыл и прочел вслух: — «немедленно выезжайте, ваше присутствие необходимо»! — Я видела, как грустно сразу стало его лицо... Все пили до самого отъезда на вокзал. Иван Яковлевич плакал и говорил мужу:

— Пропадем! Все пропадем без вас... И «дом развалится»! И на кой чёрт вы им понадобились там!?..

Усадили мужа в купэ и поезд увез его. Увез навсегда... Мы стояли на платформе вокзала и смотрели с тяжелой грустью вслед уходящему поезду. Все были подавлены и грустны до слез.

Я, пока, осталась дома. Когда транспорт будет готов к выступлению, Ваня сообщит мне. Через пять дней я получила письмо, что транспорт готов и что его торопят выступать на фронт. Вслед затем пришла телеграмма. «Приезжай скорее!» И вот я снова в дороге!.. Через день после моего приезда в Тифлис транспорт стал грузиться на поезд чтобы ехать в Урмию.

Приехали мы опять в Джульфу, выгрузились, и, не заходя в Хой, пошли через Дильман в Урмию. К вечеру первого же дня, мы приехали в большое сирийское селение Дильман. Мы въехали в широкую улицу и уже хотели остановиться на ночлег, как услышали душу раздирающий женский вой. В буквальном

смысле вой! Несколько женщин выли и причитали на разные голоса настолько ужасно, что муж послал солдата узнать в чем дело. Солдат вернулся и рассказал, что плачут женщины по их мужьям. Они должны выть и будут выть всю ночь пока убитых не схоронят! А похороны будут завтра утром. Прошлую ночь шайка разбойников напала на село и в перестрелке несколько молодых айсоров были убиты.

— Ну их! Пускай воют, раз это полагается! Но я не хочу слушать это вытье! Поедем ночевать за селение. Авось на нас не нападут разбойники...

Было еще светло и мы решили осмотреть стариннейшую сирийскую церковь. С нами пошел и доктор Евсеев. Когда мы подошли к церковной ограде, то увидели идущих к ней же и плачущих жещнин. Мы остановились, чтобы пропустить их. Одну молодую женщину вели под руки. Все женщины были в широких, длинных ситцевых юбках; поверх их кофты; на головах платки. Женщины плакали и причитали, но не так громко, как дома. Огромное церковное имение было обнесено высокой, глиняной стеной. Недалеко от ворот стояла церковь. Здание ее было длинное и низкое. Вокруг него шла широкая, каменная дорожка, обсаженная сиренью и жасмином. Сама церковь обсажена и полупокрыта вьющимися розами. В глубине сада виднелось еще другое здание, двухэтажное. К нему от церкви вела такая же каменная дорожка. Это был дом Епископа. Имение занимало много десятков десятин. Был чудный теплый вечер. Однако, сознание, что в нескольких шагах от нас лежали убитые молодые люди, отравляло настроение. Мы вошли в церковь. Там была полная тишина. Посреди церкви стояли окруженные свечами гробы. Все женщины стояли на коленях и молились, хотя никакой службы не было. Я подошла к одному из гробов и заглянула в него. В нем лежал молодой айсор в белой холщевой рубашке, расшитой цветными нитками, на манер малороссийских. У запястья рукав собран и вышит. Руки сложены на груди. И руки, и вся рубашка забрызганы кровью. У айсоров хоронят в той одежде, в которой застигла смерть. В церкви стало совсем уже темно и мы вышли из нее. Вслед за нами вышли и женщины, а церковь заперли на ночь. Утром мы проснулись опять от плача и причитаний. Было еще совсем темно. Но женщины уже шли в церковь и вскоре начался печальный похоронный звон. Все санитары проснулись и муж приказал запрягать и ехать дальше.

Весь этот день был какой-то мрачный и печальный. Точно мы уходили в какую-то неведомую даль навсегда, и ветер плакал прощаясь с нами...

Для обеда транспорт остановился за персидской деревней. Лошадей не распрягали; только освободили подпруги и дали корм. Солнце. Тепло, но ветрено. Я вышла из двуколки и села на стул. Муж ушел к команде. Я чувствовала, что что-то мне мешает, — что-то нагоняет тоску... Точно кто-то тупым ножем водит по стеклу... Но я не могла понять что именно угнетает меня... Да ведь это собака воет!

— Где она, Гайдамакин!.. Чья это воет собака?..

— Да кто ее знает чья она? Привязалась к нам, проклятая! Давал ей есть, — не ест, а залезла под двуколку и воет... Стали ее гнать, но она отбежит немного, сядет и опять воет! Команда вот даже обедать не может! Все говорят, что это не к добру... Застрелить бы ее! Да персюки кругом шляются... Еще подстрелишь кого...

Пришел муж. — Ваня, ты слышишь вой собаки.

— Не только слышу, но и видел ее сам. Чорт ее знает, что с ней? Может быть заболела бешенством? Это бывает! Пока окончательно не взбесится, — воет! Чувствует близкую свою гибель... Нужно уезжать отсюда, — сказал он и пошел к солдатам...

Через несколько минут мы уже ехали. К вечеру похолодало и пошел снег.

— Ну! Все беды на нас сыпятся! То выли женщины. То выла собака... А теперь снег... И мы засветло до Урмии не доедем. Вот какая грязь уже на дороге!..

Так до Урмии мы и не доехали в этот день. В десяти верстах от нее заночевали в поле. Шел такой густой снег, что стало совершенно темно. Мы съехали немного с дороги, распрягли лошадей, укрыли их попонами, дали корму. Солдаты нарубили свежих ивовых веток и развели костры, проклиная теплый южный край. Попили чаю, закусили и я легла в мою двуколку. А мужу постлали прямо на снег, около двуколки. Он спал не раздеваясь. Только снял сапоги, а на голове папаха. Ему стлали сначала медвежью шкуру, потом на нее тюфяк из овечьей шерсти и одеяло из верблюжьей шерсти. Если была плохая погода, то сверху еще накрывали буркой.

На следующее утро, когда солдаты встали и зажгли костры, я выглянула из двуколки и увидела, что муж был совершенно занесен снегом! Даже головы не было видно! Странно, но у меня мелькнула мысль, — «точно насыпь над могилой»!

В эту последнюю перед Урмией ночь все спали плохо! Опять выла собака и мешала спать...

— Ей! Дневальный! — крикнул муж, — разбуди кого нибудь и пошли, чтобы прогнали собаку! — Потом я услышала,

как муж разговаривал с кем-то: — Это наша собака воет? — спрашивал он.

— Нет! Наша дома!

— Так пристрелите ее, чёрт ее побери!..

— Да ничего не видно! Мы ходили искали ее... — Потом солдат ушел и все стихло. Я заснула. Проснулась опять оттого, что собака выла жалобно и совсем близко от нас... Ваня тоже проснулся и сразу крикнул дневальному, чтобы застрелил ее. Все кругом заговорили, зашевелились. Скоро показались огоньки костров, хотя еще была темная ночь. Около нашей двуколки тоже запылал костер. Гайдамакин поставил чайник греть воду для чая. Потом Гайдамакин просунул ко мне чашку горячего чаю.

— Стряхни с барина снег, — сказала я и выглянула из двуколки. Муж уже сидел на постели и пил чай. Как только рассвело, стали запрягать и транспорт снова пошел вперед к новому месту своей службы и работы... Воющей собаки утром никто так и не видел. А когда взошло солнце, то всё мрачное и неприятное скоро забылось.

Приехали в Урмию. Спросили у проходящих солдат, где штаб и поехали по указанному направлению. На улицах грязь непролазная! Против штаба, по другую сторону улицы, когда-то должно быть был чей-то сад, а теперь, в глубокой размешанной со снегом грязи стояли лошади, казенные фургоны, хозяйственные двуколки. Тут же ходят солдаты по колено в грязи. Транспорт остановился посреди улицы. По одной стороне ее шли казачьи сотни и салютовали, стоящей у показанного нам здания штаба, группе офицеров.

— Вон там стоит какой-то генерал, — выглядывая из двуколки сказал муж.

Когда прошли казаки, военные стали переходить на нашу сторону улицы. Муж вышел из двуколки и стал ждать. Самый молодой из подходящих офицеров приложил руку к козырьку и назвал себя: — генерал Левандовский. — Я спряталась внутрь двуколки. Муж отрапортовал, что только что пришел и не знает где поставить транспорт.

— А! Вы пришли на смену стоящему здесь транспорту? Так пока становитесь, хотя в эту грязь! А когда тот транспорт уйдет, — займете его место! Кто знает здесь, где живет старший врач? — обратился генерал к сопровождающим его офицерам. Потом все ушли обратно на другую сторону улицы и вошли в калитку, за которой, вглубине, виднелся большой дом. Наши солдаты неохотно въезжали и ставили своих лошадей в эту грязь. Подпрапорщик подошел к мужу.

— Я боюсь, что мы здесь загубим лошадей. Это сплошная зараза. Тут стояли до нас тысячи лошадей! Когда сухо, то еще можно терпеть. Но теперь, вон, до колена жидкая грязь!..

— Ничего не поделаешь! Другого места нет. Я сейчас пойду к этому старшему врачу и расспрошу, где стоит его транспорт. Может быть мы сможем поставить туда же и наш? — Муж ушел, а я осталась сидеть в двуколке, которую Ткаченко поставил на бугорок, как на остров, с которого, если ступишь, то уйдешь по колено в жидкую грязь. Пришел какой-то чужой солдат и сказал, что меня просят пить кофе к старшему врачу санитарного транспорта.

— У нас есть свой старший врач! — сказал Ткаченко. Мне не оставалось ничего другого, как принять приглашение. И, в подражание персидским дамам высшего общества, которые выезжают с визитом на осле, я поехала в санитарной двуколке. Другого выхода и не было, иначе утонешь в грязи! Ехать пришлось всего-навсего два квартала, но с завитушками; то-есть, проехали пол-квартала — повернули, потом еще пол-квартала и опять завернули в узкую улочку, с одной стороны которой стена была вышиной с двухэтажное здание, а с другой, только в рост человека. Наконец остановились около крыльца! Дом двухэтажный, но окна выходили на улицу только на втором этаже, а у первого вся стена была глухая. Мы вошли в сени. В них оказались три запертых двери. Солдат открыл дверь направо и пропустил меня в комнату. Там за столом сидели мой муж и еще один врач. Оба встали, Ваня познакомил нас и хозяин пригласил нас за стол.

— Егор, сделай яичницу и кофе, — сказал хозяин, провожавшему меня солдату. Комната была большая, высокая; два окна выходили во двор, пол кирпичный; ближе к дверям, посреди комнаты, стоял простой деревянный стол, за которым и сидели эти два врача. На столе стояли чашки, черный хлеб, соль на блюдечке, вилки и заржавленные ножи. Всё здесь было мрачно и напоминало скорее склеп, чем жилую комнату.

— Тина, доктор уступает нам эту комнату. Он спит наверху, а здесь столовая, — сказал муж. — И, знаешь, под полом этой комнаты течет речка!

Две недели мы жили в этом склепе, без солнца и света. В ней было, правда, два окна, но и они выходили под крышу. Ни один луч солнца никогда не проникал в комнату. Уборная для всех жильцов дома была в подвале, где протекал арык и естественным образом омывал эту уборную. Поперек арыка были по всему подвалу перекинуты доски и таким образом целая рота могла одновременно пользоваться этой примитивной

уборной. А ниже дома, где ручей выходил наружу, и весело бежал дальше по открытой улице, айсорки в нем мыли посуду и умывались сами. После обеда открывались калитки всех домов улицы, из них выходили молодые женщины и девушки, и, смеясь и разговаривая, мыли и чистили медную посуду песком, беря его со дна ручья...

Грязь подсохла за эти две недели. Солнце греет по-летнему. Цветут персики, и миндаль. А маленькие персидские и айсорские дворики полны цветущих гиацинтов, ирисов и фиалок. Но, почему, нет радости? На сердце тяжесть и давящая тоска! Ваня тоже мрачен. Пьет еще больше, чем всегда... Посылает за вином за десятки верст. Привезут целую ведерную, бутыль, а через несколько дней уже опять посылает за новым вином...

— Ваня! Ведь еще есть вино!

— Мало!.. Нужно чтобы всегда был запас! Близко вина уже нет. Приходится посылать за ним далеко. А это занимает много времени — два-три дня...

Наконец транспорт, который сменил муж, ушел из Урмии. Две недели старший врач переписывался с Главным Управлением и с Хоем, выпрашивая для себя хорошее место. Не знаю удалось-ли ему это. После его отъезда мы перешли наверх в его комнату. Она была хотя и меньше той, нижней, нашей, но зато очень светлая. Три окна, в которые целый день светит солнце. Одно окно закрыли ставней и поставили около него мою кровать, а кровать мужа поставили у противоположной стены. В стене этой есть выемка, на подобие полки, где он кладет папиросы, стакан с вином и револьвер. Посреди комнаты стоит железная печь. По вечерам приходится еще топить ее. Была и еще кое-какая мебель, стол, три стула, умывальный таз и медный кувшин для воды; да еще на полу медвежья шкура. В стене было углубление, вроде шкафа, куда я повесила свое и мужа платье.

— Ваня, почему ты не выходишь никуда из комнаты? Даже в команду совсем перестал ходить. А всюду так хорошо! Цветут деревья!..

— Да! Да! Это весна идет! Я знаю... Но почему-то она такая неприветливая, тяжелая и скучная. Меня день и солнце раздражают. Я бы хотел, чтобы была всё время ночь... Топилась бы печка и ты всегда бы со мной сидела!..

— А ты бы пил непереставая?! Да? Ты этого хочешь?.. Но, родной мой, я и так ведь всё время сижу дома!

— Нет! Ты часто уходишь и подолгу не возвращаешься!..

— Но тебе это только так кажется!.. Я хожу в лазарет и каждый день бываю в транспорте! Посмотрю лошадей, поиграю

с Султаном, поговорю с санитарами и потом иду домой. Иногда только пройдусь до русского консульства, там огромное поле и масса подснежников! Нарву их и иду к тебе... Вот, я всё хочу поехать посмотреть караван-сарай. Поедем вместе. Говорят он интересный.

— Нет! Я не поеду! Да и ничего там нет интересного! Все они на один лад, — как в Хое, в Тавризе, так и здесь.

— Так ты дай мне денег. Я возьму Гайдамакина и поеду — посмотрю..

— У меня нет денег!.. Нужно сказать заведывающему хозяйством, чтобы открыл денежный ящик... Хотя я не знаю, есть ли там мои деньги?

— Разве ты жалованье не берешь?

— Нет. Я говорю всегда заведывающему, чтобы он выдал сколько нужно денег на расходы Гайдамакину, или послал-бы за вином. Вот и всё! Да и на что мне деньги?! У тебя всё есть, а покупать здесь нечего.

— Ваня! А ты знаешь сколько ты получаешь в месяц?..

— Да! Кажется около семисот рублей.

— Где же эти деньги?

— А ты что? Требуешь отчета? Я же тебе сказал, что деньги выдаются на расходы Гайдамакину. А ты не представляешь себе сколько стоит вино! Да наконец, эти деньги мои! У тебя есть свои деньги. Напиши Яше и он вышлет сколько ты хочешь.

В Урмии стоит много разных полков, которые, как говорят, скоро пойдут на Мосул. Но пока все улицы полны казаков и солдат. Единственный лазарет Красного Креста был переполнен больными казаками и солдатами. Как-то я зашла в лавочку, которая была как раз напротив нашего транспорта. Там я увидела белый хлеб. Хлеб оказался сухим, как камень. В лавочке я увидела сестер из лазарета и мы познакомились.

— У нас в лазарете только и разговору, что о вас. Все знают, что приехал новый врач, да еще с женой. И все удивляются почему не приходят к нам познакомиться. У нас очень хороший главный врач Бакин. Есть и другие еще, и даже одна женщина-врач. Приходите непременно! У нас все бывают. Меня зовут Маруся, а ее — Феничка, показала она на другую сестру маленького роста. Пожалуйста приходите вместе с мужем! — снова стала приглашать сестра Маруся. — Вы мне очень понравились. Сама я из дома бежала, кончила курсы в Красном Кресте и попала в лазарет к Бакину. Мой отец — директор Екатеринославской гимназии. Страшно строгий! Я до сих пор боюсь

писать домой!.. — Глаза у Маруси огромные, серые, но печальные. Она высокая, волосы светлые, губы толстые, рот большой, а нос прямо ужасен! Торчит загнутая кверху пуговица, а в ней две дырочки. Она держала меня за руку и говорила, — я вас сразу полюбила, как только увидела, — и смотрит на меня влюбленными глазами. — Я буду вас считать не просто сестрой, а своей родной сестрой. У нас дома была большая семья: — пять сестер и один брат, — болтала не переставая, сестра Маруся.

— Скажите, а у вас в лазарете много работы? Что, если я приду помогать сестрам?

— О! Пожалуйста! Все будут рады! Несколько сестер просились к Пасхе домой, но доктор Бакин не пускает. Говорит, что некому будет работать... Только у нас лежат почти всё казаки, да солдаты, да и то не раненые, а только больные. И нет ни одного офицера!

— Мне всё равно, Маруся, кто они. Лишь бы свои русские люди!

— Сестра Семина, где вы живете?

— Да вот в саду, рядом с лазаретом, стоит наш транспорт. А мы с мужем занимаем дом в том переулке, позади Духовной Семинарии.

— О! Я знаю! Там жил доктор Марин, который уехал теперь. Мы бывали у него в гостях и он тоже бывал у нас в лазарете.

— Я скоро приду к вам в лазарет, — сказала я и мы распрощались.

В воскресенье я пошла в церковь. Начало Великого Поста. Служба долгая, монастырская. В церкви всё очень просто, даже скорее мрачно. Строго соблюдаются мужская и женская стороны. Я вошла в церковь, остановилась у порога на правой стороне. Но сейчас же ко мне подошел не то монах, не то семинарист и попросил перейти на женскую левую сторону. Когда открылись Царские Врата из алтаря вышел в темном облачении Епископ Сергий... Меня поразила суровость и красота его тонких черт лица.

— Ваня, давай будем говеть. Может быть Бог исцелит тебя и ты опять станешь прежним; бросишь пить, в доме опять наступит мир, радость и веселье...

— Пить я не брошу... А веселиться я тебе не мешаю!.. Веселись сколько хочешь. Приглашай своих новых знакомых. Тебе скучно со мной и неприятно смотреть на пьяного мужа, у которого рожа распухла от пьянства...

— Ваня, сходи к доктору Бакину, познакомься! Там есть и другие врачи, много сестер... Они живут по семейному. По вечерам играют в карты. У них бывают и из полков врачи и офицеры. Сестра Маруся, с которой я познакомилась в лавочке, из хорошей семьи; ее отец — директор гимназии...

— Всех к чёрту! Никого не хочу!..

Пошла одна к доктору Бакину. Познакомилась и предложила помогать в лазарете.

— Это очень хорошо, сестра Семина! Тогда я отпущу сестер в отпуск.

Я рассказала ему, что муж много пьет, стал очень мрачный и никуда не выходит, что это меня очень беспокоит...

— Успокойтесь! Я сам пойду к нему познакомиться...

Со следующего дня стала работать в лазарете. Сестры приветливы со мной, врачи тоже. Мне дали отдельную палату, в которой лежит девять человек с разными болезнями. Один с воспалением легкого; у двоих лихорадка; один с ушибом в бок (лошадь лягнула); у двоих тоска по родине, — вялые, нет аппетита, к вечеру маленькое повышение температуры, ночью потеют. Доктор думает, что оба туберкулезные... Остальные с мелкими болячками: нарыв на пальце; упал с лошади и содрал всю кожу с лица; у одного опрелость ног.

Сегодня сестра Маруся рассказывала, как все ненавидели генеральшу Чернозубову, когда она работала в их лазарете.

— Как мать — игуменья смотрела за нами! Всё расспрашивала где мы бываем и что делаем после работы в лазарете. Мы ее терпеть не могли! Но сказать этого никто не смел — жена, ведь, корпусного командира! — Помощи от нее в лазарете никакой не было!..

После вечерней работы иду домой. Идти так легко! Шла бы и шла, — хоть сотню верст. А идти-то всего два квартала! Да и то я еще захожу в сад, где стоит транспорт; посмотрю на лошадей, поговорю с санитарами и затем через двор, где живут санитары, выхожу в ворота, как раз против нашего переулка. Сделаю еще сотню шагов и вот и наш дом!..

— Ваня! — кричу я, — пожалуйста пойдем погуляем! Видишь какой прекрасный вечер! Я так хочу подышать свежим воздухом...

— Ты уже подышала довольно. Иди домой лучше. А я никуда не пойду...

Поднимаюсь, вхожу в комнату. На столе бутылка уже почти пустая; тяжелый запах кислого вина и табачного дыма и еще чего-то неприятного... В комнате неприветливо, пусто. В углу,

где стоит моя кровать, темно. Не зная что делать, я села на кровать. Ваня отпил вина и стал ходить по комнате. Потом подошел, погладил меня по голове.

— Тина! мне очень жаль тебя!.. Но я не могу побороть себя и бросить пить. Смотри на меня, как на больного, которому не долго осталось жить. Видишь, где границы печени, он осторожно нажимает бок пальцами левой руки, а правой стучит по ним. — Слышишь какой тупой звук? А это — начало конца... Года не протяну...

Но конец наступил гораздо скорее... И совершенно для меня неожиданно... Сегодня, только что я вернулась домой, муж сказал, что у нас обедают гости.

— Приехал судебный следователь для вскрытия. Он был у меня и просил меня присутствовать при вскрытии трупа для медицинской экспертизы. Вскрывать будет врач из лазарета Бакина.

Следователь оказался бакинцем и очень симпатичным. Я его просила заходить к нам почаще. У него с мужем оказались общие знакомые. На другой день вырыли труп убитого офицера и вскрыли. Муж присутствовал при вскрытии.

— Шесть месяцев тому назад, офицеры одного из стоящих здесь полков, играли в карты и, как водится, выпивали и закусывали между робберами. Убитый, судя по всему, должно быть был отвратительный тип. Так в один голос говорят все свидетели, присутствовавшие при убийстве. Он говорил что-то очень грубое и оскорбительное о чьей-то жене, или любовнице. В результате был убит за это одним из присутствовавших офицеров... Пуля застряла в шейном позвонке. От врачей требовалось сказать, смертельная ли была рана. Убийцу будут судить военным судом и для защиты очень важно установить какого рода была рана. Убийство произошло в двадцати верстах от Урмии и, когда раненого везли в лазарет, он по дороге умер. Это большой козырь у защиты. Но у нас никакого сомнения быть не могло, — рана была смертельна. — Всё это мне рассказал муж, когда вернулся домой после вскрытия.

Работы для транспорта почти никакой нет. Один, два раза в неделю свезут больных на пристань Урмийского озера, вот и все. Муж совсем перестал ходить в транспорт. Каждое утро к нему приходил с докладом подпрапорщик Галкин, а с ним всегда и «Султан». Этот, как только войдет в комнату, идет прямо к мужу и ласкается и сидит около него пока муж разговаривает с Галкиным. Потом так же уходит до следующего утра. Се-

годня ездила верхом. Сколько ни ехала, по сторонам всё тянулись сады и сады! Доехали до деревни; свернули к речке. Как хорошо здесь! Вода весенняя, быстрая!.. Ворочает огромные камни... Я слезла с лошади и села на камень. Со мной ездил Ткаченко. Я люблю его. Серьезный мужик и любит поговорить...

— Что, довольны солдаты, что попали в Урмию? Отдохнули? Работы ведь здесь почти никакой, — спрашиваю я.

— Да. Оно правда, работы нет. Вон морды какие нажевали!.. Да только скушно здесь!.. Податься некуда! Всё одно и то же! Едим, спим, ходим на базар, — вот и всё! А я так скажу, барыня: нехорошо сидеть на войне без дела! Вон команда с тоски не знает что и делать... Ссорятся между собой; спят, шляются без толку, да деньги сорят зря... А наш-то старший врач, на мой глаз, так совсем плохо выглядит! Шибко стал пить здесь... Это ведь тоже от безделья!.. Совсем перестал приходить в транспорт. Вчера дневального побил.

— Что ты говоришь! Не может быть!

— Правда, правда! Вы только, барыня, не говорите ему... Я-то понимаю, что человек от безделья пропадает! А солдаты шибко обижаются... Вон, Клюкину выбил зуб и он забыть этого не может... А меня так ни разу не ударил! Это тоже правда...

Всё сразу потеряло свою прелесть, и вода, и солнце, и цветы... Едем обратно молча. Только въехали в наш переулок, я увидела Ваню. Он сидел на окне.

— Барыня! Сделайте милость, не говорите ничего барину...

— Хорошо каталась? Далеко ездила? — спросил муж, как только мы подъехали к дому.

— Хорошо. Но мне скучно без тебя... Чего ты, Ваничка, сидишь всё время дома? Божий мир так хорош!..

— А я так отлично себя чувствую! Сижу и попиваю вино.

— Ваня, если тебе так хорошо жить с вином, то, может быть, мне лучше просто уехать домой? К чему мне здесь терпеть лишения, раз я тебе не нужна? Ты отлично можешь жить с вином и без меня!..

— Нет, Тиночка, это две вещи разные! Без тебя я сразу сопьюсь совсем! А когда ты со мной, я только пью. Всё равно бросить пить я не могу! А ты не обращай внимания на мое питье. Лучше пей и ты сама со мной! По крайней мере не будешь замечать, что я пьян...

Приближалась Пасха. В лазарете сестры только и говорили об этом и ждут наступления праздника с нетерпением. Один из

стоящих кавалерийских полков будет праздновать свой полковой праздник и приглашает на это торжество весь город. Разумеется в лазарет были присланы приглашения всему персоналу. И теперь сестры готовятся, с волнением, к этому дню. И сестры и врачи по десять раз спрашивали меня буду ли я на этом празднике.

— Нет, не буду! Мы ни с кем не знакомы и нас не приглашали.

— Ерунда! Я вас приглашаю, — говорит молодой врач. — Раз приглашают всех сестер и врачей, то вы, как наша сестра, обязаны идти вместе с нами. Право, здесь удавиться можно с тоски! Единственный случай представляется послушать музыку, потанцевать и выпить.

— Без мужа я не пойду!

— Да что же нам делать, если доктор Семин прячется от людей? Наш старший врач сам пошел к нему... Так он напоил и его. А сам так и не приходит к нам знакомиться! — говорит женщина-врач, Софья Мефодиевна.

Но, как это ни странно, мы все же получили приглашение на полковой праздник. И это удивило не только мужа, но и меня. И я пережила не мало неприятных намеков.

— Каким образом и на каком основании прислано нам это приглашение, если я ни с кем не знаком и никому не делал визитов? Значит ты знакома с ними! И благодаря этому и мне прислали это приглашение!

Мне было оскорбительно даже оправдываться и уверять, что я совершенно ничего не знаю и никакого желания у меня нет идти на этот праздник. Но мое молчание только еще больше раздражило его воспаленный алкоголем мозг.

— Вот ведь ты познакомилась же где-то с этим доктором Жуковским! И он провожает тебя каждый день! А сколько у тебя еще знакомых там, которые боятся приходить сюда и которых я не знаю?!

— С доктором Жуковским я познакомилась в лазарете и тебе бы самому следовало сделать ему визит. Он семейный и очень приятный человек.

Когда я собралась идти в лазарет на вечернюю работу, муж спросил — Куда ты? Опять в лазарет?.. Сиди дома! Там и без тебя обойдутся! Хочешь поезжай лучше верхом с Ткаченко, или Гайдамакиным. Лошади совсем застоялись.

— Хорошо. С удовольствием. Но я согласна ехать только с тобой!

— Нет, я не поеду. А хочешь пошлю за твоей подругой, — сестрой Тарасовой?

Я согласилась и сестра Маруся через пять минут был уже у нас. Я ее познакомила с мужем и мы пошли в транспорт. Там для нас поседлали лошадей и мы поехали.

— Тина Дмитриевна! Можно мне расшевелить вашего мужа и заставить его выйти из дома? — вдруг сказала сестра Маруся.

— Как это вы сделаете, Маруся?

— О, все мужчины одинаковы! Стоит только расшевелить его и он не будет сидеть дома.

— Что вы хотите сказать? Я вас не понимаю Маруся? Вот вы какая!..

— Ну, если я позволю ему поухаживать за мной, так разве он после этого будет сидеть и киснуть в комнате? Он придет к нам в лазарет и будет стараться понравиться мне!..

Я прямо чуть не свалилась с седла! Эта ее уверенность в своих чарах была неподражаема!.. — И я сказала: — Хорошо. Попробуйте!..

— Отлично. Раз вы одобряете мой план, — я сейчас начну действовать!.. Я мужчин знаю. Он только что познакомился со мной и я на него произвела хорошее впечатление. Теперь я пойду прямо к вам на квартиру и скажу ему, что вы пошли в лазарет. И затем сама поведу атаку на него. Когда вы вернетесь, то он будет уже мой!

— Ну, знаете, это немного уж чересчур. Я вовсе не собираюсь передавать вам мужа!..

— Так ведь, если он влюбится в меня, он сразу оживет, мужчиной сделается!.. А он мне понравился!..

Я не могла не рассмеяться... Мы вернулись в транспорт. Маруся ушла «отбивать» от меня моего мужа, а я села на ступеньку крыльца и стала разговаривать с санитарами. Но что-то вдруг точно ударило меня!.. Я кажется с ума сошла! Как могла я так легко и шутя отнестить ко всей этой бессмыслице?! Как могла позволить делать какие-то дурацкие опыты!?.. Я вскочила и выбежала на улицу... и нос к носу столкнулась с... Марусей!?.. Вид у нее был совсем смущенный и можно было подумать, что кто-то ее высек...

— Маруся! Что с вами случилось?!

— Я от вашего мужа иду...

— Ну?..

— Да он какой-то странный... Сколько я ни говорила с ним, — он смотрит на меня и молчит... Потом вдруг предлагает вина? Я выпила. Но разговор так и не вышел. Он так смотрел на меня, что мне стало страшно!.. Потом вдруг заговорил... «Бедная вы, — говорит, — девушка!.. Если уж очень вам хо-

чется кого нибудь соблазнить, так на меня времени не теряйте! А лучше всего уходите скорее! А я люблю только свою жену». Ну, я и ушла...

Я пошла домой. Муж ходил по комнате и сердито спросил: — Зачем эта обезьянья рожа приходила сюда? Я ее выпроводил и, надеюсь, надолго отбил охоту приходить сюда... Стала кокетничать со мной. А я дал ей понять, что с ее красотой нужно сидеть в темной комнате и без зеркала. Тогда она обозлилась и быстро ушла...

Бедный Ваничка! Я тоже оскорблена за тебя!..

— Гайдамакин! Будем чистить квартиру! Ведь скоро Пасхá, — говорю я.

— Ну вот! Разве я сам не почищу?

— Галкин, пришлите кого нибудь побелить комнату, — сказал муж подрапорщику.

И на другой день нас трое, — я, Гайдамакин и еще один санитар, обмели комнату, побелили ее и вымыли окна. Я старалась всячески помогать им. Во время нашей работы в окно влетели два воробья. Они пищали и били друг друга так, что перья летели. Оба солдата бросились ловить их. Но поймали только одного, а другой улетел. Поймал его солдат Пронин и держал в кулаке.

— Оторви ему голову! — сказал Гайдамакин. Но я заступилась за воробья, и велела отпустить его на свободу.

— Нет, барыня. Ему нужно оторвать голову, чтобы кровь его пролилась в этой комнате. А то случится несчастье.

— Не смейте этого делать у меня в комнате! Сейчас же отпустите воробья!

Оба солдата посмотрели друг на друга, как бы без слов говоря, — «непонимающая дура, что с ней поделаешь!» И воробья выпустили. Гайдамакин только чмокнул, «пеняй, дескать на себя, если не хотела слушать доброго совета...»

Как-то пошла ко всенощной. Прихожу, а служба еще и не начиналась. В коридоре, на полу сидят казаки, присланные командиром сотни говеть. Я подошла к ним и села на подоконник. Казаки были Забайкальцы. Все бородатые, с длинными, в кружек остриженными волосами.

— Что, сестрица, тоже говеть пришли? — спросил меня казак, жуя черный хлеб с сахаром.

— А вы разве говеете?

— Да, прислал наш сотенный командир. Небось сам-то не говеет. А нас заставляет. А какие у казака грехи? Да еще на

войне! Вот сидим, да сахар с хлебом жуем. Церковь-то еще заперта. Рано, должно.

— С чем будете пить чай, если сахар съедите с хлебом?

— Чай мы пьем с солью, да с салом. Так у нас все делают в Сибири...

Почему всё время я чувствую тоску и тяжесть на душе?.. Вот и в церкви нет душевного успокоения. И на работе, около больных... Нигде! Точно кто-то идет за мной тяжелый, мрачный и давит меня... Сегодня ночью проснулась от собачьего воя под моим окном. Ночь была лунная, светлая, как день. Я подошла к среднему окну, которое никогда не закрывалось, и выглянула на улицу. Перед домом сидел наш «Султан», тявкал и подвывал. Жалким, худым казался он мне сверху в неверном свете луны. — Султан, Султан! — тихо позвала я его, чтобы не разбудить Ваню. — Что ты плачешь?.. Замолчи!.. — Он слабо повилял хвостом и замолчал. Но когда я легла в постель, он опять тоскливо завыл... Утром пришел Галкин с рапортом и, как всегда, с ним пришел и Султан. Но сегодня он вел себя как-то совсем странно... Подпрапорщик, постучав в дверь вошел в комнату. Но собака не пошла за ним, а осталась в сенях... — Султан, пойди сюда! — позвал муж. Собака, нехотя и осторожно вошла... Но сделав два шага, вдруг остановилась, уперлась передними лапами. Шерсть на загривке поднялась дыбом. Он заворчал и стал пятиться к дверям, в очевидном страхе... Потом повернулся и быстро убежал.

— Что с Султаном? Он болен? Смотрите за ним, теперь весна! Собаки бесятся, — сказал муж. В этот -же день Султана застрелили. Через несколько дней заметили странности и у другой собаки, — Энвер-паши... Пришлось и ее застрелить...

— Всем приходит конец! — как-то особенно мрачно сказал муж. — Теперь очередь за мной... Но я не смерти боюсь! Я боюсь с ума сойти... Я отлично понимаю собак: — у них тоска перед смертью... И мне иной раз хочется завыть от тоски... Я чувствую себя ужасно! Не сплю по ночам... Голова, — как раскаленный котел... Чорт знает, что мне всё время мерещится...

— Ваня! Родной мой! Прекрати пить хоть на несколько дней! Дай отдохнуть твоему мозгу и организму. В тридцать три года ты — совершенно разбитый человек! Подай рапорт о болезни. Позовем доктора Бакина; он освидетельствует тебя и тебе дадут отпуск для лечения. Поедем домой. Поправишься, — опять работать будешь. А к тому времени и война кончится...

Он покачал головой — Поздно!.. Сердце больное. Печень больна... А, главное, мозг мой болен... И не могу я уже бросить пить. Ну, что-ж!.. Конец, — так конец!!

— Неправда! Никакого конца нет! Все от тебя самого зависит. Только остановись! Не пей! Все пройдет и ты поправишься!..

В Вербную субботу пришла я из лазарета и застала у нас гостя, — судебного следователя.

— Зашел к вам напомнить о том, что, на чужбине, вы может быть и забыли. Сегодня ведь Вербная суббота! Вспомним молодость, — пойдем за вербой! Пойдемте, Иван Семенович! Вспомните студенческие годы, как хлестали друг друга вербой, да еще приговаривали — «верба хлес, бей до слез»! И, правда, иной раз так огреют, что слезы из глаз пойдут. Это называлось шуткой...

— Нет, идите вы с женой вдвоем. А я посижу дома, — сказал Ваня. Когда уже я собралась идти, то и гость сказал: — Тина Дмитриевна, идите вы одна. А я останусь с Иваном Семеновичем и попью чайку.

Церковь была полна молящихся. Больше всего, конечно, было военных, — офицеров, казаков и солдат. Был там и весь наш лазарет. Все сестры нарядные, веселые. У каждой есть тут же друг-приятель. Все в белых, чистых косынках, белых фартуках с красным крестом на груди. И все молоды, оживлены, немного всегда влюблены в кого нибудь. Или, по крайней мере, взволнованы весной, торжественностью праздника и обществом молодых мужчин. Самые дурнушки были не хуже скромных, но радостных первых весенних цветов...

Служба кончилась. Пришла домой и побила вербой обоих мужчин. Но праздничное настроение у меня сразу пропало. Оба они были не трезвы и моего настроения не заметили...

Наступила Страстная неделя.

— Ваня, дай мне денег, я поеду на базар, куплю что нибудь для Пасхи...

Но на базаре не было ничего интересного. Всё та же баранина, каймак (сгущенное буйволиное молоко) и сушеные фрукты. Возвращаясь домой встретила следователя К. А.

— Садитесь, подвезу! — крикнула я ему.

— А я к вам иду, Тина Дмитриевна.

— Вот и отлично. Будем пить чай.

— Нет! Раз я вас уже встретил, то не пойду. А лучше расскажу зачем я шел к вам. Вы конечно собираетесь готовить

пасхальные кушанья. Так вот, у меня денщик, бывший повар Маилова и, нужно думать, отличный повар. Он всё умеет готовить: печения, куличи и пасху! Если хотите, — я его пришлю к вам и вы с ним поговорите.

— Спасибо! Очень вам буду благодарна. Только купить-то здесь ничего нельзя. Из чего же мы будем приготовлять пасхальную снедь?

— О! Об этом вы не беспокойтесь! Он сам всё найдет, что нужно.

— Ваня, я сейчас встретила следователя К. А. Он шел к нам, чтобы предложить своего денщика, если мы хотим готовить пасхальный стол. У него денщик, — бывший повар Маилова!..

— Никакой Пасхи я не хочу. А ты лучше поезжай домой в Баку и там и устраивай всё!.. Твое присутствие здесь стесняет меня. Утром меня тошнит и я должен бежать в подвал. Да и ты не можешь жить в такой обстановке... Ты мне здесь ничем помочь не можешь. А один я буду делать что хочу. Стесняться некого будет!..

Домой? Но дом, — это только квартира со знакомой и удобной обстановкой! Но пустая... Он, — здесь один! Я там... Тоже одна!.. Две половинки разбитого целого... Да я просто не смогу жить в вечной тревоге за него!.. Я не могу оставить его одного в этом состоянии почти полной невменяемости... Господи! Что с нами происходит! Почему всё рушится! Оба мы молоды, здоровы, любим друг друга! Что же нависло над нами такое мрачное, давящее, угрожающее гибелью?!..

Целый день на душе тяжесть. Другой раз не хочется и домой идти из лазарета. Там все приветливы, веселые, без горя и забот. А приду домой, — давящая тоска. Муж или пьян или полупьян... Почти и не разговариваем. Так какие-то полуслова. Он всегда мрачный, весь как-то углублен в самого себя. Веки опухли и нависли над глазами, а глаза красные, воспаленные... Ничего не осталось от прежнего Вани! Узнать нельзя! — Сидит безвыходно в комнате или лежит на кровати. Встанет, подойдет к столу, выпьет вина не закусывая и опять ложится... Или ходит молча взад и вперед по комнате... Однажды утром, когда Гайдамакин подал чай, я сказала ему:

— Я уезжаю сегодня домой. Принеси мои чемоданы. Сейчас я пойду в лазарет. Как только вернусь, — буду укладываться.

— Ты напрасно спешишь и радуешься! — громко сказал муж, входя в комнату. — Никуда ты не поедешь! Будешь смотреть на мою пьяную рожу до тех пор пока я не сдохну!..

Я ничего не ответила и ушла в лазарет на утреннюю работу. Вернулась около часу дня. Как и всегда, я шла через сад где стоял транспорт, и сокращая таким образом путь выходила на нашу улицу. Один из санитаров дал мне несколько сорванных им цветущих веточек миндаля и персиков. Подходя к нашему окну я как и всегда позвала, — Ваня!.. — Но он даже не выглянул из окна... Поднялась наверх, вошла в комнату... Он ходит взад и вперед, охватив голову руками.

— Я схожу с ума!.. Голова горит... В глазах красно... Тина, спаси меня!.. Только не посылай меня в сумасшедший дом! Это самое ужасное!.. Всё что угодно делай со мной, но только не отдавай меня туда... Слышишь? Не смей отправлять меня туда!.. Я не хочу заживо идти в могилу!.. Лучше смерть!..

Он почти бегал по комнате, сжимая руками голову. Красные воспаленные глаза были полны безумия и ужаса!..

— Как болит сердце!.. Как невыносимо бьется... — говорил он растирая левой рукой грудь около сердца...

Я растерялась. Не знала что мне делать... Столько страха и горя я еще никогда не испытывала...

— Гайдамакин, скорее беги, позови доктора Бакина! — крикнула я.

— Не нужно! Я не хочу, чтобы кто нибудь видел меня в таком состоянии!

Я хотела намочить ему голову водой, но он не подпускал меня даже подойти к себе и продолжал метаться по комнате. Остановился около стола, взял чайный стакан с вином посмотрел на него с отвращением и выпил. Я чувствовала сама, что не могу больше выносить это мучение! Что мне делать? Застрелюсь!.. Я знала, что его револьвер всегда лежит в нише около его кровати. Схвачу его и сразу покончу со своими мучениями!.. Нет больше сил терпеть эту муку!.. Я посмотрела на то место где всегда лежит револьвер, но там его нет... И мы, как два зверя, запертые в одной клетке! Один мечется в бреду полубезумия, то стонет, то хватается за свой яд, то умоляет спасти его от него!.. А я сижу в темном углу и изнываю в отчаянии, не зная выхода из непереносимых мучений... И вдруг я увидела, что уже настала ночь! Окно совсем черное... Муж лежит на кровати, на спине. Спит, — подумала я; тихонько встала и пошла к дверям. Но, только я стала поднимать крючек на дверях, муж неожиданно спросил меня: — Ты куда?..

Я вышла и спустилась во двор. Он был глубокий, как колодезь и посреди него до сих пор лежал грязный лед. Я сняла туфли и встала на него. Во дворе темно, как в могиле... Нигде не видно ни одного огонька. Жду когда закашляю... Но мне даже не холодно. Хоть бы заболеть и умереть!.. На верхней галерее показался Ваня. Но я знаю, что он не может увидеть меня. Он постоял, посмотрел и стал спускаться по лестнице. Я жду. Он спустился до второго этажа и пошел в канцелярию, но сейчас же вышел и опять стал спускаться ниже. Сейчас он должен пройти по нижней галерее; привыкнувшими к темноте глазами увидит меня стоящей на льду... Я надела туфли и пошла к нему навстречу.

— Тина, что ты тут делаешь?

— Так стою. Ничего не делаю.

Вот я опять в комнате. Но не кашляю!

— Ваня, что же делать? Мне безумно тяжело видеть, как ты гибнешь. Я не могу больше выносить этого. Пусти меня домой! Ведь ты же сам вчера предлагал чтобы я ехала...

— Знаю! Надоело смотреть на пьяного мужа? А там много развлечений и ухажеров? Терпи! Не долго уже! Скоро все кончится...

— О чем ты говоришь? Что кончится?..

— Ничего! Ложись спать. Поздно уже.

На следующее утро муж проснулся ласковый, добрый. Но чай пить не стал. Его всё время тошнило и рвало. Всё пьет вино, но оно не задерживается, сейчас же выходит обратно.

— Мне нужно, чтобы хоть капля задержалась в желудке! Тогда будет лучше. Смогу пить сколько угодно...

Я пошла в лазарет. — Сестра Семина, правда что вы уезжаете из Урмии? — спрашивали меня сестры и врачи.

— Нет, нет! Никуда я от вас не уеду! Тут и помру с вами!..

Пришла домой. Муж говорит: — Ну! Всё заказал для Пасхи. Этот повар приходил сюда. Он испечет что нибудь. Но насчет кулича он не уверен. И не знает тоже достанет ли творогу для пасхи. Гайдамакин сварит окорок, зажарит баранью ногу и покрасит яиц. Послал двуколку за вином. Его у нас мало осталось, если кто нибудь зайдет, надо же угостить!

Проснулась сегодня утром, открыла глаза, а лучи яркого солнца доходят почти до самой кровати мужа. Вспомнила, что ведь сегодня страстная суббота. Этот день с раннего детства был для меня днем радостного и тревожного ожидания, — возьмут ли к заутрени? В прошлом году не взяли. Я горько плакала

тогда от обиды. Но мне сказали, что в будущем году, когда я подрасту, — меня возьмут непременно. Потом, когда я на целый год выросла, мне и платье новое сшили, голубое. Должны непременно взять! А сколько было пережито волнений, страхов и бурных слез пока не наладилось всё и мы не вышли из дому торжественной процессией под унылый звон колоколов... Следующие годы у подростка новые волнения. Тетя с утра еще сказала, что к заутрени пойдем все вместе к Покрову. А и я и Вера, моя подруга, условились, что пойдем в крепостной собор. Там нас будут ждать знакомые гимназисты, которые после обедни пойдут провожать нас домой. А, вот самая первая, светлая и радостная Христова Заутреня... Я иду по тихим ночным улицам и со всех сторон несется благовест. Он, — мой будущий муж, держит меня за руку и говорит: — Как мы будем счастливы всю жизнь!.. — Как он любит меня!.. С тех пор мы не пропускали ни одной Пасхальной Заутрени во все годы совместной жизни... Конечно пойдем и сегодня!

— Ваня! Ваничка родной мой, ведь сегодня Великая Суббота. Наша светлая Христова Суббота, мы пойдем с тобой в церковь! — Присев к нему на кровать тормошу его. Открыл воспаленные глаза...

— Ты помнишь первую заутреню, когда ты мне сделал предложение?.. Мы были так счастливы тогда! Решили, что будем ходить всю жизнь на каждую Пасхальную Заутреню.

— Ну, а сегодня не пойдем!..

— Послушай, Ваня! Нельзя так жить! Мы лишены обычной домашней обстановки... Мы отвыкли от всего, из чего слагается привычная жизнь и что делало ее привлекательной и полной... Мы огрубели и всё радостное и красивое нам стало недоступно. Только церковь и служба в ней, — единственное что осталось здесь от прежней жизни... Особенно люблю я Пасхальную Заутреню... Я так люблю ее торжественность, ее радостное пение, оживление, счастливые лица... Мне говорили в лазарете, что айсоры страшно религиозны и на Пасху приходят в церковь в национальных живописных, лучших айсорских нарядах.

— Ну, хорошо! До вечера еще далеко. Там будет видно...

— Только, пожалуйста, сегодня не пей! До заутрени хотя потерпи, — уходя в лазарет просила я.

После работы, только я вышла из ворот лазарета, ко мне колесом подкатился маленький персючек напевая и приплясывая: — «Разлука — ты разлука»... Давай пятак! — протягивая грязную руку просит мальчуган. Он каждый день аккуратно встречает меня этим пением и получает свой пятак. Как бы ни было грязно

и холодно, он кувыркается разбрызгивая грязь и напевая песню, которой его научили казаки. Он вытащил из за пазухи бубен и стал петь и приплясывать — «Перстенек золотой талисман мой дорогой»! Давай пятак! — Я дала ему десятикопеечную серебряную монетку, но он признает, только пятак. Так его научили казаки. Иногда детей бывает двое, или трое. Один, самый маленький, всё пытается стать на голову, но более тяжелый зад перетягивает и он шлепается всем тельцем в грязь. Все хохочут, — и артисты и публика! А дети спохватываются и сразу протягивают руки: — Давай пятак! —При первой встрече мальчуган встретил меня грубейшей русской руганью; он низко кланялся мне и самым любезным тоном осыпал меня грубейшими ругательствами. Я просто от него шарахнулась в сторону. Но он шел за мной, приветливо кланялся и продолжал произносить бранные слова, как твердо заученный урок. Наконец я остановилась и схватила его за ухо (голова-то была гладкая, бритая как яблоко). — Нельзя это говорить! .. — Он убежал. На другой день только я вышла после работы, а он уже издали кувыркается и поет. Подкатился мне под ноги и запел «Перстенек». Я дала ему пять копеек. Он их моментально засунул в рот и убежал. С тех пор каждый день встречает меня, поет и пляшет, но больше не произносит ругательств. Только неизменно просит и получает «пятак».

Сестра Маруся подарила мне большой пучек свежих душистых нарциссов, а сестра Феничка, — огромный пучек фиалок. Наши санитары принесли цветущих веток персиков, абрикосов и сирени, и я пришла домой с целым снопом цветов. Дома я застала гостей. Сидели у нас следователь К. А. и доктор Евсеев. Гости сидели за столом, ели, и пили. На столе стоял окорок, жареная баранья нога, печения и кулич похожий на торт. Сначала я думала, что они пьют чай, — перед каждым стоял чайный стакан, у кого на половину отпитый, у кого еще полный, у кого пустой. Но вместо самовара на столе стояла четвертная оплетенная бутыль с вином...

— А, Тина Дмитриевна! С наступающим праздником! Поднимая стакан поздравлял меня следователь. Выпейте с нами вина...

Вскоре доктор Евсеев ушел. Под вечер ушел и следователь.

— Видишь? У нас всё готово к встрече Пасхи... А теперь я лягу и посплю до заутрени, — сказал муж ложась на кровать.

Гайдамакин принес крашеные яйца и поставил на стол.

— Барыня, я не успел отпроситься у барина сходить к заутрени, — шопотом сказал он мне. — Как вы ушли, у нас весь день были гости.

— Иди, иди! Мы тоже пойдем. — Гайдамакин ушел, а я села на подоконник. Ночь уже наступила. Полная луна стояла высоко на чистом небе и светила очень ярко. Тени были короткие, пахло цветами, полная тишина! Нигде ни шороха, ни звука... Святая ночь! подумала я. Который час? Может быть уже пора одеваться и идти в церковь? Я оглянулась. В комнате не был зажжен свет, но всё было видно как днем... Ваня лежал на спине, вытянувшись во весь рост и крепко спал, подложив руку под щеку и склонив голову немного набок... Эта великая и торжественная ночь всеми переживается так радостно. Но у меня только чувство грусти и одиночества. Нет радости ожидания Светлого Воскресения, — такого великого торжества!..

До сих пор у меня была семья, но сейчас я чувствую полное одиночество. Единственный близкий и дорогой мне человек спит, оглушенный вином... Мое душевное состояние безразлично для него... Он даже не сознает, что и сам он катится в темную, глубокую яму и тащит за собой и меня. Все кругом торжественно собираются к заутрени в церковь, а я сижу одна и караулю спящего пьяного мужа!.. Нет! Это невозможно! Я совсем пропаду! Так жить невыносимо!..

— Ваня! Ваня! Вставай, пора идти в церковь! Вон люди идут уже, нарядные, с вербой, с цветами! Посмотри, какая прекрасная, светлая ночь! Точь в точь, как та, наша, — первая...

Долго он не мог проснуться и понять чего я от него хочу... Наконец проснулся. Сел на кровати.

— Не стоит идти! У меня болит голова... Давай лучше ложиться спать. — Он подошел к столу, налил вина и выпил.

В дверь постучал доктор Евсеев: — Идемте в церковь! Пора! — Войдя и увидев, что мы совершенно еще не готовы, он стал уговаривать: — Пойдемте, хоть ненадолго. Примем христианский вид!

Но муж заупрямился: — Нет! Я не пойду. Я только сейчас проснулся.

— Ну, а вы, Тина Дмитриевна, идете?

— Да, я хочу. Но только вместе с Ваней!

— Ну, как хотите. А я пошел...

— Ваня! Идем, родной! Мне очень тяжело оставлять тебя одного дома.

— А ты тоже останься, не ходи! Ложись спать. Давай я сниму с тебя туфельки и помогу раздеться...

— Что ты! Что ты, Ваня, говоришь? Как я могу лечь спать, когда все идут в церковь! Ведь это бывает только один раз в году!

— Давай мы из окна лучше послушаем! Наверное ведь будет слышно, когда запоют Христос Воскресе. А ты разденься, надень халатик и мы будем сидеть на окне и слушать!

— Нет! Я хочу слушать пение в церкви, видеть людей, ощущать радость этой службы со всеми вместе! Пойдем ненадолго. Как только пропоют Христос Воскресе, — мы сразу пойдем домой. Пожалуйста, Ваня, выйди из этой черной ямы! Ты увидишь как всё красиво и радостно вокруг нас! — Я стала на колени перед ним, гладила его руки и целовала. — Ваничка! Тебе только стоит надеть сапоги и ты готов...

— Нет! Я не пойду! И тебя прошу тоже не ходить. — Он стал снимать с меня косынку. Я отстранила его руку и встала.

— Хорошо. Я пойду одна. А ты слушай из окна, если хочешь...

— Нет! Пожалуйста не ходи! Я очень прошу тебя остаться, — настаивал он, а сам подошел к столу и пьет вино.

Я взяла со стола мелкие деньги, поправила косынку и пошла к дверям. У дверей остановилась, посмотрела на него. Он, не поднимая глаз, пил вино и повторил: — Останься! Не ходи!..

Я ушла!! В доме кажется никто не остался. Все окна были темные, только внизу, у входных дверей, стоял дневальный санитар.

— Все ушли в церковь кажется? — спросила я.

— Все, все. И доктор Евсеев ушел, и заведующий тоже, и писаря, и денщики. Хозяйки — айсорки давно ушли. Все ушли!

Пошла и я... Точно из темной, душной ямы вырвалась... И невольно хотелось глубже и полнее вдыхать ароматный весенний ночной воздух... Вот и ворота. А в глубине двора — ярко освещенная, переполненная церковь... Толпа офицеров, солдат, сестер и врачей группами заполняли и двор около церкви. Айсорки — нарядные, в пышных, шелковых платьях, с шелковыми красивыми шалями на головах, длинными серьгами в ушах, бирюзовыми кольцами в ноздрях и медными браслетами на руках. Мужчины все в белых вышитых рубашках и накинутых на плечи широких кафтанах...

Церковь была на втором этаже. Я поднялась и с трудом стала пробираться к входу в церковь. Но войти в нее было совершенно невозможно, — она была полна народа. Я встала в коридоре у стены. К обеим концам этого коридора поднимались снизу широкие лестницы, по которым беспрерывным потоком шли офицеры, солдаты, казаки, и, как белые цветы среди них, —

сестры. Я так увлеклась наблюдая этот людской поток, что не заметила, как кто-то спросил меня:

— Разве вы одна? А где же ваш муж? — Оглядываюсь. Около меня стоит доктор Жуковский. У него полная рука свечей. Он дал мне одну. В это время, энергично работая локтями, пробиралась ко мне сестра Маруся. Со всех сторон стали вспыхивать огоньки. Лица озарились светом и скоро в коридоре стало жарко и душно.

— Смотрите! Вон и наш генерал! — сказал доктор Жуковский, показывая на группу офицеров, стоящих против дверей в церковь. Он тоже не вошел в церковь, а стоит в коридоре. Все вокруг нас тихо разговаривали. Вдруг откуда-то обошло всех приказание очистить проход для крестного хода. А как очистить, когда люди стоят вплотную, плечо к плечу?! Но, незаметно, как волна, люди переливаются и там, где, казалось, невозможно было одному человеку протиснуться, теперь образовался проход... И опять пробегает в толпе, — освободить лестницы! Мы стиснуты и прижаты к стене до последней возможности. Я думала, что задохнусь. Потушила свою свечу, чтобы не поджечь соседа...

В это время в коридор вынесли крест. За ним, склонив высокие древки, вынесли хоругви и иконы. Процессия стала спускаться по лестнице. Я видела только головы и клобук Епископа. Я сделала попытку присоединиться к крестному ходу, но сестра Маруся удержала меня: — Не ходите! Задавят... Обойдется и без вас!.. — В коридоре стало свободнее. В открытые окна вливался свежий весенний воздух и с ним печальное похоронное пение крестного хода... Оно всё удалялось и почти перестало быть слышным... Когда крестный ход вернулся, в коридоре стало еще теснее. Свечи приходилось держать выше головы, так плотно люди стояли друг к другу. Лица у всех были сосредоточены и напряжены... И вдруг, точно могучий вздох облегчения разнесся возглас — «Христос Воскресе!» А толпа поспешно и радостно ответила «Воистину Воскресе!»... У меня мурашки побежали по телу и слезы катились из глаз. Больше я не могла оставаться в церкви. Меня тянуло скорее домой. Я сделала движение, чтобы выйти из толпы. Но тело и ноги были как свинцовые, — не двигались. В ушах стоял шум; горло сжимало что-то горькое; дышать было трудно. Огоньки свечей казались мутными. Я бессильно повисла на руке сестры Маруси. Она помогла мне, мы вышли и спустились по лестнице и прошли вглубь сада. Здесь была тишина. Я скоро оправилась и мы вернулись к церкви. Тут было много народа. Всюду мелькали белые косынки сестер. Слышалось со всех сторон — «Христос Воскресе!» Когда

мы подошли, нас обступили и стали поздравлять. Вдруг кто-то сказал: — Посмотрите какая странная луна! — Какое-то безотчетное беспокойство охватило меня и больно кольнуло в сердце. У меня вырвался тяжелый вздох. Не прощаясь ни с кем я пошла домой. На углу нашего переулка меня догнали сестры и врачи из лазарета.

— Сестра Семина, мы идем к вам христосоваться с доктором.

— Все вместе мы подошли к нашему дому. Я увидела, что окно в нашей квартире открыто, как я его оставила, уходя в церковь.

— Спит! — сказал кто-то — Ничего! Мы его разбудим!.. Сердиться он на нас не станет. Сегодня всем грехи прощаются...

— Ваня! Христос Воскресе! — громко крикнула я. И все стали кричать, — Христос Воскресе! — Но в окне попрежнему никого не было видно...

— Не показывается!.. Спит крепко! — сказал один из врачей. Я повернулась к ним и мне показалось, что сестры с испугом смотрят на темное отверстие окна... В улочке было уже темно от длинных лунных теней. Лица казались страшными. Все как-то быстро стали прощаться и ушли к свету на освещенную улицу. Там толпа оживленных людей двигалась, смеялась, говорили все одновременно и все были в приподнятом праздничном настроении.

Я вошла в сени... Не встретила никого. Даже дневального не было видно... Поднялась на второй этаж... И тут была полная тишина. Нигде ни одного огонька... Ни малейшего движения... Что-же это такое? Неужели все спят? Или не вернулись из церкви? Подошла к нашей двери и открыла ее... Тишина здесь чувствовалась еще сильнее. Точно могила... — подумала я. Луна сбоку освещала пол комнаты. Вижу с порога, что Ваня лежит на кровати...

— Христос Воскресе!.. Ваня!.. Вставай!..

Но он ничего не ответил... Я подошла к самой кровати и нагнулась, чтобы поцеловать его. — Христос Вос... — И вдруг почувствовала что-то липкое и тепловатое... — Ваня!!.. — Схватила его голову и повернула к себе...

Еще теплая рука крепко сжимала револьвер...

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ

Часть третья

ПОХОД НА МОСУЛ

Глава 1

Три дня я пролежала в лазарете. За мной неотступно ухаживали сестры Феничка и Маруся. По очереди они всю ночь сидели у моей постели. Не оставляли меня и днем. Я не спала ни одной минуты и не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой. Казалось, что жизнь кончилась . . . Ушла вместе с душой Вани. Я не чувствовала тела. Не было и мысли . . . Я видела сестер; приходил доктор Бакин, брал мою руку, щупал пульс и говорил: — Очень слабый . . . — Я видела, как сестра Маруся плакала и гладила мою руку . . . Я не замечала ни дня, ни ночи и не было воли, чтобы закрыть веки . . .

— Не спит?

— Нет, доктор. Лежит всё время с открытыми глазами . . .

— А всё же ничего снотворного ей давать нельзя! Сердце плохо работает, пульс слабый.

Пришел доктор Евсеев. Постоял, посмотрел и ушел.

Пришел Гайдамакин. — Барыня, сегодня похороны барина . . . — Что-то резко и больно кольнуло в сердце! . . — Сколько несчастий за эти дни у нас в транспорте случилось. Баринов «Киргиз» (лошадь) ослеп в первый день Пасхи. Ветеринарный фельдшер Акименко пошел посмотреть ее, — и сам ослеп тоже. Он теперь здесь в лазарете лежит . . .

Гайдамакин ушел. Пришел доктор Бакин.

— Тина Дмитриевна, сегодня похороны вашего мужа. Можете пойти туда? . .

— Доктор, да ведь она не может ни двигаться, ни говорить. Сердце едва бьется! — сказала сестра Маруся. — Лучше ее не трогать! . .

— Нет! Как раз я думаю, что ей это принесет пользу! Надо, чтобы она снова увидела его . . . Дайте ей крепкого кофе и безотлучно будьте с ней . . .

— Я сейчас встану и пойду,— с трудом сказала я пересохшим языком.

— Ну, вот и хорошо! — Доктор сел на край моей кровати, взял мою руку и похлопал по ней. — Возьмите себя в руки. Мы

все переживаем страшное и тяжелое время. И все мы можем не выдержать и поступить так-же, как поступил ваш муж... За то время, что вы тут лежите, в транспорте случилось много непонятных вещей... Ослеп ветеринарный фельдшер. Ослепла верховая лошадь покойного доктора...

Опять больно кольнуло в сердце... «Покойного»!.. Вот уже не называют даже его имени!.. Остался только труп... Человека нет больше!.. К чему он столько мучился, волновался из-за всякого пустяка?! «Лошадей бы не покалечили... Санитары бы жили в гигиенических условиях... Скорее гоните лошадей, чтобы не померзли раненые...» Теперь всё кончилось!.. Лошади слепнут... Фельдшер тоже ослеп... И сам он — «бывший» — «покойник»...

Когда доктор ушел, сестра Маруся помогла мне встать. Мне стало дурно и кружилась голова. Но кофе подбодрило меня. Мы пошли в тот дом, где я жила с Ваней и где теперь он лежит один... Покойник!..

После отпевания мы Марусей сели на лазаретную линейку. Впереди санитары несли гроб. Похоронили его рядом с могилой офицера, на вскрытии которого муж присутствовал для судебной экспертизы. С похорон вернулись опять в ту же сестринскую комнату...

Прошла неделя. Как-то зашел навестить меня доктор Жуковский.

— Что вы думаете делать, Тина Дмитриевна? — спросил он.

— Не знаю еще. Но, как только немного окрепну, поеду домой.

— Вот этого-то, как раз я бы вам не советовал делать! Доктор Бакин мне говорит, что сердце у вас очень слабое. Если вы поедете сейчас домой, то с вами может повториться то же самое, что случилось после смерти вашего мужа. Вернуть его к жизни вы не вернете, а себя погубите прежде времени! Дома всё вам будет напоминать прежнюю совместную жизнь. И там вы не поправитесь и не окрепнете душевно. Вам сейчас нужна работа. Нужна новая обстановка, в которой вы могли бы забыться. Только работа спасет вас!.. Я хочу предложить вам очень тяжелую работу. Не думайте, что я не думаю о ваших страданиях и не жалею вас! Как раз наоборот! Я хочу только помочь вам в вашем горе! Скоро весь наш отряд пойдет вперед, в Турцию, на Мосул. Это будет очень трудный и опасный поход! В Турции совершенно нет дорог. Придется идти по дикой, бездорожной горной стране, по едва проходимым тропам, по кручам и обрывам. Лазарет

доктора Бакина выделяет летучий перевязочный пункт; может быть, и питательный тоже. Нужны люди! Один или два врача и несколько сестер. Жизнь и работа, повторяю, будет очень тяжела и опасна. Передвижение для всех — только пешком или верхом на лошади. Придется всё делать для себя самой. Питание простое и очень скромное. Может случиться, что и день, и два — совсем никакого не будет. По горам, без дороги, нелегко будет подвозить продовольствие для войск отряда. Но я думаю и верю, что это вас отвлечет от вашего горя. А когда пройдет острое чувство потрясения, — тогда поезжайте домой.

— Ипполит Иванович, сердечное вам спасибо за ваше хорошее отношение ко мне, в котором я теперь нуждаюсь! Вы правы, — мне нужна работа. И чем она будет тяжелее, тем лучше для меня. Я поеду с летучим отрядом и буду работать в нем...

— Ну, вот и отлично! Я всё устрою; поговорю с доктором Бакиным. Должен сознаться, что мы уже говорили на эту тему и он со мной вполне согласен. А вы набирайтесь теперь сил для крестного похода...

С первого дня, как меня приняли в лазарет, я поселилась в комнате с сестрами Феничкой и Марусей Тарасовой и так и осталась с ними. Еду сначала они мне приносили в нашу комнату. Но вскоре я сумела заставить себя ходить вместе с ними в общую столовую. Первый мой приход в столовую произвел на меня особенно сильное впечатление, когда я увидела как много народу работает в лазарете. За столом сидело не меньше, чем человек двадцать пять. Две сестры, дежурные по столовой, разливали суп, раскладывали жаркое по тарелкам, резали хлеб, наливали кофе. А два служителя разносили всё по столам. Лазарет занимал несколько домов. Один, двухэтажный, был для больных и раненых; другой для аптеки и медикаментов, склад-цейхауз; третий — канцелярия, в которой постоянно работали несколько писарей; четвертый — для столовой и кухни. В нем же жили врачи. Против этого дома жили сестры, и дом был очень большой. В каждой комнате жило по несколько сестер. В нем была лестница на крышу, где по вечерам все собирались, пели песни и валялись на разостланых коврах и даже танцевали. Туда приходили врачи и знакомые офицеры. Теперь в лазарете главной волнующей всех темой для разговора были догадки о том, кого из врачей и сестер пошлют с летучим отрядом. Всем надоело сидеть на одном месте. Всем хотелось испытать новые впечатления и переживания. Но главной причиной всеобщего стремления идти в поход была та, что все войска уходили из Урмии с отрядом. А с ним, значит, и все интересные знакомые офицеры.

— Останутся только интендантские и всякие другие тыловые крысы! — сказала сестра Маруся. — Я думаю, что всех нас троих непременно пошлют, — добавила она. — Раз решено, что, вы, Тина Дмитриевна, едете, а мы с Феничкой должны смотреть за вами, то конечно же, нас не станут разлучать!..

Но однажды Маруся вихрем влетела в комнату в полном отчаянии и бешенстве. Глаза совершенно скошены к переносице! Из ноздрей, казалось, летели искры, а изо рта ругательства!

— Проклятая Сонька! Я ей подложу свинью! Я ей отомщу!..

— В чем, Маруся, дело! Накинулись и мы на нее.

— А вы знаете кто из врачей едет с летучкой?!.. Сонька!! И конечно, меня она не берет!..

Столько накопилось у нея обиды и злости, что Маруся горько расплакалась...

— Чорт с ними! И с летучкой, и со всеми походами! Я не о них плачу. Но я не хочу расставаться с вами, Тина! Я так вас полюбила! Мне так хорошо сознавать, что у мень есть настоящий друг. А теперь вы уедете и я опять стану дикой и невыносимой!.. Ведь сами же они все об этом говорят!..

Женщину-врача, которая назначалась в летучку, я мало знала. Она долго была больна сыпным тифом и только недавно поправилась. Как-то я возвращалась с вечерней работы к себе в комнату. Из одной открытой двери меня кто-то позвал: — Сестра Семина! Зайдите ко мне на минутку... — Я вошла.

— Мы с вами вместе едем с отрядом. Я сама выбрала сестер: Феничку, вас и фельдшерицу, дочь нашего лазаретного фельдшера. Феничку я беру только потому, что вы ее, кажется, любите!..

Я не выдержала и сказала: — Марусю Тарасову я тоже люблю...

— Ну, эту шальную я ни за что не возьму! Она там будет скакать по горам, упадет и разобьется, — а я за нее отвечай, — сказала женщина-врач.

Наступил день выступления. Всех просили брать вещей, как можно меньше. Я вынесла чемодан, тюфяк, одеяло и подушку, — завернутые в один сверток, и ручной саквояжик с мелкими туалетными принадлежностями. Посреди двора стояло несколько хозяйственных двуколок и линейка для нас — сестер и врача. Санитары ехали на двуколках. Они были нагружены сверхом и покрыты брезентом: там было белье для раненых, одеяла, мешки для сенников, медикаменты, сгущенное молоко, галеты, крупы, чай, сахар. Как-никак нас ехало пятнадцать человек! Нужно везти еду и для себя и для раненых и больных. Да еще везли огромные

палатки для раненых, для сестер и для санитаров. Обоз получился большой. Когда мы сели на линейку, Маруся, плача, прощалась со мной, с Феничкой и другими, но с женщиной-врачем нет. Бедная Маруся! Она так же некрасива и смешна, когда плачет, как и когда смеется. Она плакала и почти громко говорила: — Ничего! Я ей подложу свинью при первом же удобном случае. — Весь персонал лазарета вышел нас провожать. Все желали нам успеха и наград за наши будущие подвиги...

И вот я еду работать с людьми, которых почти не знаю и для которых я сама чужа и безразлична... Вот кладбище... Здесь лежит мой Ваня!.. Всегда он был моим заступником и защитником... А теперь сам только покойный... Ваня, Ваня, чувствуешь ли ты, что я так близко от тебя?... Хочется соскочить и пойти к нему... рассказать, как невыносимо тяжело мне жить без него... Как мучительно оставлять здесь его одинокую могилу... Стараюсь скрыть слезы, но Феничка заметила и ласково гладит мою руку. Не хватает сил попросить хоть на минуту остановиться, чтобы пойти проститься с ним... А линейка уже проехала... и увозит меня всё дальше и дальше...

Из Урмии мы ехали всё время на запад, к горам, которые виднелись вдали синей полосой. К ним поднималась постепенно и почти незаметно огромная равнина-степь без кустов и деревьев, но вся покрытая травой и цветами. Местами ее пересекали неглубокие овраги, по дну которых бежали весенние ручьи. Первая ночевка была прямо в степи. Когда солнце стало опускаться к горам весь отряд остановился. Один из офицеров стоял на дороге и показывал кому куда заезжать. И скоро всё кругом оживилось. Выросли палатки; загорелись костры и тысячи людских и лошадиных ног стали затаптывать свежую, нетронутую степную траву... Пелена дыма скоро покрыла всю местность кругом и вся она заполнилась сложным, но не громким шумом лагеря.

Наши санитары поставили для нас палатку, разожгли костер и стали варить еду, а мы стали приготовлять для себя постели. Для полноты картины к нам сейчас же пришел первый раненый. Это был молодой казачий офицер — «Митя», как его называли мои спутницы. Феничка и женщина-врач радостно и приветливо встретили «Митю» и принялись расспрашивать его... Я видела его в первый раз. Нас познакомили. Митя произвел на меня очень хорошее впечатление и таким оно осталось навсегда. Он мне напоминал моего брата Харитона. Впоследствие мы с ним сделались друзьями до самой его смерти. (Его убили после революции свои же казаки). Митя был высокий, строй-

ный, черноволосый, черноглазый и почти безусый (что его очень огорчало). Ласковый, услужливый и добрый. Он пользовался общие расположением.

— Митя, что с вашей рукой? — спросили его. Рука была вся забинтована.

— Обжег! Персидский губернатор устроил для начальника отряда и для нас всех офицеров проводы. А я предложил устроить фейерверк, но не очень удачно. Всю ладонь обжег. Болит страшно. — Мы перевязали ему руку. А так как это был единственный раненый, то мы все четверо принимали в этом участие и старались применить все наши знания. Руку ему забинтовали на целый год! Когда кончили, Митя заявил, что завтра утром опять придет.

— Нет, нет, не приходите! Так часто менять повязку не нужно.

— Разве? — удивился Митя. — Теперь я сожалею, что не обе руки обжег... Я бы приходил два раза в день: одну руку перевязывали бы утром, другую вечером...

— Я вам, Митя, разрешаю приходить к нам и без этого! — сказала женщина-врач.

— Вот за это — спасибо вам! Завтра же утром приду.

На другой день к обеду весь отряд пришел на питательный пункт, где уже ждали нас и очень хорошо накормили. А после обеда отряд выступил дальше. Два дня мы шли, постепенно поднимаясь, к горам, которые виднелись вдали. Погода была чудная; небо голубое; солнце яркое; тепло. На третий день к вечеру отряд подошел к самым горам. Тут уже стояли биваком какие-то казачьи полки. Нам указали наше место и санитары стали ставить палатки. Мы им помогали, развязывая наши вещи и устраивая постели. Ночью всё казалось таинственно и красиво. Когда мы утром вышли из палатки, то вчерашнюю голую степь узнать было нельзя. Всюду стояли лошади, обозы, палатки. Между ними повсюду множество казаков. Мы в смущении вернулись в палатку. Что же нам делать?..

— Сестры! Мы здесь не женщины, а медицинский персонал! Не будем обращать ни на кого никакого внимания и открыто пойдем в горы!.. — сказала женщина-врач. Но, в конце концов, мы так никуда и не решились пойти и просидели весь день в палатке. Но зато, как только стало темнеть, она решительно позвала санитара: — Тишкин! Веди нас туда, где нет казаков!..

Пришел к нам отрядный врач и сказал, что дальше нет дороги, а только караванная тропа и поэтому мы, как и весь отряд будем перегружаться на вьюки, что займет много времени. Не-

сколько дней мы жили вполне благополучно. К нам приходили гости из полков, врачи и офицеры. Мы их угощали чаем с галетами и со сгущенным молоком. Но вот пошел дождь!.. В первый день он лил «сорок дней и сорок ночей!» На другой совсем нас затопил... А на третий — вся долина покрылась водой! Тысячи лошадиных и казачьих ног размесили воду с глиной в море жидкой, глубокой грязи и не было никакой возможности нигде ни пройти, ни проехать... Мы сидели целый день на своих койках, поджав под себя ноги и пили чай. Выйти куда нибудь из палатки было совершенно нельзя. Что хочешь, то и делай!.. Дня через три, проснувшись утром, мы увидели, что потоп пришел в самую нашу палатку... Все наши вещи плавали в воде, которая поднялась почти под самые койки! Феничка взвизгнула и, как была в постели, так и прыгнула прямо в воду и стала ловить ящики с перевязочными матерьялами, с галетами, с мылом. Мешки с крупой и мукой, все наши вещи, чемоданы, обувь, всё было в воде... Я всё же не слезла с кровати. Что могла достать с нее, — поймала; что уплыло далеко, — оставила плавать... Феничка открыла полы палатки и стала кричать: — Тонем! Тонем... Тишкин!.. — За открытым входом в палатку я увидела волны бурного моря, а над ним сплошную, мутную завесу дождя! Прямо потоп, да и только!

Женщина-врач подняла голову с подушки и сказала: — А знаете? Ведь мы можем все здесь потонуть! Посмотрите, сколько воды льется с неба. А когда еще с гор вода хлынет на нас, — тут мы все и потонем...

Долго никто из санитаров не приходил спасать нас. Им хорошо лежать в двуколках под брезентом: сухо и тепло! А мы — тонем!.. Наконец, пришли! Стали окапывать палатку; делать канавки, чтобы вода вытекла из нее... А дождь всё идет и идет! Когда вода ушла из палатки, санитар вымел метлой ее остатки. Феничка на спиртовке стала варить кофе. Встала и фельдшерица и стала помогать ей. Хотела встать и я, но Софья Мефодиевна сказала: — Вы не вставайте. Сыро и холодно! А они и вдвоем управятся! — Мне и самой не хотелось вставать.. Слабость какая-то. Так бы всё и лежала. Как я поеду дальше сотни и сотни верст верхом?.. Ну, как по дороге расхвораюсь и где нибудь свалюсь!.. Что тогда будет со мною в горах, где нет ни госпиталей, ни жилья? .. Ну, да всё равно! Чем скорее, — тем лучше...

Слава Богу! Сегодня дождь, кажется, перестал. Выглянуло солнце и на душе как-то стало легче. Весенний теплый ветер быстро сушил землю. Появились тропинки... Рано утром на следующий день отряд длинной вереницей потянулся в горы. Начальник отряда, генерал Левандовский, и с ним большая часть

войск ушли. На биваке остались немного казаков для конвоя нашей летучки, да колесные обозы, которые возвращались обратно в Урмию. Нам тоже пришлось кое-что отправить обратно в Урмию. Возвращается туда и наша фельдшерица, — обратно в лазарет. Она не умеет ездить верхом. Нам дали вьючных лошадей для обоза и верховых казачьих — для нас. Седла у них тверды, как камень. Я не могла ехать на нем даже шагом!.. А казаки смеются ... — Что вы, сестрица? Да мы вам дали самое мягкое седло, а вы посмотрели бы другие!.. — Но всё же вынули свою набивку и положили мою подушку. Стало лучше немного...

Как странно! Когда мы жили в палатке и смотрели на горы, — они казались нам вот тут, совсем близко. Теперь мы поднимаемся и поднимаемся к ним, а они всё еще далеко от нас. Точно уходят и мы не можем их догнать... Мы поднялись уже очень высоко. Горы расступаются перед нами, но всё так же далеки. Тропа вьется по склону горы, сплошь покрытому какими-то цветущими кустами и необычайной красоты и величины пионами, и тюльпанами. Таких огромных и красивых пионов я и в садах никогда не видела.

— Смотрите! Смотрите! Голубая поляна! — кричит Софья Мефодиевна.

Внизу, около болота, большая поляна в буквальном смысле голубая. Но до нее было далеко и никто не мог сказать, что это такое. Караван наш остановился. Урядник послал двух казаков узнать в чем дело. Все следили за ними. Видим вдруг, что они нагнулись и стали что-то собирать с земли.

Софья Мефодиевна тихонько говорит мне: — Это бюрюза! Я вижу ясно! Ведь в Персии ее повсюду много. А тут она прямо поверх земли лежит... может быть, до нас здесь ни один человек еще не был?

Но в это время казаки уже возвращались к нам и мы еще издали увидели в руках у них что-то голубое... — Несут! Несут! — Вот они уже поднялись на тропу... Только тогда мы увидели, что это «голубое» — только незабудки... — О, и страсть же сколько их там, говорит казак, просовывая пучек под уздечку моей лошади. Другой дал мне такой же пучек в руки.

Караван шел медленно, почти незаметно, но непрерывно поднимался всё выше в горы... Изредка попадались маленькие селения с крошечными, но отлично обработанными полями кукурузы. Первую ночь мы ночевали около одного из таких селений. Но в дома его мы не заходили. Каждый из них был огорожен и окружен фруктовыми деревьями, сиренью и жасмином. Я — привычная к верховой езде — не чувствовала большой усталости и

боли в ногах. Но мои спутницы были разбиты и не могли сделать ни шагу.

— Я завтра не могу ехать дальше! — чуть не плача говорит женщина-врач.

Феничка же просто втихомолку плакала. — И зачем меня послали на такую муку! — плача говорила она. — Теперь я не могу ни вперед ехать, ни назад вернуться!.. Меня бросят здесь одну и курды убьют меня...

Но все казаки приняли участие в нашем жалком положении и стали делать советы, что нужно сделать, чтобы избавиться от боли.

— Перво-наперво не лежите и не сидите! Всё время ходите, разминайтесь!..

— А как будешь ходить и разминаться, когда ступить не можешь?

— Идемте, сестры, мы вам покажем, как жили курды. (Казаки, Софью Мефодиевну, женщину-врача принимали тоже за сестру, да она и не обижалась). Пока варился суп и грелась для ножной ванны вода мы кое-как пошли посмотреть деревню. Вернувшись наскоро поели, погрели ноги в горячей воде и легли спать. Больше не были способны ни на что. К удивлению утром мы чувствовали себя совсем не плохо и поехали дальше.

— Кажется, я взяла на себя непосильную задачу! — говорит женщина-врач. — Эта поездка и работа просто не для женщин! Мы можем не доехать до места. И все заболеем! А это будет позор для всех нас, а особенно для меня!.. Но и возвращаться теперь уже поздно...

А караван тихонько шел и шел всё дальше. А мы волновались и сомневались... Временами старший казак останавливал лошадей и говорил: — Ну, слезайте, сестры, разомните ноги...

Кругом горы! Мы всё время поднимаемся. А впереди нас всё горы и горы. Все покрыты дубовым лесом. Иногда ущелье совсем суживается и тогда тропа подходит к самому краю пропасти над рекой, бурлящей где-то глубоко под нами... Жутко и посмотреть в пропасть... А каково сорваться в нее с нашей узкой тропы?.. Хорошо еще, что лошади не боятся этого обрыва... Только через трое суток мы догнали штаб. Нам отвели место на биваке и сказали, что мы должны развернуться и быть готовыми к приему раненых. Мы здесь вышли уже на большое плоскогорье с перелесками и полянами, между которыми бежала речка. На одной из полян мы поставили палатки — нашу и для лазарета. Санитары и всё наше хозяйство поместились на другой поляне рядом. Главные войска ушли вперед, а со штабом остались несколь-

ко сотен казаков для охраны. Мы поставили большую палатку, на двадцать пять человек, натянули холст на походные кровати, набили подушки сеном; развели марганец, борную кислоту для обмывания ран и стали ждать раненых. Их привезли на вьючных носилках. Потом привезли их еще. Потом привезли просто больных, а потом, наконец, и просто тифозных... Мы у себя не задерживали ни раненых, ни больных. Перевяжем; накормим; отдохнут сутки и отправляем дальше в Урмию в лазарет. От этой работы у нас оставалось много свободного времени, которым пользовались для собственных дел. Около нашей поляны протекал ручей, куда мы ходили мыться и мыть свое белье. Иногда даже уходили довольно далеко в горы, где всё для нас было ново и интересно. Но начальство узнало об этом и запретило нам уходить из лагеря. Пришел доктор Жуковский и принес категорическое запрещение уходить за пределы лагеря. Наши разведчики доносят, что ближайшие к нам селения пусты, всё население бежало. Но несомненно, что курды прячутся в окружающих горах и могут напасть каждую минуту на отдельных людей, или на малые группы. Разведка наша ходила далеко вперед и по сторонам пути наступления нашего отряда и всюду сталкивалась с небольшими партиями курдов. Как-то вернувшиеся из разведки казаки рассказали, что они доходили до богатого городка с дворцом местного хана. При их приближении жители бежали вглубь страны, оставив город совершенно пустым...

— Вот, шут их задери, как богато жили эти самые ханы! — рассказывали казаки. — Чего только у них нет! Хоромы высоченные! Зеркала по пять аршин!.. Ковров — что! Страсть... Посуды сколько! И вся медная!.. Если-бы да всё забрать, — вот бы богатым был!..

И в доказательство того, что у ханов всего было много, казаки дали нам по куску от разбитого ими пяти-аршинного зеркала и по куску необычайной красоты и ценности порезанного ковра!.. Они не могли увезти с собой ковры, — так они были огромны. Поэтому они порезали их на куски и поделили между собой. А чтобы порадовать сестер принесли и нам по куску и от ковра и от зеркала. Потом, когда отряд пошел дальше и везти большие куски зеркала стало опасно, — заметят, они их разбивали на более мелкие куски и прятали в переметную сумку, а ковры приторочивали к седлу. Да и не один этот разъезд ходил в богатые ханские поместья. Ходили и другие, пока было чем поживиться. Пошлют разъезд куда-нибудь совсем в другую сторону, но они непременно «завернут» куда нужно и всякий раз возвращались с добычей. Как-то два казака пришли к нам в летучку и принесли кусок ковра в аршин шесть, или семь. — Вот, сестра, не купите

ли? Дешево отдадим! — Меня в лагере знали и считали богатой. Я этот ковер купила, свернула и завязала его, наклеила записку с моим именем и отправила его в интендантский склад в Урмию. Так все делали, когда хотели что-нибудь отправить. Разрешили это и мне. Каждый день из Урмии приходил к нам караван с продовольствием для отряда, и сдав груз, возвращался в Урмию порожняком. Иногда везли туда мешки с кедровыми орешками, или табак. Табака этого было всюду так много, что казаки и солдаты подстилали тюки его под себя вместо тюфяка и спали на нем. Десятки тысяч пудов этого табака интендантство отправляло в Тифлис. Табак был листовой, великолепных сортов и прекрасно сохранившийся. Это была страна необычайных богатств!

Высоко в горах, в труднодоступных местах, живут в своих поместьях курдские ханы, а с ними их подданные, простые курды. Они работают на ханов и кое-что имеют и сами тоже. Бедному курду не много нужно. У него жен мало. Зато у хана их всегда столько, что содержание и наряды их обходятся ему очень дорого. Жены простых курдов ведут сами все работы и в поле, и по дому, ибо их мужчины почти всегда отсутствуют по разбойным и грабительсикм делам, — своим и ханским. Многочисленные жены сидят, поджав под себя ноги, — красят ногти, едят сладости и жирный плов. Они не работают ни в поле, ни по дому.

Однажды казачий разъезд вернулся из разведки с ребенком. Его нашли в брошенном курдском селении. Конечно, девочку эту привезли к нам. Куда же еще было ее деть?!.. Казак отдал ребенка Феничке. Это была девочка лет двух. На ней яркое, ситцевое платье; в ушах серги; на шее стеклянные бусы; на руке медный браслет; волосы заплетены во множество косичек; босая; под платьем ничего больше не было. Девочка не плакала и с любопытством смотрела на всё своими большими черными глазами. Феничка сразу же взяла ее на полное свое попечение. Софья Мефодиевна заявила, что мы не можем держать ребенка у себя. Отправим его в Урмию, в лазарет доктора Бакина. Но Феничка заупрямилась и ни за что не хотела ее никому отдавать...

— Она никому не будет мешать! Я буду за ней смотреть! — Так и не позволила отправить ее! Всё свободное время она возилась с ней. Из мешков сделала ей постель; из простыни сшила рубашку и панталоны. От последних пришлось, впрочем, сразу отказаться. Дали ей имя Таня и девочка скоро стала отзываться на него. Она быстро привязалась к Феничке и всюду ходила за ней... Но вот принесли приказ нам свернуться и идти дальше вместе с отрядом. На наше место приходил другой перевязочно-

питательный отряд, которым заведывал священник. Накануне нашего выступления этот отряд пришел. Феничка сдала свою питомицу другой сестре и просила отправить ее в лазарет к доктору Бакину, но сестры сменившего нас отряда тоже полюбили нашу Таню и оставили ее у себя. Мы потом часто слышали от приезжающих в штаб офицеров и казаков, что девочка стала очень забавная, что ее все любят и даже научили ее говорить по-русски. Всех, кто бы ни приехал на пункт, она тащила за руку в столовую и называла дядей. Конечно, общее внимание приносило ей много вреда и портило ей и характер. Некоторые даже учили ее курить, или заставляли заучивать глупые фразы... Бывало привезут партию раненых, а она уж тут-как-тут. — Хочешь курить? — спрашивает она раненого. Тот обрадуется, а у нее, конечно, и папирос-то нет... Нередко и выбранят ее за это... Но в общем много было радости всем от этого маленького существа...

Опять в поход! Утро. На нашей поляне еще нет даже солнца, но все уже встали и лагерь полон движения. Палатки уже сняты. Офицеры в походном снаряжении отдают последние распоряжения. Солдаты скатывают шинели и палатки. Казаки седлают, приторачивают вьюки. Кое-кто еще пьет чай. У нас все вещи уложены еще с вечера, — и лазаретные и свои. Санитары в десятый раз осматривают узлы и вьюки. Всё готово и ждет только команды к выступлению. Наша летучка пойдет в самом хвосте всего отряда, но санитары волнуются. До сих пор мы шли одни, самостоятельно; останавливались, когда хотели и сколько хотели. А теперь мы будем всё время на глазах у начальства и должны согласовать свое движение с отрядом.

Колонна собралась очень большая. Пехота, пушки, пулеметы, радиостанция, несколько казачьих сотен, штаб, наш перевязочный пункт, обозы! Пушки и пулеметы были в разобранном виде навьючены на спины лошадей. Радиостанция и обозы тоже. Вся эта колонна должна растянуться, как говорили, на много верст; двигаться можно только шагом. А в некоторых местах лошади и совсем не могли взобраться на кручи без помощи людей! Первым выступил из лагеря штаб, впереди которого шла часть казаков. Потом пехота и обозы, потом мы и опять солдаты и казаки. Не прошли мы и часу, как на узком повороте тропы наткнулись на труп лошади. Она только-что пала от солнечного удара. Шерст ее блестела, как золото. Это была лошадь молодого казачьего офицера Вани Сапожникова, который вчера еще показывал на ней приемы казачьей джигитовки. Он недавно только приехал в отряд к генералу Левандовскому, очень любил свою

лошадь и гордился ею. Бедный! Что он теперь будет делать без лошади? .. Потом я узнала, что у всех офицеров были запасные лошади. А у генерала, — начальника отряда, — их было двенадцать и четыре мула для вьюков.

Чем выше поднималось солнце, тем становилось всё жарче и жарче! Двигались медленно и часто останавливались. Поминутно слышен крик: — Стой! Слезай!.. — Слезешь и не выпуская повода лошади из рук, стараешься куда-нибудь укрыться от жгучих лучей солнца под выступ скалы. Солдаты и казаки, потные, грязные, выбились из сил, всё время поправляя вьюки и седла, сползавшие на хвосты лошадей. Жара безумная! Нигде ни одного дерева, под которым бы можно было укрыться! Камни и скалы раскалились так, что сесть нельзя. Воды нет. Ниже и выше тропы, на крутом каменистом скате растут корявые карликовые дубы. А далеко внизу, в узком ущельи бешенно бежит, бурлит и пенится полноводная река Заб. Но, мы только видим ее издали и это усиливает мучения нашей жажды. Мы взяли с собой по бутылке воды на человека, но всю уже выпили давно. Язык сохнет, губы потрескались от жажды. И вода тут же, всего в каких-нибудь 600 футах ниже нас... А вот достань ее с нашей вертикальной кручи!.. — Стой! Слезай! — Эта команда передается из уст в уста и доходит до нас. Мы слезли с лошадей и ищем хотя бы малейшую тень. Только бы хоть голову укрыть! Но ее нет нигде! Солнце прожигает насквозь так, что в глазах красные круги. Подходит офицер. — Дайте, ради Бога, хоть несколько капель воды! — говорит он запекшимися губами. Мы смущены. Хорош наш передовой пункт, когда не можем даже воды дать напиться! Феничка в отчаянии! — У нас нет воды! — отвечает она. Офицер сел около скалы, на раскаленную тропу. Мы над его головой устроили из моего пледа навес, а Софья Мефодиевна сняла с него фуражку и стала обмахивать его. Немного отошел человек...

— По коням! — снова раздается команда. Садимся и едем. Но не долго. Вскоре опять остановились. Теперь есть хоть маленькая тень! Поворот тропы, а над ней нависает скала. В падавшую от нее тень мы все и сели. Прохладно, но пить всем хочется безумно! Подошли к нашей тени и казаки из нашего прикрытия и присели около нас. Для первого знакомства они старались занять нас интересным и приятным разговором:

— Да! По такой-то дорожке далеко не уйдешь! К примеру сказать, ежели теперь, вот отсюда, с этой вот горы, да во фланг нам, нападут на нас турки, или хотя бы, скажем, курды? Ну, что

мы можем поделать с ними отсюда вот, снизу?!.. Ничего не можем!.. Просто, как курей, всех перебьют... Отряд-то наш тепереча растянулся на версты!.. И не соберешь его, как они всех нас кончат!.. — убедительно говорит бородатый казак. — Так и покатимся все в поток кубарем!

— Ну, зато хошь воды напьемся, как докатимся до нее! — сказал другой. — Страсть как пить хочется!.. Напьешься... Какже... Когда брюхо-то прострелят!

— А откуда же здесь возьмутся турки? — спросила Софья Мефодиевна, слушая этот приятный разговор и поправляя пенсне на носу.

— Как откуда! ? А что мы знаем, что там за горами делается? Мы-то вот сейчас здесь, по эту сторону горы: а они — по ту... Притаились и ждут когда напасть на нас!.. А уж на что лучше время для нападения, как не теперь ! Доведись нам бы так-то увидеть турок, — любого бей на выбор! Охулки на руку не положили бы! Всех бы враз перебили!.. Имущество же забрали бы, конешно, себе!..

Феничка слабо взвизгнула и схватила мою руку: — Господи!.. Погибли мы! Убьют! .. Сбросят в эту бурную речку и унесет наши трупы в неизвестное море... А там ведь акулы!.. Всех съедят!.. И никто никогда даже не узнает ничего о нас!..

— Эй! Поднимайсь! Заснули, что ль? Кричит впереди какой-то солдат. Мы соскочили на тропу... — Лошадей вести в поводу!—снова раздается команда. Мы зевернули за скалу, под которой сидели и увидели наконец обещанный уже нам страшный, крутой подъем. До него самого было еще далеко и впереди нас стояли еще десятки вьючных лошадей, которые должны были подняться раньше нас. Я отдала повод моей лошади казаку, а сама пошла смотреть, как взбирались на эту кручу лошади. До подъема было далеко. На узкой тропе, под тяжестью вьюков лошади топтались, пятились, задевали друг друга; вьюки сползали — то на один бок, то на другой... Иногда у них рвались ремни и веревки. В раскаленном воздухе стояла солдатская ругань: — Стой ты, окаянная! Чтоб тебе подохнуть! — Пиная сапогом под брюхо лошадь, говорит измученный солдат. Великолепная верховая лошадь, которую ведет в поводу владелец-офицер — в полном ужасе от толкотни, шума и предательской пропасти под узкой тропой... Вся в пене, храпит и боится каждого шага вперед... Ее подталкивали казаки, но лошадь скользила, пятилась и неминуемо должна была скатиться в пропасть. Кто-то из начальства сверху крикнул: — Завяжите ей глаза! — Ей накинули на голову мешок и лошадь, не видя пропасти, одним духом взбежала наверх. Весь штаб сидел наверху и наблюдал за подъе-

мом отряда. Пришла и моя очередь. Я веду свою лошадь в поводу и начинаю восхождение.

— Ну, ну, сестра, держитесь! — кричат казаки, окружают мою лошадь и кричат на нее — «хо, хо, хо»! — И лошадь вдруг сама заспешила; быстро, скачками стала взбираться, наступая мне на пятки. Подъем был невероятно крут и — сплошная голая скала! Но не очень длинный. Не успела я и дух перевести, как была уже наверху.

— Браво сестра! — раздается недалеко от меня. Кто-то взял у меня повод моей лошади; усаживает меня на камень. — Отдохните! Нате вот воды.

К пересохшим и потрескавшимся моим губам поднесли маленькую крышку от фляжки, где воды-то было не больше двух глотков. Но они меня привели в чувство и освежили.

— Молодчина, сестра! Прямо настоящий кавалерист! — Я открываю глаза и вижу стоит передо мной весь штаб во главе с начальником отряда генералом Левандовским. Я быстро встаю. Генерал помогает мне и говорит — это было самое трудное место. Теперь будет легче. Пойдет спуск. — Я взяла повод из рук офицера и поблагодарила его. В это время к нам подошли Феничка и Софья Мефодиевна. Они едва одолели подъем. Феничка с истерическим смехом всё повторяла: — Вот наконец поднялись! Не свалились. — А Софья Мефодиевна потеряла одно стекло из пенсне. Вид у нее был смешной и совсем растерянный. Она беспомощно щурила близорукие глаза и взволнованно говорила: — Вот и мы наконец благополучно взобрались!

Генерал был очень мил и внимателен ко всем.

— Садитесь, сестры, отдыхайте. Ваше имущество еще не скоро поднимут. Вьюки может быть придется на руках поднимать; лошади с грузом не берут этой голой скалы. Пробовали высекать ступеньки, но скала только звенела от ударов кирки, а ступенек так и не могли вырубить.

Пришла очередь подниматься и нашим лошадям! Первая же лошадь, тяжело нагруженная посудой, заскользила, стала пятиться, затем упала на передние ноги, перевернулась и покатилась в пропасть. Ремни ее вьюка лопнули и нагруженный на нее огромный котел, опережая лошадь и подпрыгивая на камнях полетел как бомба. Из внутренности котла посыпались оловянные тарелки, ложки и другие мелочи нашего хозяйства. И всё это понеслось с грохотом и звоном в пропасть и в поток. Лошадь тоже кувыркаясь и обдирая бока о камни и деревья катилась в пропасть и взмахнув копытами, бултыхнулась вслед за своей поклажей в бурлящий поток. Все стояли и смотрели на

трагедию бедного животного, но никто ничем помочь ей не мог... Только сестра Феничка, плача подсчитывала потери.

— В чем мы теперь будем варить суп? Как мы будем кормить раненых? Вся посуда погибла! Галеты, мешок с крупой, палатка для санитаров... Все, все погибло!

Вдруг крик. Сорвалась вторая лошадь и так же кувыркаясь катилась в поток, а за ней катились чемоданы, свертки с постелью. Мы смотрели в ужасе. Неужели и эта — наша лошадь? Софья Мефодиевна, бледная, пенснэ свалилось с носа, в полном отчаянии. — Мы не можем идти дальше! Все наше имущество погибло! Не с чем будет работать! — Кричит старшего санитара: — Тишкин! Тишкин! Где наши инструменты и перевязочные материалы?! У нас всё погибло! Мы не можем идти дальше! Мы сейчас же должны вернуться обратно!..

Никто однако не обращает на нее никакого внимания и подъем отряда продолжается своим чередом. Пришел снизу какой-то офицер и доложил начальнику отряда, что почти все уже поднялись. Внизу остались еще несколько вьючных лошадей, но их сейчас поднимут. Штаб сел на коней и пошел дальше. Вскоре поднялись к нам и наши казаки и сказали, что всё благополучно и что можем и мы двигаться дальше. Мы сели на лошадей и, после небольшого и легкого подъема, вышли на высокое плоскогорье, где было много прохладнее. Перед нами открывался вид на громадное волнистое пространство. Река Заб казалась голубой лентой далеко внизу. За ней были горы покрытые густым и, как потом мы узнали, дубовым лесом. Сначала мы ехали по совершенно открытой местности. Но скоро пошли дубовые рощи. Стало еще прохладнее. Солнце всё так же ярко, но сюда, под деревья, его лучи не проникали и мы шли в густой тени. Часа через полтора начался очень пологий спуск, а вскоре мы вышли из леса. Вдали мы увидели мост, по которому наш отряд перешел реку Заб. Некоторые части отряда, уже перешли его и свернув с тропы, спускались к самой реке, где было ровное место покрытое травой и небольшими кустами. Берег казался почти плоским; река в этом месте разлилась широко и текла тихо, спокойно.

— Не иначе, как будем делать привал! — говорит казак, ехавший рядом со мной. — Кони шибко притомились. Да и люди тоже. Страсть, как все пить хотят. Место, видать, подходящее, вода, луг зеленый. Самое место для коней.

И он не ошибся в своих предположениях. У моста стоял казак и всех направлял на луг, к воде, где уже разбивали лагерь. Мы подъехали туда же и нам указали место для нашего перевязочного пункта. Это было около самой воды и кустов.

Как только мы слезли с лошадей, сейчас же пошли к реке пить. Но не успели мы дойти до воды, как нас позвали и сказали, что сырую воду пить нельзя. Санитары стали ставить палатки, разводить костер и варить воду для чая. Хорошо! Пить эту воду нельзя, а мыться-то в ней можно? .. Мы пошли, сели на берег, сняли обувь и опустили ноги в воду. Ах, как хорошо после жары и пыли чувствовать прохладу и свежесть воды. Но вдруг из-за кустов, по течению, выплыла на нас страшная лошадиная голова... Мы в ужасе выскочили из воды! Но и голова последовала за нами и тоже полезла на берег... Мы перепугались и стали кричать! Прибежали казаки, солдаты. Из воды вышла израненая и ободраная лошадь. То был мул одного из адьютантов генерала Левандовского, который сорвался на подъеме и свалился в реку. Несчастный мул едва стоял на ногах. Кожа на боках содрана до крови; одно ухо почти оторвано; одну переднюю ногу держал на весу. Седла на муле не было, как не было и чемоданов хозяина. Все обступили и осматривали бедное животное.

Становиться на ночлег было еще рано. Но после трудного перехода все страшно устали, а впереди неизвестно еще когда попадется подходящее место для лагеря. Поэтому приказано было на этой стоянке заночевать. Из штаба пришел молодой офицер Ваня Сапожников и сказал, чтобы мы не разворачивали много вьюков, так как завтра утром отряд выступит дальше рано и у нас не будет времени, чтобы уложиться и навьючить лошадей, и можем задержать весь отряд.

— Генерал просит вас всех ужинать в штаб, — добавил он. — Ужин в штабе уже варится, — сказал он на наш отказ идти по его приглашению. — А у вас ведь нет еще ничего и если ваши санитары начнут готовить сейчас, то вы будете есть ваш ужин ночью. Ведь завтра вас чуть свет разбудят сигналом и все должны быть готовы к выступлению, — резонно говорит он.

— Хорошо мы придем, — сказала Софья Мефодиевна.

Но Феничка зафыркала и захихикала истерически: — Нет! Я ни за что не пойду туда! Там всё важные офицеры, да генералы, а я — замарашка, грязная.

— Да, что вы сестра! Разве в гости вас приглашают? Просто по походному генерал заботится, чтобы все были сыты и здоровы.

Но упрямую хохлушку-казачку трудно было убедить резоном... Она так и не пошла ужинать с нами. Мы пошли вдвоем с Софьей Мефодиевной. При штабе были повара и служители и всё у них было приспособлено: посуда и люди. На ужин подали вареного барашка, хлеб, и чай. Вот и всё. Хотя было еще не поздно, но мы с Софьей Мефодиевной едва сидели. Глаза сли-

пались. А все остальные, во главе с генералом, разговаривали и обсуждали события сегодняшнего дня. Все много смеялись над адъютантом Вачнадзе, мул которого упал в реку, но в конце концов спасся и нашел своего хозяина, неразлучного друга в походе. После короткого ужина мы сразу ушли и стали устраивать свои постели. Санитары разбили для нас маленькую палатку, нарубили веток и настлали их толстым слоем. Поверх их мы положили одеяла и сразу все трое улеглись.

— Знаете, несмотря на тяжелую обстановку похода, я чувствую себя гораздо крепче за эту неделю, чем в лазарете, где у нас было, конечно, больше удобств и комфорта! — сказала Софья Мефодиевна. — Там я всё время чувствовала слабость и никак не могла окрепнуть как следует. И есть никогда не хотелось... А здесь видели, как все ели этого вареного барашка! ? Чуть не с шерстью и костями!.. И я могла бы съесть и больше! Да совестно как то стало... А вы, Феничка что ели?

— Мы с санитарами сварили чай...

Утром проснулись от беспокойного и приятного звука рожка.

— Вставайте! Вставать! — Тишкин хлопает каким-то прутом по палатке и говорит: — Все уже повставали! Уже вьючат лошадей. — Мы быстро вскочили, оделись и вышли из палатки. Солнца еще нет, но уже светло. Хорошо бы выпить чаю или кофе! Но варить его нет времени. Санитары быстро сняли нашу палатку и заворачивают в нее подушки и одеяла. Вдруг крик: — Змея! — Под ветками и одеялами, на которых мы спали, мирно свернувшись в кольцо, лежала змея! Ей видно спалось не плохо в нашем тепле.

Быстрыми шагами шел к нам доктор Жуковский и нес стакан горячего кофе.

— Тина Дмитриевна, выпейте! Больше нет, только для вас принес, — говорит он, протягивая стакан, и сразу уходит. — Не опаздывайте! Отряд сейчас выступает, — бросает он на ходу.

Мы садимся на лошадей и смотрим, как вытягивается впереди пестрой лентой наш отряд. Скоро тронемся и мы. Всё уже готово и все на местах. Когда очередь дошла до нас, мы тоже втянулись в общую линию и выбрались на тропу, которая шла вдоль высокого дубового леса, всё время поднимаясь выше и выше. Вид отсюда, на только что оставленную нами стоянку, был великолепен!.. Луг, на котором был разбит лагерь, издали казался особенно ярко зеленым, а река широкой и гладкой, как зеркало под лучами только что вышедшего из-за гор солнца ... Утро было прекрасно! А если еще прибавить, что все мы были молоды, здоровы и сильны и самая мысль о войне, борьбе и убийстве казалась не-

лепостью и просто не занимала никого из нас... — всё вокруг говорило только о жизни и красоте ее...

Весь день мы то поднимались на страшные кручи в буквальном смысле на хвостах лошадей, то сползали с них по едва заметным карнизам отвесных скал над пропастями. Но всё же большую часть дня мы шли пешком, ведя в поводу лошадей. Часто до нас доходила команда: — Стой! — Останавливаемся и садимся куда попало. А через минуту слышим опять: — Двигайтесь! — Тропа настолько узка, что негде было сделать привала для еды! Так весь день и шли. У кого был с собой хлеб, тот едет и жует помаленьку. Делится и с другими, а у кого ничего нет пожевать — курят...

Снова раздается: — «Стой»... — Я слезла с лошади и села на горячий камень. Рядом со мной сел казал. Он ехал позади меня. За ним шли Феничка и женщина-врач, а дальше обоз Красного Креста и санитары. Казак дельно, хозяйственно вытащил из-за голенища сапога сухую корку черного хлеба, отломил кусок и не спеша стал жевать.

— «Хочите», сестра, корочку! Нате пожуйте маленько. До вечера-то еще далеко, а раньше вечера никак остановки не будет. — Он отломил кусок корки и протянул его мне. Я не хотела этой корки, которая весь день была у него за голенищем сапога! Но, если я скажу ему, это может его обидеть. Выручила меня сестра Феничка. Она шла к нам, пробираясь среди лошадей, и помахивая узелком.

— Тина Дмитриевна, ведь вы голодны? Вот я принесла вам галеты и несколько кусочков сахару. С галетами это выходит очень вкусно! — Говоря это, она уселась рядом со мной, развязала узелок и протянула мне свое угощение. В узелке оказались только крошки, похожие на ржаные отруби... Сахар мы отдали казаку, для которого он с хлебом — большое лакомство. Крошки выбросили...

Солнце опустилось уже совсем низко, а мы всё идем и идем... Нигде нет сколько нибуь подходящего места для ночлега. Наконец, тропа стала шире, не так крута и мы смогли ровнее сесть в седле...

— Сестра, «хочите» пожевать корочку хлеба? — опять предлагает казак. — У меня еще есть немного.

Я с раннего утра ничего не ела и теперь под ложечкой жжет, а во рту горечь. — Дай, пожалуйста, если есть лишний кусок!..

Казак вытащил из-за голенища корку хлеба, разломил ее пополам, — одну половину дал мне, а другую стал есть сам. Тропа расширилась и мы с ним могли ехать рядом.

— У меня за голенищем чисто! Я там завсегда вожу ложку и хлеб. Еште, — не брезгуйте!..

Как-то сразу вдруг наступила ночь. Несколько минут тому назад был еще день и светило солнце. А только вот зашло оно за гору, — сразу наступила почти полная темнота... Совсем не бывает здесь зорь, как у нас в России! А мы всё идем и идем... Теперь уже не слезаем с лошадей и не видим куда они идут. Только слышим цоканис подков по голому камню тропы... Даже не пугаемся, когда она скользит. Может быть прямо в пропасть!.. Наступила какая-то жуткая тишина. Я не вижу даже моего казака, и мне кажется, что я одна на этой тропе. Мне страшно!..

— Феничка! Где вы? — кричу я.

— Здесь! — Чуть слышно пищит она где-то позади меня...

Ветка задела меня по лицу. Я всматриваюсь... Кругом деревья и много лошадей. Справа и слева силуэты людей. Но тишина продолжается. Вдруг, точно удар хлыста разрезал воздух, — выстрел! Еще и еще... Мы остановились. Кто-то говорит: — На той стороне ущелья турки! Должно быть заметили нас и подняли со страху стрельбу.

— Красный Крест и лошадей отвести в безопасное место! — раздается чье-то приказание. — Дежурный выслать на выстрелы разведчиков! Занять переправу! Не стрелять без приказания...

Какая-то невидимая рука ведет мою лошадь. Мы спустились куда-то с тропы и под ногами у лошади захлюпала вода. Стало прохладно... Где-то под деревом, куда мы спустились, была такая темнота, что я не видела даже головы моей лошади. Кругом слышалось движение людей и лошадей, но разобрать что нибудь было нельзя... Всё это вызывало тревогу перед невидимой опасностью, но даже и она забывалась под влиянием громадной усталости большого и трудного перехода...

— Ваше превосходительство, недалеко отсюда есть подходящее место для ночлега, — докладывает кто-то генералу.

— Хорошо! Ведите туда Красный Крест и всех вьючных лошадей, — отдается приказание.

Я ничего не вижу, но чувствую, что кто-то взял мою лошадь за повод и повел. Мы стали подниматься. Лошадь моя спотыкалась. По лицу больно били ветки...

— Кто идет!? — вдруг резко разнеслось по ущелью. Слышно как со всех сторон застучали затворы винтовок...

— Свои, свои! — Остановились. Мимо нас в темноте, шурша по камням, прошли солдаты и казаки ведя лошадей в поводу.

— Эй, земляки! Дайте проводника, мы идем в селение, а дорогу не видно, — говорит кто-то из наших конвойных.

— Да на что вам провожатых, селение туточка вот совсем близко, — говорят солдаты и идут дальше.

Опять стали подниматься, но скоро снова остановились.

— Слезай! — кричит кто-то...

— Должно приехали на ночлег, — говорит казак, ехавший рядом со мной.

— Сходи, узнай где наше место ночлега, — сказала женщина-врач. Казак слез и ушел в темноту вместе с лошадью... Наступила полная тишина. И опять совершенно неожиданно вынырнул около нас казак и сказал: — Слезайте!...

— Ну, где же наше место для ночлега? — спросила женщина-врач...

— Да вот тут, где стоим, тут и спать будем. Никаких хором для нас не настроено, — засмеялся казак...

Мы слезли с лошадей. Санитары стали развязывать вьюки и ставить наши походные кровати, где было поровнее... И через несколько минут мы уже смогли лечь, не раздеваясь, на их голую парусину. Лошадь мою казак куда-то увел. Я укрылась пледом, но сон не шел ко мне. Так безумно хотелось спать, когда я сидела на лошади, а вот теперь лежу, а сна нет! Доктор Жуковский был прав, говоря, что обстановка похода будет тяжелая... В ней поневоле всё забудешь! Не только личное горе, но и весь мир кажется ушел куда-то в бесконечную даль... Остались кругом только горы да жара дня, холод ночи, усталость до боли и голод до тошноты... А еды нет! Она идет тут же с нами, но никто не знает, когда удастся получить ее. Так мы и улеглись и рады были, что могли вытянуть наболевшее за день в седле тело.

Вдруг я увидела недалеко впереди вспыхнул огонь костра и стал весело разгораться... Видно было как вокруг костра мелькали черные тени. Потом разгорелся другой костер... До нас доносился говор, смех и стук посуды...

Феничка наклонилась ко мне и шепчет: — Вот! Поехали с женщиной-врачем и лежим теперь забытые и голодные. А был бы у нас мужчина-врач, так и у нас бы горел костер и была бы еда и для нас... А наша-то вот лежит и не думает о людях, которые целый день ничего не ели...

— Она, Феничка, тоже ведь устала...

— Устала, устала!.. Ну и сидела бы в лазарете! Так нет же! Сама ведь захотела ехать...

Вдруг совсем близко от нас кто-то остановился и крикнул: -- Где тут перевязочный пункт?

— Здесь, — сказала Софья Мефодиевна. — Что нужно?..

Господи, неужели раненый! подумала я. Сейчас нужно распаковываться, доставать перевязочный материал, инструменты, перевязывать!.. И это когда не хочется даже думать от устало-

сти! Феничка еще больше нагибается ко мне и почти шепотом говорит: — Раненый, или раненые?!

Но пришелец подошел к нам ближе и сказал: — Генерал Левандовский просят доктора и сестер ужинать. Да где вы тут? Я никого не вижу... Да вы никак легли уже спать!?.. Идемте, идемте! Вас там ждут! — повторил неизвестный посланец.

Софья Мефодиевна и Феничка ушли. Я не пошла. У костра могли заметить, что я плакала. Феничка прислала мне кружку чая и хлеб...

Проснувшись утром мы с удивлением увидели, что наш санитарный отряд был единственным, спавшим под открытым небом.

Феничка сразу запищала: — Вот! Смотрите что значит мужчины! Все спали в палатках, кроме нас!..

Однако, плакать по этому поводу было уже поздно... Да и не стоило, — выспались мы отлично. Поэтому мы просто встали и пошли к источнику умываться. Источник бежал из скалы, вода была холодная как лед. Пониже источника солдаты сделали запруду и мыли свое белье. Санитары уже развели костер и грели воду для кофе. Утро было прекрасное. Солнце только что вышло из-за гор и осветило наш табор: три парусиновые койки, раскрытые чемоданы, разбросанные вещи, сваленные тюки, мешки, ящики. Невдалеке спали санитары. Тут же стояли и наши лошади. Вид лагеря был похож на лагерь контрабандистов.

Пришел доктор Жуковский и сказал, что мы должны здесь развернуться, ждать прибытия раненых и кормить проходящих одиночных солдат. Он указал нам место для пункта под большим деревом, недалеко от воды. С непривычки мы устраивались целый день, точно собирались оставаться здесь год. Около штабных палаток было большое оживление. Выше нас, на горе, под низкими палатками-шалашами, стояла полевая телефонная станция, откуда всё время неслось: — Урмия, Урмия, Урмия!.. Верхнеудинск, Верхнеудинск, Верхнеудинск!.. Говорит штаб отряда, говорит штаб отряда!.. — И так весь день и всю ночь. Все время носились взад и вперед посыльные, — пешие и конные... Начальником связи был наш знакомый Ваня Сапожников. Когда он освобождался на время, то приходил к нам отдохнуть от телефонной трескотни и попить чаю.

На другой день утром войска и штаб отряда ушли дальше. На месте остались мы, телефонисты, да немного казаков, для охраны. Но и мы тут простояли недолго. Нам дали живой инвентарь, — барашков. Санитары резали их по мере надобности. С обеих сторон мы получали телефонограммы. С позиции сообщали, что столько-то идет к нам носилок с ранеными. А из тыла заказывали

приготовить еду для команд солдат и казаков, шедших к отряду. Это были по большей части отставшие от своих частей, или транспорты, подвозившие продукты и патроны. Среди них были, конечно, и больные. Их мы держали два, три дня. Подлечим, подкормим и они, отдохнув, идут с новыми силами дальше.

Как-то под вечер мы пошли пройтись . . . Поднялись на ту горку, где стояли телефонные палатки и услышали точно целая рота разговаривает!.. — Штаб отряда!.. Штаб отряда!.. Я слушаю! Я слушаю!.. — Мы подошли и увидели, что Ваня Сапожников лежит на животе в палатке головой наружу, держит в руке телефонную трубку и не переставая говорит: — Я слушаю! Я слушаю!.. — Внутри палатки несколько солдат сидели на корточках и все говорили по телефону что-то совсем непонятное для нас. Ваня нас заметил, улыбнулся одними глазами и показал свободной рукой, чтобы мы не уходили. Но сколько мы ни стояли, разговор не прекращался ни на минуту. Мы показали ему знаками, чтобы он приходил к нам, когда будет свободнее, и ушли к себе. Была уже ночь. Мы давно уже легли спать. Вдруг слышим: — Я пришел ужинать, сестры! Куда вы запропастились?!.. — Это был Ваня Сапожников.

— Воспользовался «первым свободным временем», по вашему приглашению...

Пришлось встать и выйти из палатки.

— Какой же теперь ужин?!.. Давно все спать легли!

— А я только что освободился и голоден как волк!

Мы накормили его как могли. Когда он поел, предложил нам пойти поговорить со знакомыми по телефону: — Хотите, пойдем разговаривать с Митей Трухиным? Теперь самое время! Турки спят и телефоны свободные, — предложил Ваня.

— Так ведь и Митя спит тоже! Устал ведь не меньше вас.

— Ничего! Телефонная трубка у него наверное и во сне около уха. У нас здесь спокойнее, а на позиции нельзя ведь отойти от телефона ни на одну минуту. Мне сказали сегодня, что его скоро переведут в ставку штаба заведывать связью, а меня пошлют на его место.

Через неделю к нам на пункт приехали студенты и сестры милосердия из тыла и сменили нас. Наша же летучка пошла вперед за отрядом. Весь день идем по такой же тропе, как и раньше. Нас сопровождает казачий конвой. Жара страшная. Лошади устали. Мокрые от пота они едва помахивают хвостами, отбиваясь от мух и оводов . . . Пройдя немало верст, остановились, слезли и присели на край тропы, держа лошадей в поводу.

— А вы дорогу знаете? — спросила женщина-врач у казаков.

— Нет, никогда здесь не ходили... Да не заблудимся, не бойтесь!.. Всё равно свернуть-то ведь некуда! Одна ведь тропа... — Бесприменно приведет к нашим. Мимо ставки никак не пройдем. Казаки остановят! Всюду посты и маяки из казаков штаб оставляет... Наши войска дошли до самого Ефрата-реки, сказывали раненые, которых в тыл везут. Наши-то войска по эту сторону на высоком берегу, а турки — на низком. Нашим-то сверху легче охранять берег. Сиди да постреливай, который ежели турок сунется на нашу сторону. Забайкальцы со своей позиции рыбу глушат ручными бомбами. Бросит сверху бомбу в реку и ждет... Как она в воде разорвется, — рыба сейчас же всплывает кверху брюхом. Поближе к берегу, внизу в кустах, другие казаки караулят. Как только увидят, что рыба всплыла, палками ее и выгребают на берег... А чаще просто лезут в реку и ловят прямо руками. Сказывают, страсть, сколько ее там!..

— А турки разве не стреляют по ним?..

— Иной раз стреляют... Да не всегда! Им ведь тоже любопытно посмотреть...

— Уже вечер, а никакого признака лагеря еще не видно. Где же мы сегодня ночевать-то будем? — спрашиваем мы казаков...

— А в селении...

Пред закатом солнца мы увидели вдали группу, ехавших нам навстречу казаков.

— Это вы будете перевязочный пункт? — останавливаясь спросили они нас.

— Мы! Мы! Где тут селение? Мы устали и хотим место для ночлега!

— Да вот тут, — совсем недалеко уже... Нас послали встречать вас. Мы стоим на охране дороги.

— Вы нас проводите до селения?

— Нет. Туточка недалеко, — всего версты полторы будет. Там вас другие казаки встретят. А мы идем дальше...

Долги же казачьи вёрсты! Идем, идем, а селения всё нет!.. Наконец, ущелье расширилось и мы увидели внизу целый город из палаток. Из-за поворота тропы выехали новые казаки и повели нас к нашему месту для бивака. Мы свернули на новую тропу, по ней обогнули весь лагерь и остановились в роще из больших деревьев с разрушенными сараями среди них. Это было наше место для перевязочного пункта. Было уже почти совершенно темно. Мы стали помогать санитарам развязывать тюки и ставить наши походные кровати. Опять будем спать под открытым небом!

— Тишкин! Разводи костер! Грей воду для чая, — командовала Софья Мефодиевна.

У нас было кое что из съестного и мы решили не готовить горячего ужина, а лучше скорее лечь спать. Только мы стали устраиваться и разбираться в своих вещах, как пришел доктор Жуковский и сказал, что нас ждут в штабной столовой ужинать. Долго отказываться не приходится, когда хочется есть; мы согласились и через несколько минут сидели уже в «столовой». Она была на лугу, под тысячелетним дубом. Небольшой квадрат этого луга служил столовой. По четырем сторонам его была вырыта канава, — место для ног, сидевших вокруг стола. На столе — свечи в стеклянных колпаках; с нижней ветки дерева, над столом, висел фонарь с лампой-молнией... Было удобно, светло, красиво! А мы были так голодны, что старались не замечать злобных комаров, которые кусали нас с остервенением... Нас встретили очень приветливо. Расспрашивали, почему мы запоздали.

— Мы вас ждали раньше, — сказал генерал Левандовский. — Что нибудь случилось?

На ужин был опять вареный барашек... Но мы старались не замечать и этого.

— Устраивайтесь здесь на долго! Мы будем стоять тут до тех пор пока наши войска не возьмут Мосул, — сказал генерал.

Я чувствовала себя несчастной. Я так устаю на походе, что как только солнце скрывается за горами, — я совершенно становлюсь неспособна бороться со сном. Вот и теперь! Все за столом болтают, шутят, смеются, а я чуть не засыпаю.

На другой день мы встали чуть свет и стали устраивать наш перевязочный пункт. Палатку для раненых и больных поставили под ореховым деревом. Под другим деревом поставили палатки для нас, а между палатками — стол, которым будем пользоваться для обедов и ужинов и мы и больные. В нашей палатке стояли три койки и помещался склад продуктов и медикаменты. Всем этим заведывала сестра Феничка. Мясо нам дали в живом виде и конечно — барашков.

Доктор Жуковский, видимо, не очень-то доверял женщине-врачу. Сегодня он пришел к нам и сказал, чтобы мы обращались к нему без стеснения, если что нибудь нам не совсем понятно. — Вы ведь люди штатские и многого не знаете, а у войны существуют свои законы и порядки...

Раненых всегда привозят к вечеру. К этому времени мы варим много супа, чтобы прежде всего накормить их. Палатка рассчитана на двадцать пять человек, но на всех часто не хватает. Тогда легко раненых мы кладем на землю, в тени дерева. Как-то рано утром принесли нам записку, что сегодня прибудет партия

раненых, среди которых есть один офицер. Мы сейчас же потребовали транспорт и всех уже бывших у нас раненых отправили в тыл, чтобы освободить места для вновь прибывающих. К десяти часам утра мы смогли уже погрузить их и транспорт ушел в тыл.

Феничка, озабоченная, всё время бегает в «кухню» смотреть, как варится суп и каша. Кухня эта была под открытым небом: в косогоре был врыт котел, который нам дали в штабе, и в нем и варился суп для раненых, больных и команды. Мы, — три женщины, обедали в штабе со всеми офицерами. Их каждый день было за столом человек двадцать пять или тридцать. Обед в штабной столовой мало чем отличался от обеда для раненых и команды. Та же баранина, только вместо каши «каклеты» из баранины. По заведенному, еще до нашего прихода порядку, в отряде, — нас пригласили обедать в штаб на всё время похода, как и каждого офицера, который попадал в штаб отряда.

Целый день мы строили догадки — не ранен ли кто нибудь из знакомых офицеров? После обеда пришел транспорт и мы увидели на одной из носилок Митю Трухина. Мы подошли и хотели помочь ему добраться до палатки, но он бодро сам слез с носилок, пошел в палатку и лег на указанные ему носилки. Голова у него была вся забинтована. Открытым оставался один только глаз, да и тот был опухший. Мы чуть не плакали, видя бедного мальчика в таком состоянии и старались наперебой друг перед другом помочь ему.

— Митя! Вот негодяи! Как они вас подстрелили?.. Куда вы ранены?

— Ранен я в голову выше глаза. Я уже два дня как ранен, но меня нельзя было везти, — очень сильная была головная боль. Сегодня, впрочем, уже гораздо лучше...

— Лежите у нас подольше. Мы будем смотреть за вами хорошо, — сказала Феничка, но тут вошла Софья Мефодиевна. — Довольно разговаривать! Вы утомляете — раненого!..

Наше внимание отвлекли другие раненые: еще один тяжело ранен в грудь. Его привели под руки и посадили около столба. Он не мог лежать. У него было прострелено легкое. Нужно его скорее отправить в тыл. Такой раненый не может получить у нас существенной помощи и будет тяготить и беспокоить всех находящихся в общей палате с ним. Это свистящее дыхание всегда вызывает жуткое чувство. Он с трудом вбирает в легкие воздух и с шумом и свистом выдыхает его. Раненый полусидит с открытым ртом, в глазах ужас, лицо серое, вены надулись, голос хриплый, едва выговаривает слова. Но, носилки еще не вернулись и

мы не можем пока отправить раненых в тыл. Из штаба приходят навещать Митю. Он чувствует себя хорошо и с удовольствием мечтает о Тифлисе...

— По крайней мере побываю в большом городе, выпью хорошего вина, послушаю шансонеток! Ради этого иногда стоит даже пробить череп! — говорит он. — С первым же транспортом посылайте меня!

Как только вернулся транспорт мы стали грузить раненых. И особенно наказывали санитарам смотреть в дороге за нашими тяжело ранеными. Когда эти носилки вернулись к нам порожними, сопровождающий их санитар рассказал как этот наш тяжело раненый выпал из носилок.

— На повороте носилки застряли между камней... Вдруг, как хряснет наша носилка! Я не успел подбежать, а он уже лежит на земле! Ну, думаю, кончили человека!.. А сестры-то просили смотреть и беречь его! Вот тебе и уберег!.. Ну, подняли. Положили в тень. Отошел — слышим свистит, глаза открыл... Жив!! Я шибко обрадовался. Связали носилки. Положили его на них и доставили на «питательный». Ну, там уж хорошо, сестры смотрят... Вот дорогу там вы прямо не узнаете, какую строят! Широкая!.. И сколько сот нагнали персюков!.. Работают шибко... Рвут скалы, по которым мы шли сюда, засыпают рвы... Скоро, сказывали, колесный транспорт станет ходить сюда. Провиант свежий доставлять будут. Не то, что теперь! Пока привезут хлеб, а он весь уже заплесневел...

— Ну, а как вы, хорунжего Трухина, благополучно доставили? — перебивая объяснения санитара, с тревогой спросила я.

— Хорошо! Не беспокойтесь! Он сам слез с носилок и шел пешком в трудных местах. Санитар только маленько поддерживал под руку...

Как-то пришел из штаба адъютант и сказал, что генерал просит сестер, или доктора посидеть с пленными курдами, среди которых есть одна почтенная курдская княгиня. Мы с доктором Софьей Мефодиевной пошли. Перед палаткой начальника штаба, на разостланном большом ковре сидела в кружок группа курдов. Поджав под себя ноги, в живописных одеждах и все пожилые (так мне казалось, но на самом деле были среди них и молодые), они образовали живописную группу. Во главе ее сидела ханум и выделялась, как черная ворона. Она вся распушилась и занимала чуть ли не четверть ковра. Свою черную, шелковую чадру она откинула и сидела с открытым лицом. Под чадрой было черное шелковое платье, широкое и ничем не схваченное, падавшее пышными складками. На ногах башмаки с низкими каб-

луками, в руках красный ситцевый платок, которым она вытирала пот, катившийся с ее лба крупными каплями...

Мы сели поближе к ней и слушали, но не понимая ни слова по-курдски, молчали. Старая ханум говорила что-то своим ханам твердо и властно... Видно было, что она привыкла командовать и повелевать и что ханы привыкли повиноваться. К счастью, заседание скоро кончилось. Мы встали и хотели уже идти домой, но генерал нас просил взять ханум к себе на пункт, угостить кофеем и быть с ней очень любезными и внимательными:
— Пожалуйста, уделите ей внимания сколько только вы сможете! Эта курдская аристократка очень влиятельная и может быть весьма полезной для нас при продвижении наших войск вглубь страны, нам совершенно неизвестной. Нам необходимо установить самые дружеские отношения с местным населением и она нам может очень помочь в этом своим авторитетом... Мы ее отпустим домой с почетом. А всех ханов задержим.

Переводчик сказал старой ханум, что мы ее просим пойти с нами в Красный Крест пить кофе. Старуха недоверчиво посмотрела на нас, потом на своих одноплеменников, и с гордым видом пошла с нами. Мы повели ее на пункт, показали ей наши палатки и как могли, пригласили ее отдохнуть. Я показала ей на мою койку, но она сверкнула на нас своими гордыми глазами, скинула чадру, поправила волосы (они у нее были заплетены в четыре косы), опять надела чадру и вышла из палатки. Только очень наблюдательный человек мог бы заметить, что она волнуется. Несмотря на свой большой рост и тучность, ханум делала быстрые движения. Ее черные глаза метали искры во все стороны.

От поданного кофе она отказалась; села на скамью и всё время косила, как лошадь, глаза туда, где был штаб отряда. Наконец, оттуда показались и шли к нам сам генерал с переводчиком и с ним двое из штабных офицеров. Переводчиком в штабе был айсор Ага Петрос. Он был влиятельным человеком среди айсорского населения. К концу войны за ним очень стали ухаживать англичане, старавшиеся купить его чинами и орденами. Но он до конца оставался очень дружествен нам и оказывал очень полезные услуги нашим войскам. Генерал Левандовский стал объяснять ханум через переводчика, как мы женщины работаем в отряде и как мы нужны всем, — и раненым, и больным и даже здоровым.

— Вот эти три женщины кормят раненых, перевязывают их раны, ухаживают за больными и рады быть полезными и для вас, ханум. — Переводчик ей всё перевел, она взметнула большими черными глазами на нас, но ничего не сказала. Генерал еще раз

предложил ей кофе, поблагодарил ее за посещение отряда и сказал, что, если мы можем быть ей полезными, то он всегда будет рад оказать ей услугу. Она встала, поблагодарила нас и сказала, чтобы мы приезжали к ней в гости и ушла. Ушли и все штабные.

Получила письмо от Нины. Пишет, что она перебралась с детьми в мою квартиру... «Я знаю, что тебе будет тяжело вернуться одной в квартиру, где ты жила с Иваном Семеновичем. Я стараюсь изменить всё, чтобы ничего не напоминало тебе о твоей драме...» Странно!.. Я ведь совершенно не просила ее об этом!.. «Яша женился на Мане. Свадьба была очень шикарная. Мы с Маней танцевали танго...»

Ничего на них не действует! Муж в плену! Брат только что погиб! А они танцуют танго!..

Другое письмо получила от Гайдамакина: «Барыня, Тина Дмитриевна! С горячими слезами пишу вам это письмо!.. Плачу по барину и за свою судьбу тоже... Меня посылали в полк на западный фронт в мою роту, а здесь уже никого нет из старых солдат... И даже моего ротного убили!.. Все чужие мне здесь!.. Что буду делать, как буду жить, не знаю... Так же всё думаю и о вас!.. Вы тоже теперь живете среди чужих людей... До свидания! Напишите мне, как Вам тяжело жить! Ваш — денщик Гайдамакин».

Написала Нине письмо: «Меня очень удивило, что ты бросила свою квартиру и перебралась в мою, не предупредив и не спросив меня об этом. Впрочем всё равно!.. Располагайся как тебе удобно... Только не трогай мою спальню... Оставь в ней всё, как было... Спасибо тебе что ты понимаешь мое душевное состояние...»

Вот уже восемь недель как мы стоим здесь — в этой курдской деревне. Много сотен раненых и больных прошло через наш пункт. Мы, все три, здоровы и, как мне кажется, сильно окрепли физически и душевно. В свободное время я исходила все ближайшие горы. Но всё же чувствую, что устала и хочу домой... Только, как сказать об этом? Софья Мефодиевна сразу обидится, а Феничка, если я уеду, ни за что без меня не останется. Мы так сжились вместе, что и мне будет тяжело расставаться... Все здесь так сердечно ко мне относятся!.. Жизнь наша как-то наладилась и идет своим порядком — для такого тяжелого времени даже совсем не плохо... Работы сейчас стало много меньше и я думаю, что с нею и без меня отлично справятся...

За целое лето не выпало ни одной капли дождя... Все деревья стоят голые. Листья давно пожелтели и опали. Мы все очень загорели и черны, как арабы... Пришел с позиции транспорт. Привез несколько человек больных и раненых. Было уже поздно и мы не стали тревожить перевязками, а только всех накормили. А они были рады, что попали в тихое и спокойное место и скоро все заснули. На следующее утро мы стали их всех опрашивать и записывать: кто чем болен; кто, когда и где ранен и куда ранен. Один оказался раненым в «палец» правой руки. Палец висел только на кусочке кожи, черный, ладонь распухла...

— Как это тебя так ранили, только в один палец попали? — спрашиваю я. Но тут вошла женщина-врач и сразу приняла горячее участие в этом пальце.

— Ах, как почернел палец и ладонь! А у тебя нет температуры? — щупая пульс и лоб у солдата, спрашивает она. — Это очень опасно!.. Может начаться заражение, а там гангрена и смерть.. Нужно немедленно отнять палец! Сестра Семина, приготовьте инструменты! — вдруг приказала она мне официальным тоном.

Я зажгла примус, поставила на него ванночку с инструментами, которые мы ни одного раза еще не употребляли со времени выезда из Урмии. И вот инструменты готовы. Раненый сидит на стуле, против открытой полы палатки, чтобы светлее было делать операцию. Софья Мефодиевна серьезная и озабоченная, всё время поправляет на носу у себя пенснэ.

— Нужно отгородить простынями операционную от больных, чтобы они не видели операции. Позовите санитаров, чтобы они держали простыни, — распорядилась она.

Наконец, всё готово! Но когда мы уже приготовились окончательно к операции, вдруг пришел доктор Жуковский. Как и всегда, он очень приветливо поздоровался со всеми и сразу же обратил внимание на наши серьезные лица и на приготовленные хирургические инструменты. Посмотрел и предмет операции, молодого парня, сидевшего с видом полного равнодушия, точно и не ему собираются отрезать палец.

— Что вы собираетесь делать? — спросил доктор Жуковский. Он осмотрел руку парня.

— Хочу ампутировать у него палец. Боюсь заражения, — сказала женщина-врач.

Доктор Жуковский еще раз осмотрел рану. — Нельзя сейчас делать это! Да у вас ведь и подходящих инструментов нет! Отошлите его в Урмию, там в госпитале и сделают операцию!..

Но наша женщина-врач не хотела упустить случая проявить свои знания как хирурга и хотела во что бы то ни стало сделать операцию. Война всех делает смелыми и решительными... А солдат всё равно ничего не может сказать, что бы у него ни отрезали! Должен молчать! Вот и всё! И из-за этого солдатского пальца поднялся целый спор между двумя врачами... Доктор Жуковский, как мне показалось, хотел удержать от этой операции нашу женщину-врача. А та впала в амбицию и ни за что не хотела уступить своего права на солдатский палец... Солдаты кругом стали прислушиваться, в особенности те, которые лежали близко к перевязочному столу. Санитары, державшие простыню, переминались с ноги на ногу, не зная что им делать...

Жуковский первый спохватился и сказал: — Идемте отсюда. Я вам объясню в чем дело...

Они вышли. Санитары свернули простыню и тоже вышли. Мы остались с Феничкой, которая фыркала, посмеиваясь и говорила: — Никогда больше я никуда с женщиной-врачем не поеду! Один позор и бестолочь! А врачи наши в стороне продолжали спорить. Софья Мефодиевна говорила, что она хочет отрезать палец исключительно для спасения человеческой жизни. Доктор Жуковский уверял ее, что палец нисколько не угрожает жизни своему владельцу... Я стою перед раненым солдатом, который слушает спор по поводу его искалеченного пальца с равнодушным видом.

— А ты хочешь, чтобы тебе отрезали палец? — спрашиваю я его.

— Да што! Мне всё равно! Только ребята говорили, что без пальца-то отпустят в чистую домой, — на фронт больше не пошлют...

— Вот чего захотел! — говорит старый солдат, койка которого стоит близко от перевязочного стола. — Так-то бы все поотстреливали себе по пальцу и пошли бы по домам, к женкам! А кто воевать-то за тебя станет?!.. Да и женка-то такого «ероя» выгонит ведь из хаты метлой!..

— Ну, так, сестра, скажите им: я не хочу отрезать пальца!.. Раз всё равно не пустят домой «в чистую»! А палец, только привяжите, — он живо приростет!..

В это время в палату вошли оба доктора. Софья Мефодиевна, не глядя на раненого, прошла дальше в палату, а доктор Жуковский подошел к злополучному солдату, осмотрел внимательно палец, перевязал его и спросил: — Почему ты хотел отстрелить себе палец? Кто тебя научил этому?..

Простодушный парень, не подозревая, что топит себя, так и ляпнул на чистоту:

— Да ведь многие солдаты так делают! Их и отпускают домой в чистую! Ну и я тоже отстрелил свой, чтобы домой попасть!..

— А ты знаешь, что тебе за это грозит?

— Никак нет! — Солдат был молодой и не искушенный... Так и говорил, что Бог на душу положит...

— Расстрелять тебя ведь могут!.. Глупый, — ты! Вот повезут тебя в Урмию и там тебя будет судить военно-полевой суд! И тебя могут расстрелять за это!

— Расстрелять!!?..— У солдата расширились глаза. Он побледнел и как-то весь осунулся и поблек... Только теперь, видно, дошло до его сознания серьезность его преступления и ужас перед возможным наказанием.

Доктор Жуковский ушел из госпиталя, а к раненому солдату приставили часового с ружьем, как к арестованному преступнику... Бедный весь день ничего не ел и ни с кем не разговаривал.

Вечером пришел из штаба генерал. Солдата вывели из палатки и генерал сам допрашивал его. Я видела издали, как он отвечал на вопросы, едва шевеля побелевшими губами. Несчастный солдат! Всё кончено для него! Не только нет никакой надежды уйти в «чистую», но даже и побывать дома! Смерть! Расстрел! Ему не уйти от них!.. А он уже написал матери, что скоро приедет домой... Мечтал уже, как будет есть горячие лепешки, которые мать напечет ему утром на завтрак... А после еды погнал-бы лошадей на речку поить... Потом пустил бы их пастись, а сам лежал бы на траве... Вон никак девки пришли купаться? Солнышко-то шибко греет... Повернулся. Лег на брюхо... Смотрит на стадо гусей... Тоже знакомые, — тетки Степаниды гуси. Все серые, как один... Он их знает... А вон спускаются к речке свиньи... Сразу полегли на мелкое место брюхом, замутив воду... Это непременно свиньи Трошиных... А девки-то визжат в воде, брыжутся... Вон среди них та, которая больше всех люба ему!.. Раз пустили в «чистую» и на войну больше не пошлют, — можно и свадьбу справить!.. Со страдой управимся; хлеб продадим, — тогда осенью и поженят нас... А тут в глаза смерть смотрит. Сам генерал допрос ведет... Завтра в Урмию, суд и расстрел...

Генерал Левандовский после допроса подошел к нам и сказал: — Несчастный, глупый!.. Какие-то негодяи научили его, что, если он отстрелит палец, то его пустят домой в чистую. А вместо этого ему грозит расстрел. Мне его ужасно жаль, но ему ничем

нельзя помочь! Суд неизбежен и приговор возможен только один, — расстрел...

На другой день его отправили в Урмию. Когда палец ему подлечили, — был суд. И его приговорили к расстрелу. Но на утверждение приговор этот прислали начальнику отряда генералу Левандовскому, который его не утвердил, а приказал прислать солдата обратно на позицию, где он мог бы заслужить право на жизнь, защищая родину. Когда нам это рассказал доктор Жуковский, мы плакали от радости и считали нашего генерала самым благородным человеком...

Теперь у нас полная палата раненых казаков-забайкальцев. Таких спокойных и безразличных даже к своему ранению людей, я за всю войну еще не видала. Что не спросишь, — всё один ответ: — Да! — «подходяще»! — Видно, что ему тяжело лежать в такую жару раненому; весь пóтом обливается, не может сам повернуться; другой не может и пить попросить! Подойдешь, поправишь подушку, дашь пить... — Что тяжело лежать-то? Жарко? — Подходяще, сестрица. — Никогда не пожалуется, не застонет... — Болит рана? — спрашиваю. — Подходяще... — вот и весь ответ.

Наконец, я собралась уезжать домой. Феничка плачет. Софья Мефодиевна говорит, что потребует от доктора Бакина, чтобы пункт сняли и поедет в лазарет, который перевели в другое место. Кажется, к генералу Назарову, у которого идут всё время бои с турками, и раненых, по слухам, очень много.

— Я не хочу оставаться здесь одна с этой неинтеллигентной Феничкой! — говорит она, сама дочь сельской акушерки.

Первые два дня я ехала верхом, дорога еще не дошла до нас. Наконец, приехали на питательный пункт, откуда когда-то начался поход нашего отряда. Место прямо узнать нельзя. Целый городок палаток и деревянных построек вырос... Дорога от него идет широкая, ровная. Только я слезла с лошади, ко мне подошел санитар моего мужа, Клюкин.

— Здравствуйте, барыня! — по прежней привычке назвал он меня.

— А! здравствуй, Клюкин! Ты как очутился здесь?

— А вон наш транспорт стоит. Мы приехали за ранеными сюда.

— Почему ты в валенках?

— Да сапог до сих пор не получили еще! Теперешний старший врач не больно о нас заботится. Ему-бы только бумаги были в порядке, а на нас никакого внимания не обращает. Хоть все по-

дохни! Покойный наш старший врач первым делом заботился о команде, да об лошадях. У нас всё получалось во-время. Разве мы ходили летом в валенках?!.. Эх, барыня! Вот как мы часто вспоминаем покойника. Раньше нам вюой хоть сто лет! А теперь всё только и думки, как-бы дожить до мира, да скорее по домам.

— Но, ведь команда не была довольна мужем? Всегда ведь были претензии и даже жалобы?

— Да, он точно строг был, покойник. За всё наказывал. Вот видите зуба нет, выбил еще в Сарыкамыше и я этого не мог забыть. Всегда таил злобу. Всегда хотелось делать не так, как он требовал. А иной раз думал: постой, — будет праздник и на моей стороне! А теперь, верите ли, барыня, я готов всё отдать, чтобы он был с нами... Вот как нам тяжело жить.

— Но, Клюкин, не может быть, чтобы муж обращался с вами так плохо!..

— Нет! Это истинная правда! Но мы всё ему простили.

До Урмии я доехала по ровной, широкой дороге, но нигде я не увидела ни одного цветочка. Исчезли кусты сирени и жасмина. Не было и ручейков, в которых мы мылись и освежались. Всё срыто, выравнено и мне показалось скучно и одиноко, как в городе. В Урмии жара, пыль. Лазарета нет. Ушел на другой фронт, оставив в Урмии пункт вроде нашего, с врачем и сестрами. В помещении, где был наш лазарет, теперь какие-то интендантские чиновники. У них на крыше каждый вечер играет оркестр, слышно пение и хлопание пробок. Сестры в общежитии, где я прожила два дня, спешно шили ситцевые платья, чтобы можно было выходить по вечерам на музыку и вообще гулять по Урмии. — Скучища здесь ужасная, — жаловались сестры. — Никого нет из офицеров, одни интендантские крысы-чиновники.

— Скажите, пожалуйста, здесь сестра Семина? — спрашивал незнакомый мужской голос. И не успела я выйти в сени, как увидела полковника Жигулина, который несколько раз был у нас на пункте раньше.

— Здравствуйте, Тина Дмитриевна, я только что приехал с позиции, еду в отпуск, узнал, что вы еще здесь и остановились в общежитии сестер, пришел предложить вам ехать дальше вместе. Мне дают в штабе линейку. Завтра приходит пароход из Сауч-Булаха. Будет брать раненых и, конечно, возьмет и нас.

— Вот, хорошо! Спасибо вам, что вспомнили обо мне.

На другое утро мы выехали рано. До озера было только восемнадцать верст и дорога была очень красивая. По обеим ее сторонам росли высокие тополя. Местность кругом совершенно пло-

ская. Вдоль дороги с обеих сторон тянулись селения, окруженные садами и хорошо обработанными полями. Но сейчас было еще рано и в полях никого не было. Мы выехали пораньше по двум причинам: во-первых, рано утром не так жарко, во-вторых, надо было не опоздать получить место на самом пароходе. Пароход этот, собственно говоря, попросту маленький катер, который больше десяти человек к себе на борт не мог взять. Если не поспеть первым, то попросят садиться на баржу, которую катер тащит на буксире. На катере не было удобств. На барже же было прямо ужасно. Палуба ничем не затенена. Солнце жарит во всю. Уборной почти нет (будочка торчит на корме для всех). Этот катер перевозит по Урмийскому озеру в одну сторону солдат, военные и интендантские припасы, а в обратную забирает раненых и немногочисленных пассажиров. Иногда он тянет за собой по две баржи, полные людей и груза. Раненых рядами кладут на палубе баржи. Сопровождают их фельдшер и несколько санитаров. На палубе стоит неприкрытая ничем бочка пресной воды для питья. Еды в дороге не полагалось, — путь не долгий. А если кто и заголодает, так и сухарь пожует. Зато когда пароходик привозил раненых к пристани Даналу, там для них был питательно-перевязочный пункт с врачами и сестрами. Раненых и больных выносили в чистые и прохладные бараки, перевязывали, кормили и отправляли их дальше в Тифлис. Бараки были выстроены во время войны. Их было очень много, — целый городок. Они стояли совсем на песке, на берегу озера. Там же был домик и для проезжающих сестер и врачей. Были даже баня и лавочки с разной мелочью. Но не всегда проходили благополучно перевозки раненых даже и по такому маленькому и спокойному озеру. Вода в Урмийском озере настолько насыщена солью, что в ней утонуть прямо невозможно. Даже если бы привязать на шею камень, то голова пойдет на дно, а ноги останутся в воздухе. Купаться в этой воде нельзя, — слишком солена. Но жара всё же загоняет людей в воду. Никто из них не знает по началу, что нужно иметь с собой ведро пресной воды, чтобы после купания обмыться от соли. Полощется с наслаждением . . . Но, когда выйдет из воды, обсохнет и оденется, — сейчас же по всему телу начинается зуд. Кожа становится красной, как если бы ее густо смазали иодом! Нужно немедленно обмыть ее пресной водой и смазать вазелином, или каким нибудь жиром, как при ожоге. Нередко бывает и волнение на озере. Когда подует хороший ветер, то плыть на маленьких баржах очень опасно. Если нет в трюмах никакого груза, — волнами их бросает с боку-на-бок, как пустые скорлупки; раненых катает по палубе от одного борта к другому. Иной раз и смоет за борт... Бывали случаи, что сами баржи переворачивались

кверху дном. Бочки с пресной водой срываются со своих мест и катаются вместе с ранеными по палубе. Соленые волны заливают всю палубу и уносят с собой в озеро всё, что не привязано крепко... А что не смоют, то вымочат, поломают, разобьют. Больные и раненые не имеют сил сопротивляться ударам этих волн и их приходится либо привязывать, либо прятать куда нибудь. Даже здоровым и крепким людям, и тем не легко бороться с качкой и частыми ударами коротких, тяжелых волн... После бури утопленники, люди и животные, плавают на поверхности воды, не идут на дно, как им полагалось бы, если бы вода не была так насыщена солью... Такая буря была на озере незадолго до моей поездки. Десятки раненых были смыты волнами с баржи и все они погибли... Всё это нам рассказал очевидец, — капитан катера, когда мы хотели плыть через озеро на барже.

Когда наш пароходик пришел к пристани в Даналу и мы вышли на берег, жара там оказалась еще сильнее, чем в Урмии, хотя время шло уже к вечеру... Мы сразу же пошли к ждавшему нас составу поезда, половина которого состояла из санитарных вагонов с Красным Крестом. Другая половина предназначалась для пассажиров. Даже здесь, в глуши и в стороне от городов, на станции было много народа, ожидавшего отхода поезда. А в вагонах уже все места были заняты. На полках лежали чемоданы, постельные свертки, корзинки с едой. Нам пришлось положить наши вещи куда попало и ждать, когда придет кондуктор и разберет наши права на места...

Поезд отошел от станции, но никто не приходил к своим вещам. Не видно было и кондуктора. Мы стояли, не имея места куда могли бы сесть. В соседнем отделении группа мужчин и женщин играли уже в карты. В другом отделении пили вино и пели песни... Полковник Жигулин не выдержал, сбросил чьи-то вещи с верхней полки и сказал мне: — Полезайте, сестра, наверх и ложитесь. Я найду себе место внизу...

Однако, эти его поиски места сразу вызвали в вагоне целый скандал! Пассажиры стали отпускать оскорбительные словечки по адресу офицеров:

— Пользуются своим правом сильного, да еще вооруженные! — говорил один с наглым видом. — Война! Война! А может быть я и сам военный?!..

— Ах так?! Тогда почему вы не в форме? Дезертировали? — сказал Жигулин.

Я позвала полковника Жигулина и попросила его прекратить ссору.

— Если они хотят, я лучше слезу и уступлю им место. А то еще и до драки дойдет!..

— Ну, нет! Это всё ведь спекулянты. Они знают, что я пристрелю каждого при первой же попытке напасть на меня!..

Мало-по-малу всё в вагоне успокоилось и затихло. Я заснула. Но долго еще слышала сквозь сон, как полковник Жигулин кому-то говорил и угрожал: — Революционеры! Разрушители и грабители родины! Я вижу вас всех насквозь. Вижу ваше неуважение к армии и к офицерству!

Я невольно открыла глаза и увидела, что он стоял, прислонившись спиной к перегородке и держал в руке револьвер. А сидевшие пассажиры выглядели арестованными... Я посмотрела на часы. Было уже три часа ночи, но никто в вагоне не спал, кроме меня... Я окликнула его. Он быстро обернулся и сказал: — Спите, спите, сестра! Я вас охраняю!..

Потом оказалось, что он выходил на каждой станции, заходил в буфет и выпивал. Должно быть выпил не мало лишнего... Долго я его уговаривала, чтобы он лег спать. Но он упорно стоял на своем:

— Я, Тина Дмитриевна, солдат и воин, а моя страна в опасности! Я не имею права лечь спать, когда, вон, сидят разрушители! — он показал рукой, в которой был револьвер, на соседнее отделение... Я опять заснула. Но пассажиры, которые раньше нас захватили лучшие места, просидели со своими дамами без сна всю ночь, очевидно, побаиваясь решительного вида Жигулина...

Поезд пришел в Тифлис под вечер. До отхода бакинского поезда оставалось еще полтора часа; но я решила сидеть на станции, никуда не ездить и никого не видеть. Вещи сдала носильщику, а сама стала искать место поспокойнее... Проходя по перону меня кто-то окликнул по имени. На скамейке сидели, как два нежных голубка, Курдюковы. Мы поздоровались. Но встреча меня не обрадовала. Я боялась, что они станут расспрашивать меня о смерти мужа... Они усадили меня с собой и спросили откуда я взялась на Тифлисском вокзале.

— Откуда вы едете, такая черная?

— Из Урмии. Работала на позиции, в горах Турции, почти три месяца. Там не только кожа на лице чернеет, а даже лист на деревьях давно почернел и опал...

— Тина Дмитриевна! Я не буду говорить вам ни о сожалении, ни о сочувствии. Я давно думал, что Иван Семенович кончит так, как он и кончил... Что-то в нем было странное! Не от мира сего был он... Богатый, избалованный жизнью, он никогда не мог ни подделаться, ни приспособиться ко времени и обстоя-

тельствам... Это-то и толкнуло его искать забвения своей неприспособленности к жизни в вине... Как и многих других, оно его и погубило...

— А вы разве, Леонид Николаевич, не с полком?

— Нет, я состою главным врачем в одном из стоящих здесь госпиталей.

— Ждете кого нибудь? Где ваш сын?

— Нет, мы никого не ждем, а приходим сюда каждый вечер и наблюдаем, как публика уезжает и приезжает. Здесь встречи, проводы, плачь и смех, — всё перемешалось... Сами мы никуда не собираемся и никого не ждем. Только наблюдаем... Наш Ганя женился и устроился у воинского начальника на распределительном пункте в Навтлуге.

— Слышали, вероятно, как много убитых у Кабардинцев?

— Да! Мы все новости получаем из первых рук, — сказала Курдюкова.

Вот, им и война не в тягость, подумала я... Подошел носильщик и сказал, что поезд подан. Я попрощалась с Курдюковым и пошла в вагон...

Дорога была особенно скучной. В Баку, на станции, никто меня не встретил; точно в чужой город впервые приехала... Чувства, что приехала к себе «домой», не было совершенно... На мой звонок дверь открыла бывшая моя горничная. И сразу расплакалась... Потом выбежали дети и радостно стали меня целовать. Но видя мои слезы притихли.

— Кто бы подумал, что вы, барыня, вернетесь вдовой! — сказала Даша, утирая глаза передником... Как только Нина Ивановна получила письмо, что вы приезжаете, я сейчас же приготовила вам спальню в белой комнате. Вашу спальню Нина Ивановна взяли себе...

Мы поднялись. Я вошла и села на первый попавшийся стул в бывшей моей гостинной. Так больно сердце бьется... Ничего нет прежнего... Всё чужое... И всё так полно воспоминаний... Я плачу и не могу остановиться. Надя и Таня обнимают меня, говорят ласковые слова: — Тетичка, ты плачешь по дяде Ване!.. Мы любим тебя. Не плачь, — а сами тоже плачут вместе со мной...

Мы перешли в комнату, приготовленную мне Дашей. Мне теперь всё равно, где ни жить...

Дети весь вечер расспрашивали меня о дяде Ване, сами того не подозревая, какое страдание причиняют мне своими расспросами. Нины не было дома. Мы обедали одни. После обеда ма-

ленькие две девочки сейчас же пошли спать. Мара просила меня перекрестить ее много, много раз... В бывшей моей столовой была теперь детская, а рядом, в белой комнате, моя спальня. Хотя и за это спасибо. Я рада, что дети близко от меня...

Утром Надя говорит: — Как хорошо было спать, тетичка! Проснусь, посмотрю, дверь в твою комнату открыта! Значит правда, ты тут рядом с нами спишь...

Даша, подавая утром кофе, сказала: — Нина Ивановна вернулись ночью. Я сказала, что вы приехали. Она хотела идти к вам в комнату, но я просила вас не будить, так как вы устали и поздно легли спать...

Как тяжело мне здесь! Не хочется выходить из комнаты. Не хочу никого видеть. Не хочу ни с кем разговаривать... Сижу точно в гостинице. Да и правда! Жизнь моя сейчас на распутьи. Прошлое кончилось... Настоящего нет. Будущее неизвестно, безразлично... Нужно работать! Иначе сойду с ума в этой обстановке...

К завтраку вышла Нина. — Здравствуй, Тина! Я вчера никак не могла придти домой вовремя, к твоему поезду, — говорит она, входя и здороваясь со мной. — Бакланов справлял открытие своего нового механического завода. Пригласил всех нас к завтраку в новый ресторан «Луна», и мы все там засиделись почти до утра.

— Ну и отлично! А ты получила мое письмо о приезде?

— О да! Получила.

— Где Алексей? Пишет что нибудь?..

— Пишет-то пишет, да всё открытки только. И во всех просит посылать ему свиное сало и всякие жиры. Меня уже просто тошнит упаковывать это сало, а он только его и хочет. Не знаю для чего ему столько его нужно? Может быть он сапоги мажет?.. Яша и Маня живут очень счастливо. Маня купила для своей квартиры новую мебель красного дерева... Смерть Ивана Семеновича всех нас потрясла до глубины души... Яша, получив телеграмму всю ночь не спал...

— А ты что всё лето прожила в Баку, почему не поехала в Пятигорск?

— Да Ванька просил не уезжать! У него жена всё умирает, да никак не может умереть!..

— Какой Ванька?!

— Ты его знаешь, Коженков.

— А, помню! Это тот, что чайниками торгует, да иконками? Красная такая рожа? Лавки скобяного товара у него?

— Да, да! Но, знаешь, у него денег куры не клюют! Эти его лавки с иконками приносят ему доход больше, чем наши дома!..

— Может быть! Но он ведь всё-таки просто спекулянт. Ему нужно быть на фронте, с ружьем в руках. А вот, благодаря деньгам, он сидит в большом городе, пьянствует и спекулирует, да чужих жен развращает... Да, брось говорить о нем! Он мне ни с какой стороны не интересен! Лучше расскажи мне, как живет Соня. Всё еще работает в морском лазарете?

— До сих пор работала, но сейчас должна его бросить, — третий месяц уже беременна...

— Неужели?! Вышла замуж?..

— То-то вот, что еще не вышла!.. Мы все хотим заставить «его» жениться. А он, негодяй, говорит, что ребенок не от него!..

— Да, кто «он»?!..

— Он?.. Просто смазливая сволочь! Из русских немцев... Чтобы не идти на фронт простым солдатом, устроился в лазарете служителем. Красивый, наглый... Соня и соблазнилась, но когда она сказала ему, что беременна, то он ее же стал обвинять, говоря, что она, вероятно, жила с лазаретным доктором... Соня возмутилась и пригрозила, что пойдет к доктору и всё расскажет и тот наверно его откомандирует, пошлет на фронт. Тогда он предложил ей сделать аборт. Соня пришла ко мне посоветоваться. Я сразу заявила ей, что вместо того, чтобы рисковать жизнью, лучше заставить его жениться...

— А отец знает?

— Пока еще нет.

— Нужно торопиться, иначе трудно уже будет скрывать положение...

Запуганный немец женился на Соне. Иван Яковлевич очень был рад выдать дочь за солидного человека, как он называл нового зятя. После свадьбы молодые поселились у отца. Соня бросила работу в лазарете. А Виктор, ее муж, продолжал ходить и исполнять работы до самой революции.

— Знаешь, Ванькина жена была именинница; так я ей послала черные розы! — продолжала Нина посвящать во все семейные дрязги и новости.

— А, что это означало?

— Смерть! Ведь я тебе говорила, что жена у Ваньки в последней стадии чахотки. Ванька вчера говорил, что он ждет каждую минуту ее смерти. Он и домой перестал ходить: «Боюсь — говорит — я на нее смотреть, точно на покойницу...»

— А ты разве хочешь ее смерти? Для чего тебе чужой муж, у тебя свой еще живой...

— Да! Живой! Кажется я никогда от него не избавлюсь. Сколько в нашем полку убитых офицеров! А он хоть бы что... Сидит в плену и отъедается свиным салом... Ненавижу я его! Лучше бы он там умер! — Нина, взволнованная, быстро встала, прошлась по комнате, закурила. — Всю мою жизнь искалечил! Молодости я с ним не видела! Я только сейчас жить начала... — Помолчав она сказала: — Пойдем к Яше. У него всегда кто нибудь есть из гостей. Даша накормит детей завтраком.

Я отказалась... Только она ушла — вернулись дети с прогулки.

— Тетичка, а мамы дома нет? А ты будешь с нами завтракать? Тетичка, я сяду рядом с тобой, — сказала Мара. — И я! И я тоже! ..— вдруг заявили они все.

После завтрака Оля пошла спать, а к Маре пришла учительница. Но Мара со слезами на глазах сказала мне: — Тетя Тина, раз ты приехала, так пусть это будет праздник! И заниматься сегодня не нужно...

Прошло два дня, как я приехала. Но сидеть без дела в этой обстановке я больше не могла! Пошла в госпиталь попросить работу. В госпитале меня встретили очень приветливо, а доктор Захарьян был прямо как отец родной!

— Вернулись к нам? Хотите работать? Это очень хорошо!.. Читал в газетах о смерти вашего мужа... Ничего не поделаешь! Неизвестно, как еще мы все выкрутимся из этого положения! Вон, на западном фронте, немцы прут и прут! А наши всё отступают без патронов и снарядов... Первая палата будет ваша. Приступайте к работе хоть сейчас, — закончил доктор Захарьян.

И вот я опять у знакомого дела! Опять бинты, перевязки, операции, дежурства... Стоны и бред раненых и больных. Слезы радости и отчаяния...

— Сестра, почитайте письмо из дому, жена прислала, — просит раненый. — «Кланяется тебе низко жена твоя Авдотья Миколаевна. Слава Богу, все живы и здоровы. Хлебушко родился, но убрать-то некому. День-денёшенек работаю в поле, — никак спины не разогну. А вечером вернусь домой, а работы и того больше... Сынок твой малый, помогает мне. Но какие у него силенки?! Всего-то ведь только восьмой годок пошел! У тятеньки твоего страшная высыпала грыжа и он ничего робить

не может. Больше всё лежит. Приезжай домой!!.. Хоть ты и без ноги, а всё же свой хозяйский, глаз будет...»

Только прочла письмо, пришла сиделка и сказала: — Вас, сестра, доктор просит!..

— Сестра, звонили из заразного лазарета, сейчас привезут несколько больных для операции, — сказал дежурный врач. — Сколько у вас в палате есть свободных мест? Два только? Хорошо! Возьмите двух себе, а остальных пошлите на второй этаж.

Через несколько минут привезли больных. Мы их приняли; я взяла двух: Сергея Морозова и Ивана Темникова. Оба страшно слабые и у обоих высокая температура. Пришел доктор, осмотрел их, но только безнадежно махнул рукой: — Зачем зря мучают перевозкой!?.. Вот у этого, Темникова, перетонит! Он безнадежный... Морозов может быть и выживет как нибудь, хотя и у него по всему телу нарывы, как результат плохого ухода...

И действительно, Темников лежал с открытыми глазами, ни на что не реагировал. Через несколько часов началась агония и он ночью умер. Морозов был — кожа да кости... Не мог ни говорить, ни пошевелить рукой или ногой... Только глаза были живые... У него, кроме нарывов, всё тело еще было в пролежнях. Рот тоже весь заполнило желтой, вонючей и липкой, как смола, гадостью... Много недель я возилась с ним. Через каждые три-четыре дня ему вскрывали его нарывы с горячим густым гноем. Некоторые из них, после двух-трех дней, опять вздувались и их приходилось снова вскрывать... Весь он был обложен ватой и подушками. Когда нужно было его брать на перевязку, то санитары боялись до него дотронуться, — всюду кровь, гной и мокрая вата... Температура не падала. Доктор каждое утро, увидев меня, первым делом спрашивает: — Ну, как Морозов? Жив еще? — Доктор был почти уверен услышать отрицательный ответ...

Но Морозов выжил! Температура медленно стала падать. Раны стали подживать. Новые нарывы больше не появлялись. Рот стал очищаться... И, наконец, больной стал произносить отдельные слова. Вначале неясно, едва слышно. Потом громче. В конце концов, молодой организм победил-таки болезнь! Температура опустилась до нормальной; появился аппетит; раны затягивались; рот очистился... Как-то пришли сестры из других палат и мы его подняли, поставили на ноги и хотели поучить ходить. Но он страшно испугался и попросил положить его обратно на кровать. — Страшно мне! Упаду!.. — сказал он. Но прошло еще несколько дней и Морозов сам уже попросил меня поднять его и поучить ходить. После этого силы стали быстро воз-

вращаться к нему... Он вспомнил, что у него есть дом и родители...

— Сестра, ведь я чуть не целый год не писал домой! Пошлите, пожалуйста, телеграмму, что я жив!..

Он оказался из богатой купеческой семьи, которая уже оплакивала его, как умершего, не получая от него никаких известий. Мы послали телеграмму в Саратов, где жили его родные, и скоро получили ответ: «Выезжаю к тебе, твоя мать». Все в госпитале были рады за Морозва. Мать приехала и увезла его домой...

Все несложные операции делали в госпитале свои врачи. Но раз или два в неделю приезжал к нам в госпиталь из больницы «Совета съезда нефтепромышленников» доктор Окиншевич — знаменитый хирург, и делал особо сложные операции. Мне пришлось несколько раз быть на этих операциях. Вот тогда-то я увидела и поняла из объяснений докторов, сколько вреда причиняют поспешные перевязки на фронте! Правда, когда идет бой и раненых везут сотнями и даже тысячами и требуют скорее отправлять их дальше в тыл, чтобы очистить место следующим... Сколько неправильных сращений и всяческих осложнений на этой почве! По году раненые валяются по госпиталям! В одном полежит несколько месяцев. Поковыряют, поковыряют, надоест возиться с незаживающей раной, — его отсылают дальше в другой госпиталь

На прошлой неделе доктор Окиншевич делал операцию головы. И мне пришлось держать эту голову. Солдат был ранен в лобную кость. Хотя рана была тяжелая и опасная, но и солдат оказался не из слабых: выжил и рана (выше глаза) зажила. Но у него появились сильные головные боли. Никакие лекарства не помогали. И вот его тоже прислали к нам в госпиталь на исследование. Консилиум врачей решил попробовать сделать операцию и посмотреть не надавливает ли какая нибудь неправильно сросшаяся кость на нерв или на мозг. В день операции солдат сам пришел в операционную, лег на стол. Я его накрыла простыней, надела маску, а один из врачей стал капать хлороформ. Когда больной заснул, доктор Окиншевич приступил к операции. Там, где была рана, кость сильно вдавлена, — образовалась ямка; кожа сморщена, в рубцах... Доктор сделал разрез кожи и приподнял ее. Между неровными зигзагами раздробленной кости (как в засуху потрескавшаяся земля) образовался красный хрящевидный нарост, который скрепил кости, а центр глубоко вдавлен воронкой. Доктор, очень осторожно стуча молоточком по

долоту, стал пробивать еще не совсем затвердевшее соединяющее вещество, а потом приподнял кость: с внутренней стороны ее, наросло такое-же серо-красное вещество, которое упиралось прямо в мозг. Эта операция продолжалась больше часу. Несколько раз еще надевали маску на больного и снова давали хлороформ. Каждый раз больной шумно начинал дышать и снова засыпал. Но пары хлороформа доходили до моего носа и я начинала засыпать тоже... Тогда доктор, державший пульс больного, толкал меня и, нагнувшись ко мне, говорил: — Сестра! Сестра! Не спите, скоро операция кончится. — Я поднимала голову и старалась открыть глаза шире... Доктор Окиншевич выпрямил черепную кость, сшил ее в нескольких местах, натянул кожу, наложил швы, положил марлю, вату, а другой доктор забинтовал. Больного увезли в палату и разбудили...

Через несколько дней доктор Окиншевич делал операцию больному из моей палаты. У него воспаление нерва ноги. Больной с трудом пришел в операционную, лег на стол и сказал: — Хоть отрежьте ногу, но я больше не могу терпеть этой боли...

Когда всё было готово к операции, доктор сделал разрез выше колена с обратной стороны ноги, в совершенно здоровом месте. Разрез был вершка два длины и вершка полтора глубины. Из глубины этого разреза доктор вынул тонкий шнурочек, на котором были какие-то кусочки, как на струне у шерстобитов, когда они бьют шерсть для валенок, или пряжу для тканья сукна. С обоих концов этого шнурка, там, где уже начинался чистый нерв, доктор туго перевязал его шелковой ниткой, а рану зашил. Через несколько дней больной уже вставал и пробовал ходить, не чувствуя никакой боли в ноге...

Когда же это я начала работу в госпитале?! Как будто только вчера или самое позднее неделю тому назад!..

Сегодня прихожу домой, а Надя спрашивает: — Тетичка, нынче у нас не будет елки? Мама говорит, что не будет... Потому, что всё стало страшно дорого, да и ничего достать нельзя. Но Даша говорит, что у нас есть еще много старых игрушек и украшений для елки. Только бы купить елочку...

— Хорошо, купим! Купим! До Рождества еще далеко!

Дети смотрят на меня расширенными глазами. — Тетя, да совсем уже не далеко... Но раз ты обещаешь, значит, у нас будет елка! — Я ушам своим не поверила, что уже декабрь и приближается Рождество!..

Пришла Нина посмотреть, легли ли дети спать. Увидев меня, она сказала:

— Знаешь, скоро всё полетит к чорту! Будет революция!..

Сначала я не поняла ее и переспросила: — Что? Откуда ты это взяла? Кто будет революционировать? Не вы ли с перепою, да от кутежей строите революцию?..

— Слушай! Ты не читаешь в своем госпитале газет и ничего не знаешь, что делается на западном фронте!.. Снарядов в армии нет! Продовольствия нет! Солдаты не хотят больше быть пушечным мясом! Хотят домой идти!.. А в городах скоро будет настоящий голод! Сейчас уже ничего купить нельзя, всё страшно дорого! Да и достать ничего нельзя!..

— Постой! Однако, вы каждый день кутите и у вас всё есть самое изысканное и лучшее!

— Ну, меня можешь не упрекать. Я ни копейки ни за что не плачу... Советую тебе читать газеты... Ты увидишь, куда мы идем...

— Всё равно! Куда бы мы ни шли... Но те люди, которые исполнили свой долг перед Россией, теперь нуждаются в помощи и уходе... Их мы не можем ни бросить, ни забыть... Все мы должны отдать наши силы и нашу работу им! Это единственное, что я могу и постараюсь сделать...

Нина ушла к Яше, а я легла рано спать. Завтра у меня опять операция и я дежурная...

Только пришла в госпиталь, переоделась и вошла в палату. — Сестра! А вы будете присутствовать при моей операции? — спрашивает больной, которому сегодня будут делать операцию: у него рана не заживает уже целый год. Каждый день я его перебинтовываю, а гной всё выделяется. Рана сквозная, кость прострелена и кажется в ней есть трещины и осколки. Его понесли на третий этаж в операционную. Он заснул, не выпуская моей руки из своей... Потом доктор сказал, чтобы я держала ногу.

Там, где была незаживающая рана, доктор сделал разрез до кости и острой ложечкой стал скоблить ее... Вид этой кости серо-коричневого цвета был жуткий... Мои руки были почти около самой раны; каждый скребок отдавался в них и шел к моему сердцу и в голову... Гры, гры, гры!.. Точно по моему сердцу скребли... Нога стала тяжелая. Скребящие звуки становились всё более глухими и отдаленными... Я выпустила ее из рук... — Сестра! Держите ногу крепко! — Голова доктора была над

моей головой и он так громко крикнул, что я сразу очнулась и крепко охватила ногу обеими руками... Мои ногти были сини, но крик доктора помог. Моя слабость стала проходить и я достояла до конца операции и сама наложила повязку. Когда носилки с больным вынесли в коридор, чтобы спускаться по лестнице, я увидела доктора, который сидел там на скамейке и курил. Вид у него был усталый. Он поднял голову и сказал: — Спасибо, сестра! Но вам нужно отдохнуть хорошенько. — Носилки благополучно спустили, больного уложили на койку.

Подошел санитар и сказал: — «Сестра! Вон еще один мучается. Сколько раз я его поправлял, а только отойду он опять ноги в одну сторону, руки в другую. Всё норовит лечь поперек койки.

— Хорошо. Я посмотрю. — Подхожу, больной лежит спокойно, глаза закрыты. Пощупала пульс — слабый, едва прощупывается. Позвали доктора. Доктор посмотрел пульс и сказал: — Агония, умирает.

Ночью еще двое умерли, правда, не в моей палате, но я, как дежурная, присутствовала при агонии. Нас дежурных сестер четыре, на каждый этаж по одной, — один врач и четыре сиделки. Много в госпитале, в каждой палате, тяжело раненых. Есть немало безнадежных... Но настолько устаешь от всего, что как-то не думаешь об их смертях. При первой же свободной минуте идешь в дежурку и сразу ложишься на кровать и болтаешь всякую ерунду. Это еще с вечера, а часа в два, в три сестры ложатся, накрываются одеялом и даже тушат лампу.

— У меня в палате всё благополучно, — говорит сестра, укрываясь одеялом. — Правда, один умирает, но доктор сказал, что он умрет к утру.

После двух часов ночи, сиделка пришла к нам в дежурную и разбудила сестру, — у ней в палате умер раненый, как раз тот самый, который должен был умереть утром. Мы пошли в ее палату, но застали уже труп.

— Сходи, позови санитаров, вынести его, — сказала сестра.

— А не нужно-ли позвать доктора? — спросила я.

— Нет, смерть несомненная! К чему же беспокоить доктора.

Пришли санитары и унесли тело в мертвецкую. А мы вернулись в дежурку и опять легли. Мерить температуру полагается в шесть часов утра. Но, чтобы успеть измерить пятистам человекам, мы начинаем мерить около пяти часов и только-только успеваем закончить к приходу доктора. Потом поим чаем, меняем белье на койках и на раненых. Санитары и сиделки прибирают палаты, выносят все сосуды, моют полы, вытирают пыль. Когда утренняя уборка закончена, приходит доктор, каждый в

свою палату, и начинается опрос и осмотр больных. Доктор смотрит кривую температуры, спрашивает сестру о каждом больном, а также назначает диету на один только день. Сестра записывает, и список посылает на кухню. Потом доктор говорит кому сегодня делать перевязки. Составляется список, передается в перевязочную.

Только я пришла в перевязочную, сейчас же принесли раненого. Положили на стол. Доктор спросил его фамилию и сказал что делать: — Промойте рану перекисью водорода. Только закончила перевязку одного раненого, а на столе уже лежит другой. Доктор, приподняв очки на лоб, говорит: — Томпон положите! У него выделение есть из раны. — И этого унесли... А на столе уже опять новый.

— Это Овчиников? — Его доктор отметил на операцию. Так один раненый сменяет другого. А время летит, и не замечаешь его...

— Сестра, мы сегодня запоздали, — уже двенадцать часов. Кончайте! Раненых сейчас будут кормить, — говорит доктор, снимает очки, встает и уходит. Вскоре и я закончила бинтовать последнего и отправила его в палату. Мою руки, снимаю халат, косынку и всё это бросаю тут же в перевязочной, где уже лежали груды халатов, рубах, солдатских кальсон, косынок и окровавленных бинтов... Наконец, могу идти домой, предварительно сдав список моей палаты дежурной сестре. Идти мне не далеко и я с наслаждением вдыхаю свежий воздух по дороге. Пришла домой, помылась и легла в постель. Сейчас же пришла Даша и принесла кофе и какую-то еду.

— Барыня, разве вас кормили в госпитале-то?

— Нет, не кормили...

— Ну вот! Поешьте хоть рисовых котлеток. Мяса не достала: пойду после завтрака; армяшка обещал спрятать для меня кусок мяса... Вы вот ничего не видите, а как трудно стало всё доставать! Куда ни придешь, всюду очереди. Стоишь, стоишь... И все злющие стали! Ругаются, если сунешься вперед, чтобы купить скорее и идти домой. Ведь я теперь одна на весь дом, комнаты нужно убрать, детей напоить чаем и скорее бежать за покупками. Если опоздаешь, — ничего не достанешь, — ни мяса, ни масла! И куда всё подевалось?! Недавно еще сколько всего было. А теперь в лавках-то, почитай, насквозь пусто! Молоко молочница один день принесет пять кружек, а на другой две... Ничего разобрать нельзя, что делается! — сокрушенно говорит она. Я смотрю на нее и только теперь замечаю, что она как-то иначе, по-бабьи серьезно, стала разговаривать. А ведь недавно была еще совсем девочкой.

— Другие прислуги идут за покупками рано, а я не могу, — не на кого оставить маленьких девочек.

— А мать где?

— Да они спят! Барыня приходят поздно и не позволяют будить их.

Я выпила кофе, Даша взяла посуду и ушла. — Сегодня суббота, у меня уборка, — сказала она.

Не могу спать! Встала, оделась и решила пойти к отцу Нины, Ивану Яковлевичу. Старик был полон энергии и рассказал мне, что Нина не пускает детей к ним.

— Вот уж никогда я не думал, что она переплюнет даже меня! А на что я был беспутный человек!.. Но она перещеголяла и меня! Всё бросила! Дом, семью и наслаждается жизнью... Как-то она будет расплачиваться за всё, когда вернется Алексей?!.. Он ей покажет!..

Соня не заступается за сестру. Она страшно растолстела, но чувствует себя счастливой...

Только что я приехала домой, вбежала в комнату Надя. — Тетя! Пожалуйста, объясни нам: турок нужно убивать или только ранить!

Она была в форме сестры милосердия, страшно возбужденная, раскрасневшаяся...

— Мы играем в войну. Я и другие девочки — русские сестры милосердия и мы перевязываем только русских солдат... Но когда валяются раненые турки, что нужно с ними делать?

— Поднять, тоже перевязать их раны и положить на койку, так же, как и русских солдат...

— Ну, вот видишь, тетя, мы и стали подбирать и турок! А Жоржик Зиберман говорит, что турок нужно всех убивать, а не перевязывать.

— Раненых убивать нельзя...

— Да, это правда, но наши солдаты убили всех турок и нам не с кем больше играть. Мальчики, которые изображают турецких солдат, лежат и не хотят вставать. — Мы, говорят, уже убиты. — А у нас других мальчиков нет. И приходится убитым опять воевать!.. Это не хорошо выходит. Правда, тетя? — и она быстро убежала на двор, где шла война...

Пришла Нина. — Ты дома? А я не знала! Какие жуткие вещи происходят на западном фронте!..

— Откуда ты знаешь что там происходит? Днем ты спишь, а ночью в ресторанах сидишь...

— В ресторанах-то все новости, самые свежие, и получаются! А вот ты в своем госпитале ничего не знаешь!

— Это верно!

— Брось ты ходить туда. Отдохни!.. Ты вся пропахла лекарствами и болезнями... Не к чему!.. Всем всё равно не поможешь, а жизнь и молодость уходят! И неизвестно еще когда война кончится. Ты состаришься за это время в госпитале... Я решила ни для кого, ни чем не жертвовать, а жить и брать от жизни всё, что она может дать!..

— Отличный лозунг! Продолжай в том же духе.

— Вчера мы были в «Луне». Там негры танцуют. Катя была с нами.

— Как она-то попала в вашу компанию, скромная институтка?

— Ну, знаешь, я за ее скромность копейки не дам! Она только оглядывается, да ротик бантиком складывает... А когда никто не видит и не слышит... Ого, какие она шутки выкидывает!

— Это вы ее сбили с пути!..

— Ванька говорит, что если у него жена умрет, то он для меня выстроит замечательный, какой-то дом!

— Слушай, Нина!.. Ведь Алексей жив... И он вернется домой, как только его пустят немцы.

— Да, да! Но ты мне не напоминай об этом... Это самое больное место в моей жизни. Положим, я и Ваньку не очень люблю! Но и Алексея не хочу! Опять пойдут скандалы... Я кажется писала тебе, что Владинский убит?

— Да, я знаю!.. Яша знает о твоих отношениях с Коженковым?..

— Конечно, знает! Ванька столько денег ему проигрывает каждый вечер... Ну, я иду. Меня ждут у Яши. Ванька говорит, что, когда я сижу около него, то он готов всё свое состояние проиграть... Ну, Яша и доволен, конечно.

— Да!.. Заведение у вас как следует!.. И девочки удобные! Ты, да его жена...

Она ушла. А я пошла навестить мою знакомую кабардинку. Нашла я ее с величайшим трудом. Она жила во дворе армянского дома дешевых квартир. Я не сразу ее и узнала: худая, огрубевшая, какая-то черная стала. От прежней молодой и нежной женщины ничего не осталось.

— Заходите, заходите, Тина Дмитриевна! — Я вошла в маленькую стеклянную галерейку, которая служила кухней и столовой. Маленький некрашеный стол, две такие же табуретки. На

ящике стояла керосинка, а на керосинке кипел чайник. В отворенную дверь я заметила, что комната была перегорожена занавеской из распоротых мешков, сшитых, как занавес. По одну сторону занавеси стояла деревянная тахта, застланная простым одеялом с подушкой, а около нее такой же простой некрашеный стол, и табуретка. На столе гимназические учебники и чернильница...

— Мы хорошо теперь устроились, — сказала она. — У Сережи свое место, где он может заниматься и спать. И у меня тоже. Я сплю за перегородкой, как в отдельной комнате... А когда только приехала в Баку, жила прямо на станции! Спала в канцелярии; только когда все служащие разойдутся, могла лечь на кожаный диван. Я ходила к вам и разговаривала с братом вашего мужа. Но он мне сказал, что у него нет дешевой квартиры или комнаты... Теперь я вижу, что и лучше, что я живу здесь... Здесь все жильцы такие же бедняки... Нам с ними лучше. А в вашем большом и богатом доме даже одеваться надо лучше. А у меня ничего ведь нет! Жалование такое крошечное, что только и хватает, чтобы не умереть с голоду, да заплатить за эту комнату... А ведь еще нужно платить за Сережино образование в гимназии, за учебники. Форма тоже дорогая. Растет он быстро! Вон, уже у куртки рукава стали коротки...

Она рассказывала о своей жизни и в то же время приготовляла чай, чтобы угостить меня...

— Вы очень плохо выглядите, — сказала я, — много работаете...

— Работаю я не больше, чем другие, но питание мое неважное... Всё дорого стало и я не могу покупать достаточно для двоих. Сама ем, что придется и что подешевле... Вот только стараюсь питать Сережу... Я больше всего боюсь за него, чтобы он не заболел. Если я и его потеряю, то конец! Не переживу его ни на один час... Когда мужа убили, у меня были дети... Я должна была жить для них! Но, когда умерла Кися — я хотела покончить с собой. Не могла только Сережу оставить одного... Теперь живу для него только, для одного!..

Я смотрела на нее и видела сплошное страдание в ее потухших глазах... Она выглядела совершенной старухой. За год страданий и горя кончилась женщина!.. Худая, желтая, вся в морщинах...

На другое утро, когда я пришла в госпиталь, в дежурке волнение. Целая буря! Только я вошла, как со всех сторон раздалось:
— Семочка, Семочка!.. У нас новая фельдшерица!

— Ну? Вот хорошо! Где она?

— Слушайте, Семочка! Вчера поздно вечером, — стала рассказывать дежурная сестра, — я спустилась, чтобы посмотреть вашу палату. Вижу в докторской дежурке свет. Я думала там сидит доктор. Открыла дверь и увидела посреди комнаты стояла молодая женщина, а с ней наш главный врач. Он точно ждал моего прихода...

— Сестра, вот у нас будет новая фельдшерица, — сказал он мне и сразу же вышел из комнаты. Точно сбежал... Не успела дверь закрыться за ним, как незнакомка подошла ко мне и отрекомендовалась: — Я фельдшерица, и буду жить здесь...

— Ну, что же? Очень хорошо! Пускай живет...

— Я не верю даже, что она фельдшерица, — говорит сестра Мариам...

— Ну! Идемте работать! Уже восемь часов!..

Мы все гурьбой вышли из дежурки и разошлись по своим палатам делать утреннюю работу, — мерить температуру, давать лекарства, наводить вообще чистоту и, наконец, поить чаем. После обхода доктора начинались перевязки и операции.

В первом этаже были три палаты: первая моя, на двадцать пять человек, причем нередко ставились и добавочные койки; вторая была маленькая на восемь коек. В ней работала сестра Аня, страшно беспокойная и суетливая. Всегда у нее что-нибудь случалось необычное в палате: то ни с того, ни с сего пропадал раненый, то прежде времени умирал... Она всегда бегает по коридору расстроенная и озабоченная. И всегда что-нибудь у всех спрашивает: — Сестры, где дежурный доктор? У меня умер раненый! — Или: — Сестры! Не видели-ли вы главного врача? У меня пропал раненый. — И всё в этом роде...

Сестра третьей палаты, крупная армянка Мариам, была чересчур спокойная, никогда никуда не спешила и во всем всегда опаздывала. В перевязочной задерживала доктора и сестру, подававшую материал для перевязки. На кухне — поваров и санитаров, с обедом для раненых... Сегодня в перевязочной была новая фельдшерица, которая должна была подавать всё нужное для перевязок, как это делала до сих пор старшая сестра. Но с первой же минуты фельдшерица всех нас привела в полное недоумение. Даже доктор стал нервничать: то поднимает очки на лоб, то спустит их на самый кончик носа, то совсем снимет и вертит между пальцев... Перевязки совсем остановились. Сестра Аня попросила у нее шарик ваты с борной кислотой. И вдруг «фельдшерица» запустила всю руку в банку со стерилизованными ватными шариками, взяла один и протянула его сестре Ане... Та пришла в ужас.

— Что вы даете мне? Я не возьму его!.. Вы должны брать щипцами, а не рукой!

— У меня руки чистые, — сказала «фельдшерица» и бросила шарик. Потом взяла щипцами новый шарик и протянула его сестре.

— Я просила борный, — язвительно сказала сестра. Та покраснела, но не знала, что ей делать и вертела щипцы с шариком в руке. Никто ей не помогал и не подсказал, что борный раствор тут же на столе в бутылке и налит в тазик. Наконец, «фельдшерица» повернулась к столу с перевязочными материалами и стала читать этикетки на бутылях. Потом хотела прямо обмакнуть шарик в бутыль, да щипцы не пролезли в горлышко.

— Вот в этом тазике борная, — показала я ей.

Сегодня перевязки шли очень медленно и работу мы закончили с большим опозданием. Доктор, фыркая, отодвинул свой стул в угол и сказал: — Нужно, чтобы подавала перевязочный материал знающая сестра! Сейчас уже обед, а у меня еще не все больные осмотрены. — И ушел...

Перед Рождеством приехал в город Шаляпин и пел в Маиловском театре. Из дирекции позвонили в наш госпиталь и сказали, что для раненых и сестер в театре оставлено несколько лож. Это случилось как раз в мое дежурство и главный врач назначил меня и еще одну сестру идти в театр с ранеными. Маиловский театр находился от госпиталя только через площадь. Отобрали раненых у кого нет температуры и кто мог ходить сам, отвезли их задолго до начала концерта в театр и усадили на стулья. А мы, сестры, стояли позади них. Мы были в белых чистых халатах; на головах белые длинные косынки. Поверх халата я надела бархатное манто, отделанное куницами.

— Сестра Семина, вы так нарядны, точно едете на бал в белом платье, — сказала сестра Мариам.

Шаляпин пел «Блоху». Театр был переполнен. В ложах и в партере сидели нарядные дамы и мужчины. На дамах сверкали бриллианты. Много военных в форме. Но почти все они были или с костылями, или с рукой на перевязи, или с забинтованной головой. Иных поддерживали родственники под руку... У всех раненых на груди сверкают и блестят их боевые награды. А у дам драгоценности... Наши раненые были очень рады. Некоторые плакали. Нервы-то звуков музыки не выдержали... Вернулись в лазарет все растроенные и сестры в повышенном настроении. Ночь прошла благополучно: ни у кого не было повышенной температуры или бреда. Утром солдаты делились своими впечатлениями с

теми, которые оставались в госпитале. Один рассказывал своему соседу по койке, что он только ослаб маленько, а то бы мог так же спеть, как и Шаляпин... После перевязок и одной операции я, наконец, пошла домой.

Как легко дышется, когда выйдешь из госпиталя на холодный, свежий воздух. Свои три квартала я каждый день с удовольствием иду до моего дома. И парадную дверь я теперь открываю сама своим ключом. В передней встретила Дашу.

— Нина Ивановна дома?

— Спят!

— А где дети?

— Надя и Таня играют во дворе, а маленькие в детской. Сегодня очень холодно на дворе.

Я помылась и пошла в детскую посмотреть и поздороваться с детьми. В большой детской (бывшая моя столовая) стояли четыре кровати; одна, Олина, была еще с высокими стенками, а три другие были уже настоящие кровати. Девочки так были заняты своей игрой, что не обратили никакого внимания на мой приход и продолжали разговаривать.

— Мара, дай теперь мне, я ведь тоже балерина!

— Хорошо, ты иди за мной, я буду главная балерина и буду идти впереди...

От Мариной кровати до Лелиной была протянута, не то ленточка, не то тряпочка, изображавшая из себя натянутый канат. Рядом с «канатом» шла на цыпочках Мара и широко расставив руки и слегка нагибая и поворачивая голову, балансировала и старалась удержать равновесие так, как если бы она действительно шла по канату. А Леля, тоже широко раскрыв рот и расставив руки, стояла у конца «каната» и не спускала глаз с Марининого искусства опытной балерины...

— Мара! Я тоже хочу ходить по канату и быть балериной!

— Хорошо. Иди за мной, — разрешила Мара. И Леля еще шире расставив руки, совсем скосив рот на бок и высунув язык, балансируя ногами, руками и ртом, шла за Марой около натянутой тряпочки...

— Что это у вас, дети, цирк? — Они обе бросились ко мне.

— Тетя Тиночка, это у нас балет на канате, как в цирке. — На Маре была надета ночная рубашка, подпоясанная красным шелковым шарфом, один конец которого был обмотан вокруг шеи. А Леля просто подвязалась каким-то шнурком, а вокруг талии навесила куклины тряпочки. И получилась «балерина».

— Завтрак подан! — позвала Даша. Прибежали со двора Надя и Таня, разгоряченные и с большим апетитом. К завтраку Нина не вышла. После завтрака все дети пошли гулять, а я пошла спать.

Проснулась я под вечер и решила поехать к Ивану Яковлевичу. Только я вошла в калитку его дома, как сразу услыхала его пение и на мой стук он сам открыл мне дверь.

— А, здравствуй, здравствуй, «милосердная», — весело приветствовал он меня. Он был в какой-то рваной фуфайке, в синем холщевом фартуке, а в руках тряпка и стекло от лампы, которое чистил. В комнатах было уже темно...

— Сейчас, сейчас помогу снять шубку! Только вот зажгу лампу, — сказал он, налаживая большую керосиновую, настольную лампу.

— А где Мария Яковлевна?

— Здесь я, на кухне! Мы заправляли лампы. — Она вышла из кухни и, оглядывая меня, сказала: — Вот это настоящий женщин! — Не то, что наша Нина. И сама не приезжает, и детей не пускает к нам.

Мария Яковлевна была из волжских немок и, хотя всю жизнь прожила в России, но говорит с большим немецким акцентом...

— Вот немецкие женщины все работают для фронта, для солдат! Потому то у них и победа!.. А у нас скоро и кушать нечего будет! — сказала она. — Я один раз сказала Нине об этом, так она наговорила мне таких вещей! «Вас бы нужно, как немку (какая я немка? Я же ее и выростила!), вначале войны еще выслать в Сибирь!»...

— Я с ужасом думаю, что будет, когда вернется из плена Алексей! — говорит Иван Яковлевич. — Все ее друзья и ухажёры бросят ее и никто за нее не заступится...

Я собралась уходить и оба они пошли провожать меня до ворот.

— Позвать фаэтон тебе, Тина?

— Нет, спасибо. Я пойду и по дороге возьму первого встречного. Не стоит вам ходить за ним.

— Никуда я и не пойду! Он сам приедет сейчас же. И в ту же минуту раздался громкий, чисто разбойничий свист. Иван Яковлевич свистел, точно разбойник на большой дороге... Сейчас же из-за угла показались фонари и к нам подъехал шикарный фаэтон. Он весь блестел и переливался черным лаком. Каждая медная бляшка на нем отражала тысячи фонарных лучей. Пара рыжих лошадей его запряжки, молодых и стройных была прекрасна. Татарин, фаэтонщик, поправил у себя на голове маленькую каракулевую шапочку, завернул вокруг ног полы своего

длинного кафтана из великолепного черного сукна, сел, повернулся ко мне и спросил: — Куда везти?

— На Биржевую 47, — сказал Иван Яковлевич... Мягко и быстро фаэтон стал удаляться от оставшихся в темноте стариков...

Приближалось Рождество. Дети спрашивают будет ли елка? Нина жаловалась, что всё дорого, что трудно достать украшения для елки и вообще всё дорого и ничего нет. Дети привыкли за последнее время слышать от всех, что бы они не спросили, всегда один ответ: нету! дорого! нельзя получить!.. Так уходили и забывались любимые кушанья и детские лакомства. Но, иногда Марина отказывалась есть котлету, которую трудно было не только разжевать, но даже и разрезать...

— Я, Даша, не хочу есть! Я съем только сладкое, — говорит она, роняя крупные слезы в тарелку.

— Ешь, ешь! Сегодня нету ничего сладкого, — отвечала Даша... И у всех девочек вытягивались рожицы, а на глазах блестели слезы...

— Когда нет сладкого, это уже последнее дело!.. Вот приедет папа из плена, тогда у нас всё опять будет и мы будем есть только всё сладкое, — говорит Таня и начинает плакать. Зараза плача быстро распространяется и через минуту плачут все... Плачу и я...

Но даже и в этот тяжелый и страшный год у детей была елка. Я купила елочку; Даша вытащила старые украшения и у детей было Рождество. Даже устроили подарки, пригласили других детей, пели Рождественские песни и танцовали. Приехали и дедушка с бабушкой. По старой традиции был накрыт стол по праздничному; за очень большие деньги достали индюка, поросенка и другие праздничные кушанья. Только вечером я обратила внимание, что наш праздничный стол, который в прежние годы стоял два-три дня почти не тронутый и прямо не знали куда всё деть, нынче, в первый же вечер, был уже почти пуст, всё было съедено.

В госпитале, на Рождественской неделе, для раненых и больных был концерт. Не знаю, все ли получили удовольствие от него. Но мы, сестры, измучились страшно! Каждого раненого и больного (у кого нет высокой температуры) нужно было одеть и отнести на носилках на третий этаж, а там усадить, подложить подушку или одеяло, чтобы было удобно. Таким образом, человек сто или даже больше, перенесли санитары наверх и, конечно, выбились совсем из сил. Выбились из сил и мы, сестры... Но устроительницы, дамы общества, были страшно счастливы и горды, что столь-

ко сделали для «солдатиков». Только вышло не так-то всё гладко... При первых же звуках нежного романса начались истерики, не только у офицеров, но и у солдат. Пришлось бегать за валерьянкой... Не очень-то радостно слышать о любви нежной девушки, когда нет рук, или ноги, да и тело-то дряблое, разбитое, больное. Дежурная сестра говорила на другой день, что один офицер всю ночь плакал, а у другого даже повысилась температура. Все они терпят долго и молча страдания, но приходит минута, когда от какого-нибудь пустяка нервы не выдерживают. И тогда нет уже сил сдержать себя... Раненый сразу распустится, ослабеет и плачет, как ребенок о потерянной и загубленной жизни. Я видела простых, сильных духом истинных героев, которые, как дети, плакали безутешно и долго, вздрагивая всем телом от того, что я просила их выпить порцию касторки. — Не могу, не могу пить ее! — и плачет горькими слезами. И все лежавшие поблизости раненые сочувствовали ему и готовы были сами расплакаться...

Новый Год меня пригласили встречать в «Яре». Огромный зал ресторана был весь заставлен большими семейными и маленькими парными столиками. Мы занимали целую ложу. Сам метрдотель прислуживал нам. Шампанское лилось рекой. Все выпили лишнее, пели, говорили громко и слишком много, не слушая друг друга; лезли с нежностями и с поцелуями. Все здесь были «свои люди», постоянные посетители, тратившие деньги без счета...

— Почему ваша жена не встречает Новый Год с нами? — спросила я Бакланова.

— Ну, куда ей! У нее дети. Пускай сидит дома, — сказал он.

Этот разбогатевший рабочий, очень гордился «высоким» знакомством с Яшей, Ниной и Коженковым, но жену свою он не знакомил с ними. Как-то Нина сказала, что жена у Бакланова должно быть уродина... Но, когда после революции я познакомилась с ней, оказалось, что она не только не уродина, а наоборот, очень хорошенькая и очень развитая женщина...

Пир наш продолжался чуть ли не до утра. Женщины были веселы, а мужчины дошли до споров на революционные темы. После четырех часов утра Яша и Маня предложили всей компании поехать продолжать кутеж к ним.

— Выпивка и закуска у нас найдется, — сказал Яша, — едемте! — Поехали... И опять пили... Пили за всё и за всех.

— Господа! Предлагаю выпить за армию и за сестер! — предложил Иванов.

— Можно! — согласились все.

— Боже Царя храни... — затянул было Коженков, но почти никто его не поддержал...

— Устарело, Ваня, и надоело! — вставая, сказал резко Бакланов. Я посмотрела на него и он показался мне совсем каким-то новым: его маленькие, черненькие глазки зло и нахально выглядывали из-под растрепанных волос, а желтая нездоровая кожа еще больше как будто пожелтела. От не остановился на этом, а продолжал говорить: — Всё это отжило и уходит в вечность... На смену идет демократия! Ей нужно петь хвалебный гимн! Она будет воевать и праздновать победу!..

— Ну, ты не очень со своей демократией распространяйся... Мы такую пропишем ей победу, этой самой демократии, что она забудет, как ее и звали! — сказал Яша.

Бакланов, скосив свои монгольские глазки в сторону, с неожиданной злобой резко проговорил: — Кто это будет прописывать? Не ты ли? Не вы ли все, вот, кутящие до утра?!.. Оставь, брат!.. Пустые слова всё это! Поздно теперь говорить их... И опасно! Демократия уже пришла! И заняла свое место!.. И никакая сила ее не победит... И никто не станет защищать твое «Боже Царя храни»... Ты и вспомнил-то о Царе и о Боге только сейчас с перепою... А у народа не сегодня-завтра жрать нечего будет! На фронте нет ни патронов, ни снарядов... А он тут «гимны» распевает.. Довольно голыми руками воевать и лить народную кровь. Солдаты бросят скоро фронт и разойдутся по домам. Запоешь тогда другое и ты!..

— Стойте!.. К черту политику!.. Довольно тебе, Бакланов, разводить революцию!.. На вот, пей лучше, пока твоя демократия не родилась еще, — сказал Коженков.

— Ну, нет, Ваня! Демократия давно родилась и выросла. На ее защиту пойдет весь народ и весь фронт! А кто из вас пойдет защищать «Боже Царя храни»? Пропили вы своего Царя!.. Три года пили и ни разу не вспомнили о нем!.. А теперь поздно... Никакой победы нет и не будет...

Первый раз за всё время знакомства, Бакланов говорил то, что думал. Сегодня в его словах было столько уверенности и, как мне показалось, презрения ко всем находившимся тут, которых он раньше считал выше себя и дружбой с которыми гордился.

— А ну тебя с твоей демократией к чортовой матери! — вдруг вспылил Яша. Нечего нам жаловаться ни на дороговизну, ни на фронт, ни на окопы. Живем в собственных домах... Пьем день и ночь!.. Вон полон стол всего! Наливайте бокалы!.. Сегодня Новый Год и мы будем веселиться... К чорту тосты!..

И опять звон бокалов, пожелания счастья, поцелуи, смех и шутки... Яша взял гитару и стал петь модный романс. Бакланова точно не стало. Замолчал, стушевался... На лице приятная, угодливая улыбка...

— Нина, ты пойдешь домой? Я ухожу. Утро уже...

— Нет, я еще не пойду. Зачем расстраивать компанию...

В новом, семнадцатом, году пока никаких перемен нет. Так же хожу каждый день в госпиталь и так же каждый день перевязываю раны, присутствую и помогаю при операциях. И всё так же одним скоблят загноившиеся кости, другим распиливают и поправляют неправильно сросшиеся куски костей и затем снова пригоняют один обрезок к другому, стараясь придать им нормальное положение.

Все озабочены, ходят по опустевшим лавкам и покупают за большие деньги всё нужное и ненужное, делая всяческие запасы продуктов. Точно это их спасет от голода, если он действительно наступит!

Была у знакомой, жены товарища моего Вани... Муж ее, призванный из запаса, получил назначение на западный фронт и работает где-то в запасном полевом госпитале. А докторша беспокоится, что трудно доставать продукты.

— Вы, Тина Дмитриевна, делаете запасы? — спросила она меня.

— Нет, я лично не делаю. Может быть Нина покупает и прячет; мне это и не нужно...

— Да, вы одна. А я делаю; у меня дети, им нужно всего в достаточном количестве и вовремя. Я запаслась даже мукой и, если понадобится, буду дома печь хлеб для них.

— Нина, делаешь ли ты запасы продуктов? — спросила я, когда вернулась домой.

— Нет! Какие я могу делать запасы и надолго ли их хватит! Лучше ничего не делать.

— Многие делают.

— Ну и пускай их делают! За деньги, в конце концов, всё можно купить... Всё равно сейчас уже всё стало дорого. Если даже накуплю, то где хранить буду?.. Вон у папы на всех шкапах целые склады, точно продовольственная лавка. Да, всё равно! Если наступит голод, так и запасы не спасут... Если будем голодать, так папа добудет, что нужно для детей... А ты послушай, что делается на западном фронте! Газеты пишут ужас-

ные вещи. Вплоть до того, что Царю предлагают отречься от Престола...

— Это неправда!.. Кто осмелится сказать это Царю?..

— А вот ты почитай газеты! Увидишь сама. Солдаты устали воевать, домой хотят! Были случаи избиения офицеров солдатами...

— А разве офицеры не устали? Они тоже хотят домой... Но у них есть сознание долга и чести... Они не бросят фронта и не пойдут домой!

— Я не знаю! Но на фронте голод и нет ни снарядов, ни патронов!..

— Откуда ты это всё знаешь?! — Сердце тоскливо сжалось... Неужели кончится война и все разойдутся по домам, а Вани нет и он не вернется домой... И никогда не будет у меня ни дома, ни семьи...

— Нет! Война не кончится так скоро... Если солдаты бросят фронт, турки придут в Баку, возьмут наши дома! Куда ты денешься тогда с четырьмя детьми?!

— Ну, до этого не дойдет!.. Но воевать довольно!.. Устали все...

— Хорошо! Но, как только война кончится, немцы сейчас же отпустят всех пленных. У них у самих голод и они рады будут избавиться от лишних ртов... А как только распустят пленных, так сейчас же приедет Алексей домой...

— Вот это будет для меня большое несчастье! Ну, да, до этого еще далеко... А что ты так страшно кашляешь, точно у тебя коклюш? — спросила Нина.

— Не знаю. Спрошу завтра у доктора. Я кашляю уже несколько дней. Но как-то некогда всё было обратить на это внимание.

Но спросить не удалось: ночью поднялась температура. А утром позвали доктора и он определил: воспаление легкого. К вечеру из госпиталя приехали уже три врача, устроили консилиум и определили разлитой бронхит обоих легких. Потянулись кошмарные дни и ночи... Я думала, что задохнусь: жарко, нет воздуха, дышать нечем!.. День и ночь по-очереди дежурили знакомые врачи. Днем через каждые два часа они сменяли друг друга. Спасибо им всем... Вот ведь, когда заболела! Что-бы заболеть в прошлом году, когда был жив Ваня?..

Позже, когда я поправилась, Нина говорила, что все думали, что я не перенесу болезни. — Ты так ужасно дышала, что в гостиной нельзя было сидеть. — Через две недели мне стало лучше и я стала поправляться, хотя кашель и был еще очень сильный...

Как-то, влетев в мою комнату, Нина сказала: — Тина, знаешь, Царь отрекся от Престола. В городе полное ликование! — И она сейчас же вышла из комнаты.

Царь отрекся! Сам добровольно отрекся от своего народа!.. Как же мы будем жить? И почему она радуется?.. Сердце больно сжалось, как бы в тяжелом предчувствии чего-то непоправимого, ужасного... Никогда я не представляла себе России без Царя!.. Это то же самое, что семья без матери... Царь мне представлялся вроде матери для всего русского народа. С ним было спокойно и всё ясно... Без него — разруха... Недаром русский народ говорил: «Царь заступится»... Где бы русский человек ни был, всюду он был под защитой и покровительством могущества России и Царя... Никто не смел безнаказанно обидеть русского человека!.. А теперь? Всё рушилось!..

Нина вернулась в комнату. — Жаль, что ты не можешь встать и выйти на балкон. Сколько народа идет на нашу площадь! Все одеты по праздничному, точно на Пасху...

— Не радуйся! Россия развалится, захлебнется в этой грязной волне разрушения, когда солдаты пойдут с фронта по домам... Если солдаты не слушаются своего начальства и бросают фронт, который им поручили защищать, то это уже не защитники наши, а страшная, дикая разбойничья банда... Ты увидишь, что они придут в твой дом, разграбят его, изнасилуют твоих детей и убьют тебя...

— Тина, что ты говоришь! Успокойся! — сказала Нина.

Но я судорожно, бессильно плакала, задыхаясь в кашле... Пришел доктор, сделал мне впрыскивание и я заснула... Дальше дни пошли всё страшнее и страшнее. С утра и до вечера мимо нашего дома шли толпы с песнями, с оркестрами. Гул с площади доходил до моего окна. Там непрерывно происходили дикие, никому непонятные митинги, доводившие толпу до истерики. Все произносили речи, которых никто не слушал и не понимал...

— Барыня, сегодня парад на нашей площади. Околодочный приказал, чтобы все балконы и окна украсить красным... А музыки-то сколько прошло мимо!

— У нас нет ничего красного, — сказала Нина.

— Есть. Да я не знаю позволите ли вы порвать для украшения?

— Что есть?

— А шерстяное, стеганное одеяло!

— Да ведь оно новое... Ну, хорошо, возьми.

Даша ушла, а Нина присела ко мне на кровать и сказала: — Ты знаешь, что эта наша революция — первая в истории без ка-

пельки пролитой крови? Царь сам подписал отречение и все успокоились... И теперь будут воевать до победы!

— В это время мимо наших окон, звонко цокая подковами по булыжнику, шла какая-то казачья сотня. Визгливый оркестр и громкий посвист казаков как-то странно действовал на душу. Так же они ходили и на Царские парады...

— Вон, видишь! И казаки идут на парад народа, — сказала Нина и вышла из комнаты.

— Барыня! Хоть бы вы подошли к окну. Сколько опять идет музыки-то. Казаки, вон идут! У всех красные башлыки! Настоящая революция! — Даша бросилась к окну. — А вы лежите! Хоть бы в окно посмотрели...

— Не хочу смотреть! Уйди!..

Слова Бакланова оправдались... Демократия родилась, точно саранча вылезла из-под земли и быстро распространяется повсюду...

Я поправляюсь. Встаю и хожу по комнате, но кашель очень беспокоит меня и моих докторов. Из-за него не могу еще идти работать.

— Тетя! У нас в гимназии сегодня был митинг, — говорит Надя. — Теперь все свободны и нам никто не может сказать, чтобы мы учили уроки. И классная дама не имеет права запрещать нам играть сколько мы хотим! Это сказала одна наша девочка. Она самая умная в нашем классе; у нее отец доктор. Мы сегодня выгнали одну учительницу из класса! Учительница вошла в класс во время митинга и сказала, что это не хорошо для девочки влезать на парту и кричать как извозчик... Ну, мы стали кричать: «Долой, долой отсюда». Она ушла. Тетя, это не только у нас в классе митинги, а во всех классах! И даже на нашей площади и на улицах!..

Как-то к нам пришел денщик нашей соседки. Муж ее — адъютант Сальянского полка. Я спросила его, рад ли он, что Царя нет больше.

— Не знаю еще! Говорили, что большая свобода всем выйдет; домой пустят; землю отберут от помещиков и нам, крестьянам, отдадут. Жалко Царя тоже!.. Мы ему присягали. — И он замолчал. Точно вспомнил, что клялся верой и правдой служить Царю!.. — А теперь выходит измена... Может быть Наследнику послужим еще. Разное говорят... Будто власть теперь перейдет к солдатам. Другие — что Наследник взойдет на Престол?.. Не разобрать!..

Еще в первые дни революции Яша сказал: — Слава Богу, кончилось это гнетущее ожидание. Меня могли каждую минуту по-

требовать к воинскому начальнику и послать на фронт. Но теперь конец войне!..

— Вернее, конец всякому благополучию. А воевать будут!

— Да не чем воевать-то! Ничего нет! Ни пушек, ни патронов... Говорят, что солдаты не слушаются начальства, бросают ружья и уходят с фронта... Устали, что-ли?..

— А конечно, устали! Вот бы на смену им послать таких, как ты... Ты ведь три года пьянствовал, пальцем не шевельнул, чтобы помочь родине воевать!..

Напрасно только Яша радовался, что фронт распадется и войне конец!.. Как только отпраздновали «единственную, бескровную», сразу же потребовали его, хотя и не к воинскому начальнику, а к комиссару... Только всего и разницы было! Да еще, что жить он стал не в казарме, а в реквизированном частном доме на нашей же Биржевой улице, теперь переименованной в «улицу свободы»... И с утра до вечера обучают военному искусству сотни запоздалых солдат, под палящими лучами солнца, стараясь сделать из них солдат... А в это время Маня сидела тут же на тумбе под зонтиком или в чьем-нибудь подъезде, в тени, и глядела, как ее муж валялся в пыли, стреляя в невидимого врага, и ждала когда кончится мучение ее дорогого Яши. Домой Яша приходил злой, раздраженный и измученный до последних сил. Маня старалась каждого нового комиссара заманить к себе на обеды и ужины. Таким образом, ей удалось сразу же задобрить их и Яше разрешили ночевать дома.

Когда я в первый раз вышла из дому, была уже жаркая весна. Хотела идти в госпиталь, но у самого подъезда встретила моего палатного врача — доктора Григорьяна.

— Ну, что, как ваш кашель? — спросил он.

— Кашляю еще. Но уже могу работать, доктор.

Он взял меня под руку и повел прочь от подъезда госпиталя. — Нечего здесь вам больше делать! Вы лучше полечитесь еще хорошенько! Вон какой у вас нехороший кашель!

Он рассказал мне все госпитальные новости: — Как только объявили свободу, какие-то подозрительные типы пришли в госпиталь и стали вести «беседы» с ранеными. Результаты этих бесед сказались сейчас же! Первым делом пациенты госпиталя выкинули фельдшерицу с вещами прямо на мостовую и всем стали распоряжаться сами раненые солдаты... Главный врач в госпиталь больше не приходит... Делать операции солдаты никому не позволяют. На перевязки приходят только тогда, когда от ра-

ны идет вонь... В перевязочной, во время перевязок, идет сплошной скандал... Раненые говорят сестрам грубости и пошлости... Многие из старых сестер больше не приходят в госпиталь, — не могут примириться с ужасным положением дела! Я сам готов каждую минуту бросить госпиталь, — работать всё равно нельзя!.. Раненые выбрали из своих же солдат комитет, который всем распоряжается и остановили всю жизнь госпиталя... Они даже не позволяют принимать новых раненых и больных в госпиталь! Хуже не придумаешь! Вы вот что, сестра Семина, приходите-ка ко мне на дом! Я вас выслушаю. Очень уж у вас кашель нехороший! А в госпитале больше делать вам нечего!

Вот! Оборвалась еще одна жизненная нить!.. Три года работала, забывала самое себя... Старалась помочь, облегчить страдания, как братьям... А они теперь просто-напросто выгоняют сестер и врачей, как своих тиранов и мучителей...

Время шло и события летели. Три месяца только, как пришла «свобода», а фронт оказался уже не впереди, а в глубоком тылу! Кого ни встретишь — все какие-то грязные, не мытые; все куда-то спешат; вид у всех растерянный, печальный... Встретила знакомую А. К. и глазам своим не поверила. Буквально не мытая! Одежда помята; ботинки не чищены, грязные, порыжевшие; шляпа смята — на боку; волосы не чесаны, выбились из-под шляпы сосульками!.. Глаза бегающие, испуганные...

— Здравствуйте! Что с вами?..

— Ах, Тина Дмитриевна! Здравствуйте! Я вот бегу к воинскому начальнику. В казначействе не выдают больше жалование мужа и ничего не могут объяснить мне почему... Сказали пойти к воинскому начальнику — может быть он что-нибудь объяснит... Ведь у меня дети, а денег нет... Я уже и так задолжала всюду! — Она метнулась дальше, позабыв попрощаться со мной...

Только пришла домой, прибежала Даша. — Барыня! Вас зовут к Черняевой. У них квартирантка застрелилась...

Когда я пришла к квартире Черняевой, там уже стояла группа женщин, жаждущая получить новости из первых рук. Они пропустили меня. В комнате, на кровати, лежала молодая женщина в юбке и белой блузке. Светло-русые волосы разметались по подушке. Лицо простое, спокойное... В правой руке зажат большой, военного образца, револьвер... (Я сразу его узнала! Ваня таким же застрелился). Кофточка вся в крови. Я взяла руку, — пульса нет... Кончилась еще молодая жизнь... Тихонько открылась дверь и бесшумно вошла старуха, квартирная хозяйка, утирая глаза кончиком фартука... Не отходя от дверей, она спро-

сила шопотом, точно боясь разбудить спящую: — Что? На смерть порешилась?..

— Да. Мертвая!.. Одна минута и всё кончилось!..

— Я вот тут, в коридоре, стояла... Слышу они так это по-хорошему разговаривают, спокойно... Потом он вышел... Пошел в уборную. И только закрыл за собой дверь, как вот, в комнате-то, как стукнет! Я прямо подпрыгнула и не могу сразу-то понять, что случилось... А он мимо меня, да в дверь... И кричит: «Она застрелилась! Она застрелилась!»... Я значит заглянула к ним в комнату, вижу кровь... Ну и побежала за вами... Вы, ведь, одна во всем доме это дело понять можете. — Помолчав, она опять спросила: — Так вы думаете, на смерть кончилась?.. Недавно она к нему приехала... Но, видать, он-то не очень, чтобы был рад ей.

В это время в комнату вошел молодой прапорщик в щегольском френче, брюки галифе, высокие сапоги. Всё на нем было новенькое и нарядное; да и сам тоже очень еще молодой, блондин, лицо простое — русское. Не подходя к кровати, он спросил меня без особого отчаяния или огорчения: — Что теперь делать? Она мертвая?..

— Да, она умерла! Нужно прежде всего сообщить в полицию...

Я вышла из кваритры... Во дворе стояла группа женщин. Меня сразу обступили и стали расспрашивать.

— Неужели правда, что застрелилась квартирантка Черняевой? Молоденькая какая была! Совсем недавно, поди, женились-то. А вот уехал в большой город и разлюбил...

— Да, она и не жена ему была! Уж очень простая... А он вон какой шикарный прапорщик, — сказала другая.

— Ну, знаете, теперь все приказчики и конторщики сделались прапорщиками... Так это еще не значит, что они лучше своих жен!

Каждое утро газеты выходят чуть-ли не по десяти страниц. И чего только не писали там! Прямо невероятные вещи!.. И всё в форме приказаний! Всем, у кого есть «домашние служащие», не задерживать их в дни митингов, посещение которых, обязательно для всех домашних работниц и работников!.. Хозяева, виновные в том, что задержали и не позволили пойти своим служащим на митинги, будут привлекаться к ответственности!..

Пришла с одного такого митинга и наша Даша и объявила, правда сильно смущенная, что на митинге постановили хозяек

больше не называть барыней, а по имени и отчеству... И, чтобы прислугу не называть на «ты»!..

Даша хохочет, вспоминая, что происходило на митинге. — Сколько баб-то набралось! Страсть!.. И все стали ругаться нехорошими словами. Прямо ужас! И всё своих хозяек ругают! Ораторша-то останавливает их. «Подождите, говорит, мы их, этих хозяек, иначе доймем! Теперь равноправие — все граждане! А ругаться нехорошо. Этим вы унижаете собственное достоинство...» Ораторша вызывала разных женщин и заставляла их рассказывать, как с ними обращались их хозяйки. Ох, и умора!.. Как только станут рассказывать, так и ругаются такими словами, — она запнулась в смущении, — что прямо стыдно и вспомнить!.. Вот еще нам сказали, что, если к нам приходят гости, то чтобы мы их принимали в хозяйской гостиной. И чтобы на митингах рассказывать обо всем, что говорят между собой хозяева...

— Вот мерзость! Сразу из честных людей делают подлецов и шпионов! — сказала Нина. — Кто эта ваша ораторша?

— Никто ее не знает. Она только что приехала из тюрьмы! Когда мы пришли на митинг она сказала: «Смотрите на меня! Я десять лет сидела в тюрьме. Царские опричники засадили меня туда! Я десять лет страдала в Сибири для того, чтобы вы были свободными гражданами... Теперь я научу вас, как нужно жить свободным гражданам». Вот, она еще говорила, что Бога нету и в церковь ходить не нужно. Только деньги попам носите!..

Я спросила Дениса, ходит-ли он на такие митинги?

— Да, был один раз; ничего!.. Обещают всё, как следует: свободу и землю и что скоро по домам распустят! Хорошо говорят!..

Как-то пришел ко мне старший дворник: — Барыня! Тина Дмитриевна! Что мне делать?! — Он был совсем смущен и расстроен... — Раньше я всё знал, что мне делать... А теперь свобода! Ничего понять не могу... Посмотрите, вон Лебедева посреди двора собрала женщин, митинг устроила и говорит, что Бога нет, и Царя нет!!! Я подошел к ним, а она, — точно я и не старший дворник, — прямо смотрит мне в рожу и говорит: «Царь у вас был немец, а Бог — еврей! Царя мы у вас теперь отняли, а Бога вашего убили чуть не две тысячи лет назад!..» Ходил я в участок, а там такое творится, что и сами ничего разобрать не могут... Полон участок дворников, околодочных; все спрашивают друг друга, а понять никто ничего не может. Я увидал нашего околодочного и докладываю ему всё, как нужно по закону. А он выслушал, да только и сказал: «Пускай она, стерва, вышепчется!» И ушел.

Тяжело было смотреть на Афанасия. Всё чему он верил и всё, что считал порядком и законом, — рушится!.. И не за что ухватиться, чтобы выравнять и наладить снова жизнь...

— Ничего, Афанасий! Всё устроится! Не обращай внимания... А там видно будет...

Мало бодрости было в моих словах. И он ушел понурый, тяжело ступая по навощённому полу... Только он ушел, — пришла старая квартирантка... Взволнованная настолько, что посинелые губы дрожат, рот раскрывается, видно что-то хочет сказать, но не может...

— Да, что это такое!.. Почему вы никакого внимания не обращаете?! — наконец, выговорила старуха. — Она говорит такие вещи!

— Кто?!

— Да, Лебедева!.. Она оказалась еврейкой!

— Ну, так что?! Это ее дело.

— Как — что?!.. Она ходила в церковь! На Пасху пекла куличи, красила яйца! А теперь говорит, что Бога нет! А Христос был еврей и «мы, говорит, его у вас убили!..» Так, как же ты ходила в нашу церковь!.. — спросила я ее. — А она: «Муж-то мой русский. Вот я и ходила... А скажи я вам, что я еврейка, так вы бы меня затравили. Теперь свобода для евреев. Мы еще будем и править вами!»

Старая женщина замолчала, пот и слезы катились по ее лицу, но она не замечала их.

На другой день, после всех нервирующих событий и после объявления всех «свобод самой бескровной в мире революции», рано утром, на улице около нашего дома, я услышала шум и крик толпы... В мою комнату влетела Даша и, не то с радостью, не то с испугом, сказала: — Смотрите! Народ пришел грабить сахарные склады!

Как раз против нашего дома, в двухэтажном длинном здании, были склады сухих продуктов. О существовании их я и не подозревала! Каждый день я видела из окна эти крепкие магазинные двери наглухо закрытые и не думала, что за ними хранятся тысячи пудов сахара. И, я думаю, никто не знал до революции о существовании этих складов... Я встала, подошла к окну и увидела ревущую на улице толпу, которая старалась выбить крепкие двери складов. Сотни баб и мужчин выковыривали из мостовой булыжники и бросали их в двери. Кто-то кричал: — Найдите дворника! Найдите дворника! У него ключи от складов! Бревно нужно! Бревно нужно! Бегите на лесные склады и принесите пару бревен. Враз откроем все двери! — кричали мужчины. Человек двадцать мужчин и женщин побежали и скоро вернулись

таща бревна. Стали ими стучать в дверь склада. Первая дверь была выбита и из нее полетели на улицу синие пирамиды сахарных голов. Их хватали близь стоящие люди, а у них вырывали из рук другие и убегали с ними дальше. Но и у этих тоже отнимали... Бабы и мужчины, которым удалось овладеть добычей, всеми способами отбивались от наседавших на них соперников. Если удавалось вырваться, — счастливец бежал вдоль улицы, держа добычу над головой... Из раскрытых же дверей складов вылетали новые и новые синие пирамиды, попадали в руки других ловкачей, которые тоже искали сохраны добычи в бегстве... Какой-то мужчина, захвативший уже одну сахарную голову и зажавший ее крепко под мышкой, свободной рукой старался поймать еще и другую. Но не успел он отойти, как у него вырвали из-под мышки одну голову... Он ругался и стал отбиваться свободной рукой от целой толпы баб, которые, как разъяренные собаки, кидались на него, стараясь вырвать у него и другую синюю голову. Скоро они вырвали у него ее и сами бросились бежать, но и у них тоже другие бабы стали отнимать.

— Вишь, какой коммунист выискался! Две головы сахару забрал, — кричали бабы. Мужчина, потерявши свою добычу, опять бросился к дверям склада, расталкивая толпу локтями и всем своим крепким телом. А толпа всё росла и увеличивалась... Из всех переулков, со всех концов улицы, бежали новые и новые толпы падких до чужого людей... Толкаясь и ругаясь все старались пробраться ближе к самым дверям, откуда попрежнему вылетали синие пирамиды сахарных голов... Две женщины, визжа и ругаясь, вцепились руками в сахарную голову и каждая тянула ее к себе. Вдруг какой-то мужик толкнул одну из баб, вырвал сахарную голову и побежал с ней прочь. Но бабы его сейчас-же догнали и стали тянуть от него свою добычу. Мужик стал отбиваться от баб всем, чем только мог: он лягал женщин, ударял их локтями и головой. Освободив одну руку бил их по голове и по лицу, они увертывались от его ударов и снова дергали сахарную голову и его руки. Вдруг мужчина обхватил обеими руками сахарную голову, взмахнул ею кверху и опустил на голову одной из нападавших женщин... Сахарные брызги, окрашенные кровью, разлетелись в разные стороны. Женщина опустилась на мостовую...

Раздались крики: — Убили, убили! — Это кричали несколько близь стоящих женщин. Но почти никто из толпы не обратил внимания на упавшую женщину!.. Все взгляды были обращены к складам синих сахарных пирамид. Совершенные звери стали! Кто их так скоро сделал такими?! Я отошла от окна...

— Скажи дворнику, чтобы ворота держал всё время закрытыми...

После полного разграбления складов подобрали несколько трупов, совершенно изуродованных...

— Дочиста разграбили все склады! — сказал дворник. — Хотя и татарские они были, но всё же это не порядок!..

Кашель у меня не проходит и вес не прибавляется. Мои друзья-врачи требуют, чтобы я уехала на месяц или два в Абастуман, чтобы остановить кашель. Уложила вещи и пошла попрощаться с Иваном Яковлевичем.

— Хорошо делаешь, что уезжаешь отсюда! Там может быть лучше люди живут. До них этот разврат еще не дошел. — И сразу же стал ругаться: — Свобода! Свобода! А жрать почти нечего!.. Всюду очереди... А достать нигде ничего нельзя! А эта «татарва»! Обнаглели совсем! Говорят, что теперь Баку их столица! А? Что ты на это скажешь?! Раньше они не решались ходить по тротуару! А теперь идешь, а он толкает тебя в бок, чтобы ты дал ему дорогу! Вот до чего дожили!.. С таким правительством все с голоду подохнем!.. — мрачно закончил он...

Приехала в Боржом, но дальше еще ехать нельзя; были дожди и грунтовая дорога размыта. Туда ходят только линейки, железной дороги нет. В Абастумане еще лежит снег, а здесь, в Боржоме, тепло, солнце; в курзале играет оркестр... Взвесив всё это я решила пожить здесь и попить боржомскую воду. В Абастуман поеду, когда станет теплее...

В Боржоме тоже была еще тишина; публики было очень мало. У источников, по утрам, собирались пить воду старики и женщины с обвислыми подбородками, с желтой дряблой кожей, но напудренные и подмазанные. Они пили воду сколько им полагалось, проделывая положенный моцион и уходили домой, унося свои больные печени и подагру. Я часами просиживала в совершенно пустом парке, почти не видя ни одного человека. Но эта тишина, солнце, тепло и чудесный воздух были всё, чего я хотела... Я целиком уходила в воспоминание и день за днем переживала всё, что ушло безвозвратно в прошлое... Снова и снова я проверяла ту прошлую жизнь и пережитую только что драму... Я искала причины случившегося, но не могла найти их... Я видела только печальное лицо Вани и слышала его слова... «Смотри на меня, как на больного... Если тяжело, — пей вино вместе со мной...» Неужели ничего нельзя было сделать?.. В чем моя вина?..

Но вот стали появляться кругом какие-то новые лица... Однажды подошел ко мне какой-то господин. Он держал в руках фотографический аппарат и спросил у меня разрешения снять меня... И не успела я дать согласие, как он уже меня сфотографировал.

— Я уже второй день наблюдаю за вами. У вас такое печальное лицо, а ваш костюм и весь облик очень эффектны. Он представился и оказался присяжным поверенным из Кутаиса. На другой день он принес и дал мне две открытки с моим изображением.

С каждым днем в курзале и парке становилось люднее и шумнее. Я обратила внимание на одну даму. Она была молода, небольшого роста; стриженные волосы были завиты и высоко взвиты; в ушах большие кольца-серги; губы красные, как мак; крошечные ноги в туфлях на страшно высоких каблуках... И всегда она была великолепно одета... Но что еще больше бросалось в глаза, — это ее огромная белая, с коричневыми пятнами, борзая собака. Каждый день, а то и два-три раза в день, эта женщина меняла платья и каждый раз менялся и бант на шее собаки и такого же цвета, как платье хозяйки. Вскоре мы с ней познакомились. Она оказалась женой артиллерийского офицера, который тоже приехал в Боржом. Он был очень высок ростом и красив. Он часто брал свою маленькую жену на руки и носил, как ребенка. Познакомилась я и еще с одной маленькой и очень хорошенькой женщиной, которая приехала в Боржом отдыхать от двух мужей (как она сама сказала).

— Паршивый этот Боржом! — говорила она. — Здесь всегда живешь на виду у всех! У меня в Тифлисе есть комната, куда я «уезжаю» и где провожу время, как хочу. А здесь я никогда не спокойна! Каждую минуту встретишь кого-нибудь, кого совсем не хочешь видеть! А кого хотела бы встретить — никогда не найдешь... Надоело мне это ужасно!..

Каждый день собираюсь уезжать в Абастуман!.. Но новые мои знакомые уговаривают меня отложить отъезд еще на денек... Время идет, а я всё еще сижу здесь. По правде сказать, я не огорчена этой задержкой. Здесь с каждым днем становится всё лучше и веселее. Теперь уже с утра и до вечера парк заполнен интересной публикой. В курзале, около источников, всегда большая очередь, чтобы получить стакан воды. Мне доктор не прописывал пить ее. Но как-то, давно еще, Ваня говорил, что у

меня есть предрасположение к образованию камней в почках и, что было бы очень хорошо, если бы я стала пить Боржомскую воду. Вот я и пью ее... Совершенно неожиданно встретила знакомого, генерала Левандовского.

— Как тут у вас хорошо! — сказал он. — А в Тифлисе чистый ад! Жара! Всюду толпы солдат! В ресторанах не дождешься, когда подадут заказанную еду!.. А здесь, совсем другой мир!

На другой день генерал Левандовский пригласил меня поехать в имение Великого Князя Николая Николаевича, посмотреть оранжереи. Там он поднес мне прекрасную орхидею...

Получила письмо от Нины: «Ужасно всё дорожает, писала она, а Алексей всё просит присылать ему свиное сало. Яша устроился в Баку на распределительном пункте, кем и чем, не знаю. Он с Маней все пружины нажали, чтобы остаться в Баку. Хотели набавлять на квартиры, но по закону военного времени, этого сделать нельзя. У Ваньки умерла жена...»

А вот и мои девочки пишут мне тоже: «Тетичка, у нас не было экзаменов. Вот это — так свобода!!»

Хотя кашель мой много лучше, но нужно слушаться врачей и исполнять их предписания. На завтра заказала фаэтон и уезжаю в Абастуман...

Дорога всё время шла по легкому подъему долины между горных гряд. Чем ближе к Абастуману, тем выше и круче становились они. А вскоре долина перешла в узкое, крутое и глубокое ущелье, сплошь заросшее густым хвойным лесом. По дну ущелья бурлила, шумела и пенилась неглубокая горная речка. По обеим сторонам его потянулись дачи. Какое чудное, тихое место... Нашла прекрасную комнату. Разложила свои вещи и пошла осматривать Абастуман. Всё здесь мне нравилось, — улицы, дома, люди... Лавки полны товаров. Чудесный мед, свежие яйца и овощи. Всего много и всё можно покупать без всякой карточки и без очереди. Утром иду брать ванну. Это от моего дома, где я живу — версты две, а то и больше. Но я чувствую такую бодрость, что весь путь иду — точно на крыльях лечу. Ванное здание казенное, и ванны эти в первую очередь даются военным, которые лечатся в местном военном госпитале. Но здание огромное, ванн много, и поэтому имеется полная возможность удовлетворить требования и частных лиц, хотя по цене довольно высокой. Всякий приезжий, желающий брать эти ванны, должен записаться на нужное ему количество их, получить указание, когда он может их брать. Вода в ванне проточная и температура всегда одинаковая. Ванны очень

глубокие, когда сидишь, то доходит до шеи. Моя очередь была в десять часов утра, но я всегда приходила немного раньше и ждала, когда освободится моя ванна. И другие тоже приходили пораньше и ждали. Все они знали друг друга, так как живут здесь давно и встречаются каждый день. Каждое утро я слышу один и тот же разговор: — Здравствуйте, милая! — приветствует одна другую. — Как спали? Не потели ночью?.. Сколько сегодня вам нужно съесть яиц? — Я вчера съела восемь! А сегодня нужно на два больше. — Вдруг они заволновались: — Где же это Ольга Петровна? Не заболела-ли? Она вчера плохо выглядела. — Но в этот момент дверь открылась и вошла еще одна дама. Она шла медленно и, завидев сидевших дам, улыбнулась им. — А вот и вы! А мы уже стали волноваться, здоровы-ли вы! — в один голос сказали все... — Ну, как чувствуете себя? Ели ли сегодня яйца?.. — Сало кое-как одолела... Но яиц — не могла! Доктор говорит мне, что я скоро совсем поправлюсь. Он сказал, что мои легкие залиты салом.

Я невольно взглянула на говорящую и жутко стало на душе... Точно на скелет надето платье... Лицо отёкшее... Кожа серая, губы синие... Она с трудом вбирала в грудь воздух и с каждым ее словом воздух со свистом выходил из раскрытого рта...

Дамы потеснились и дали ей место сесть. Опять все заговорили о том, кто сколько съел яиц или сала... Но, странное дело! Ни одна из них не жаловалась ни на болезнь, ни на плохое самочувствие... Все говорят только о том, что всё идет им на пользу, что они поправляются и мечтают скоро поехать домой... Та, что ела свиное сало, на другой день не пришла. А через несколько дней я узнала, что она умерла...

После ванны иду куда нибудь, где меньше народа и лежу на солнце... Воздух густой, сосновый и бодрящий... Хочется говорить и смеяться... С заходом солнца иду домой, сижу на балконе и слушаю музыку, — недалеко от моего дома играет военный оркестр... Одной выходить вечером в парк после революции стало опасно... Вчера в парке на проходящую даму напали солдаты и ограбили ее дочиста. Здесь есть большой военный госпиталь и в нем теперь особенно много больных, раненых и выздоравливающих солдат и офицеров. Пока была Россия был порядок, люди не боялись друг друга. Но теперь всякий делает, что хочет, а вернее то, что ему раньше было запрещено человеческим законом. На-днях я познакомилась с сестрой ми-

лосердия из военного госпиталя. Она таких вещей мне нарассказала, что прямо жутко стало. Солдаты грубят сестрам и врачам, не исполняют предписания врачей, пьянствуют. Уходят из госпиталя, когда хотят. Приходят пьяные с песнями, будят больных, которые только по слабости здоровья не делают того-же.

Я чувствую себя хорошо, не кашляю, но жить здесь очень скучно. Это уголок с сосновым лесом, с ярким, теплым солнцем, с минеральными ваннами, с госпиталями и с обреченными на смерть людьми, живущими в нем, отрезанными от всего мира. Газеты приходят сюда, чуть ли ни недельной давности, хотя Боржом всего в нескольких часах езды... Да и ночной холод мне не нравится. Утром, когда просыпаюсь, пар от дыхания виден; вода в кувшине замерзает и этой ледяной водой приходится мыться. Знакомые всё только и говорят о болезнях, да о способах лечения от них. Поеду обратно в Боржом. В Боржоме сейчас масса нарядной публики. И жизнь там почти нормальная, есть какая-то связь с внешним миром.

Но уехать отсюда не так-то легко! Здесь имеется почтовая станция, которая держит очень мало лошадей и линеек. Она посылает одну-две линейки в день и, чтобы попасть пассажиром на них, нужно записаться заранее — за 7-10 дней, а то и за 2-3 недели. Есть, конечно, и частные извозчики, но и на них нужна тоже запись вперед. Цены же их зависят только от настроения и фантазии хозяина. Прямо ловушка какая-то! Я не могу жить здесь еще две недели, и должна ехать немедленно!.. Я обратилась к однорукому чиновнику, сидевшему на станции в «конторе» и записывавшему очередь на линейку... Он поднял голову и уставился на меня мутными, ничего не понимающими глазами.

— Ваша очередь, г-жа Семина, через две недели, — наконец, заявил он. — А до тех пор все места расписаны.

— Я же вам сказала, что я должна ехать в Боржом сегодня же! У меня там дело. Я работаю в госпитале и мой отпуск кончается! — с жаром ответила я. Но мои слова не произвели никакого впечатления на эту мумию-чиновника...

— Ничего не могу сделать для вас! У меня нет мест на линейке... Вот разве кто-нибудь из записавшихся заболеет и не поедет... Тогда я вам дам знать. А может быть кто-нибудь приедет сюда из Боржома на вольном фаэтоне. Тогда фаэтонщик возьмет вас на обратный путь. — Он устало отвернулся от меня и уставился в тетрадь с записями пассажиров, считая разговор со мной законченным...

Я пошла к знакомым Рыхальским и рассказала им свои неудачи и огорчения.

— Не могу я жить здесь еще две недели! А как получить лошадей не знаю?

— Я и сам тоже беспокоюсь! Мой отпуск кончается, мне нужно вовремя быть в Тифлисе! Но, если станция у них так забита, то и я не получу место вовремя!

Рыхальский приезжал навестить больную жену, которая живет здесь всё лето. А сам он штабной офицер, и не мог пробыть здесь ни одного лишнего дня.

— Знаете, Тина Дмитриевна, что мы с вами сделаем? Пошлем телеграмму в Боржом и вызовем оттуда фаэтон! Иначе мы не выедем отсюда еще Бог знает сколько времени. Согласны вы со мной?

Конечно, я была согласна. И через два дня мы выехали из ущелья смерти и печали...

После Абастумана, Боржом показался мне раем... Я опять устроилась в прежней своей комнате и сейчас же пошла в парк. Сразу же увидела много знакомых. Все попрежнему веселы и беспечны. Вокруг дам толпы новых поклонников...

— Тина Дмитриевна, вылечили свою чахотку? — спрашивали меня. — Вы кстати приехали! Мы устраиваем пикник с рыбной ловлей; там же на реке будем ее жарить.

— Если, конечно, поймаем что-нибудь, — добавил один из мужчин...

Как здесь всё радостно и приветливо! Цветы, музыка, здоровая и веселая толпа... Ворота в парк были раскрыты настежь, а доска с надписью «собакам и солдатам вход воспрещается» исчезла...

В день пикника ко мне зашла Барсукова с собакой и мы пошли к сборному пункту, — к хорошенькой Вале, у которой два мужа. Еще издали мы услышали смех и громкие мужские голоса, несшиеся из квартиры Вали. Мы открыли дверь, но не успели еще поздороваться, как что-то чавкнуло, а затем раздался крик ужаса хозяйки и мы увидели, как облизывалась собака.

— Мой зайчик! Мой зайчик, — кричала Валя.

— Держите собаку! Держите собаку! В комнате зайчик! — кричали и мужчины...

— Где зайчик?.. Откуда у вас взялся зайчик? — спрашивала Барсукова, держа собаку за ошейник.

Хозяйка утирала платочком глаза, в которых не было слез. Мужчины стали ползать на коленях по полу, заглядывая под все

кресла и стулья, в поисках зайчика, которого будто бы проглотил «Быстрый» . . .

— Господа! Пора ехать! Нас будут ждать. А поминки по зайчику справим на пикнике, — сказал один из кавалеров.

— Не плачьте, Валичка! Я вам принесу другого, — сказал другой.

Поехали на фаэтонах вдоль речки и в лесу, недалеко от дороги, расположились пикником. Несколько человек пошли ловить форелей. Больше для виду, так как, конечно, ни одной не поймали. Да закуски и так было много. — Водки по рюмочке, а шампанского по бутылке на человека, — сказал «тамада» . . .

После пикника я долго не видела моих новых знакомых дам: одна уезжала в Тифлис к мужу, другая в Батум. Об этом я узнала, когда она вернулась и сама рассказала мне.

— Тина Дмитриевна, я влюблена!.. Теперь уже на всю жизнь буду только его одного любить. Он так красив, как Бог! .. И беден, как церковная крыса. — И выглядела она действительно счастливой! Глаза блестели; всё время радостно смеялась...

Сегодня, совершенно неожиданно, встретила в парке знакомого, полковника Павлова. Он командир стрелкового полка и мы с Ваней его хорошо знали. Сколько раненых из его полка вывезли, когда он был на Ольтинском фронте и бессменно много недель сдерживал наседавшие на него большие силы турок. Транспорт мужа мог тогда вывозить раненых только по ночам, так как турки были очень близко и подбирать и уносить наших раненых можно было только на руках и с огромной осторожностью, чтобы не услышали турки, которые очень нервничали и, при малейшем подозрительном шуме, открывали стрельбу...

— Захар Николаевич, и вы здесь?

— Здравствуйте, сестрица Тина Дмитриевна! Да! Вот привез сюда семью. И сам хочу отдохнуть от этого кавардака, который сейчас всюду. А у вас здесь прекрасно! Все веселы, нарядны! Как-то не хочется ни думать, ни реагировать на то, что творится в больших городах и на фронте в особенности...

— Всё равно ничем помочь нельзя!

— Нет! Вы, дамы, оставайтесь такими, как вы есть! А мы, мужчины, будем думать, как спасти положение... Ведь до чего огрубеваешь, живя месяцами в диких горах и видя и слыша только солдат, да свист пуль . . . Не хочется ни мыться, ни переменить одежду... А вот приехал я в Тифлис да увидел нарядных женщин, так прямо устыдился своего вида! Жена даже не узнала меня. Взял теперь отпуск на две недели. Но, если бы можно было так никогда бы не поехал опять на фронт... Я со своим полком

живу с первого дня войны. Солдат своих знаю, как родных детей. И всегда любил их столько же... Верил в них... Страдал их страданиями... Неустанно искал способа доставить им радость, удовольствие, отдых, оградить их от ненужных тягостей войны... И вот пришла эта развратная революция! Не стало солдата!.. Беззаветные герои стали трусами и предателями Родины... Недавно в моем полку был такой случай (к сожалению, не последний): командиры рот получили приказ выслать в полк определенное число солдат для разведки. Назначили и собрали их для отправки в полк... Но солдаты, переговорив между собой, заявили: «А ну-ка вы, товарищи офицеры, разведывайте что вам надо сами!.. А нам потом скажите, как и что у неприятеля!.. Мы же никуда не пойдем!..»

Ездила в Бакуриани, собирать малину. Там ее масса. Выхожу из открытого вагона и увидела, генерала Левандовского со всем своим выводком детей, но без собак, которых он так любит. У него в доме есть собаки всех размеров, пород и мастей. У каждого из детей по собаке, да еще денщики везут самых больших и свирепых на возу с вещами, когда переезжают на дачу. Сегодня я не заметила ни одной из них.

— Где ваши собаки, — спросила я!

— Одну взяли с собою сюда, и ту уморила по дороге поездная прислуга, — сказал генерал. — Я знал, что на железных дорогах теперь творится что-то невообразимое; поэтому решил взять только «Дружка». Бедный сан-бернар! В его шубе в это время в Тифлисе он не мог выжить... Совсем там пропадал!.. Он сам ходил на Куру купаться или забирался в коровник, в корыто с водой для коров и лежит там... Купил ему билет для проезда в собачьем помещении багажного вагона. Там есть специальная будка, но для сан-бернара оказалась она мала. Жара стояла безумная! Дети на станциях выходили и просили вагоновожатого выпустить собаку немного погулять. Но он даже клетку в вагоне не захотел открыть... Хотели дать ей воды. Но и этого не позволили... Собака слышала голоса детей и жалобно выла... Приехали в Боржом, открыли будку: собака лежит мертвая!.. Задохнулась... Я сказал кондукторше, что она убила собаку, не позволив ни разу вывести ее из будки, или дать ей воды, хотя это не только разрешается, но требуется по правилам железной дороги. Она нас же стала ругать: — «Буржуи» собак возют, для своего удовольствия в вагонах!

Приближается осень; по вечерам стало прохладно; в парке нельзя оставаться после захода солнца. Публика собирается в курзале и все говорят о каких-то мрачных вещах...

— Половина населения помрет с голоду! — говорил какой-то пожилой господин, — ни за какие деньги ничего нельзя будет достать!..

— А вы не боитесь умереть с голоду? — спрашивали дамы тифлисского миллионера, любимца женщин, Милова.

— С вами я ничего не боюсь! Если каждая из вас даст по кусочку хлеба, — я и сыт!..

Не хочется мне ехать в Баку. Работать в госпитале нельзя, а жить с Ниной в одной квартире мне не хочется... Поеду в Тифлис! У меня и там есть друзья. Поживу эту зиму там...

В Тифлисе нашла комнату в гостинице за безумные деньги. Конечно, сейчас же пошла искать комнату за более скромную плату. На Головинском встретила доктора Курдюкова. Оба мы обрадовались друг другу.

— Вы что, Тина Дмитриевна, живете здесь?

— Я только что приехала из Боржома. Ищу комнату.

— Трудная это теперь задача! Особенно найти хорошую комнату. И откуда только народ взялся?! Едут, едут! Полны поезда! Где поместятся?! Что будут делать? Все говорят, что зима будет голодная. Хорошо, если кто сделал запасы... Но, погодите!.. Я, кажется, знаю где сдается комната. Одна учительница (правда, полусумасшедшая, фыркает и дергается), у которой недавно умерла мать, осталась совсем одинокой. Вам с ней, ведь, не детей крестить, не понравится — найдете другую комнату.

Он повел меня к этой учительнице. Я сейчас же согласилась на ее условия, взяла комнату и переехала. Комната была небольшая, без отопления и освещения. Одно окно и стеклянная дверь выходили на открытую галерею, по которой ходили жильцы и из других квартир. Условия найма моя хозяйка поставила мне не трудные: — Если в комнате у вас будет холодно, можете топить камин; дрова сами покупайте и смотрите, чтобы не вывалился из камина горячий уголь. — Условия мною приняты и я живу у Марии Николаевны, на Грибоедовской улице, четвертый дом от Головинского.

Ничего понять нельзя!.. Ведется-ли война или же фронт солдатами совсем брошен и они разбредаются по домам? В одной газете пишут, что будут воевать «до победного конца»... В другой, наоборот, что заключают мир без аннексий и контри-

буций» ... Спрашивала знакомых офицеров. Говорят, что никакого фронта больше не существует, что солдаты всюду бросают оружие и уходят с позиции, унося только то, что могут взять: легкие пулеметы, ружья и обвешиваются патронными лентами. Я боюсь ходить по улицам не только ночью, но и днем. Город забит толпами расхлябанных солдат. По улицам носятся грузовики, набитые ими с винтовками и патронными лентами крест-накрест. Вид у них разбойничий, хулиганский; шинель на распашку, рубаха без пояса, воротник не застегнут, шапка на одном ухе или на затылке. Для развлечения многие стреляют вверх, куда попало. Создается впечатление, что в городе идет бой.

— Сегодня моего шофера остановили солдаты и чуть его не убили, когда узнали, что он ехал в штаб за мной, — сказал генерал Левандовский. — Обвинили его в том, что он ехал с незаконной скоростью. Арестовали его и машину. Но потом мне позвонили из участка и спросили, действительно ли это мой шофер. Я сам пошел в участок выручать Воробьева. Я ценю его. Он у меня много лет служит. Всю войну возит меня и выручал из многих переделок.

Первую половину войны генерал Левандовский, тогда еще полковник, с первых же дней мобилизации, ушел с Кавказской кавалерийской дивизией на Западный фронт. Часть хозяйственных учреждений штаба и полков дивизии остались в тылу. Полки же и командование перешли границу и продвигались вперед уже в Германии ... Генерал Левандовский был начальником штаба вышеназванной кавалерийской дивизии, а потом и начальником штаба Сводного кавалерийского корпуса. Однажды генерал, желая сократить путь, чтобы выиграть время и догнать штаб дивизии, приказал своему шоферу свернуть с главной дороги на проселочную. Дело было уже сильно под вечер: — Ехали, ехали, а следов своих войск не видно. Стемнело! Показалась деревня и когда въехали по единственной улице, шофер спросил стоявшего мужика: «Эй! Есть здесь русские войска?» — «Русских я не видел, а вон на горе в окопах сидят немцы!» — показывая рукой, сказал мужик. Я посмотрел туда, куда показывал мужик, — рассказывал генерал Левандовский, — и сам увидел остроконечные верхушки касок. Но немцы еще не стреляли по нас, должно быть, не успели разглядеть и принимали за своих... «Воробьев! Нужно как можно скорее узжать отсюда!» Но как? Улица была узкая и мой «Бенц» не мог повернуться!.. «Ваше высокоблагородие, я поеду вперед! — сказал Воробьев. — Может быть проскочим!» Всё равно другого выхода у нас не было ... И мы поехали почти вдоль самых окопов ... Но, видно, немцам показалось подозрительным наше замешательство и они

открыли по нас стрельбу... Кое-как мы всё же проскочили, проехали, наконец, деревенскую улицу и выехали за околицу. Стрельба стала еще сильнее. Пули так и щелкали по кузову... «Стой, Воробьев! Вылезай из автомобиля! Ложись! Сообразим, что надо делать...» Вылез и я и оба мы легли в канаву. Стало уже совсем темно... Не слыша шума мотора и не видя автомобиля, фонари были потушены, немцы стрельбу прекратили. Тогда мы вылезли из канавы, сели в автомобиль и поехали дальше... Темно, — хоть глаза выколи!.. Дорога вся изрыта ямами и канавами... Я много раз думал, что мы не выберемся и придется бросить машину и уходить пешком... Не знал только, куда мы попадем... А сильная машина всё везла и везла нас... Только куда?.. И вдруг: — «Кто едет!?» — услышал я. Слава Богу! Свои!.. Сыпятся такие словечки, что ошибиться нельзя! Через несколько минут нас провели и указали дорогу к деревне, где остановилась Кавказская дивизия... Было уже очень поздно, когда я вошел в избу, уставший и голодный. В ней было полно офицеров, ожидающих меня и распоряжений. Вместо отдыха и еды я сразу сел и стал диктовать «диспозицию»...

— Да! Это был не единственный раз, когда я с Воробьевым попадал в трудную обстановку, — снова заговорил генерал Левандовский. — Будучи уже здесь, на Кавказском фронте, я с моей первой Сибирской казачьей бригадой стоял в Ардагане... Получил телеграмму немедленно ехать в Тифлис в Штаб фронта, чтобы получить там важную боевую задачу. И вот мой Воробьев мчит меня по проселочным дорогам, чтобы попасть на ближайшую станцию на поезд. Недалеко от Александрополя, около шоссе, спокойно паслось большое стадо буйволов... Мы не обратили на него никакого внимания. Но, как только шум мотора дошел до их слуха, они повернули головы в нашу сторону... А в следующее мгновение всё стадо бешенным галопом мчалось наперерез нашему пути... Шофер прибавил ходу... Буйволы тоже... Казалось столкновение с мчавшимся стадом неизбежно. А результат этого столкновения мог быть только один, — от нас не останется и щепы!! Разъяренные животные разнесут нас в клочья, так что от автомобиля и от нас и мокрого места не останется!.. Я никогда не подозревал, что такие тяжелые животные могут бегать так быстро! Хотел стрелять... Но что можно сделать револьвером! «Воробьев, газу!! Нажми на газ!! Скорее!» — кричу я, и уже вижу огромные рога и налитые кровью глаза... Чувствую тяжелое их дыхание... Но, миг, — какой долгий миг!.. И стадо осталось позади... Я оглянулся и увидел только облако пыли... Только теперь я заметил, что мы совершенно незаметно свернули на какую-то дру-

гую проселочную дорогу и не могли уже попасть на поезд. Поэтому мы прямо поехали на автомобиле в Тифлис... А теперь, сами посудите, как же Воробьев может ездить «шагом» по городским улицам, когда он привык мчаться по проселочным дорогам... И могу ли я осуждать его за это?! — закончил генерал в оправдание своего шофера.

В городе съезд солдатских депутатов, которые ходят с красными бантами на груди. Кроме этих «депутатов», повсюду бродят толпы других, просто самовольно ушедших из полков солдат. Эти выглядят похуже «депутатов», — грязные, небрежно, кое-как одетые, не бритые и не мытые. У многих через плечо на ремне или веревке перекинуто ружье. Стоят перед витринами больших магазинов и подолгу смотрят на дорогие, выставленные в окнах, вещи и, отвернувшись, сплевывают в сторону сквозь зубы или отпускают ругательства по неизвестному адресу.

Доставать съедобное с каждым днем становится всё труднее и труднее. В вольной продаже почти нет ни хлеба, ни сахара; да и другие продукты без карточки нельзя достать. Нет даже керосина, хотя Баку рядом... Получила хлебную карточку. Но для этого приходится долго стоять в очереди. А хлеб по ней дают такой, что на другой же день он заплесневел. Моя комнатная хозяйка дала мне несколько картофелин и научила, как их варить на пару, чтобы не пропало ничего... В комнате нет электричества и нет керосина. Есть у меня керосинка, на которой я варю чай, а если достану, то и кофе. Но эту роскошь я добываю очень редко. Разве кто из знакомых даст немного, а купить нельзя совсем. Сахару выдают один фунт на месяц. В прошлый раз дали вместо сахара монпансье... Какой уж тут кофе с монпансье? Даже и чай неприятно пить с душистыми конфетами, особенно закусывая его черным, смешанным с соломой, хлебом...

Приближается Рождество. А у меня ничего нет! И достать что-нибудь не знаю где и как!? Моя комнатная хозяйка, приходит из школы, каждый день несет полные руки пакетов, а ее ученики приносят ей целые бидоны керосина... А она всё трясется и сидит вечером с маленькой лампочкой. Как-то у меня совсем не было керосина и я сидела в полной темноте. Она видела это, но так боялась, что я попрошу его у ней, что потушила свою лампу, пришла ко мне и, гримасничая, сказала: — Вот, ведь, как случилось! Ни у вас, ни у меня нет керосина!..

Совершенно неожиданно зашел ко мне Митя Трухин и пригласил ужинать в «Ориент». Это лучшая гостиница в Тифлисе. Я очень обрадовалась, оделась соответственным образом и мы пошли. На улице почти полная темнота. И в ресторане тоже. Лакей осторожно провел нас к столику и усадил. Потом принес свечу, но пока не зажигал ее.

— Что будете кушать? Мы карточки не имеем, да и блюд у нас теперь не много: есть рыба, фазан, барашек. На десерт — компот из фрукт. — Старый лакей был смущен и чувствовал себя виноватым... Мы выбрали что-то и он ушел.

Митя тоже стал извиняться: — Какой скандал! Ничего нет! Если бы я знал это, не стал бы и звать вас!..

Настроение у нас было совсем не ресторанное, не веселое. Мы сидели в почти темном зале и разговор не вязался... Это, ведь, в Тифлисе самый лучший ресторан. В других, верно, совсем ничего нет! Когда лакей подал еду и зажег свечу, стало как-то лучше...

— А вы, Тина Дмитриевна, всё такая же. Нисколько не изменились за это время, что я вас не видел! Но всё окружающее изменилось, развалилось и идет к полной гибели... На что уж наши забайкальские казачишки и тех сумели развратить в самый короткий срок. Они тоже своих депутатов послали сюда в Тифлис, а потом решили, что этого мало и стали избивать офицерство. А, между прочим, знаете ли вы, что есаул Крутецкий и князь бежали в Турцию, как только началось брожение в полку?

— А что вы, Митя, думаете делать?

— Пока сам не знаю еще. Вот приехал сюда. Пока жив. А что будет дальше неизвестно. Дом далеко, — пешком не дойдешь.

После ужина мы хотели пройтись. Но улицы почти темные, а толпы солдат на них опасны... Я поблагодарила Митю за всё и мы попрощались около моих ворот. Просила его заходить ко мне. — Ведь послезавтра Рождество! Он обещал... Но я его больше никогда уже не видела.

Этот Верхнеудинский полк пошел из Тифлиса в Сибирь походным порядком. Но где-то по дороге захватили поезд и доехали до Царицына. А там опять шли некоторое время. Потом опять захватили другой поезд и погрузились. Казаки устроили митинг, на котором решили офицеров своих не брать с собой. Они их раздели, разули и выкинули из поезда... Уже весной я получила открытку от Мити: «Никогда я не подозревал, что наши казаки могут быть грабителями и убийцами! Когда мы, офи-

церы, нашли достаточный состав теплушек на одной из станций и погрузились, тогда началась расправа с нами... Мы, все офицеры, сидели в одной теплушке... Казаки ворвались к нам и стали избивать нас и выкидывать прямо на рельсы!.. Несколько человек были убиты. Остальные почти все ранены... Я очутился в поле без признаков жилья, без копейки денег, в порванной и окровавленной одежде, с переломанной рукой и с несколькими ранами и ушибами... Все вещи остались в вагоне... Когда и как доберусь до дома не знаю...»

Вот прошло и это совершенно новое для меня Рождество, — голодное... и одинокое. Моя хозяйка две недели жарила свинину с капустой (от одного ее запаха у меня под ложечкой начинались судороги и слюни текли безудержу). Эти запасы она складывала в глиняные горшки, крепко завязывала, ставила в чулан и запирала на замок... Чего только у ней нет в этом чулане! Одного керосина пудов пять... Целый мешок картофеля... А капусты со свининой (бигос) она столько нажарила, что прямо на год хватило бы и для нее и для меня... Сахара у нее, наверно, несколько пудов будет. И где это она всё достает?..

В Тифлисе совсем нелепые слухи: турки будто бы серьезно угрожают Баку... В городе масса врачей и сестер. Встретила знакомого врача из Сарыкамышского госпиталя. Их госпиталь закрыт солдатским комитетом. Персоналу сказали: — Идите куда хотите. Никому никаких денег не выдали. Мы приехали сюда и вот целые дни бродим по Тифлису без дела и денег. Жалование прекратили выдавать. Управление закрыли... Хорошо еще, что я один, а семейные, так прямо голодают. В бывшем Окружном управлении теперь продовольственный склад. Кое-кто получает оттуда продукты, это, конечно, только для врачей и их семейств.

— Вы не были там?

— Нет! Я даже не знала, что такой склад существует.

— Ну вот, если вам туго придется, идите туда... Заведует складом доктор Ващенко.

Сама природа заодно с революцией. Такие стоят ужасные холода! Еды нет. Отопления нет. Люди мрут, как мухи. Все госпиталя и больницы переполнены тифозными. Врачи и сестры, которые не были выгнаны солдатскими комитетами, работали

без жалования, за одну только еду. И работали бессменно день и ночь. В госпиталях не было ни медикаментов, ни перевязочных материалов. Не было мыла, не было даже горячей воды. Продукты питания поступали не регулярно и в недостаточном количестве. В госпиталях стоял почти мороз. Тысячи людей умирали почти без медицинской помощи... Каждую ночь на улицах стрельба! Но утром в газетах ничего об этом не пишут... Знакомый врач говорил, что каждое утро к ним в госпиталь приносят раненых солдат, рабочих и даже детей... Стреляют все, у кого есть ружье... А теперь чуть не у каждого есть винтовка! У меня в комнате такой холод, что я сижу в шубе и перчатках. Керосину нехватает даже для маленькой лампочки. Не могу сварить себе чай. К дровам просто доступа нет...

— Куда вы пропали? Почему не заходите к нам? — спросила меня знакомая, Кабачевич. — А я, с очередями, забыла и про знакомых.

— Да у меня просто нет времени ходить в гости. Я всё время стою в очереди, но получаю что-нибудь редко... А как вы добываете всё нужное для семьи?

— Да ведь у меня две почти взрослые дочери! Одну пошлю за одним в очередь, другую — за чем-нибудь другим, а сама иду в третью очередь. Муж устроился на макаронной фабрике ночным сторожем и он оттуда иногда приносит лом, который нельзя укладывать в ящики для продажи. Но этот макаронный лом такие же макароны, только в крошках. А стоят дешево... Вот только девочкам мало времени для гимназии и для уроков, а то ничего, — устроились не плохо... И сыты каждый день. Тина Дмитриевна, приходите к нам. Мы может быть весной уедем в Болгарию, на родину мужа.

Вернулась домой и сразу натолкнулась на новое затруднение: опять нет керосина! Не одно — так другое!! В такое проклятое время жить одной очень трудно... Были бы у меня дети, я бы разослала их во все существующие в городе очереди и у меня было бы всё, что нужно... Вон у генерала Левандовского пятеро детей. Все они стоят в разных очередях, сменяя друг друга и получают всё, что им нужно... А я должна стоять по несколько часов в каждой очереди, чтобы получить два литра керосина... Но, ничего не поделаешь! Придется вечер посидеть без керосина. Но я не смогу ни сварить чай, ни зажечь лампы. Поэтому надо идти в ближайшую очередь за керосином! И я пошла в склад нашего района. Еще издали я увидела длинный хвост из женщин, старых мужчин и детей. Над дверями подвала горела лампочка и освещала близь стоящих... Но дальше от

подвала только чувствовалась сплошная линия людей, которую нельзя было ни обойти, ни порвать... Можно было только стать в конце ее. Я стала последней. Такие короткие стали дни, что не успеешь оглянуться, а уже вечер! Когда я заняла место в очереди стало уже темнеть. С темнотой и холод сильнее чувствуется... Впереди меня стоял какой-то старик. Он был закутан основательно: голова замотана башлыком, поверх пальто на плечах — шаль, на ногах галоши, на руках варежки. Рядом с ним, на снегу, стоял большой бидон для керосина. Он его передвигал по мере того, как подвигалась очередь. От стояния на одном месте у меня закоченели ноги и руки и я не могла держать бутылку. Я ее зажала под мышку, а руки сунула в рукава... Уже совсем темно. Я вижу только огонек над дверью и ряд закутанных фигур.

— Да, что это там! Заснули, что ли? — кричит кто-то впереди меня... — Совсем очередь не двигается! У меня ребята остались дома одни! Керосину нету. В темноте сидят. Ребята боятся поди!.. Господи! Вот беда! Я стою здесь часа три уже... — чуть не плакала женщина.

Движение вперед и я, слава Богу, стою около самой лестницы. Скоро и керосин!.. Впереди меня всего пять женщин и один старик. Они уже стоят на самых ступеньках; да и бидоны у них небольшие. Скоро и их отпустят. Получу керосин, приду домой, зажгу керосинку, поставлю чайник и сразу в комнате станет тепло! А еще выпью горячего чая и совсем согреюсь! Я так ясно представила себе всё это благополучие, что даже забыла на некоторое время боль в ногах и руках от мороза.

Спустилась, наконец, и я в подвал. Стою на самой нижней ступеньке у дверей и вижу, как льется тонкая струя керосина в подставленную четвертную бутыль... Вот мужик нагибает железную бочку, которая стояла на чурбане. Но из крана струя бежит всё тоньше и тоньше!.. Еще немного и она остановилась совсем... Мужик выпрямил бочку, взял четверть, поднял ее и посмотрел на свет.

— Не дотекло маленько! Ну, да другой раз перелью столько же. — И закричал: — Керосина нету! Кончился керосин! Завтра приходите, которые сегодня не получили! — Он кричал куда-то в темноту, выше моей головы и совершенно не обращал никакого внимания на то, что я стояла около самой бочки.

— Послушайте! У меня дома нет ни капли керосина! Я не могу зажечь лампу!..

— А мне что делать? Видите сами, бочка пустая... Приходите завтра!

— Завтра, завтра! — загудели, стоявшие позади меня. — Завтра опять будем стоять пять часов! И опять керосина не будет! — возмущались в толпе, сбившейся в кучу...

— А я виноват? Ваш керосин я в сапоги себе не прячу? Говорю вам нету больше! — В толпе всё больше и больше нарастает озлобление. Столько часов мерзли, а теперь иди домой без керосина!..

— Ну, вот что, гражданки! Я вам выдам номерки и у вас завтра будет своя очередь. Сколько вас здесь? — Стали считать — одиннадцать, семнадцать...

— А ты откуда примазался? — вдруг все набросились на какого-то мужчину, который только что подошел. — Вас тут не было! Это неправильно! Мы тут стоим уже много часов!.. В нашу очередь мы вас не принимаем!..

— Да нет! Я после вас! Мне немного нужно керосину... Только бы немного в лампу! А то в комнате темнота.

Нам выдали номерки и мы разошлись по домам без керосина... Пришла домой. В комнате темно и холодно... Ноги и руки замерзли... Голодна ужасно... Чтобы согреться легла на кровать, закрылась шубой. Но от холода стучат зубы и дрожь пробегает по телу...

— Тина Дмитриевна! Вы вернулись? Получили керосин? — спрашивает хозяйка через двери.

— Нет! Керосин кончился, как раз перед моей очередью.

— У них всегда так! Идите ко мне. У меня тепло и лампа горит. Захватите сахар. Я вас чаем напою...

И вот я сижу и постепенно отогреваюсь у чужого тепла. А хозяйка рассказывает новости: — В соседней квартире новые жильцы, какой-то офицер с женой и с собакой... Она не похожа на русскую: голова кудрявая, как у негров; в ушах большие круглые серьги. Сама маленькая, а он огромный мужчина... У других соседей к кухарке пришел муж, — солдат с фронта. Я его встретила на лестнице, прямо разбойник с большой дороги! Грязный, бородатый, волосы на голове длинные; шинель прожженная, смятая; всё нараспашку; гимнастерка без пояса; фуражка блином на затылке. В руках винтовка!.. Я посторонилась, дала ему пройти, а потом потихоньку поднялась за ним и стала смотреть, кого это он идет грабить и убивать... Слава Богу, прошел вашу дверь и стучится в соседнюю... Ну, думаю, на этот раз Бог спас!.. Но сама не ухожу, жду что будет дальше? Дверь открыла Пелагея... И вдруг кричит: «Степан! Ты ли это?» И бросилась ему на шею... Вот тебе и раз! Я думала разбойник, а он оказался солдат и Пелагеин муж! С фронта вернулся.

После чая я согрелась, пошла в свою комнату, легла в постель и заснула. На другой день получила керосин, и пошла в продовольственную лавку. Показала свои карточки: — Дайте мне картошки или какой нибудь крупы! — Картошка померзла. А крупы нет никакой... Пошла домой с керосином, но без продуктов... Придется пить чай с черным заплесневшим хлебом... Если так будет продолжаться, то я поеду в Баку! Там хоть за керосином не нужно будет стоять в очереди!..

— Здравствуйте! Что это вы несете в бутылке?

— Керосин. А вы что несете?

— Картошку... Была на уроке. Он доктор. Ему клиенты вместо денег приносят продукты. Так вот они и мне дали немного. Я занимаюсь с их детьми. Идемте ко мне. Я и с вами поделюсь картошкой...

Эта добрая женщина была учительница в гимназии генерала Левандовского и давала еще уроки на стороне, чтобы иметь всё необходимое для себя и матери. И всё же никак не удавалось ей заработать достаточно. По вечерам в комнате матери горела плошка. Маленькая лампа зажигалась только, когда приходили ученики. А как только они уходили лампочка тушилась и две старые женщины сидели с лампадкой, от которой больше было копоти, чем света... Когда мы пришли в ее квартиру, она прежде всего заглянула в комнату, где лежала ее мать.

— Мама! Ты спишь? — спросила она.

На постели что-то зашевелилось и совсем детский голос ответил: — Нет, Аня, не сплю. Жду тебя! — Старушка была так мала и худа, что ее можно было принять за десятилетнюю девочку.

Мать и дочь обе были стары. Но дочь была немного выше матери и покрепче. Я подошла к постели и поздоровалась со старушкой.

— Спасибо, что пришли, — сказала она. — Аня, угости нас чаем.

— Я, мама, обещала дать ей картошки! Тина Дмитриевна! Идите сюда, — позвала меня Анна Николаевна. — Вот вам две большие картофелины. А это будет нам с мамой.

— Анна Николаевна, я не хочу ничего отнимать от вас. Я свободна и могу стоять в очереди. А вы заняты; у вас на руках мать!

— Я только беру для нее. Мне одной ничего не нужно. А она сильно ослабела, совсем почти не может ходить... Мне жаль ее... Я так хотела бы, чтобы она дожила до того счастливого времени, когда всем в России будет легче жить...

— А вы, Анна Николаевна, думаете, что время это уже близко?..

— Несомненно!.. Оно уже пришло! Почти тут!.. Идет ломка всего отжившего... Всё дается трудно. Будет еще много жертв!.. Но зато, как потом будет всё хорошо!.. Как светла и радостна будет жизнь!!..

— А, по-моему, так идет всё хуже и хуже! Голод! Убийства! Солдаты бросили фронт... Турки взяли Сарыкамыш, Карс, Александрополь. И, говорят, идут на Баку... Здесь заседают солдатские и рабочие комитеты и обсуждают мировые политические вопросы... А турки забирают город за городом...

— Милая Тина Дмитриевна, лес рубят, щепки летят!.. Нужно сначала разрушить всё старое... А потом станем строить новое здание...

— Не забывайте, что в числе этих щепок — я, вы и ваша мать...

— Да, это несомненно так. Когда строят большое здание, не стоит подбирать каждый упавший гвоздик...

Первый упавший гвоздик была ее мать... Не выдержала «карманная» старушка, — так все знакомые Билибиной звали ее мать, — и к весне умерла... Анна Николаевна стала после этого как будто меньше ростом, а волосы на голове совсем белые, хотя она всячески старалась сохранить полную бодрость и спокойствие...

Муж Пелагеи, с винтовкой в руках, уходил из дома с утра и только к ночи возвращался. А ночью лежит и всё одно твердит, — об убийствах... Боюсь я его... Страшный какой-то стал... Ночью не спит, без конца говорит нивесть что!.. Прямо с ума рехнулся.. Винтовку из рук не выпускает, — рассказывала Пелагея.

— Мы, говорит, им покажем!.. Если здесь нельзя развернуться, — пойдем во Владикавказ. — И всё время ругается и грозит всех перебить... Никогда прежде он таким не был! На войну пошел, был «смирный»... Что сделалось с человеком, не знаю... Говорит хорошие люди научили, как нужно жить!..

Но не долго он у нее пожил... Забрал все деньги, которые она заработала, и ушел во Владикавказ. — Как только дам знать, — сказал он на прощание, — приезжай. Тебя там барыней сделаю! У самой прислуги будут... Довольно работать на буржуев!.. Боюсь я его — такого... — Но всё-таки весной уехала к нему во Владикавказ...

Голод донял меня! Деньги есть, но купить ничего нельзя!.. Вспомнила слова доктора Беляева и пошла в продовольственный склад врачей. Помещение знакомое: бывшее Окружное медицинское управление. В бывшей канцелярии, — тоже канцелярия. Но теперь за столами сидят какие-то незнакомые барышни. Спросила у одной из них, могу-ли я получить из склада что-нибудь из продуктов?

— Мы выдаем только своим, т. е. врачам и их семействам...

— Я сестра милосердия и вдова врача.

Девушка посмотрела на меня: — Вы пойдите к заведующему, доктору Ващенко.

Это имя меня подбодрило: ведь доктор Ващенко был друг мужа и постоянно пили вместе. Они и жили вместе в Ване...

— Здравствуйте, доктор! Вы теперь на новой должности, по времени очень важной, — заведующий продовольствием? Могу ли и я получить что-нибудь из вашего склада? Я совсем заголодала. Ничего не могу купить... Для всех приближается Пасха... А у меня ничего нет!..

— К сожалению, я не имею права выдавать продукты посторонним лицам. Эта организация только для врачей и их семейств!..

— Доктор! Ведь вы знаете, что мой муж был тоже врач!.. А я и по сей день состою сестрой милосердия!.. Разве я не принадлежу к семье врачей?!

— Да, но у нас столько нуждающихся членов... А насчет вдов у нас нет распоряжений... Я не могу поэтому ничего сделать для вас! Все продукты на учете...

Прошла и Пасха, такая же голодная, как и голодное было Рождество!.. После Пасхи я переменила комнату. Живу на Анастасиевской улице, над самой Курой, в армянской семье. Очень приятные люди. С приходом весны и тепла, как-то и продовольственный вопрос стал менее острым; не так хочется есть... Пришли ко мне знакомые и мы пошли смотреть Куру, которая катит свои бурные волны почти выходя из берегов. Как здесь прекрасно! Деревья уже зеленые; цветут шиповники и какие-то кусты. Мы сели над обрывом и были прямо захвачены красотой весны...

Мои знакомые тоже бакинцы. Они уехали в начале войны из Баку: он офицер, был на Западном фронте; она работала сестрой милосердия в Москве в госпитале. Недавно вернулись в Тифлис и мы случайно встретились...

— Как красив мир!.. Только живи, да радуйся!.. Но человек всё испоганил. И себе и другим жизнь отравляет, — с грустью говорит Сергей Петрович.

— Последнее время, в Москве, мы дольше недели не жили на одной квартире. Сна, еды лишились. Малейший шум на лестнице приводил нас в нервное состояние. Мы соскакивали с постели и ждали, что вот-вот постучат к нам в дверь и ворвется кровожадная банда и тут же учинит расправу... Не смерть страшна! Я ее видел много раз; был два раза ранен... Но ужасно это полное бессилие перед диким разгулом толпы насильников, опьяненных своей безнаказанностью... Потом дошли до нас слухи, что появились какие-то «добровольцы», которые открыто борятся с коммунистами. Мы решили из Москвы бежать. Добрались до Пятигорска. Но и тут пришлось прятаться. Город был полон коммунистами. Каждую ночь они делали обыски и утром целыми партиями расстреливали захваченных без суда и следствия. Приведут партию на Машук, заставят арестованных вырыть яму и расстреливают их. Некоторые падали в яму еще живыми... Так их живыми и закапывали... Я поступила в ресторан подавальщицей. А он, — она показала на своего мужа, — работал на кухне — делал всё, что ему поручали. Целыми вечерами, часто очень поздними, подаю и угождаю клиентам. И часто слышу их рассказы, сколько они убили и кого еще убьют... У меня мороз по коже идет. Думаю, упаду или закричу от страха и мук... Но я виду не подаю, улыбаюсь, за коммунистку иду...

— Почему вы их не травили, не убивали, так же, как они убивали беззащитных людей?! — говорит вдруг какая-то женщина, сидевшая рядом со мной.

— Ну, где там! Разве возможно?!.. Да мы только и думали, как бы скорее выбраться из Пятигорска и добраться до Тифлиса, где тишина, порядок и никаких коммунистов нету...

— Вам бы не в Тифлис стремиться, а в эту героическую Белую армию! — снова говорит женщина.

— Позвольте! Вам-то какое дело? Почему вы вмешиваетесь в чужой разговор? — обиженно говорит полковник.

— Потому, что я вдова офицера! Мои дети учились в Кадетском корпусе во Владикавказе, пока коммунисты их не выгнали... Двое моих мальчиков ушли в Белую армию: старшему было шестнадцать лет, а младшему — четырнадцать!.. А вот вы, — здоровый, не калека, с полковничьими погонами на плечах, сидите вот тут и любуетесь Курой... Моим же детям вместо учения в школе приходится сражаться с насильниками и убийцами. — Она заплакала... Мы встали и молча пошли по домам.

— Нет! Довольно с меня!.. Не хочу никуда больше ехать! — сказал полковник. — Мы так устали, изнервничались, пока добрались до Тифлиса!.. И теперь опять ехать, скитаться, мерз-

нуть, голодать, спать в грязи — на земле!.. Нет, нет! Довольно! Никуда я больше не поеду! Никуда... — Мы расстались.

Бедная Россия! Кому не лень, тот тебя и раздирает... Турки осадили Баку и будто даже уже взяли его... В Тифлисе образовалось Закавказское правительство, из представителей грузин, армян и татар, которые грызут друг другу горло. В городе фактически никаких войск нет... Охрану и порядок поручили вновь сформированному эскадрону из мальчиков-кадет, да гимназистов. Но офицеры, вернувшиеся с фронта, туда не идут, хотя их в городе тысячи... Турки шагают по Закавказью, занимая город за городом, а русские солдаты продают им, за ненадобностью, свои пушки. Продали целую батарею и прислали об этом донесение в Штаб, что деньги за проданные пушки получили сполна. В Карсе солдаты арестовали всех офицеров, заперли их в крепостные казематы и ждут только какого-то депутата, чтобы всех их расстрелять.

Это рассказал приехавший из Карса армянин-офицер. К счастью он же и выручил всех арестованных по поручению и указанию Штаба фронта. Это была трудная задача. На первый взгляд, всё очень просто и невинно... Несколько армян устроили попойку для группы руководителей, в руках которых была вся крепость, весь ее гарнизон, а следовательно, и судьба арестованных. Перепоив до бесчувствия начальство и охрану, спасители открыли в казематах двери, вывели из них арестованных, увезли их на вокзал, посадили в заранее приготовленный поезд и увезли в Тифлис, где всех припрятали, а позже увезли и дальше...

Со всего фронта съехались в город врачи, сестры и другой санитарный персонал. Я встретила много знакомых врачей и сестер. Бродят все без дела и без денег. Некоторые и рады бы уехать домой, да поезда не ходят. Если и идут самовольные эшелоны солдат, то шайки татар часто грабят и избивают их в пути между Баку и Владикавказом. В Штаб фронта явилась однажды депутация от одного из эшелонов, прося назначить офицера сопровождающим эшелоны. Был назначен офицер-фронтовик, который ездил нянькой эшелонов несколько раз... Но потом его убили те же солдаты, которых он довез до безопасного для них Владикавказа. С тех пор такие назначения офицеров, конечно, были прекращены, а Елизаветпольские татары сразу возобновили свои нападения на эшелоны. Особенно важно отметить, что в эшелонах этих нередко бывало по тысяче и больше солдат.

Грабили их начисто: отбирали оружие, аммуницию, патроны, припасы и отпускали почти голых...

Много развелось всюду общежитий: для врачей, для сестер милосердия, для приезжих и постоянных...

Встретила знакомую сестру, которая много рассказала: — Живем в общежитиях; в каждой комнате по десять и больше человек. Некоторые спят за неимением кроватей, на полу. Кормят нас фактически один раз в день. Денег ни у кого нет. Не на что купить что-нибудь, если опоздала и осталась без еды... Послали депутацию к командующему фронтом, чтобы нас отправили по домам... Ответили, что дорога закрыта, что во Владикавказе большевики, а через Баку татары не пропускают...

Она же сказала мне, что лазарет доктора Бакина здесь и указала, где живут сестры Маруся и Феничка... Я сейчас же пошла туда, чтобы повидаться с ними. Обеих моих приятельниц нашла почти без перемен! Маруся не унывает. Стала рассказывать мне, что выходит замуж...

— Самый красивый мужчина в лазарете! А вот женится на мне, — на некрасивой! Что вы, Тиночка, на это скажете?!.. Правда, он меня обожает!..

А Феничка злорадствует над несчастием других. Я встретила на улице подполковника Жигулина (это ее больное место). Он был в том же отряде, в котором работали и мы... Кажется, он нравился Феничке. Но он никакого внимания на нее не обращал. Отрастил себе бороду. Смешной стал. И весь шик его куда-то улетучился... Тужурка вся закапана жиром; брюки помяты; руки красные... И вообще вид у него — кухонного мужика... Я спросила его, что он делает? — Помогаю по хозяйству на кухне в госпитале! — Так ему и надо! Не задирай нас!..

— Маруся! А за кого вы выходите замуж? — спросила я.

— За бандита-латыша! Но он очень красив... Устроился в Красном Кресте, чтобы не идти на фронт. А потом его прислали в лазарет к Бакину. Я его сразу заметила и забрала в свои руки... Когда лазарет пришел сюда, он хотел увильнуть от женитьбы на мне... Но я ему такого страху задала — сразу согласился!..

После свадьбы Маруся с мужем-латышем уехала к ее отцу, который был директором гимназии. Дочь с мужем обокрали отца и бежали. Потом они организовали бандитскую шайку и всех и вся грабили и убивали... Сама Маруся была за атамана: «Маруська-атаман!..» Про эту шайку многие знали. Она прославилась жестокостью совершавшихся ею преступлений...

Сестры жалуются, что от солдат нет проходу. Как только увидят сестру милосердия кричат: — «Папиросы, спички! Гоп, сестрички». Или: — «Эй офицерская четвертак!»... Вчера в общежитии отравилась сестра, недавно вернувшаяся с фронта. Не вынесла оскорблений и обид от тех, за которыми три года без устали ухаживала.

Турки прошли через Джульфу и осадили Баку!.. Никто не знает, сколько в Баку есть русских войск и смогут ли русские выдержать турецкий напор... Местные татары, повидимому с турками заодно... С острова Наргена местные татары выпустили всех пленных... Везде предательство и измена... С русскими теперь никто не желает больше считаться.

В городе ходят тысячи голодных боевых офицеров. И никто не знает, что им делать!.. Но и никто из них не хочет больше воевать... В Штабе фронта теперь начали выдавать всем офицерам по несколько рублей, чтобы спасти их от голода. А грузинское правительство всячески старается помешать этому и требует от Штаба, чтобы все остатки русских миллионов были переданы ему. Пока Штаб просто не отвечает грузинскому правительству, а только торопится раздать эти деньги офицерам, которые, конечно, имеют полное на них право. Многие из них остались ведь с семьями без копейки денег и в буквальном смысле слова голодают...

Тогда комендант города Тифлиса (вроде Маруси-атамана) сделал ночью налет на Штаб и ограбил его кассу. Увезли все медали и кресты — несколько пудов. К счастью, в Штабе предвидели и такую возможность и суммы передали на хранение в Коммерческий банк, который расходовал их по ордерам и чекам Штаба фронта. Только благодаря этому удалось спасти от катастрофы и голода и войсковые части и отдельных членов их (солдат и офицеров). За сравнительно короткое время было выдано около двадцати миллионов рублей. Из этого порядка было сделано исключение только для трех лиц: для командующего, его начальника Штаба генерала Левандовского и генерала Лебединского, которые не получили ничего. Сделано это было исключительно по их личному заявлению, что они не считают себя вправе воспользоваться льготой, установление которой было сделано их властью, а не существующими законами.

Как-то совершенно неожиданно влетает ко мне Маруся и кричит: — Нашли доктора Бакина... — Она рассказала мне, что

он пропал неделю тому назад. Сколько ни искали его — нигде не могли найти... А сегодня случайно кто-то нашел его за городом, в лесном овраге, раздетым до нага и повешенным за ноги... Все думают, что это сделали солдаты! Труп так разложился, что даже жена с трудом опознала его...

— Бедный доктор!.. В такую жару висел и мучился пока не умер!.. Звери! Вот бы поймать убийц и так же бы повесить! — Маруся скосила глаза куда-то в сторону и, казалось, видела убийцу! Ноздри ее крошечного носика раздувались от гнева...

— Софья Мефодиевна знает об этом? — спросила я Марусю...

— Не знаю! — И добавила: — Терпеть ее не могу. И никогда не разговариваю с ней.

Маруся ушла, а я пошла к Софье Мефодиевне. Она жила в общежитии для врачей и очень обрадовалась увидев меня. Мне показалось, что она не была ни грустной, ни печальной... Я осторожно стала говорить, что доктора Бакина не могут нигде найти, но она перебила меня:

— Уже нашли. В лесу, за городом, повешенным... Мне недавно позвонили. Ужасно! С ним расправились по-зверски. Ужасно!.. И преступников не нашли... Я с ним давно разошлась, но меня эта смерть приводит в ужас. Мне жаль его... У меня новый друг есть. Помните, молодого врача в Грузинском полку?

Я вспомнила его, но не могу себе представить их вместе: тот молодой, красивый и, как всякий грузин, беспечный, веселый. А Соня? Не молодая, некрасивая, нос утиный, глаза маленькие, в пенснэ... Тело некрасивое, почти не женственное, губы тряпочками, короткие, около самых десен зубы... Ну, да Бог с ними...

Это лето все тифлиссцы жарятся в городе. Никто не поехал на дачу. Все боятся нападений и грабежей... Наконец-то, дошли и до Тифлиса слухи, что туркам не удалось захватить Баку! Сначала местное русское население приготовилось защищать его: вокруг города были наскоро вырыты окопы; их заняли дружины вооруженных жителей, а вскоре подошли из Петровска регулярные войска и оборона была налажена более серьезно. Говорили, что вся авантюра была затеяна лично Энвер-пашой и не встретила сочувствия турецкого командования. Когда русские войска стали стягиваться против него на Северном Кавказе и в Закавказье, то Энвер-паша осаду Баку снял и турки ушли. А город стал чиниться и хоронить убитых... Турки и их союзники-татары побывали только в верхней части города и исключительно в самой богатой армянской части его. Три дня продолжалось избиение, главным образом, армянского населения, пока не подошли из Петровска русские войска. Никто не мог с точностью сказать, кто

осаждал город Баку! Одни говорили, что турки с елизаветпольскими татарами, другие, что это были одни только местные татары, а командовали ими, выпущенные с острова Наргена, пленные турки... Участники обороны Баку видели и «турок и татар». Наступление их шло со стороны Бибиэбата, через старое кладбище. Вся горная часть города от старого кладбища до городского сада была перерыта окопами и каждая улица была забаррикадирована. Чтобы пройти на какую-нибудь из улиц позади баррикад нужно было иметь разрешение командующего обороной. Часто жители больших домов выходили на улицу без разрешения и попадали в неприятное положение, — их не пускали обратно через линию окопов домой.

Сахар выдают один фунт в месяц, а чтобы получить его приходится стоять в очереди три, четыре часа. Чаю совсем нет. Хлеб стал немного лучше, чем был зимой, но паек всё такой же, — один фунт в сутки на человека. На базаре появились некоторые продукты питания: молодой картофель и даже свежие яйца, но крестьяне не продают на деньги, а обменивают на вещи — обувь, платье и белье.

Как только узнала, что дорога открыта и поезда в Баку ходят регулярно, решила ехать. Писала Нине, чтобы она выслала мне кое-что из вещей. Но она ответила, что это напрасный труд: всё равно в дороге всё пропадет и я ничего не получу!.. Я спросила на вокзале, но и там никто ничего не может сказать с уверенностью и не ручаются, что я получу то, что мне пошлют. Решила ехать сама. Но и это оказалось гораздо труднее осуществить, чем я думала!.. В прошлом году, когда я уезжала в Абастуман, мне и в голову не приходило, что наш Кавказ может разделиться на несколько государств... Поэтому я, как и раньше, собрала вещи и поехала на вокзал. Там пошла к кассе и спросила билет в Баку...

— Мы не продаем билетов в Азербейджан! Обратитесь на городскую станцию! — Поехала туда...

— Ваш паспорт! — спросил чиновник.

— Какой паспорт? Я ведь еду в Баку, — домой!!..

Никто и слушать ничего не хочет... Сначала я совершенно растерялась... Среди публики нашлись, однако, любезные люди, которые объяснили мне, что Баку — уже не Баку только, а целая столица независимого государства «Азербейджана». Объяснили мне всё и сказали, что консульство находится на ули-

це Петра Великого. Приехала туда... Там уже очередь желающих попасть «заграницу» и не уверенных где ее найти... Стала в «хвост» и я и, наконец, очередь дошла и до меня... За столом, заваленным бумагами чуть не до потолка, сидел чиновник в маленькой татарской шапочке на голове. Он долго допрашивал меня (хорошо еще, что на русском языке) и долго вертел в руках мой паспорт, не уверенный, очевидно, что с ним делать... После подробного допроса, чуть ли не до третьего колена включительно, — кто мой отец, мать, бабушка и мой муж, куда и для какой надобности я еду, — он уже не знал, что еще спросить у меня и я получила, наконец, разрешение на «въезд» в Баку и на право покупки билета. Так прошел весь день и в этот день я уже опоздала на поезд. На другой день я уверенно ехала на вокзал. Купила билет, села в вагон 2-го класса и поехала... Через шесть часов поезд остановился. — «Граница»... Выходите с вещами! — сказал не то кондуктор, не то солдат... Все вышли, поставили вещи прямо на перрон и раскрыли чемоданы, корзинки и узелки... То ли еще не было опытности или просто было стыдно играть в «таможенников», но почти никакого осмотра не было... Прошли мимо какие-то солдаты и чиновники, сказали, что наш поезд на Елизаветполь стоит впереди и мы пошли туда. Новый поезд состоял только из вагонов третьего класса и я очутилась на скамейке, где сидело пять человек! Рядом со мной сидел какой-то молодой армянин; в руках у него было три куска душистого мыла, которые он всё время вертел, не зная, что с ними делать...

Поезд вскоре тронулся. Не прошло, однако, и одного часа, как он снова замедляет ход, хотя не было видно никакой станции... Пассажиры заволновались и по вагону пронеслось тревожное восклицание: — Татары! Татары! — Поезд остановился... В наш вагон с обоих концов быстро стали входить вооруженные татары-солдаты. На них были русские солдатские шинели; на головах татарские папахи; в руках винтовки; через плечо патронные ленты. На одном была стеганная куртка нараспашку, а под ней офицерская тужурка. Под тужуркой красная рубаха с растегнутым воротом. Не успела я разглядеть как следует это новое войско, как мой сосед-армянин вдруг сунул мне в руки три куска мыла, бухнулся мне под ноги и заполз под скамейку... Это произошло так быстро, что я ничего не поняла и смотрела на куски мыла, не зная что мне с ними делать... Татары остановились около меня.

— Есть здесь армянин? — услышала я вопрос и увидела совершенно зверское лицо, смотревшее на меня и на мои руки, в которых всё еще были куски мыла.

— Говори правду, есть тут армянин? — Но зловещую тишину нарушили все пассажиры вагона сразу: — Нет! Нету ни одного!.. — Татарин стал открывать стоявшие на полках корзинки. В первой же нашел револьвер; он сунул его себе за пазуху и продолжал делать обыск. Они обменялись несколькими словами и вышли из вагона. Наступила подавляющая тишина... Никто не произнес ни одного слова. Через несколько минут мой сосед молча толкнул меня в бок и головой показал на окно. Я увидела там троих вооруженных солдат-татар, которые только что вышли из нашего вагона; они вели троих мужчин. Двое шли молча, а третий всё поворачивался и что-то говорил татарам. Те только подталкивали несчастного в спину... Как только эта группа зашла за бугор, раздались несколько выстрелов... Через несколько минут татары вернулись в наш вагон. Они еще раз осмотрели и на ходу спрыгнули с поезда... Поезд стал прибавлять ход и через полчаса подошел к станции Елизаветполь. Только после того, как татары спрыгнули с поезда, армянин выполз из-под скамейки...

— Ты, брат, счастливый! Остался жив! А вон троих убили, — сказал мой сосед. Армянин молчал... Я ему сунула в руки его три куска мыла. Он не обратил на них никакого внимания... Всё стоял молча, глядя в пол...

— Куда ты едешь? Ведь убьют тебя! — сказал сосед.

— Семья живет в Елизаветполе. Я не имею от них известий. Не знаю живы ли они? — Вдруг он повернулся к полке и заглянул в корзинку, из которой татары взяли револьвер. — Взяли! — почти простонал он...

— А ты лучше скажи спасибо, что пистолет взяли, а не тебя... Хуже было бы тогда...

Поезд замедлил ход и остановился. Кто-то на платформе закричал: — Поезд дальше не пойдет! Выходите все! — Наступили уже сумерки, когда мы вышли на вокзал и, как запуганное стадо, все вместе сели в самый дальний угол зала.

— Поезд на Баку пойдет завтра в десять часов! — объявил какой-то оборванец. Все стали спрашивать друг друга, кто едет в Баку. Таких нас оказалось человек двадцать.

— Вы видели, господа, как убивают беззащитных людей? — спрашивал фармацевт из Караклиса, ехавший с беременной женой и с белых петухом, которого он не хотел оставить в Караклисе потому, что петух был ручной. И другие, всё еще взволнованные пережитым, стали делиться впечатлениями.

— Какая жуткая стала жизнь! Хватают людей и ведут убивать без суда и следствия... Никто не может заступиться. Свобода для насильников и убийц... Для мирных людей нет защиты.

Нет права даже на жизнь, — сказал старик... Все продолжали говорить о виденном в вагоне, взволнованные и подавленные чувством своего бессилия...

И вдруг, точно в ответ на эти разговоры, в зал вокзала вошла новая группа вооруженных татар под предводительством человека с наганом в руке и с двумя револьверами в кобурах на поясе. Эта новая шайка шла прямо на нас... Когда они подошли, предводитель, помахивая наганом, спросил:

— Кто из вас распространяет ложные и злостные слухи, что в поезде было убито несколько армян?!

Наступила гробовая тишина... Я не смотрела на убийц. Слишком было шутко. Их лица были страшнее смерти... Их глаза, острые, как сталь, были холодны, как лед... Я посмотрела на моих спутников и видела, как живые люди становились живыми покойниками... Глаза стали мертво-печальные; губы побелели; по лицу пробегали какие-то тени; пальцы что-то как будто искали...

— Кто говорил? — снова спросил начальник. И вдруг из-за наших спин раздался голос: — Вот он! — Мы все оглянулись и увидели, что за диваном, на котором мы сидели, стоял молодой армянин и показывал пальцем на фармацевта... В углу за диваном сидела молодая чета, на которую мы не обратили внимания... Эта новобрачная пара ехала в Тифлис, предварительно, конечно, заручившись гарантией татарского правительства, что они доедут до Тифлиса благополучно. И вдруг слышат, что несколько человек были сняты с поезда и тут же, на глазах у пассажиров, убиты. Услышав наш разговор об этом, армянин пошел к коменданту и привел с собой эту банду. Татарин-комендант тыкал нагайкой чуть ли не в самый нос фармацевту и говорил: — Татары и армяне теперь «брат, брат», — и при этом тер палец одной руки о палец другой, наглядно этим показывая какие они теперь братья. — Вот какой мы «брат»!! — Но армянин не мог так легко поверить. В душе его оставались сомнения и страх за себя и за свою молодую жену.

— Я не могу ехать с женой без «гарантии»! — сказал он коменданту.

— Послушайте! Почему вы должны верить им, а не мне, — показал он на нас своим хлыстом и вдруг свирепо зарычал: — Я вас прикажу сейчас же всех повесить, вот тут, на вокзальной площади!..

Молчавшие до сих пор пассажиры вдруг заговорили все сразу: — Нет! Это правда! Мы все видели, как вывели из вагона троих и сейчас же расстреляли их. — Наступило тяжелое молчание...

— Хорошо, я расследую это заявление... Если оно окажется ложью, то повешу всех без всяких разговоров!..

Комендант ушел... Жене фармацевта стало дурно. Потом начались схватки и несчастный муж метался по комнате и не знал что делать. Только белый петух спокойно сидел в своей плетеной клетке-корзинке и дремал... Впоследствии, встретив еще раз фармацевта, я узнала, что петух вез в зобу их бриллианты.

— Что же мне делать?! — обращался ко всем нам фармацевт. — Пускай меня повесят, но она не виновата!!.. Не может же она разрешиться здесь, вот тут на диване, при всех!..

— Пойдите к этому коменданту и попросите, чтобы ее отправили в больницу, — советовали пассажиры. Он пошел. Но двери оказались запертыми. Пошел к другим, которые выходили на вокзальную площадь, но и они были заперты. Таким образом, мы оказались арестованными... Фармацевт вернулся к дивану и сел на пол около жены. Оба они еще были молодые. Ребенок, который должен был родиться, был их первый ребенок. Он стал рассказывать, как хорошо им жилось в Караклисе, где он имел аптеку. Но они боялись родов и поэтому поехали в Баку, где у него жил брат и где есть врачи. Он просидел всю ночь, прислушиваясь к малейшему движению жены... Но она лежала не шевелясь и не жалуясь на боли...

Татары ночью не вернулись нас вешать... Жена фармацевта проспала всю ночь и не родила. Когда рассвело открылась дверь в зал, вошли четверо вооруженных татар и погнали нас всех, кроме жены фармацевта, в город, который был от вокзала в семи верстах! Теплое солнце только что поднялось и освещало всё мягким и теплым светом. Все были очень рады очутиться на свежем воздухе... Когда мы проходили мимо базара, который уже был полон народа, нам не позволили ничего купить и не позволили ни с кем разговаривать, точно мы были страшные преступники...

В бывшей канцелярии губернатора нас допросили, проверили наши паспорта и, не дав отдохнуть, погнали обратно на станцию. Там мы взяли наши вещи и под тем же конвоем нас посадили в вагоны. Поезд тронулся... Все вздохнули с облегчением. Многие и перекрестились... Чем дальше позади оставался Елизаветполь, тем поезд шел быстрее и мы, наконец, доехали до Баку без новых приключений. Фармацевт с женой и петухом сидели со мной в одном вагоне. И что было очень странно, это то, что жена фармацевта, видимо, совсем забыла, что собиралась рожать! — Доеду до Баку, там и буду рожать! — сказала она, когда я ей напомнила про вчерашние схватки.

Вот и опять, родной бакинский вокзал. И всё такой же. Только грязь всюду и запустение... Впрочем, чего же удивляться? Здесь ведь была война и город был осажден неприятелем. Теперь вот опять почистится и заблестит попрежнему! Вероятно, и на улицах тоже полный хаос...

Я взяла чемоданчик и пошла пешком домой. Денег у меня было мало и цен новых я не знала. Сколько теперь возьмет фаэтон до нашего дома? Боюсь и спросить... Однако, когда я вышла на площадь перед вокзалом, то никаких перемен там найти не могла. Как и всегда, около подъезда стояла линия фаэтонов и даже автомобилей. Как и раньше, они сами предлагали пассажирам свои услуги, но я отказалась и пошла пешком, — всего ведь только два квартала до дома. Смотрю кругом, но ничего необычного не вижу! Нигде нет ни воронок от снарядов, ни разрушенных домов, ни поваленных телефонных столбов. Всё на месте. Всё цело и в порядке... Завернула за угол на нашу Биржевую улицу и прежде всего увидела наш дом. Цел и он! Но в самом доме многое изменилось. Дети все очень похудели. И у Нины лицо совсем другое: — исчезла та привычная самоуверенность и сознание своего превосходства над окружающим...

— Мы здесь не меньше пережили, чем ты во время войны. Натерпелись... У нас ведь тоже вроде Сарыкамыша было, когда турки осадили город. Наш дом в двух местах ранен снарядом... А главное, — нечего было есть. Дети чуть не умерли... Татары не пропускали в город ничего из продуктов. Выдавали всем пшеницу в зерне, а вместо сахара — кишмиш. Мы пшеницу сначала мочили, а потом варили. Она от этого сильно разбухала и становилась почти мягкая. Но и животы тоже от нее разбухали и становились твердыми, как камень. Дети как поедят ее — так и лежат без памяти... Последнее время перед бегством из Баку дети уже почти не могли ходить. Я думала, что они все умрут. Опухли... Кожа стала белая, прозрачная. Мара и Леля лежали, большею частью в полусознании. А Надя и Таня были покрепче и почти всё время просили есть. И в такое отчаяние они привели меня, что я решила пойти к отцу, попросить у него муки и самой испечь хлеб. Я у него перед этим год не была. Но тут, ради детей решила пойти. Пришла... Но только я заговорила о муке, как они оба набросились на меня: «Ага! вспомнила про отца, когда нужно что нибудь! А где же твои поклонники?! Почему ты у них не просишь?! Они то наверно имеют в запасе, что нужно... А почему у тебя нет ничего?! Когда все люди хлопотали и собирали запасы, ты веселилась! А теперь, когда есть нечего ты пришла ко мне отнимать последнее!!..» Я ушла, не ответив ни-

чего... Вскоре все улицы в верхней части города перерыли окопами и перегородили баррикадами. Всех, и старых, и молодых, погнали на оборону. И я больше не видела никого из наших до бегства из Баку...

— Ну, а разве у Бакланова тоже самое было? Ведь у него тоже дети?

— Не знаю... Вероятно, у него всё было. Но я к ним не обращалась... Он зарабатывал огромные деньги и имел, конечно, всё...

— Что делал Яша?

— Он устроился санитаром: переносил раненых. Ваньку забрали тоже. И еще некоторых знакомых. Но многие откупились, — нанимали за себя.

— Как это возможно нанимать за себя?

— А вот делали!.. Поймают каких нибудь мальчишек, окопы-то ведь тут же, в городе на улицах. Мальчишки всё равно всё время тут. Им интересно быть со взрослыми. Ну, их и просят то воду принести для питья, или патроны, или сходить за папиросами. Эти мальчишки много помогли! Их посылали даже в разведку к неприятелю!.. Ты знаешь сына нашего квартиранта Зибермана, — Жоржика? Все говорят, что он заслужил Георгиевский крест своим геройским поведением. Его много раз посылали в разведку в самые опасные места. Таких мальчишек около окопов было сотни. Они все поручения исполняли моментально. Бывало и так даже, что говорят: «Послушайте, ребята! Посидите за меня в окопе. Я схожу к доктору. Живот у меня болит. На вот тебе деньги и мою винтовку. А если турки покажутся, так ты ведь стрелять можешь?» Эти маленькие герои страшно были польщены, что им взрослые доверяют такую важную вещь! Но от денег отказывались и даже обижались. «На что мне деньги! Я и даром буду стрелять в турка! Только оставьте побольше патронов!» Иногда взрослые уйдут и забудут про детей... А когда вернутся то «защитники» не раз бывали убиты или ранены. Несчастные армяне дрались до последнего. Когда же турки и татары ворвались в верхнюю часть города, то первым делом они стали резать армянское население... Когда положение стало совсем критическим и турки заняли почти всю верхнюю часть города, всюду на стенах были расклеены объявления: «Если придется оставить город, то населению дадут знать об этом сиренами с пароходов. Всем будет указано по районам, кому, к каким пристаням уходить...» Но, когда турки стали стрелять по городу из пушек, то жители, не ожидая сигнала сирен, сами пошли к пристаням, кто куда хотел... Я страшно волновалась и чувствовала, что происходит что-то жуткое, но спросить было не

у кого... Поэтому мы с Дашей одели детей, взяли на руки — она Мару, а я — Лелю и пошли на пристань. Надя и Таня шли, держась за наши платья. От нас до пристани было недалеко. Но Надя и Таня едва шли от слабости... Еще издали мы увидели на улицах сплошную толпу. У всех узлы, мешки и дети всех возрастов. Вся эта людская масса текла к пристаням, как и мы... Когда же мы подошли ближе, то увидали, что стоящий у пристани пароход был совершенно переполнен людьми... Но новые толпы точно не видели этого и, не останавливаясь, всё шли и шли прямо по сходням на пароход, смешиваясь с чужими людьми, теряя своих детей и близких... От плача и крика стоял жуткий гул. Напуганная этой жуткой картиной, я хотела вернуться на берег... Но толпа захватила нас и несла вперед. Мы очутились на пароходе... На нем уже не было места даже стоять. Он был так переполнен, что боялись, что он потонет. К счастью, кто-то распорядился, чтобы пароход отошел от пристани. Какая-то армянская семья разделилась в толпе. Часть ее уже была на пароходе, а часть на пристани. Муж с маленьким мальчиком и с узлом, оставшись на пристани, когда пароход стал отходить, пытался прыгнуть на него, но не допрыгнул и упал в воду. У всех вырвался крик ужаса! Жена, к счастью, не видела этого... Меня охватил такой ужас, что я стала кричать: пустите меня на берег... Но пароход отошел и стал удаляться от пристани. Плач детей привел меня в чувство. Все четверо плакали и что-нибудь просили... «Мама, я хочу в уборную», говорит Леля. «Мама, я устала стоять», плачет Надя. А места нигде ни одного вершка. К уборной не протолкнешься. Около самой уборной очередь больше, чем за хлебом... Мара просит пить. Даша пошла с ней искать воду, но вернулась не получив ни капли. Около бочек стояли люди в очереди, а скоро выяснилось, что питьевой воды не хватает. Жара стояла безумная... Потом воду выдавали только детям, да и то очень понемногу... В последний день перед Петровском совсем не было воды. Прямо жутко и вспомнить, что там было... Если бы я хоть что-нибудь подобное могла предвидеть, ни за что не ушла бы из дома. Пускай бы лучше убили турки в доме, чем перетерпеть такие муки. Да! Вот когда мы все вспомнили Бога!!.. На этом же пароходе ехали многие из знакомых и даже доктор Мартынов, но никто почти не видел друг друга в этой бурлящей толпе... Когда пароход отошел достаточно далеко от Баку, матросы стали наводить порядок. Нашли и нам место: для шестерых дали около двух аршин. Мы все сели прямо на пол. Дети положили головы ко мне на колени и лежали как мертвые. Так мы просидели до самого Петровска... Самое ужасное было водить детей в уборную... Я не могла, — меня тош-

нило. Водила Даша. Фактически никакой уборной уже не было... Она была загажена, даже войти в нее было нельзя. Двери не закрывались; женщины и дети исполняли свои естественные потребности прямо около уборной. Больше суток мы ехали в этом аду... Наконец, пароход пришел в Петровск, но городские власти нас, без карантина, на берег не пускали... Тогда люди, доведенные до отчаяния, стали прыгать прямо в воду... Говорят — «всё равно тут все помрем». На пароходе было уже несколько смертей... Наконец, разрешили и нас выпустили на берег. Пристани и ближайшие улицы были уже полны беженцами, уехавшими из Баку раньше... Мы с Дашей сразу же пошли дальше от набережной и стали искать квартиру или хотя бы комнату, но всюду было уже полно... Наконец, нашли какой-то пустой сарайчик. В нем не было ничего, что можно было бы назвать мебелью. Но пол был деревянный и это уже было хорошо. Пустая бочка в углу никому не мешала, но могла послужить как стол. Устроиться можно было не плохо... Я пошла к хозяйке сарайчика и спросила, может ли она продать мне подушки, одеяла и тюфяки. Вот, ты всегда пеклась о людях, а я нет. И я скажу, что я права. Люди вообще жестоки и вообще они не имеют никакой жалости к «ближним». Наоборот, — при всяком удобном случае наровят содрать с ближнего и с дальнего всё, что только возможно! За этот сарайчик моя хозяйка брала с меня, как за хорошую комнату в гостинице. Мы спали на полу, а за постель я платила отдельно. А когда мы уезжали я всё ей же оставила... Вот тебе и любовь к «ближнему»! Драла она с меня в тридорога за всё! Мы пользовались ее кухней, — она брала за «огонь» особую плату. Когда мы грели воду, чтобы выкупать детей, она опять брала деньги за «горячую воду»... У хозяйки был муж рыбак. Он нам всегда продавал свежую рыбу. И я знаю наверное, что он брал за свою рыбу дороже, чем на базаре. Мы, беженцы, бросившие дом и имущество и кое-как сохранившие только жизнь... Но что им за дело до нас?! Это наша беда, а не их!.. Первые две недели город был переполнен беженцами. Ничего нельзя было достать, — ни хлеба, ни мяса, ни масла. В городе не было решительно ничего! Даже касторовое масло в аптеках всё раскупили. Я встретила на улице доктора Мартынова. Он мне сказал, что многие покупали касторовое масло для еды. Клали его в кашу, жарили на нем рыбу и картошку. Через две недели, городские власти стали выселять беженцев из города и размещать их по окрестным деревням и селам. До этого же все жили лагерем на площадях и улицах... Пищу варили на кострах прямо тут же где жили... Обратно мы ехали с бо́льшим комфортом... И как мы все были рады вернуться, наконец, опять

домой. К счастью, наш дом не подвергся разграблению. Турки не успели дойти до нашего района. Тысячи армян были убиты. Многие дома и сейчас стоят с заколоченными окнами и дверями... Когда турки ушли из города — трупы собирали, вывозили за город и сжигали их там, поливая нефтью.

Через несколько дней мне рассказали, что доктора Захарьяна нашли в его квартире убитым. В другой комнате была убита его жена. Много и других видных армян погибло во время нашествия турок на Баку...

Уложила в ящики всю медицинскую библиотеку мужа и отправила ее в Тифлис. В Тифлисе в это время открывался университет. Учебников не было, а нужны они были очень. Я решила все книги и учебники мужа пожертвовать туда. Давно как-то муж говорил, что если он умрет, то все его книги отправить в Казанский университет. Теперь этого сделать нельзя, дороги закрыты. Но в Тифлисе только что открылся медицинский факультет и в учебниках там большая нужда...

— Ты что, опять поедешь в Тифлис? — спросила меня Нина.

— Придется! Ведь я там оставила вещи. Да вот посылаю Ванины книги; их нужно отдать в университет...

— Возвращайся скорее! Здесь мы всё-же все вместе. Да и с едой стало лучше. Говорят, что немцы отпускают пленных. Значит нужно ждать Алексея, — с грустью сказала она.

Только я собралась идти к Ивану Яковлевичу, чтобы повидаться перед отъездом, вдруг раздался звонок и в комнату вошла Соня... Дрожащим голосом она сказала: — Папу только что арестовали и увезли куда-то! Власть в городе в руках татар. Ему предъявили какое-то очень страшное обвинение, за которое ему грозит расстрел. Нужно немедленно ехать в полицию и узнать где папа...

Это правда странно, за что его могли арестовать. Он политикой никогда не занимался. Разве только выругает кого нибудь «татарской мордой», — вот и всё. Но за это не расстреливают. Но всё же за что-то его арестовали...

— Неужели ты ничего не слышала, что говорили полицейские? — допрашивали мы Соню...

— Его арестовали не полицейские, а солдаты-татары. Они сказали, что папа снял телефонную проволоку, которая соединяла казармы и канцелярию правительства, за что полагается

высшее наказание! Понимаешь, — папе грозит расстрел! Или его повесят, как преступника...

— Что делать?... Яша посоветуй! Ведь ты мужчина и больше в этом понимаешь, — сказала Нина.

Но ответ Яши был похож на него самого. — Я в такое грязное дело вмешиваться не стану! Его всё равно повесят, а на меня может упасть подозрение в соучастии! И меня тогда тоже засадят! С татарами шутки плохи... Я и тебе не советовал бы ходить туда. Ты можешь навлечь подозрения на себя и на всех нас. Я скажу тебе, что татары зря не пришли бы к твоему отцу, если бы у них не было доказательств...

— Что ты хочешь этим сказать? Что папа снял проволоку ради «саботажа»?..

— Я не знаю, ради чего. Но я подозреваю, что это именно он снял эту проволоку...

— Это верно! Он ее снял. И при обыске ее нашли в подвале. Я ее сама видела там, — она была смотана в большой круг.

— Поедем Нина! И расспросим какое наказание ждет за это, — сказала Соня.

— А, куда же мы поедем?

— В полицию.

Они уехали.

Когда Нина вернулась ее узнать нельзя было... Она сразу как-то состарилась...

— Проклятые!.. За власть свою боятся! Всюду врагов видят! По русски уже разучились говорить! Где только мы не были.. Ведь делают вид, что это их не касается и что они ничего не знают. И в полиции и в тюрьме... Нигде его нет! Один старый тюремный сторож нам сказал, чтобы мы поехали в комендантское управление: «Не иначе, как при ём содержат, раз большой преступник»... Приезжаем туда. Нас заставили ждать в приемной; записали наши фамилии. Потом пригласили к дежурному. Входим, и я вижу нашего бывшего офицера Сальянского полка... Ну, думаю, повезло! Он — то уж поможет мне и разыщет отца... Здороваюсь с ним... А он; «Как ваша фамилия?» Сам сидит, а мы с Соней стоим! Мне так хотелось запустить чем нибудь в его татарскую голову... Может быть пришел бы в себя и узнал бы меня. Но я сдержалась, сказала фамилию и объяснила, что арестовали моего отца и увезли куда-то, и что я хочу знать где он и хочу его видеть...

— Я вас об этом не спрашивал. Мне нет дела, что вы хотите... Потрудитесь только отвечать на мои вопросы! — И стал меня спрашивать где я живу, чем занимаюсь и кем мне приходится арестованный... Проклятые.. Проклятые! Пусть кто

угодно приходит сюда и занимает Баку, только не эти... Мучил он нас, мучил часа два!.. Все допрашивал. Наконец сказал, что папа содержится при комендантском управлении. И когда его допросят, то переведут в тюрьму...

Нина плакала и вся дрожала... Я согрела горячей воды, налила в пузырь и приложила к ея ногам.

— Никогда я так не жалела папу, как сейчас! И никогда, я так его не любила как теперь люблю. Бедный мой папа! — сквозь рыдания говорила она... — Ходил себе дома... Ругался... всё берег, все приберегал и копил... И я была спокойна за него... А теперь где он! Что с ним!.. Может быть голодный сидит, старик!.. Какое несчастие... Я видела Марию Яковлевну. Она рассказала мне, что папа действительно снял проволоку, которая проходила по крыше. Но он наверное думал, что она брошена и никуда не ведет... Он боялся за свою крышу. Чтобы не попортило ее...

Через две недели, Нина добилась свидания с отцом. Он был уже переведен в тюрьму... Он встретил Нину таким же бодрым, как всегда.

— Не плачь, Нина! Лучше слушай меня! — сказал он ей. — Здесь живут люди хорошие. Но, эти негодяи морят их голодом... И мне здесь всегда есть хочется! Так ты слушай! Поезжай домой и скажи Марии Яковлевне, чтобы она дала тебе пшено, которое в кухне на шкапу. Да кусок свиной копченой грудинки... Да луку побольше! Да керосинку, ту черную. Она большая, хотя и коптит. Здесь всё сойдет! и керосину не забудь... Всё это передашь дежурному. Тебя не пустят ко мне. Часто нельзя... Я буду варить похлебку! Сам поем, да и других подкормлю! Здесь люди так отощали, что ходить не могут... И мрет же здесь народ! И от тифа; и от голода... Ни докторов, ни лекарств нет! Заболеют и помирают без всякой помощи. И как только умрет, придут не то солдаты, не то сторожа, подхватят за руки и за ноги и вытащат куда-то... Говорят, что тут же за тюремной оградой и закопают. Вот еще вошь заедает нас совсем! Вши и клопы — прямо матерые волки! Хоть из ружья по ним стреляй!.. Ну, ступай, Нина, да по мне пока не плачьте, — здесь тоже ведь живут люди... Ну и я поживу. Да, я думаю, меня скоро выпустят отсюда...

Прошло еще две недели... То Нина, то Сонин муж возили в тюрьму разные съестные припасы для отца. Он обзавелся там полным хозяйством. Сам ел и других кормил... Но его всё не выпускали, не допрашивали и не судили... Точно и забыли о нем... Наконец, Нина получила от него письмо: «Меня

могут выпустить. Нужно внести залог». Нина поехала к начальнику и спросила, сколько нужно залога.

— Знаете, г-жа Семина, это только для вас мы делаем снисхождение. Обычно таких арестованных мы не выпускаем без суда. Но мы знаем, что он старый человек, а в тюрьме тиф!.. Он может каждую минуту заболеть и умереть... Вы люди богатые и, конечно, для вас деньги не играют большой роли... Его мы не можем выпустить под залог меньше, чем в сто тысяч рублей!.. И знайте! Суда может не быть целый год, а то и больше... Выпущенный на поруки ваш отец будет жить нормальной жизнью, на свободе. А в тюрьме он может и не выживет.

— Таких денег нет ни у меня, ни у моего отца, — сказала Нина и ушла...

Это подействовало! Скоро ее опять вызвали и цену сбавили... Нина, однако, сначала посоветовалась с адвокатом, который прямо ей сказал, что всё это самый откровенный шантаж.

— Конечно, если они захотят, то могут вашего отца просто завтра же расстрелять, или повесить... Но проще всего для них выпустить его на свободу! Они давно сделали бы это, если бы не знали, что и у вас и у вашего отца есть деньги. Они просто на просто хотят получить с вас взятку, под видом залога...

Нина добилась свидания с отцом и всё ему рассказала...

— Ни копейки не давай!! Негодяи! Сто тысяч хотят содрать за паршивую проволоку, которой вся-то цена пятьдесят копеек! Буду сидеть здесь хоть сто лет! И ничего они не получат!.. Ты вот лучше привези мне еще бочёк копченый! Да луку, а если достанешь, — то и чесноку бы хорошо! Вошь не любит его. И от тифа помогает тоже!

Как-то вечером пришли Мартыновы. Доктор рассказывал прямо ужасные вещи...

— Знаете, — есть лазареты, где весь персонал болен сыпняком!.. И больные и персонал лежат беспомощные... Разве случайно кто зайдет и даст пить. Тина Дмитриевна! Оставайтесь здесь и работайте! В любом госпитале, или лазарете. Всюду будете спасительницей!.. Я сам работаю в лазарете и у меня на руках больше трехсот больных. А помощников, — три сестры, да пять санитаров!.. И это еще хорошо! У других врачей и совсем нет сестер!.. В каждом доме есть тифозные... У кого есть деньги, те, если найдут, нанимают сестру милосердия и платят ей хорошие деньги... Конечно, к чёрту тифозных больных! Если вы не переболели сами тифом, то через две недели всё равно заболеете!.. И чего вам этот Тифлис дался?

Зазнобу завели, что-ли?.. Так бросьте Тифлисского! Здесь своих сколько угодно! И не уезжайте отсюда!.. Скучно жить... До отчаяния скучно...

— Что вы, Сашенька?! О чем скучать? Времена-то какие веселые! Куда ни посмотришь... всюду радость, всюду смех! — сказала Нина.

Доктор Мартынов сидел между мной и Ниной и обеих нас обнимал за талии... Против нас сидела Катюша и новый квартирант Мартыновых, которого доктор привез с Персидского фронта, — офицер, блондин с голубыми глазами и с очень мягким грудным голосом... Катюша украдкой бросала на него взгляды, когда он не смотрел на нее. Сашенька ничего не замечал. Сел на пол у моих ног и просил — Пойте, Тиночка! Скучно жить...

Только что прошла гроза; едва миновала опасность... И люди опять живут сегодняшним днем, данной минутой... Последние две недели мы часто бывали друг у друга, — то Мартыновы у нас, — то мы у них. Как только соберемся, — сейчас же выпивка, пение... Лишь бы забыться хоть не на долго. Настоящей жизни нет ни у кого...

О Добровольческой армии стеснялись и избегали говорить... Из всей компании только один Иван Иванович больше всех говорил и всегда беспокоился о чем-то... Этот армянин, — русский патриот, собирал деньги и вещи и с риском для собственной жизни пересылал всё на лодке по морю в Петровск для Добровольческой армии. Теперь и он стал осторожен и к русским больше не приставал с просьбами... А давно ли, чуть не со слезами говорил, что жить можно только с русскими!.. Тогда от него все только отмахивались: — Ну его! Надоело! — И старались, как можно скорее отдохнуть за выпивкой...

Татары и армяне до сих пор сводят счеты, между собой. Каждый день перестрелка и есть убитые с той и с другой стороны...

Пришла знакомая барышня. Она смахивает больше на молодого парня, — курит, стриженная! Юбка чуть ли не выше колен, страстно любит целоваться с женщинами и говорить только о коммунистах! — Нужно немедленно всем русским записаться в коммунистическую партию и помочь им занять город. Только с коммунистами мы, русские, и можем жить здесь! Иначе татары захватят всё и русских выгонят с Кавказа. — Но ее тоже никто не слушал серьезно, и никто не записывался в коммунистическую партию.

Яша хвастался, что собрал коллекцию монет, браслет и нательных крестов... Монеты служили убитым армянским женщинам украшением (головным), а кресты может тоже с убитых?..

Все готово! Собираюсь уезжать обратно в Тифлис. Деньги перевела; книги отправила... Только билет никак не могу достать. На какой поезд ни спрошу, один ответ — нету, все проданы... Спасибо выручила квартирантка; она служит кассиршей на городской станции и купила для меня билет второго класса. Поезд переполнен до отказа. В купэ, где я сижу, нас двенадцать человек. Сидим плотно прижавшись друг к другу. Обо сне и думать нечего... Верхние полки завалены вещами. Коридор набит так, что к уборной и не подойдешь. Ночью все дремлют стукаясь головами о стенку, и друг о друга. Утром на какой-то станции вошли в вагон татары с узлами и мешками... Стало еще тесней. Они, не обращая вниманя на протесты публики в коридоре, шли расталкивая всех мешками и узлами, которые были у них на плечах и в руках. Некоторые из них заглянули в наше купэ, вошли и, не говоря ни слова, сели прямо на пол, подложив под себя узлы и мешки. Один татарин сел прямо на мои ноги... Пассажиры стали протестовать и звать кондуктора. Пришел кондуктор: — Нельзя сидеть здесь! Это второй класс. Иди в третий класс! — Но те и ухом не повели. Просто не обращают никакого внимания ни на протесты пассажиров, ни на кондуктора.

— Выходите, выходите отсюда! В другом вагоне есть места! А это второй класс! — Протестовала сидевшая против меня женщина, отодвигаясь вглубь дивана.

— Иок! Моя сиди издез! Твоя нет, Николай! Твоя кончал, Николай! Моя издез сидишь! — сказал сидевший у моих ног татарин и злобно посмотрел на женщину...

Мне некуда было отодвинуться. Он прижал мои колени. Я пробовала высвободить их, но татарин упорно не замечал мой молчаливый протест и продолжал сидеть. На нем была рваная солдатская гимнастерка, а под ней грязная ситцевая рубаха с растегнутым воротом. От всех них шел отвратительный запах дыма, бараньего сала, пота и грязи. И вдруг я заметила, как из за его воротника выползла огромная белая, с синеватым пояском, вошь и остановилась, как бы в раздумьи, куда ей идти дальше!.. Меня охватил ужас, что она сейчас поползет на меня!.. Она была так огромна, что я видела ее плоскую на вытянутой шее голову и, не то усы, не то зубы, торчавшие впереди... Она была так страшна, что я глаз от нее не могла отвести... К счастью она не заинтересовалась мною, а может

быть озябла просто. Словом она повернулась и лениво поползла обратно за воротник своего хозяина. Через несколько станций татары вышли из вагона.

Когда я приехала в Тифлис, мои добрые хозяйки-армянки предложили мне пойти с дороги в серные бани вместе с ними. После купания они заказали «кэбаб» и закусив и отдохнув в бане, мы поехали домой. Я чувствовала себя прекрасно...

Вскоре пришли книги и я стала разбирать их, и составлять каталог. Потом пошла в университет предложить их медицинскому факультету в память моего мужа... и совершенно неожиданно встретила там профессора Разумовского, который был в Казанском университете, когда там учился Ваня.

— Мы с радостью и большюой благодарностью принимаем дар, — сказал старый профессор. — Имя вашего мужа запишем как жертвователя.

Вот уже несколько дней я чувствую какую-то неопределенную тоску. Не хочется ни есть, ни пить; плохо сплю; в теле тяжесть; едва хожу от слабости... На другой день после того, как я сдала книги в университет, я почувствовала сильный озноб. Потом жар. Легла в постель, чтобы согреться, так как меня трясло от сильного озноба и шесть недель была между жизнью и смертью... Когда я легла в постель, то чувствовала потрясающий зноб; а потом от головы стал спускаться жар, дошел до ног и охватил всё тело. Не было ни одного вершка холодного на всем теле. Всё оно горело как в огне и ни на минуту не отпускало. Я собрала все силы, постучала в стенку к хозяйкам и попросила их позвать знакомого доктора...

— Не пугайтесь, у вас сыпной тиф... Но мне кажется, не в тяжелой форме, — сказал доктор Божовский после осмотра. — Если ваши хозяева ничего не будут иметь против этого, и если у вас есть деньги, чтобы лечиться дома, то я советовал бы вам тут и лежать! У меня есть хорошие сестры, которые работают за очень скромную плату. А с вас, как с сестры милосердия, несомненно возьмут совсем мало. Поэтому лечитесь дома! Сестру я вам пришлю. Вчера одна, очень хорошая освободилась. Если же попадете в госпиталь, или больницу, то живой вам оттуда не выйти... Там всюду переполнено, холод, медикаментов нет, ухода нет, еды нет, белье не меняется, посуда не моется. Нет горячей воды, совсем нет мыла...

Я указала доктору несколько адресов моих друзей, попросила его сообщить им и переговорить с хозяйками. Если они

согласятся оставить меня в их доме, то немедленно прислать сестру для ухода за мной...

— Я сам буду навещать вас так часто, как только будет возможно, — сказал доктор.

Время затянулось для меня какой-то серой пеленой и я сквозь нее едва узнавала приходившего ко мне доктора и чуть видела женщину в белом, склонившуюся надо мной... Чем ближе к кризису, — тем мне становилось тяжелее. Мне казалось, что я не теряла полного сознания. Но иногда вдруг я точно просыпалась от того, что сестра трясла меня и даже хлопала по щекам, стараясь привести меня в чувство... Над кроватью у меня висел ковер. На нем всё время мне мерещилась крючком скорчившаяся старуха. Вид ее меня страшно раздражал и я попросила ковер снять. Но и на голой стене старуха продолжала сидеть... Перед самым кризисом доктор спросил меня не хочу ли я позвать священника. Я поняла, что дела мои плохи и попросила позвать отца Смирнова. Отец Павел исповедывал и причастил меня... Мне стало как-то радостно, легко...

— Отец Павел! Что я умираю? — спросила я.

— Нет! А теперь, после Причастия, вы скоро совсем поправитесь...

Отец Павел после этого дня бывал у меня каждый день и подолгу просиживал, стараясь отвлечь меня от тяжелого настроения. Я ясно его видела и даже разговаривала с ним; но в то же время я ясно видела в ногах на стене старуху...

— Отец Павел! Видите старуху?.. Сидит на стене!

Он испуганно крестит меня. — Что вы! Никакой старухи нет нигде! Это ваша болезнь... Господь с вами! — Он крестил меня и читал молитвы. Каждый раз, уходя и приходя, он меня крестил и мне было это всегда очень приятно...

— Какая температура? — спрашиваю сестру, вынувшую термометр. И всё 43 держится... Сестра вытирает меня водой с уксусом, но это очень неприятно... Я протестую... Но доктор настаивает на этом... Потом, правда, мне становится легче...

Наступил день кризиса. Доктор заранее принес ампулу камфары и шприц и еще раз просил сестру никак не пропустить момента впрыснуть ее, как только температура упадет... За пятнадцать минут до кризиса температура была всё та же... И вдруг меня точно облили холодной водой и я стала опускаться в яму... Сначала это было приятно и легко: я не чувствовала ни тела, ни боли, а стала куда-то проваливаться...

— Тина Дмитриевна! Кризис миновал благополучно!.. — Я открыла глаза. Сестра стояла передо мной и плакала. — Всё кончилось благополучно... Я сделала два впрыскивания и сердце сразу стало работать лучше!.. Ну, вот, пейте это кофе! — Я выпила. Но говорить совсем не могла. С трудом подняла руку к лицу, по которому катились капли холодного пота. наступило полное безразличие и покой, в котором я не чувствовала своего тела...

Сестра не отходила от меня и всё время следила за моим пульсом. Пришел доктор Божовский, тоже посмотрел мой пульс...

— Поздравляю! Кризис прошел благополучно... Теперь только питание и вы скоро будете совсем здоровы, — сказал он.

На другой день я проснулась и почувствовала, что болезни уже нет!.. Жару нет; ничего не болит; только не было и сил даже поднять руку, чтобы перекреститься!.. Сестра всё так же поднимала меня, чтобы переменить белье, или дать пить. Две недели еще смотрела она за мной. Ходила в очередь за сахаром, за хлебом. Покупала за большие деньги свинину, жарила ее и кормила меня. Потом учила ходить... Но от слабости в глазах был черный снег...

Через две недели доктор взял сестру к другому больному. — Теперь она вам не нужна, — сказал он. — Питайтесь и набирайтесь сил. Я буду иногда заходить, справляться как вы себя чувствуете...

При сестре я ходила по комнате от кровати до стула и всё было ничего. Но теперь у меня кончились деньги и мне нужно было идти в банк за ними. Когда я вышла на улицу, силы меня совсем оставили... В глазах черный снег не давал мне видеть дорогу... Ноги дрожали и подгибались... Я шла около самой стены, держась за всё, что попадалось под руки. До банка было недалеко. Но чтобы до него дойти мне понадобилось очень много времени. Наконец я стою у окошка кассы!.. Протягиваю книжку и требование на нужную сумму.

— Что вы хотите? — спрашивает кассирша.

— Хочу получить деньги!

— Мы выдаем только двадцать рублей в месяц... Напишите другое требование; у вас в записке написано пятьсот рублей...

— Но я очень больна и часто ходить в банк не могу. Прошу выдать мне мои пятьсот рублей...

Кассирша послала меня к директору... Ему, я опять стала объяснять, что деньги я положила только на хранение, что я очень больна и что мне нужно именно пятьсот рублей.

— Все это я понимаю и очень вам сочувствую. Но распоряжение правительства ясно: — больше двадцати рублей один человек получить не может!..

К моему счастью, он был еще из старых русских чиновников и был человечен... Видя, что я так больна и слаба, что мне нужно лежать в постели, он сказал: — Вот, что я могу сделать для вас г-жа Семина. Так как вы не получали уже два месяца ваши деньги, то я принимаю риск на себя и выдам вам за два месяца вперед. — Он сделал нужные надписи на моем бланке и я пошла к кассе. Когда я подошла к окошку, оно уже было закрыто и кассирша собиралась уходить. Я показала ей мое разрешение от директора...

— Банк уже закрыт! Приходите завтра! — сказала она, потушила свет и закрыла окно...

Боже... У меня такая слабость... Еще несколько минут разговора с ней и я упаду... В это время вышел директор; он подошел ко мне, узнал в чем дело и приказал выдать деньги... Новая беда, от слабости я забыла как пишется моя фамилия и не могу подписать бланк...

— Пожалуйста, скажите мне буквы моей фамилии! — прошу я кассиршу.

Она прямо позеленела от злости! — Когда вспомните вашу фамилию, тогда и приходите и сделайте вашу подпись... Банк давно закрыт! — добавила она и захлопнула окошко... Я не имела сил отойти от кассы... Чтобы не упасть я оперлась на окошко спиной. В это время вышел директор и прошел мимо меня. Но вдруг он вернулся и спросил меня почему я всё еще стою тут? Я рассказала ему всё. Он взял мою вкладную книжку, а уходящую кассиршу заставил вернуться и выдать мне деньги. Я поблагодарила директора и пошла к лестнице. Она была очень широкая, мраморная, покрытая ковром. Я подошла к перилам, но у меня не хватило сил и смелости спуститься без посторонней помощи. Я чувствовала, что с первой же ступеньки полечу вниз головой... Я держалась за перила и ждала, что кто нибудь мне предложит помощь... Но молодым, здоровым служащим, пробегавшим мимо меня, и в голову не приходило, что я жду их помощи... Так все и прошли мимо ... Но вот по лестнице поднялся старик, подошел ко мне и спросил чего я жду! Это был банковский сторож. Он помог мне спуститься, довел меня до дверей...

— Я бы вас проводил и дальше, но не могу! Я один сторож и не могу оставить запертую дверь. Некоторые старшие чиновники после обеда приходят сюда работать и я должен быть здесь...

Пришла я домой около четырех часов. Мои хозяйки были очень обеспокоены моим долгим отсутствием. Обе они встретили меня на площадке крыльца, помогли подняться в мою комнату и уложили в постель... За ночь я отдохнула, отлежалась, и утром пошла в очередь за сахаром. Продовольственный склад, нашего района был тут же, — на Анастасьевской. К счастью в складе очереди еще не было. Я подала мою книжку заведующей. Она посмотрела ее и сказала: —Фунт сахара можете получить, мы только что получили сахар; рис есть, — если хотите, могу дать фунт. Махорку получили, — если курите, могу четверть фунта дать.

— Я бы хотела вместо махорки получить немного картофеля.

— Картошки нету; но скоро получим и ее. Почаще наведывайтесь, а то разберут всё. — Она отвесила фунт сахарного песку и высыпала в принесенный мною бумажный пакетик. Под рис пришлось пустить носовой платок.

Пока были деньги я питалась и набиралась сил и к весне порядочно окрепла. Тех денег, которые выдавал банк, не хватало мне для уплаты за комнату, поэтому я снесла несколько платьев в комиссионный магазин для продажи. Обещали продать их скоро... Пошла узнать не продали ли уже? Дамы, открывшие этот магазин (жены бывших офицеров) совсем меня смутили. Они сказали, что таких платьев теперь не покупают.

— Слишком шикарны, не по времени!.. Если бы принесли шерстяные, да попроще, да потеплее, то их мы продали бы сразу...

— Хотите я привезу ковры?

— Нет! У нас много ковров. Их и вовсе никто не покупает!..

Пошла к доктору Божовскому и рассказала ему в каком я нахожусь положении...

— Я хочу работать. У меня нет денег на жизнь!

— Если хотите дежурство у тифозных, то я могу дать вам работы сколько угодно. Платят хорошо. Попробуйте зайдите в госпиталь на Михайловской. Там тоже нужда в сестрах...

Я пошла. Разыскала госпиталь, вошла в подъезд... Посреди широкой приемной стояла грязная женщина, с метлой в руках. Опершись на ручку метлы, она размахивала свободной рукой и что-то говорила сидевшему на скамейке солдату, который вытянув ноги и закинув руки, курил и время от времени сплевывал на пол. В бывшей приемной госпиталя, где обычно больные ожидали приема у доктора, была ужасная грязь. Пол был покрыт окурками, старыми бумагами, обгорелыми спичками и заплеван.

Я спросила у женщины подметавшей пол — где главный врач? Могу ли я его видеть?

Женщина посмотрела на меня: — На что он вам?..

— Нужно!.. Я сестра милосердия... Хочу работать...

— «Милосердная значит»... Ищешь работу... Буржуйка!.. Нету никакого главного доктора здесь... Был, — да весь вышел. — Я повернулась и пошла к дверям... — Стой!.. Што обиделась? Работу и я могу дать тебе, — перешла она на «ты». Солдат сидел всё так же; курил, сплевывал сквозь зубы на пол и никакого участия в разговоре не принимал...

— А что умеешь делать? — снова спросила грязная женщина с метлой.

— Я сестра милосердия и хочу работать в госпитале! Но я хочу разговаривать только с доктором...

— Ишь!.. Иди, разговаривай! — Баба повернулась ко мне спиной. Я хотела ее обойти и идти дальше, но она повернулась ко мне и сказала: — Никакой доктор теперь тебя не может взять... Теперь «камитет» действует!.. А мы «камитетчики»!.. — Она мотнула головой в сторону солдата...

Солдат чуть-чуть скосил глаза в мою сторону и усмехнулся... Он был так же грязен, как и женщина с метлой. Солдатская суконная рубаха была не застегнута, без пояса, вся в жирных пятнах. Штаны от грязи и жира лоснились. Сапоги рыжие, потрепанные. Волосы на голове торчали грязными пучками во все стороны...

Когда я сказала моим хозяйкам, что я хочу идти ухаживать за тифозными больными, они пришли в полный ужас: — Нет! Если вы решились, то прежде найдите себе другую комнату...

А, где найдешь хорошую комнату, когда город переполнен!? Пришлось отказаться от этого намерения.

Все бегают по городу озабоченные и что-то устраивают. Открылось много комиссионных магазинов. Группа офицеров

открыла ларек на моей улице и торгуют печеным хлебом. Но стоит им только увидеть молодую даму, или барышню, как они моментально убегают в подъезд. Этот ларек был в палисаднике перед шикарным особняком, в котором и жили «новые коммерсанты». Но просуществовал он не долго. Как-то я хотела купить немного хлеба (он был уж очень дорог). Подхожу к ларьку, а там старая, не то нянька, не то экономка собирает всё в узел, и уносит в подъезд.

— Разве сегодня нет хлеба. А я хотела купить немного...

Старуха повернулась ко мне и сказала: — Закрыли лавочку! Больше не будут торговать. Молодые князья стесняются, старый-то барин простудился, а мне теперь не управиться! Одна я осталась в доме; а он вон ведь какой! В два этажа... Время надо его убрать, а хлеб ведь я сама пекла! Молодые-то князья хотели продавать сами, да стесняются. Лучше, говорят, мы голодать будем, но резать хлеб, развешивать по фунтам, получать деньги, давать сдачи... Нет! Довольно с нас этого!..

Еще двое моих знакомых офицеров открыли починочную сапожную мастерскую... И зарабатывали довольно себе на жизнь... Но тоже стеснялись своего ремесла. Встретила я на Головинском одного из них и спросила: — Как поживаете, что делаете?

— Служу в английской армии... Но, у них странные порядки... Их офицеры должны всё сами делать... Вот видите какие у меня руки? — Он показал черные, обломанные ногти. — Это я сам чинил автомобиль!..

Встретила знакомую. У нее убит муж еще в начале войны... Я ее совсем и не узнала: бледная, сморщенная старуха... Одета в какое-то старье. Спросила ее, как она живет?..

— Да вот ходила искать работу... Мне сказали, что открывается офицерская прачешная. Да меня не взяли... Спрашивают могу ли я стирать... А где же мне стирать!? Я от слабости едва на ногах стою... «Гладить, говорю, могу немного!». А им нужно, чтобы очень хорошо уметь гладить и я бы всё им делала... Мне какой-то человек ответил: «У нас не школа, а прачешная... Нам нужны люди здоровые и умеющие...» Он, видно думал, что я больная. А мне просто нечего есть... Всё, что я достаю, я отдаю детям... Самой мне почти ничего не достается... После смерти мужа я получала пенсию. Но теперь после революции никто ни копейки не дает. Что можно было продать — всё продала. Живу в одной комнате; никакой мебели нет... Спим все на одной кровати... Старший мой мальчик, зимой заболел тифом. Потом и девочка... И мы так и спали

все вместе всё время. Девочка поправилась. А у мальчика осложнение, — ноги отнялись... Он и сейчас еще не может ходить... Доктор говорит «питайте их лучше»! А где я возьму это питание? Как только вхожу в дом, — оба плачут и есть просят! А что я им дам?.. У меня нет денег! Мне нечего ни продать, ни заложить!.. А они ждут меня, — ждут хоть хлеба кусок... Страшно и домой идти!.. Не могу больше жить!! Брошусь в Куру вместе с детьми...

На днях, под вечер, в наш двор зашли две молодые женщины... У одной в руках мандолина, у другой — гитара... Они стали играть и петь... Я посмотрела на них. Было видно, что они не поют, а молят о куске хлеба, хоть маленьком... С верхнего этажа им бросили несколько медных монет... Они их подобрали и, не глядя ни на кого, ушли...

Как-то и у меня на душе тревожно! Не знаю, что делать... Пошла к знакомым. Но и у них не очень-то благополучно. Семья большая, денег мало, всё страшно дорого...

— Вот только кончатся занятия в гимназии, мальчишек пошлю работать в оранжерею, — сказал хозяин дома, генерал, оказавшийся теперь не у дел... — Всем нужно сейчас учиться какому-нибудь ремеслу. Образование, знания, опыт, оказались никому и ни для чего не нужны. Встретил я на днях, когда то блестящего, прославившегося в боях кавалерийского полковника. Идет в рваном пиджаке; в руках корзинки с цветочными горшками... Увидев меня он отвернулся и сделал вид, что не узнал. Но я его остановил...

— Он мне рассказал, кое-что о своей жизни сейчас... «Вот несу цветы на чужие могилы, чтобы украсить их... Занятие почтенное... Странное конечно, для старого боевого офицера... Но что будешь делать? Есть-то ведь нужно! А у меня еще и семья! Когда революция развалила армию, я вернулся домой. Пожил два-три месяца... Деньги кончились. Я стал искать какую нибудь работу. Совершенно случайно мне сказали, что есть брошенные оранжереи. Когда-то в них я покупал цветы. В отличном были виде... Пошел узнать. Хозяин старик. У него два сына ушли на войну. Одного убили, а другой без вести пропал... Сам работать не может. — Возьмите их, — говорит. — Сможете сделать что-нибудь, делайте... Там в них много ценных растений! Не дайте им пропасть. Может быть сын еще вернется... Будет там работать. — Я взял. Никакой цены не мог обещать ему. Я и сам не знал, что у меня выйдет... Пока едва-

едва зарабатываю на самое необходимое. В оранжереях было полное запустение. Большая часть растений погибла без поливки и отопления... И очень трудно мне одному работать. А желающих на такую работу нет. Если кто и приходит, то такую запрашивает цену, что лучше совсем бросить всё и сидеть дома». Вот, Тина Дмитриевна, великолепное для вас занятие! — сказал генерал. — Подучитесь и войдете компаньонкой к полковнику!.. Очень хорошее дело!.. Пойдите к нему и скажите, что я вас послал...

— Да как же я пойду предлагать себя в опытные работницы, если я никогда не работала в садоводстве?!..

— Какие пустяки!.. Всё равно он не найдет никого! И вы для него будете просто находка. А эта работа здоровая! Во всяком случае лучше, чем возиться с тифозными больными.

Ходила в комиссионный магазин. Но из моих вещей ничего не продано. Придется идти наниматься в оранжерею.

— Кто вы? Говорите вас прислал генерал Левандовский? Да, да, я говорил ему, что мне трудно управиться, но я не могу вам много платить. Посмотрим, как вы будете работать еще, — строго закончил полковник. — Идите сюда, вот видите, всё заросло травой, а тут ценные растения! Вы знаете какие это растения?

— Да! Впрочем — нет, я не знаю...

— Ну, вот! Я так и знал... Приходят наниматься, а сами ровно ничего не знают! Смотрите!.. Вот эту траву выдергивайте! А эту, не трогайте, это молодые растения... Когда выполите эту грядку — нужно привезти земли, вон из той кучи. Будем пересаживать растения в горшки. — Сказав всё это, сердитый полковник вышел из оранжереи. Я осталась одна, смотря вслед удаляющейся высокой фигуре в заплатанных, парусиновых штанах. Я стояла, боясь даже дотронуться до каких нибудь растений и стала рассматривать пальмы. Их было много, разных пород, в больших кадках. На полу какие-то трубы, лопата, битые горшки, водопроводный кран, из которого текла вода. Пахнет сыростью и цветами... Вдруг я вспомнила сердитого полковника и стала искать сорную траву на указанной грядке... Какую же траву надо выпалывать? Я смотрела на грядку, и мне казалось, что тут всё сорная трава... А может быть это всё «ценные» растения??.. И я стояла, не смея дотронуться до растений... Вдруг входит полковник!.. Чтобы показать, что я работаю, я стала выдергивать подряд всё, что попадалось...

— Что вы, делаете?! Ведь это растения! — Он схватил мою руку, в которой я держала нежную молодую травку. — Я ведь вам показал, что выпалывать!.. Бросьте полоть! Я сам выполю, когда будет время. Теперь будем пересаживать гвоздики в большие горшки. — Он поднял лопату, вышел из оранжереи, взял тачку, бросил в нее лопату и сказал: — Вон за той оранжереей наберите черной земли и привезите ее мне вон туда! — он показал на ряд стеклянных оранжерей и пошел по дорожке между ними. Я взяла тачку и хотела ее толкать к черной земле. Но только, где же эта земля? Сколько я ни рассматривала, вся земля кругом была черная! Я совершенно не знала, которую нужно набрать в тачку... Так я стояла и не знала на чем остановиться, и, что класть на тачку... Вдруг слышу шаги!.. Опять полковник!.. Я быстро стала бросать землю в тачку и повезла. Из-за угла оранжереи вышел полковник... Взглянул на землю в моей тачке, выхватил ее из моих рук и, что-то ворча, повез ее обратно... Я осталась стоять... Через несколько минут он вернулся и повез землю в оранжерею. — Подавайте мне те горшки. Я буду пересаживать... — Я принесла несколько горшков. Он ловко стучал по ручке тачки горшком и оттуда вываливался комок корней... — Видите! Совсем нет земли; одни корни! — И он подсыпал в горшок свежей, привезенной им земли, опускал туда корневой комок, досыпал землей до верху и передавал его мне. — Ставьте вон туда и хорошенько полейте. — Когда таких горшков было много поставлено в ряды, он сказал: — Ну, на сегодня довольно. Приходите завтра пораньше.

Пришла домой, едва отмыла руки от земли и решила ни за что не идти завтра к этому полковнику в его оранжереи. Гадость какая! Буду я возить ему землю, да поливать горшки?! Довольно! Но на другое утро я всё-таки пошла... Как только я пришла, полковник объявил: — Заказ получил посадить цветы на могилу!.. Вы поедете со мной помочь мне там. — В две ручные корзинки он поставил по шести горшков с цветами. Одну дал мне, а другую взял сам. Мы сели на трамвай, поехали на кладбище, нашли место и посадили цветы. Пустые горшки он сложил в корзинку и сказал мне отвезти их в оранжерею.

— Я сейчас туда не поеду, — сказал он и ушел. Я осталась на улице около остановки трамвая, с корзинками и горшками в руках. Стыд и какая-то непонятная обида за непривычную еще для меня бесцеремонность обращения со мной сжали горло до слез и приковали ноги к тротуару. Я не знала, что мне делать!... Неужели я понесу эти корзинки с пустыми горшка-

ми? Вот старый нахал!.. Не понесу! Брошу вот тут и корзинки, и эти проклятые горшки!..

Вдруг мелькнула мысль, что он пожалуется на меня генералу, а тот будет высмеивать меня! — Два дня проработали, а старику столько убытков причинили! — Нет. Я не имею права так поступать! Полковник надеется на меня и я должна отвезти его корзинки!.. И не глядя ни на кого, я села в трамвай и повезла их в оранжерею. Там я увидела какого-то долговязого парня, отдала ему порученные мне корзинки и ушла.

Никогда больше я не видела ни полковника, ни его оранжереи... Моя заработанная плата, конечно пропала...

Решила пойти опять к доктору и попросить какое угодно дежурство, а то нечем будет заплатить за комнату. Из моих вещей, данных на продажу ничего до сих пор не продали...

Как-то иду по улице и слышу кто-то кричит меня: — Тина Дмитриевна, здравствуйте!.. Что с вами? Кричу, кричу, а вы точно оглохли! — Оглядываюсь — Евгения Михайловна Рыхальская. — Вы так углубились в себя, что не замечаете знакомых! Где вы пропадали столько времени... С иностранцами веселитесь? Приходите лучше к нам! У нас по вечерам собирается молодежь и веселится. У сестры много знакомых американцев и англичан. Натащили всяких банок с консервами... Впрочем у вас наверное и у самой их много!.. Приходите к нам непременно! Если у вас нет консервов, — дам банку сгущенного молока; у нас его много...

Вот не всем плохо живется! Даже веселятся! И уж конечно не пойдут работать в оранжерею...

Как-то пришли ко мне знакомые офицеры. Вид у них был совсем не голодный!.. Я спросила их работают ли они.

— Мы за неделю зарабатываем по тысяче рублей каждый! А начали с пустяков. Самое выгодное теперь — спекулировать на валюте! Есть у вас деньги? Если есть, то мы купим и для вас. Но долго товар держать на руках нельзя! Купили, подержали день — два и продавайте!.. В несколько месяцев капитал сделаете! — бодро говорили они, перебивая друг друга. — И главное работа чистая... Вон, Крутецкий и князь Ухтомский открыли сапожную починочную. Сидят день и ночь, стучат молотком по каблукам и по своим пальцам... Грязные, ногти черные. Теперь боятся даже выйти на улицу, чтобы не встретиться со знакомыми. А наше дело чистое и легкое!..

Муж сестры Крутецкого, бывший прокурор, — торгует старыми вещами на солдатском базаре... Я его как-то встретила.

Идет мрачный. — Вот! Обокрали самого прокурора! — сказал он. — Продал я кое-какое барахло и собирался идти домой. Полез в карман, а там ни копейки нет! .. Всё жулики вытащили и теперь не на что купить даже хлеба!

Не долго длилось благополучие и моих знакомых. Грузинское правительство стало преследовать спекулировавших валютой и мои знакомые были арестованы. Их выпустили с тем, чтобы они немедленно выехали из города. Они решили ехать в Добровольческую армию. Один в дороге заболел тифом и, доехав до Пятигорска, умер. Другой был убит в Пятигорске большевиками.

Получила письмо от Нины: «...Папу выпустили из тюрьмы за две тысячи рублей залога. Но он в тюрьме обжился; обзавелся хозяйством и совсем не стремился выходить из нее... Скоро должен приехать Алексей. Яша всё еще живет у меня. От Мани нет писем. Жить становится с каждым днем всё труднее...»

Решила сходить к отцу Павлу. Давно уже у них не была; а девочки всякий раз так рады меня видеть... Встречают точно родную. Да и мне с ними приятно болтать о старом счастливом времени. Когда мы с мужем приехали в Кабардинский полк, эти девочки были совсем маленькие: Вере, я думаю, было не больше двенадцати, или тринадцати, а Любе вероятно лет десять. Но и мне тоже не очень много было, — всего девятнадцать... Но Вера была опытнее и практичнее меня. Каждый день прибегала ко мне и учила варить «малороссийский борщ». Мы жили в одном флигеле, как и полагается (врач и священник). Через год Кабардинский полк ушел в Карс, а в Александрополь перевели Дербентский полк. Отец Павел остался в Александрополе, он преподавал в местном реальном училище и в женской гимназии. Первое время отец Павел приезжал в Карс, повидаться с друзьями. Его все очень любили в полку. Но время брало свое. И наш «батя» всё реже и реже приезжал. Потом мы уехали из Карса. За эти года дети его выросли: два сына тогда уже были в кадетском корпусе, а теперь, оба офицеры. Вера и Люба на зубоврачебных курсах. Есть еще самый младший мальчик, — Митя, учится в гимназии. Сама «попадья» умерла от разрыва сердца, когда получила телеграмму, что отец Смирнов тяжело ранен... Семья отца Павла всё время жила в Александрополе, до самого прихода туда турок. За свое тяжелое ранение отец Смирнов получил Георгиевский офицерский крест. А когда поправился, то был назначен настоятелем военного Тифлисского собора.

— Сколь высоко вознесла меня эта отпиленная двухвершковая косточка в моей ноге! — шутил он щуря маленькие черненькие хохлацкие глазки. Я и не мечтал никогда о такой милости и заслуга-то моя не больше, ведь, чем других русских солдат! А я считаю себя таким же солдатом, как и все!..

— Ну, вот, прихожу я к Смирновым. Они жили недалеко от меня и занимали очень хорошую квартиру (по случаю). Поднялась по широкой мраморной лестнице и позвонила. Долго не открывали. Я уже собралась уходить, когда услышала звон цепочки и дверь открылась.

— Заходите, заходите, Тина Дмитриевна! Я не хотела открывать. У нас больной в квартире. Но вы сами сестра милосердия и ничего не боитесь, — сказала Вера и повела меня в комнаты.

— Несколько дней тому назад, кто-то позвонил, — стала рассказывать Вера, — я тоже не хотела открывать, но вдруг подумала: а если это звонит Володя или Сережа! И побежала. Открываю дверь и вижу оборванца!.. В грязной солдатской гимнастерке, в рваных сапогах, на голове шапка. Вид бандита! Я захлопнула дверь... Снова раздался звонок. Прибежала Люба. Я ей сказала, что у дверей стоит разбойник. А, она — что ты Вера! А вдруг это от Володи!! Или от Сережи прислан солдат с письмом! Теперь все похожи на бандитов... Открой! Посмотрим! На двоих сразу не нападет! — Я открыла дверь... Бандита уже не было... Ушел. Мы слышали, как он тяжело стучал ногами спускаясь по лестнице. Люба кубарем скатилась за бандитом. Я за Любой! догнали его... — Кто вы? Что вам нужно? Почему вы приходили к нам? — спросили мы. И только теперь я заметила, какой он несчастный! Совсем еще молодой. Бледный, худой, а глаза горят, тяжело дышет, весь какой-то взлохмаченный... Что-то говорит, но понять нельзя... Дрожащими руками стал шарить в кармане (я подумала, что ищет револьвер или нож) потом сел на ступеньку и с трудом вытащил грязную, смятую бумажку и протянул ее мне. Я расправила ее и сразу узнала почерк Володи. Читаю, а буквы прыгают в глазах... — Люба! Да это от Володи! Но я понять не могу, что он пишет? На, прочти! — Володя, просит оказать всяческую помощь подателю этой записки!.. Ну, мы его подняли и повели наверх в квартиру. Уложили в папином кабинете на тахту. А у него жар! И он ничего не может сказать. Только бормочет... Пришел папа. Мы всё ему рассказали. Папа позвал доктора, который его осмотрел и сказал «сыпняк». Мы его хотели сейчас же отправить в госпиталь. Но папа сказал: — Раз его Володя прислал к нам, значит он его боевой товарищ! Если мы его

отошлем в госпиталь, — он наверняка там умрет и это огорчит Володю. — Папа, оставьте его у нас! Я буду за ним ухаживать, — сказала Люба. И вот этот неизвестный никому молодой человек лежит весь в жару, бормочет что-то, а мы не понимаем его, и даже не знаем его имени... Но, Люба, день и ночь около него! Только папа ее сменяет, чтобы она поспала... А я и не подхожу к нему... Если умрет, — так мы даже не знаем кто он? Если бы мы его не догнали тогда на лестнице, он бы упал на улице и его подобрали бы как «неизвестного» и отвезли бы в госпиталь... Люба сейчас спит.

— Вера, если вам трудно будет с ним возиться, — позовите меня. Я заменю вас около него...

Я ушла, а вскоре поступила на дактилографные курсы и всё время у меня уходило на поездки туда и обратно. Да три часа в день я стучала на всевозможных системах машинок... Совсем и забыла про Смирновых и их больного. Эти курсы работы на пишущих машинках открыл инженер Крижановский с женой. Она заведывала учащимися, которых было человек 10-12, учила нас разбирать и чистить машинки и давала все нужные указания по обучению. Мне эта работа очень понравилась. Я аккуратно приезжала и всё положенное время стучала по клавишам машинки. Через четыре недели нам выдали свидетельства об успешном окончании курса. Нас научили быстро печатать всеми пальцами. Потом мы должны были научиться разбирать машинки, чистить и опять собирать их. За это время мы с Крижановской очень подружились и наша дружба продолжалась до самого бегства из России.

Вот «курсы» я окончила! «Диплом» в кармане. Но денег от от этого у меня не прибавилось! В банке по-прежнему выдают двадцать рублей в месяц, и на них по-прежнему ничего не купишь. Пошла в комиссионный магазин и, к великой моей радости, узнала, что проданы мои серьги.

Иностранные войска начинают постепенно уходить из Закавказья. Они скупают русское богатство за бесценок и целыми автомобилями увозят в Батум, а там и дальше — домой... Голодные русские рады, что иностранцы покупают за гроши всё что у них осталось ценного: благодарят и кланяются. А иностранцы, купившие тысячные вещи — меха, драгоценные камни, золото и платину за каких-нибудь 10-12 долларов, чувствовали себя благодетелями... Когда я вошла в «комиссионный» ма-

газин, из него выходили какие-то иностранные военные; а дамы (жены бывших русских офицеров), владелицы магазина, провожали этих военных и на всех языках говорили им всяческие любезности и благодарности за то, что они купили у них. Покупатели сели в стоявший у тротуара автомобиль, наполненный коврами, серебряной посудой и другими драгоценностями, и уехали прямо в Батум...

Вспомнила про Смирновых и пошла к ним. Сколько недель не была. Жив ли их больной?.. Поднялась, звоню. Никто не открывает двери!.. Может быть их из квартиры выселили? Теперь это делается просто... Еще раз позвонила. Слышу как повернули ключ в замке, чуть-чуть приоткрылась дверь и сердитый голос спросил: — что нужно?..

— Ах, это вы Тина Дмитриевна! А я не хотела открывать... Входите пожалуйста.

— Ну, как ваш больной? Поправился?

— Уехал !..

— Поправился и уехал?

— Да... Поправился и уехал!! — с каким-то ударением сказала Вера. — Да вот я позову Любу. Она за ним ухаживала. Она вам всё и расскажет...

— А где отец Павел?

— Он в собор ушел...

Пришла Люба. Тоже какая-то невеселая!..

— Вы, Тина Дмитриевна, так давно у нас не были! А за это время столько случилось происшествий... Помните к нам пришел больной? Молодой человек с запиской от Володи... Он так быстро свалился без памяти, что мы не успели даже спросить его — кто он... Две недели он лежал в страшном жару... Бредил и метался... Мы боялись, что он умрет... Папа написал на фронт Володе обо всем и просил скорее ответить, как его имя и фамилия. Но до сих пор ничего от него еще не получили...

— А здесь всё уже кончилось... — сказала Вера.

— Я его выходила... День и ночь проводила около его постели... Только папа сменял меня, чтобы дать мне немного поспать и отдохнуть... И как только стал поправляться, он объяснился мне в любви... Я сказала об этом папе... А папа ответил: — Ну! Он может быть всё еще бредит! — Однако вскоре Шура (так его звали), попросил у папы официально мою руку. Папа нас благословил и мы стали женихом и невестой... Потом он написал своим родителям в Эривань. Мы знали уже, что его отец там губернатор... Через несколько дней к нам

приехала его мать. Родители не знали ничего о нем и оплакивали его, как мертвого! А тут он не только жив, но и собирается жениться!.. Мать целовала без конца сына и меня, как будущую его жену. Я ей понравилась и она согласилась на нашу свадьбу. Устроили помолвку... Она сама составила список моего приданого. — Я записываю только самые для тебя нужные вещи! — сказала она... И эти нужные (а вернее совсем никому не нужные) вещи обошлись папе пятьдесят тысяч рублей!.. Я страшно испугалась... Где папа возьмет такие деньги?! А она всякий раз повторяет. Это, Люба, необходимо иметь в нашем доме!.. Ведь отец твоего будущего мужа — губернатор!!.. И ты должна быть одета лучше всех в городе! — Папа соглашался на все! Лишь бы я была счастлива!.. Как-то мать и сын ушли в город. Возвращаются, а я босая бегаю по комнатам. Она прямо в ужас пришла. — Люба, разве это возможно? У тебя ноги будут большие, как у простой девки! — А отчего им быть большими? Я так с детства летом хожу босая. Курсы свои я забросила... Это она мне сказала, что ее сыну неприлично иметь жену «зубного врача». И я подавленная ее надменным тоном, послушалась и не стала ходить на лекции... С тех пор, как мать приехала, она нас ни на минуту не оставляла вместе с сыном. Всегда она с нами! И всегда учит меня, как нужно жить в губернаторском доме... Наконец, всё приданое куплено. Тогда она объявила, что вместе с сыном поедет в Эривань, чтобы отец его благословил на брак со мной, но меня не приглашают ехать с ними... Уехали... Сказали, что только на четыре дня, а, как только вернутся, сейчас же будет свадьба. Хорошо еще, что папа никого не приглашал и не делал никакого официального объявления о нашей свадьбе. Папе не понравилось, почему отец его сам не приехал сюда и не благословил нас обоих!.. Прошло четыре дня... а ни жениха, ни матери нет!.. Прошла неделя... Жениха всё нет!.. И даже ни одного слова от него нет... Я говорю папе: сбежал! — Но папа не хочет верить. — Что ты, Люба! Ведь это не какие-нибудь простые люди! Сам губернатор, правитель целой губернии! Он бесчестно не может поступить. Что-нибудь случилось и задержались! Приедут! — Но они не приехали... Наконец мы получили коротенькое письмо. Да и то не от жениха, а от его матери... Вот что она написала: «Извиняюсь за сына. Он чувствует себя еще совсем больным и нуждается в лечении... По совету доктора он уехал на Принцевы острова... Вас он считает свободной... Он никогда вас не любил. А если объяснился вам в любви, то это под влиянием высокой температуры!..» Тина Дмитриевна, скажите, почему они, эти высокоблагород-

ные люди, ворвались насильно в наш простой, мирный дом и причинили нам столько горя? .. Ведь мать сразу же, с первого дня знала, что ее сын меня не любит... и жениться на мне не хочет! Почему она лгала и разыгрывала из себя моего друга? Почему она ввела бедного папу в долги? .. Накупила тряпок, которые мне совершенно не нужны! .. Оторвали меня от моей работы... Два месяца я не ходила на лекции. Всё это еще можно как-нибудь простить его матери, которая вообще думать не привыкла. Да и что для нее деньги, которым она цены не знает и которых она никогда не зарабатывала!? Всегда жила на деньги мужа! .. Но он! — Этот жалкий трус! .. Ведь я выходила и спасла его от верной смерти! .. И он не нашел в себе смелости хотя бы написать папе простую записку и поблагодарить того, который тоже не спал ночи, сидя у его постели. Что они думают?! Что я стану его оплакивать, искать? .. Нет! Такого ничтожества мне в мужья не нужно... А вот папу безумно жаль! Он страдает и за себя, и за меня. Ему обидно, что люди за добро платят злом... А теперь еще этот долг ему нужно выплачивать. Он ведь занял деньги на мое приданое... У нас нет почти ничего! Всё в этой квартире чужое. Нас просили жить в ней, чтобы сохранить ее. Владельцы уехали в Добровольческую армию. Всё наше имущество, что мы вывезли из Александрополя у нас отняли по дороге курды... У нас всё было нагружено на два фургона. Но когда мы отъехали от Александрополя несколько верст, мы заметили, что за нами гонятся курды... Мы соскочили с фургона и спрятались в кустах. И мы видели, как курды повернули наших лошадей и погнали фургоны обратно в Александрополь... Мы остались с тем, что было на нас... В числе этого было немного спрятанных денег... Пока было светло мы сидели в кустах. Когда же стемнело мы вышли и всю ночь пробирались к станции... Когда пришли к ней, то оказалось, что поезда не ходят... Мы шли дальше... Только на следующей станции нашли поезд и сели в него... Добрались до папы без копейки денег и только в одних платьях. Всё потеряли. Но тогда еще папа получал жалованье, как настоятель собора. Теперь Грузинское правительство не платит ничего... Говорят даже, что собор закроют. (Грузинское правительство собора не закрыло. Но, чтобы отделаться от русского священника, его арестовали. Продержали два месяца в тюрьме и выпустили с условием, чтобы он немедленно выехал из Тифлиса). Папе приходится платить за наше с Верой учение и еще Митя тоже учится.

— А, вы Люба опять учитесь?

— О, да! Не только учусь. Но еще стараюсь наверстать потерянное время!.. У нас много забот и без меня... Давно нет писем от Володи и Сережи... Володя после распада западного фронта приехал к нам... Но прожил всего несколько дней и заявил, что не может сидеть сложа руки и смотреть на «расхлястанную солдатню»... Уехал в Персию к Сереже. Сережа тоже артиллерист. Он командует батареей. У нас еще жила двоюродная сестра Нюра, она дочь маминой сестры. Она приехала к нам из Полтавы. Училась вместе с нами в гимназии. Потом встретила артиллерийского офицера, товарища Сережи, и вышла за него замуж. Он тоже служит на Персидском фронте. После революции она уехала к мужу в Персию. Последнее их письмо мы получили три месяца тому назад. Они пишут, что среди солдат, да и некоторых офицеров есть коммунисты. Приходится отбиваться от своих русских солдат, а не от турок... Так что, как видите, наша семья разделилась на две половины, — одна здесь, а другая в Персии... Когда уезжала Нюра, папа дал ей ваш Бакинский адрес. На всякий случай...

— Вот и хорошо! Я скоро еду домой в Баку. — Я собралась уже уходить, когда пришел отец Павел. Конечно он задержал меня.

— Всегда рад видеть вас, Тина Дмитриевна! — приветливо сказал он. — Верочка, хорошо бы попить чайку... На дворе такая жара, пить хочется! А холодную воду пить, по кавказскому обычаю, вредно... Давно я вас не видел! Вы всё такая же!...

— И вы тоже, отец Павел, всё такой же! Живой, веселый и полный энергии...

— Нет, Тина Дмитриевна, не тот! На душе не спокойно! От мальчиков моих нет давно писем. А время, сами знаете, какое теперь!.. Совсем не знаю где они и что с ними. Были в Персии... Но там фронт тоже развалился... И ходят слухи, что и там объявились коммунисты не только среди наших солдат, но даже и среди офицеров... Два сына и племянница с мужем там, но ни от кого нет ни слова. Володя мой... Помните его?.. Он тогда еще был худеньким кадетом и таким остался... Кончил училище в начале войны. Вышел в артиллерию. Попал на западный фронт... Когда всё там развалилось, — приехал домой ко мне... Побыл неделю, изнервничался и уехал к Сергею в Персию. Тоненький стройный, затянутый, как девушка... Сережа — тот прямо кряж! Крепкий парень... Отличные дети!.. Ласковые, простые, не гуляки. А Митю видели? Вырос-то как! Выше меня стал! .. А помните, там на «казачьем посту»! Он еще совсем был маленьким... Всё предлагал «горяченьких»...

В руках ничего нет, а он будто перебрасывал что то из руки в руку и предлагал «купить горяченьких». Сам ведь выдумал... — И отец Павел оживился, вспоминая жизнь, когда он ростил детей и вырабатывал из них честных людей и горячих патриотов. Получая скромное поповское жалование, даже и в такой глуши трудно было жить. И он, чтобы иметь нужные гроши, давал уроки и в реальном училище и в женской гимназии.

— Пожалуйте чай пить! Самовар закипел! — сказала входя Вера.

— Верочка, а где Митя? — спросил отец Павел, когда мы сели за стол.

— Он ушел с товарищами в Каджеры. Они там будут ночевать... Не беспокойся! С ними пошли и взрослые...

— Отличной хозяйкой стала ваша Вера!.. Надо теперь замуж ее выдать! Она и мать будет хорошая...

— Куда нам замуж!.. Женихи для нас еще не родились! Да и кто на нас женится? Поповны ведь мы... — с горечью сказала Вера.

— Ну, что ты Верочка! И для вас родились женихи!...

— Только где их разыщешь?

— Весь мир чуть не перевернулся!.. Вон наши мальчики недалеко от нас. Что тут до Персии?.. Ведь меньше двух суток! А писем нет вот уже три месяца! — пробовал успокоить отец Павел. Но Вера блестя слезами на черных глазах не могла не высказать накопившуюся обиду за себя и за оскорбленную сестру...

— Если все они такие же, как этот Любин жених, так лучше бы они никогда не приходили в наш дом...

— Вера! Я ведь просил, чтобы никогда больше об этом не было разговора! — строго сказал отец.

— Я папа, всё рассказала Тине Дмитриевне! Она наш друг и не станет смеяться над нами! — сказала Люба.

— Мы здесь чужие! Хотя родились и выросли здесь... Поедем на твою родину, — в Полтаву. Может там люди добрее будут к нам... Вон, наша мама! Приехала на Кавказ семнадцати лет... Всю жизнь прожила в Александрополе... Год лежала больная в постели... Кто зашел навестить ее!?. А когда умерла, мы одни с ней остались две ночи и два дня!.. Никто из полковых дам не пришел и не сказал нам ласкового слова... Мы трое детей были около ее тела... А когда ее вынесли в церковь — туда пришли жены наших фельдфебелей... Никто кроме них не пришел на отпевание мамы!.. Почему к нам такое враждебное отношение?.. Да еще тогда, когда наш отец был

тяжело ранен и находится далеко от нас... А в гимназии что мы слышали кроме: «Поповны! Поповны!»... У нас нет друзей! Я не могу дождаться когда уеду отсюда! Поедем к твоим... Будем там работать! — сказала Вера. — Когда я слышу, как плачут и жалуются дамы, что у них отняли денщиков и их эгоистические удобства, мне нисколько не жаль никого!..

— Вера, остановись! Я всю жизнь прожил здесь и пожаловаться ни на кого не могу. Ко мне всегда все относились хорошо! Покойная «мама» сама ни с кем не хотела дружить и всю жизнь прожила затворницей. Но я не знал, что к вам в гимназии относились плохо. Учились вы все хорошо и кончили хорошо! — закончил отец Павел. Но видно было, что новое черное облачко набежало на его душу...

— Да, да! Тебе жилось хорошо. Тебя любили, но нам нет здесь счастья... Мы только поповны! И не имеем права на счастье... — сказала Вера, заплакала и вышла из-за стола.

Отец Павел совсем растерялся и спросил: — Люба, скажи мне правду, кто нибудь вас обидел? Почему вы никогда мне ничего не говорили? Я ведь думал, что в доме всё благополучно. Мать с вами жила и знала близко все ваши радости и горести, а я работал, что мог — всё отдавал семье... И только и хотел, чтобы вам было хорошо. Правда, последние три года был на фронте, а мать все болела. Последний год даже не вставала уже с постели...

— Папа, мы жили в крепости все эти годы, с тех пор как ты уехал на фронт. Кругом нас и рядом с нами жили семьи офицеров нашего полка и другие. Никто никогда к нам не заходил!.. Устраивали вечеринки приезжающим с фронта офицерам, но нас никогда не приглашали на них! Точно мы и не барышни...

В это время в передней раздался звонок. Люба ушла открывать дверь, а мы остались с отцом Павлом одни.

— Я думаю, что у Веры это личная обида. Она думает, что существует какое-то общее недоброжелательство к ней. Про свою семью всегда узнаешь последним! Я всю жизнь работал для семьи. Я только хотел, чтобы мои дети жили так же, как и другие полковые дети. Чтобы у них не было зависти к другим. Учили их так же, как и офицеры учили своих детей. Все они окончили гимназию. Знают музыку. Хотел дать им высшее образование, но времена изменились... Теперь сами вот захотели идти на зубоврачебные курсы и учатся очень хорошо...

Пришли в столовую обе девушки. — Папа, Тина Дмитриевна, простите! Я кажется наговорила много лишнего. Всё уладится... Мы с Любой кончим курсы. Все уедем в Полтаву...

— Верочка! Да мы там будем больше чужие, чем здесь. Я уехал из Полтавы совсем мальчишкой и никогда там больше не был. Я всех забыл и все меня там забыли... Кончайте учение! Там видно будет. Приедут мальчики и сообща решим, как и где жить лучше... Я знаю только, что они любят Кавказ и едва ли поедут в неизвестную им Полтаву!..

Попрощалась и ушла от них в тяжелом настроении. Бедные девочки! Не глупые, не дурнушки; а вот в любви нет им счастья!

Решила ехать в Баку и всё уже уложила. Пошла попрощаться к К-вым и застала у них кое-кого из Кабардинцев.

— Ничего живем!.. Вот, за неимением ничего другого, играем в карты...

— А вы, воинственная дама, не собираетесь ли ехать в Добровольческую армию? — спросил меня полковник Флюров, который играл в карты с своими двумя зятьями и с доктором К-вым.

— Не знаю! Страшно! Там, говорят, сестры милосердия ходят в солдатских сапогах, а спят под телегой, в которой лежат раненые, тут же и перевязывают в телеге. И чуть ли даже не делают операции раненым. Трудно выносить такую жизнь женщине!..

— Какая же вы сестра милосердия, после этого!.. Вам подавай госпиталь оборудованный всеми удобствами?.. Вы вот попробуйте походить по полю в солдатских сапогах каждый день по несколько верст... Вот это сестра! Это будет заслуга!.. — сказал зять полковника Флорова, у которого на плечах были новенькие полковничьи погоны...

— Я не уверена, что Добровольческая армия очень нуждается в сестрах милосердия, а в солдатах и офицерах нужда там большая!.. Отсюда уехали уже кое-кто из офицеров...

— Что же! Чем шляться по Головинскому, да еще рисковать, что Грузинское правительство может и засадить в тюрьму?..

— А, вам разве не страшно оставаться здесь? — спросила я, не обращаясь ни к кому особенно.

— Что же нам делать? Все равно ехать некуда!.. Будем пока жить здесь в Тифлисе...

— Самое разумное это не трогаться с места! — заявила г-жа Флорова. — У добровольцев нет даже тыла, чтобы жить спокойно...

— Господа чай готов! Пожалуйте в столовую! — сказала хозяйка. На столе в столовой всё как следует в «буржуйской»

семье: белый хлеб, нарезанная ветчина, колбасы, сыр, американские консервы и сгущенное молоко. Хозяйка дома, глядя на накрытый стол, сказала: — У нас много разных консервов. У нас бывают американцы. Да и Михайловы присылают тоже... Сам Михайлов, устроился в каком-то учреждении у американцев и получает консервов сколько хочет. Да у вас самой наверное полно иностранных знакомых? И они конечно натащили вам всякой всячины!..

— Нет, у меня нет ни одного знакомого американца...

— Неужели? Не может быть! У всех они есть! И даже по несколько человек разных чинов! Этим только и живут многие... Немедленно заведите! Вы молодая интересная вдова и сидите одна!.. Жаль, что сегодня никто не пришел к нам, сейчас же познакомила бы вас!.. Многие выходят за них замуж и уезжают в Америку, а вы теряете зря время! Ведь они скоро уезжают с Кавказа. А из Баку уже выехали все.

Боюсь, что не подойду к иностранцам! Я слишком русская!.. Моя родина — Жигулевские горы, Волга, Кама, с кострами на берегу, с ухой в котелке. И над всем этим — русская песня. То грустная до слез, то полная радости и жизни, когда и мертвый пойдет плясать... А эти дремучие сосновые леса, куда я с малых лет ходила за грибами, за брусникой!.. В какой еще стране есть такие леса с брусникой, с рыжиками, кроме моих родных, бесконечных, тянущихся на сотни верст?!. Рябчики, которые у нас чуть ли не около самого дома водятся... Сидит серенькая птичка на ветке, прижавшись к самому красному стволу, и посвистывает!.. Долго смотришь, ищешь ее глазами, пока «углядишь»... Их бьют и продают связанными за лапки, — пара «пятиалтынный», или «двугривенный». И покупали их всегда сразу целую связку, не меньше дюжины, а то и больше... А как я любила наши дороги! Летом едешь, а пыль за тарантасом столбом! Сорок верст от Ижевского завода до села Гольяны мы с бабушкой ехали всего четыре часа. Посреди дороги останавливались в селе Забегалово, пили чай и закусывали взятой из дому едой. Если мы ехали зимой, то варили пельмени, а летом везли с собой пироги. Дорога, — Екатерининский тракт, обсажена столетними березами — «широченная». Но, ездили все только по одной ее стороне. Часто при встрече задевали колесами друг друга. Тогда ругаясь, пытались разъехаться, каждый нахлестывая свою лошадь, но ни один не уступал наезженной колеи. А во время дождя!.. Уйдет колесо до самой ступицы в грязь... Телега почти лежит на боку... Мужик слезет с облучка, обойдет кругом телегу, сдви-

нет фуражку на глаза, сплюнет в сторону. Подойдет к тощей, заморенной лошаденке, которая и рада случаю, передохнуть маленько, и станет тыкать ее кнутовищем под живот, чтобы поддать ей больше бодрости. Лошаденка тужится, упирается неподкованными задними ногами в липкую глину, но телегу сдвинуть никак не может!.. Видно как под кожей, на животе, надулись «жилы», надрывается, тянет... Но только устанет мужик тыкать ее кнутовищем, она немедленно вешает голову и, пользуясь минутным отдыхом, сразу засыпает... А зимой, на санях! Закутают тебя в три шубы, вынесут на руках и посадят, но, не успеешь еще отъехать от дома, как уже сползешь и полулежишь в ногах... Бабушка всё время спрашивает: «Тина, ты еще не замерзла?» Вначале ничего, но через час уже пробирает всюду... Пальцы на ногах и руках особенно начинают болеть... Бабушка опять спрашивает: «Тина, ноги мерзнут?» — Мерзнут, бабушка! — «А руки мерзнут?» — Мерзнут... — Иной раз сразу и плакать хочется... «Егор, скоро-ли Завьялово? Тина замерзла!» «Да, должно уж недалеко!..» Егор соскакивал с облучка, ухватившись одной рукой за край его, а другой начинал подхлестывать длинным кнутом «гусевую»... И лошади ненадолго прибавляли ходу... Потом он опять вскакивал на облучек и, не оборачиваясь к нам, кричал, «Тина! Нука пробеги вот так! Небось жарко станет!..» Егор был мужик уже не молодой и всегда возил мою бабушку. И она люби ездить с Егором, хотя у нас были и другие ямщики. «Чистый разбойник! — А лошади его понимают!» говорила бабушка. В пургу ли, в бурю ли, когда «зги» не видно, но, если только Егор свистнет и крикнет как-то по своему, — по разбойничьи, то кони выносили его из всякого положения!.. Раз мы с бабушкой ехали по льду Камы, чтобы сократить дорогу и поспеть к архиерейской службе. Дело было в Великом посту. Наступили уже оттепели и на льду образовались лужи тающего снега. Посреди нашего пути нам попалась такая лужа. Зная, что под водой стоит крепкий еще лед, Егор поехал и смело... Но на этот раз оказалось, что рядом с дорогой была полынья и что дорога была глубоко под водой. Это выяснилось только тогда, когда лошади были уже в воде... Не успела бабушка и крикнуть: «Ах, ты разбойник! Да ведь ты нас утопишь», как раздался пронзительный свист. Кони рванулись... Кошевая сильно накренилась, чуть не на половину в воде, но вынесенная порывом лошадей, выскочила на другую сторону полыньи на сухой лед!.. Егор молча объехал остальную часть полыньи сделал большой круг, миновал опасность и «сухими» доставил нас

в город. «Ну, что стали? Эх, вы головы садовые!» И в след раздается его разбойничий свист... Приезжая в село Завьялово, мы всегда останавливались в одной и той же избе. Меня выносили на руках. Потом снимали шубы и шали и я постепенно отогревалась. Посреди большой избы стояка железная печка и жарко топилась... «Что, Александра Ефимовна, пельмешки варить будите?.. Чугунок поставить на печку?.. Самовар сейчас будет готов». Бабушка развязывала холщевый мешочек и высыпала в кипящую воду, маленькие, замороженные, как ледяшки — пельмени...

— Да, Варвара Михайловна, я не собираюсь выходить еще раз замуж. Но, если Бог пошлет мне жениха, то пускай посылает русского... Какой бы он ни был, — я пойму его и он поймет меня... А американец мне не нужен! Он чужой мне... А я чужая ему!..

— Вот, вы какая?.. А мы с мужем думали, что вы выскочите опять замуж очень скоро!

— Господа! Вы слышали, что говорит Тина Дмитриевна? — крикнула хозяйка дома. — Да идите пить чай и закусить — прибавила, она...

— Слышали, слышали! — входя в столовую сказал полковник Флоров. Только напрасно вы так держитесь за всё русское. Ничего нет теперь хорошего!.. Все стали бандитами!! А кто пока еще не бандит, так и ходит оборванный, голодный и грязный...

— Ну, а если сейчас в Америке вспыхнет революция вроде нашей?.. Как будут американцы тогда выглядеть?..

Плохо или хорошо, но я принадлежу к Русскому народу и с ним буду делить всё. Жили хорошо, Россия нам давала всё. Пользовались всем самым лучшим. Теперь в России голод, холод, бесхозяйственность. Но ведь и это всё — наше, русское!.. И мы должны и это «изжить» все вместе!.. А потом опять придут светлые, полные счастья и благополучия дни... И наши мужчины, которые теперь грязны, вшивы, голодны, — будут нарядны, сыты, веселы! Русские богатыри, — наши мужья, братья, отцы!.. И опять будут долгие церковные службы, блестящие парады, пышные обеды... Милая, дорогая моя Родина-Россия! Я люблю тебя и такой какой ты теперь стала: голодную, грязную и несчастную... Никогда я тебя не покину, не брошу, не променяю ни на что! Ни на какие соблазны мира... На твоей земле я выросла, была счастлива и всё мне здесь мило и дорого... Всё понятно! Случилось несчастие и стали покидать

тебя, точно дети — мать свою нищую... И менять тебя на консервы...

Я попрощалась и ушла домой. Поздно ходить опасно. Недавно знакомого доктора раздели у самых дверей собственного подъезда, когда он возвращался поздно вечером от больного... Только собрался доктор позвонить, — бандиты остановили: «Подождите доктор!.. Сначала мы снимем с вас одежду, а потом уж вы позвоните, а то ваша жена может простудиться, пока мы снимем всё с вас...

Попрощалась со всеми и с Тифлисом и поехала в Баку. На этот раз доехала благополучно. Но дорогой старалась не смотреть по сторонам, чтобы татарам не было повода меня вешать. Сколько раз я приезжала после смерти Вани в Баку и никто меня больше не встречает.. На звонок вышла Даша и попрежнему радостно и приветливо встретила меня.

— Милая ба..., Тина Дмитриевна! Наконец-то приехали опять домой! — говорила она, беря мой чемоданчик. — И Алексей Семенович тоже приехали! Худющий! Страсть!..

Пришла и Нина поздороваться со мной. Но, когда я переступила порог моей комнаты и взглянула на дверь гостиной, ужас охватил меня... Из нее смотрел на меня череп мертвеца... Я остановилась и не могла пошевелиться...

— Что? Хорош очень?.. Не узнаешь?.. — идя ко мне спросил скелет! И мы поздоровались... Это был Алексей...

С его приездом порядка в доме не прибавилось. Сам Алексей с утра куда-то уходил... Нина целый день лежала в своей комнате. У нее не было места, где бы она могла спокойно проводить время с приходившими к ней гостями! Яша жил теперь с ними в моей бывшей спальне. Нина с Алексеем сделали спальню из кабинета Вани. К удивлению моему моя комната не была разрушена и всё в ней было так, как я оставила.

— Ну, как у тебя с Алексеем отношения? Лучше стали, чем до войны? — спросила я Нину, когда мы остались с ней наедине...

— Всё такой же! Ни одного дня не пробыл со мной! Да и на детей совсем не обращает внимания. Целые дни где-то пропадает... Собирает обо мне сведения, как я вела себя без него... Найдутся такие, что понарасскажут и то, чего не было!.. Но мне всё равно! Любовь моя к нему не вернулась... Даже жалости нет! Когда я получила от него телеграмму, что он едет домой, — меня точно холодной водой облили!.. Но тогда я еще думала, что он детям нужен!.. Теперь я вижу, что и дети ему безразличны.

— Ну, а как он приехал? Встречали вы его торжественно?

— Я хотела встретить как следует! Всё устроила очень торжественно, но из этого ничего не вышло... Получили мы от него телеграмму, что он приедет с таким-то поездом. Стали готовиться... Накупили всего и устроили шикарный обед. А, чтобы он сразу же не устроил мне скандала, я пригласила гостей... Пошли мы на вокзал, все нарядные... Приходим, а поезд уже пришел!.. Мы стали искать Алексея. Прошли раза два по платформе, Яша осмотрел все вагоны... Нет нашего Алексея!.. Кое кто из публики выводил еще последних пленных, — худых, оборванных... А нашего — нигде нет... Мы решили, что он на этот поезд не попал и пошли домой... — Идемте обедать! Он приедет вероятно с другим поездом, — говорю я. Никого уже нет больше!.. Вдали на платформе сидел только какой-то нищий... Пришли мы домой. Сели за стол. Закусываем и пьем за не приехавшего пленного!.. Вдруг открывается дверь... и входит тот самый нищий, которого мы видели на платформе... Это и был Алексей... Ну, конечно гости ушли... Ваньку приглашает в гости и всячески ему показывает «дружбу» и под всяким предлогом тянет с него деньги. И пьянствуют вместе. Когда Алексей дома, то не проходит минуты, чтобы он не отпускал шпильку, или какую нибудь пошлость по моему адресу... Когда еще Алексей не приехал, — Яша сказал мне, что он не позволит Алексею оскорблять меня... А теперь сидит, слушает и никогда слова не скажет в мою защиту!..

Скоро я и сама убедилась в «измене» Нининого союзника... Как-то ночью вдруг сильно хлопнула дверь!.. И вслед за этим голос Нины стал звать на помощь Яшу...

— Яша!.. Яша!.. Он меня бьет!...

Это была уже глубокая ночь... Я вскочила с постели и вышла в гостиную... Нина стояла у дверей своей спальни в одной ночной рубашке, держась за косяк двери...

— Нина! Что с тобой? — спросила я. В это время открылась дверь из детской комнаты и Надя испуганным голосом спросила: — Мама! кто тебя бьет? — Я пошла к Наде, увела ее обратно в детскую и уложила в постель. — Спи Надя!

— Тетя, кто бьет маму?

— Никто! С чего ты взяла?.. Ложись сейчас же и спи!

— Но я слышала, что мама звала дядю Яшу!.. Что ее кто-то бьет!

— Спи! Тебе это показалось... Мама звала дядю Яшу и больше ничего...

— Тетичка, посиди со мной! Мне страшно!..

— Хорошо. Но засыпай — мне холодно... — Когда Надя заснула и я вышла из детской, всё уже было тихо...

Утром Алексей встал рано, напился чаю и куда-то ушел. Дети ушли в гимназию, а две маленьких играли в детской. Я встала поздно. Нина еще спала.

— Даша, ты не была в спальне Нины Ивановны? Проснулась она?..

— Нет! Не звонила еще...

Я подождала немного и постучала к ней в дверь. Все было тихо!.. Неужели спит? Одиннадцать часов! Я открыла дверь и в полутьме увидела, что Нина лежит на спине с вытянутыми ногами и руками. Я подошла к постели и взяла ее руку. Рука была тяжелая... Пульс слабый и редкий. Лицо очень бледное... Я открыла ставню и стала трясти Нину...

— Нина! Нина! Что с тобой!.. — Она молчала. Я пошла в кухню, налила чашку черного кофе, принесла и стала ее поить. Но зубы были так крепко стиснуты, что я не могла влить кофе в рот...

— Яша! Иди, помоги мне! Нина умирает! — крикнула я в его комнату...

— Как я помогу ей?! Притворяется наверное!.. Комедиантка!..

Я позвала Дашу и мы с ней открыли рот и влили кофе. Через несколько минут Нину вырвало... В тазике я увидела камушек сулемы величиной с орешек. По телефону вызвала доктора... На этот раз Нина поправилась, пролежав несколько дней в постели...

Нужно искать работу. Пойду к знакомым врачам. Может быть дадут дежурство у больных. Сначала пошла к доктору, который делал объявления в газетах по женским болезням... Фамилия как будто знакомая. Я работала в Ванском госпитале с врачем фамилия которого была такая же... Пошла к нему... На мой звонок дверь открыл сам доктор. Я сразу узнала его!

— Узнаете?.. — Сначала у него вид был неопределенный.

— Мы с вами вместе работали в Ванском госпитале, доктор...

— О! Как же, как же! Сестра Семина! Я вас сразу узнал. Заходите... — Мы вошли в большую комнату, где стояла накрытая простыней тахта, стол, пара стульев и шкаф с инструментами...

— Я помню, вы, доктор, работали по хирургии и хотели открыть специальный кабинет по хирургическим болезням... Я ищу работу... Может быть я вам нужна?

— Нет, я взял другую специальность, более выгодную, — женские болезни... Женщины эти годы жили широко... Теперь аппарат испортился у многих... Ремонта требует...

Он говорил так цинично и откровенно, что я ушла от него с отвращением... По дороге встретила другого доктора, — татарина, с которым я раньше работала в здешнем лазарете.

— А! Сестра Семина! Как поживаете! Хотите дежурство у сыпно-тифозного? Если конечно вы болели сами «сыпняком»? — сразу же предложил он.

— Хочу доктор! И болела!..

— Ну, так вот вам адрес! Сейчас и идите. Больной лежит один. Это в караван-сарай...

— Доктор! Да как же я пойду туда!? Там ведь нет ни одной женщины во всем караван-сарае!?.

— Бакинский караван-сарай находится в старинной крепости и занимает место многих кварталов. В нижнем этаже расположены оптовые склады сушеных фруктов, риса, ковров и изделий из шелка, привезенных из Персии и Туркестана. Над ними, наверху — гостиница, где останавливаются и живут купцы-персы. Вот один из таких приезжих персидских купцов и заболел тифом...

Откажусь!.. мелькает у меня в голове первая мысль... Да, но если я откажусь сейчас, то он мне не даст работы в другом месте!.. Все же делаю попытку:

— Доктор! Я не знаю персидского языка и боюсь, что больной меня не будет понимать...

— Не беспокойтесь. Они все понимают и даже говорят немного по-русски...

И я пошла!.. Это было самое тяжелое дежурство в моей жизни! Как только больной стал поправляться, я ушла, несмотря на все уговоры и просьбы остаться еще на несколько дней...

— Я дежурю только до кризиса, — сказала я брату больного. — Доктор ждет уже меня у другого больного.

Через несколько часов мне принесли от больного сушеные фрукты («пэшкэш») и деньги за мое дежурство. Но больше я никогда уже не обращалась к этому доктору, чтобы он опять не послал меня в караван-сарай...

Как-то вечером я возвращалась с дежурства и встретила доктора — Сашеньку Мартынова... Он шел вяло, едва переставляя ноги, точно пьяный!

— Здравствуйте, любовь моя! — приветствовал он меня.

— Сашенька!.. Что с вами?!.

— Устал!.. Ноги едва волочу... Лег бы на мостовую... и лежал бы...

— А много больных у вас в госпитале?

— Очень много!.. Мрут!.. Но на их место приносят новых. Нет им конца... Приходите к нам работать, Тиночка... Вместе будем... Веселее работать...

— А деньги платят?

— Плохо!.. Почти-что не платят, так мало...

— Ну, до свидания!.. — мы расцеловались и расстались.

Через несколько дней я узнала, что Сашенька заболел «сыпняком»... К нему приставили лучшую сестру в городе.

— Она уже за третьим доктором будет ухаживать, — сказала мне Нина. — И всё неудачно. Двое первых умерли... Но Катюша сама ухаживает за Сашенькой. Он лежит в том же госпитале, где и работал до заболевания...

Мне очень жаль, что я уже занята у больного. А то я стала бы ухаживать за ним. Я несколько раз звонила по телефону и спрашивала сестру, как идет болезнь доктора Мартынова. Каждый раз она бодро отвечала, что всё как будто нормально. В день кризиса я опять позвонила. Мне ответила какая-то другая сестра и сказала, что кризис прошел благополучно, так что его сестра и жена доктора Мартынова обе ушли спать. Сам доктор спит тоже. Это было утром, а в полдень прихожу домой, а у нас сидит Катюша, веселая и довольная, что выходила мужа.

— Поздравляю с благополучным исходом, — сказала я. — Я утром звонила и узнала, что все хорошо и что вы ушли отсыпаться домой.

— Ну, ученая сестра! Видите, что и неученые могут ухаживать за тифозными больными! — сказала Катюша, здороваясь со мной. — Саша великолепно перенес кризис! Он заснул. И я ушла, чтобы тоже поспать немного! К шести часам пойду кормить его...

— Я очень рада, Катюша, что всё кончилось благополучно! Теперь только питание! И он скоро встанет на ноги! А с кем он остался сейчас?..

— О, он спит. Но сестра смотрит за ним...

— Идемте в кафе! Отпразднуем благополучный исход болезни, — предложила Нина.

Мы пошли пешком. День был великолепный! Солнечный, теплый... Пришли в кафе, заказали кофе, пирожные и сидели, вспоминая разные мелочи из жизни, и много смеялись. Смех был на губах и даже на глазах. Но у меня внутри было всё время холодно до дрожи...

— Пойдемте посмотрим на Сашеньку! — предложила я. Но Катюша сказала, что еще рано, — только четыре часа. А кормить будут в шесть!.. Но мне не сиделось почему-то. И мы пошли пешком. Нарочно, чтобы подольше протянуть время. Здание госпиталя было новое. Я его видела в первый раз... Широкая стеклянная дверь. Мы вошли, поднялись на второй этаж и прошли по коридору до комнаты, где лежал доктор Мартынов, не встретив ни одной сестры, сиделки, или санитара. Пусто и не уютно показалось мне, хотя всё новое. Ряд высоких дверей были раскрыты, а некоторые заперты и напоминали, почему-то склепы!.. А весь коридор — кладбище... Мы свернули в боковой коридор, Катюша открыла вторую дверь от угла и мы вошли в комнату доктора Мартынова. Там тоже никого не было. Он лежал один...

— Ну, вот видите, он еще спит! Я говорила, что еще рано! — бодро сказала Катюша. Я взглянула на Сашеньку и заметила, что для спящего он был слишком бледен. Я взяла его руку... Она была холодная. Пульс едва ощущался!..

— Сашенька! Как вы себя чувствуете?.. — Но он не отзывался и не открыл глаз. Я еще несколько раз позвала его, поправила положение головы, которая была как-то странно запрокинута... Он с трудом открыл глаза и, как мне показалось, узнал меня, но сейчас же закрыл их и опять повидимому впал в беспамятство... Я обернулась к Катюше и сказала:

— Он умирает! Позовите скорее доктора!.. Скорее!..

— Что вы!.. Он отлично себя чувствовал!.. — Но она выбежала в коридор и стала кричать: — Доктор, доктор!.. Сестра!.. Идите сюда!..

Но нигде никого не было! Она вбежала, и спросила меня: — Почему вы думаете, что он умирает?.. — и не дождавшись моего ответа опять выбежала из комнаты и снова стала звать на помощь: — Доктор! Сестра!.. — Никто не отзывался и никто не шел на помощь умирающему доктору...

На столике стоял стакан с водой. Я взяла в ложечку воды и влила ее в рот... Вода вылилась обратно... В госпитале не оказалось ни одной сестры, не было даже санитаров в эту пору дня... Пришлось вызвать врача из городской больницы, который сделал Сашеньке впрыскивание. Сама Катюша сварила крепкий кофе и мы стали его поить, вливая по ложечке в рот. Но бедный Сашенька не мог проглотить ни капли...

— Доктор, посмотрите, что у него во рту? — сказала я.

С трудом открыли чайной ложкой рот. Десны были покрыты толстым слоем коричневой липкой слизи. В горле язва. Ничего не помогало! Ни впрыскивание, ни черный кофе... Серд-

це с каждой секундой становилось всё слабее и слабее... В девять часов вечера Сашенька умер...

Два дня его тело лежало в каком-то сарайчике... Не было ни панихид, ни свечей, ни молитв... На другое утро после его смерти, мы пришли в госпиталь, но долго не могли найти его тело. Катюша искала сначала сторожа, но его не оказалось! Потом она искала ключ от сарайчика где лежал доктор. Но никто не знал где он... Наконец какой-то санитар сказал, что тело доктора Мартынова в мертвецкой, во дворе. Но сторож вчера еще куда-то ушел и, повидимому, ключ от мертвецкой унес с собой. Мы пошли во двор. С улицы вошли в распахнутые ворота и увидели небольшую пристройку почти около кухни... Двери пристройки были открыты и за ними, посреди совершенно пустой комнаты, стояли носилки... на них лежало тело... Оно не умещалось на носилках, — голова и ноги свешивались... Тело не было ничем покрыто... Мы подошли и сразу узнали Сашеньку... Полуодетый, в тужурке, но без сапог... Какой-то необычайно жалкий и заброшенный, точно чужой для всех. Более жалкого покойника я никогда не видела...

— Сашенька, милый! Видишь, для тебя не нашлось даже подходящих носилок! — Холодный ком подкатился мне к горлу... Я стала смеяться... — Посмотрите!.. Ему носилки-то коротки!.. — поворачиваясь к Нине и Катюше сказала я... И они обе тоже смеялись мелким холодным смехом...

В день похорон, погода испортилась... Шел мелкий, холодный дождь. На мостовой на вершок стояла жидкая грязь... Сашеньку положили в простой гроб, — даже не крашеный... Поставили на телегу, запряженную парой белых лошадей, которые всю дорогу едва плелись, а в гору скользили и останавливались... Не много шло за гробом друзей!.. Мы с Ниной, да Катюша с Ивиком, старшим сыном умершего доктора, которому было семь лет... Младший Миша ехал в единственном фаэтоне с бабушкой... Из мужчин был Яша (Алексей не пошел; — Я его совсем не знаю, — сказал он), да квартирант, с которым Сашенька приехал из Персии и который живет у них. Мужчины шли по тротуару. Только мы втроем шли всё время по мостовой за гробом. Отпевали Сашеньку в соборе. Гроб внесли в собор и поставили на скамью. В соборе тоже никого не было, кроме двух сестер милосердия... Одна из них подошла к гробу положила на него живые цветы, поцеловала Сашеньку и отошла на прежнее место... В это время из боковых дверей алтаря вышел мужчина в черном пиджаке, с подстриженной бородкой и волосами остриженными ёжиком, — как у военных. В одной руке у него было кадило, а в другой требник.

Он подошел к гробу и начал читать молитвы. Но потом сделал шаг к Катюше и спросил: — как имя умершего?

— Что это такое? Кто он? — в недоумении и испуге спросила я Нину.

— Священник, настоятель собора. Он первый из священников снял рясу и остригся... Об этом писали в газетах. Как только была объявлена свобода, он послал Керенскому телеграмму и просил освободить его от смешного, устарелого наряда и длинных волос, чтобы не делать его смешным в глазах молящихся...

— Какое безобразие!.. Прямо какой-то расстрига!.. — Я не стала и смотреть на стриженого «попа». Да и отпевание очень скоро кончилось... Почитал, попел что-то, что полагается для отпущения грехов. — Да какие у Сашеньки «грехи»?.. Работал, работал, — свалился и умер...

После отпевания и «целования» гроб заколотили, вынесли и опять поставили на дроги... Отдохнувшие лошади натужились и повезли на место вечного упокоения так незаметно ушедшего Сашеньку...

Но, странное дело, — стриженый священник, с непокрытой головой, в рыжем пальто, с кадилом и с черной потрепанной книжечкой в руках, шел за гробом и время от времени пел что-то успокаивающее и обнадеживающее для преждевременно ушедшего в вечность Сашеньки...

У кладбищенских ворот нас встретил сторож и сказал: — Ежели на военное, — так держи правее... Там увидите в шестом ряду вырытая могила... — У меня сердце больно защемило.. Вон там, выше около часовни и мой Ваня лежит...

— Нина! Я пойду к Ване... Я вас еще догоню, — военное кладбище ведь недалеко...

— Нет, не ходи сейчас. Мы лучше после похорон вместе пойдем...

Вот и военное кладбище... Много рядов со свежими еще могилами... Ряды не очень прямые... И нигде ни кустика, ни деревца...

— Где же могила для доктора? — спросил полковник Попов сторожа, сопровождавшего нас...

— А вот, ежели покойник офицер, так тут и закопаем его... А ежели солдат, то вон туда поезжайте. Там солдатское отделение будет...

Гроб сняли с носилок и поставили около самой могилы. Священник стал читать последнее напутствие, но его прервал

старший сторож. Он шел к нам, махая руками и что-то крича. Священник остановился. Подошедший спросил:

— Откуда покойник-то? Из какой больницы?

— Из военного госпиталя. Доктор...

— Здесь могилы приготовлены для офицеров. А насчет доктора нам нет распоряжения... И эта могила заказана еще вчера, для офицера!

— Так, как же нам быть? Может быть мы возьмем эту могилу для нашего покойника, а вы для офицера выкопаете другую? — предложил полковник Попов.

Но сторож не соглашался, потому что «клиент» может каждую минуту приехать...

— Его могилу нельзя занимать!.. Да и здесь места только для офицеров!.. А насчет доктора я не знаю... Ежели хотите, так везите его на солдатское кладбище! Там просто, без строгостей, да и завсегда могилы есть нарытые!..

Все молчали... Холодный ветер и мелкий дождь делали тяжелую обязанность еще тяжелее...

— Всё равно. Раз нет для него места, — с горечью сказала Катюша, — то везите на солдатское кладбище...

Опять подняли гроб на телегу и повезли к солдатам, у которых повидимому, было больше порядка... Могилы и кресты по ниточке выравнены, на крестах фамилия, полк, рота и день смерти. Сторож шел впереди и указывал куда ехать. Это военное кладбище было новое. Но за время войны здесь уже сотни рядов погибших солдат... Дроги остановились у указанного места...

— Вот хорошая могила! Маленько еще не «глыбко»... Но пареньки враз выроют!.. — Мы подошли и заглянули в могилу. Там двое парней копали и мокрую глину выбрасывали наружу.

— Что нам делать? Ведь могила еще не готова!.. Стоять под дождем неизвестно сколько времени? — сказал Яша.

— Может быть мы вернемся, когда будет готова могила?.. — спросил полковник Попов.

Но сторож выручил всех: — Да пошто вам возвращаться?.. Зароем и без вас в лучшем виде!.. Вот только выроют, — так и закопаем!.. А што вам мокнуть-то, да стынуть?..

Стали советоваться. И все быстро пришли к общему соглашению, что стынуть и мокнуть не стоит... Священник быстро прочел молитву и, не оглядываясь, все ушли... Священник попрощался с нами: — Извините, но я сверну в сторону и зайду навещу друга, похороненного недавно... Я почти каждый день у него бываю... Все же не так, бедняге, тяжело лежать одно-

му... — И он зашагал по липкой и скользкой глине между свежими могилами. Он шел с непокрытой головой, чуть ли не насквозь промокший...

Катюша с матерью, с детьми и с полковником сели на фаэтон и уехали. А мы пошли пешком до первого фаэтона и тоже поехали домой.

Две недели я не видела Катюшу. Но как-то я встретила полковника и он сказал мне: — Ее нужно оставить в покое!.. Дать ей отойти и придти в себя после такого потрясения...

После двух недель она сама пришла к нам и сказала: — Так как вы мои друзья и, так как я опасаюсь, чтобы до вас не дошли «ложные слухи», то я сама пришла сказать вам, что я и полковник Попов, мы — муж и жена, и мы перешли в одну комнату. Я вас приглашаю придти и посмотреть как мы устроились... А потом будет «сервирован» чай!

Сам Попов, сказал, что: — в память доктора я готов обвенчаться с Катюшей хоть сейчас. Но моя жена не дает мне развода, хотя сама живет с богатым татарином, и только не уверена сколько его любовь к ней продлится. «Если он меня бросит, сказала она мне, ты будешь меня содержать!»

После «медового месяца», полковник Попов уехал в Добровольческую армию. Он звал с собой и «жену» с детьми и матерью. Но потом на семейном совете решено было всей семье оставаться пока в Баку. После двух писем, полученных от «мужа», переписка прекратилась совсем. Что с Поповым случилось, так и не узнали никогда...

Скоро в квартиру Мартыновых вселили каких-то железнодорожных служащих и из всей квартиры ей с детьми и матерью оставили две комнаты и кухню. Но и за эту маленькую квартиру она не могла платить...

— Ура! Я нашла работу!.. — сказала она, зайдя как-то к нам. — Буду в вечерней школе преподавать взрослым французский язык! — Но уже через неделю она пришла в полное отчаяние от своих учеников и бросила преподавание! — Не могу. Это такой ужас!.. Что ни скажу, — все сейчас же хохочат! Никто ни одного слова не может произнести. А некоторые нарочно коверкают мои слова на свой лад... И всё время все хохочат! Дикари! Туда же учиться французскому языку хотят!.. Пойду учиться шить шляпы!.. Какая-то француженка объявляет, что учит шить самые модные шляпы в короткий срок. Только материал просит приносить свой. Можно всякие тряпки, или старые юбки, и даже детские платья! У меня старье есть.

Французский язык я знаю. Выучусь, — сама открою мастерскую! — бодро закончила Катюша. Но училась она не долго. И ничему положительному не выучилась... А дома дети каждый день просили есть... И за квартиру надо было платить тоже...

Предприимчивые люди, у которых остались кое-какие деньги, решили, что сейчас самое подходящее время для развлечений!.. Стоит только открыть что-нибудь захватывающее... И только загребай тогда денежки!.. Образовалась компания для открытия «кабарэ»... В эту компанию вошли: Бакланов, Коженков, Иванов (который живет в нашем доме, и у которого есть паровая лесопилка дающая огромные доходы, как он сам говорил), Яков и Алексей Семины. Кабарэ было открыто с помпой и первое представление сразу окрылило всю «дирекцию»! Публики пришло на открытие много. Кассирша, которой была Катюша Мартынова, едва поспевала продавать билеты. Программа была очень разнообразная и интересная. Наибольшим успехом пользовался «индийский факир». Он вызывал желающих на сцену и усыплял их. Публика задавала вопросы. Усыпленный давал ответы, но не сам, а через факира. Первый вопрос из публики был: — Придут ли сюда большевики? — Затем: — Займет ли Деникин Москву? — Третий спрашивал может ли медиум указать, кто украл у него чемодан, в котором были вещи и сто рублей денег?.. Но «медиум» повидимому так устал и измучился, что ему сделалось даже дурно и он почти упал. Факир вызвал нового желающего быть «медиумом». Вызвалась молодая девушка. Она была усыплена. Кто-то опять спросил: — Где сейчас адмирал Колчак и что с ним? — Факир повторил слова. И вдруг девушка вскрикнула, покачнулась и упала бы, если факир не поддержал бы ее. Сдавленным голосом она сказала: — Его только что убили... — На этом первое представление и кончилось. Публика разошлась. А дирекция с друзьями пошли в ресторан вспрыснуть удачное открытие. Заняв отдельный кабинет все расселись стали пить и закусывать.

Я сидела рядом с Баклановым и спросила его: — Откуда вы достали этого факира?

— Сам приехал из Персии. Он там работал. Но захотел домой. Приехал в Баку — ну, мы его и перехватили...

— Да, разве он русский?..

— Конечно русский! До войны он работал в цирке. А потом во время войны попал на Персидский фронт. Когда фронт этот развалился и все разбежались, он объявил себя факиром и стал зарабатывать деньги на жизнь. У него сейчас две жены.

А было их четыре, да две не поехали с ним. Жилось ему в Персии не плохо, да заскучал по родине и приехал сюда... А дальше-то ехать нельзя!.. Опять фронты!.. А он не хочет ни к белым, ни к красным!..

Справили открытие хорошо. Говорили тосты и добрые пожелания... Но этот вечер открытия был самым лучшим. Дальше всё становилось хуже и скоро «кабарэ» закрылось совсем. Хозяин дома сказал, что все прогорают, кто бы и что бы не открыли. — На кладбище стоит это здание! Покойники мешают!..

Катюша опять потеряла работу. У меня тоже прекратились дежурства. То ли тиф стал ослабевать, или уже все переболели. Но и доктора жалуются, что нет работы и у них!...

— Денег нет ни у кого. Бедные идут в городские больницы. Богатых осталось мало. Средний же класс помирает дома без всякой медицинской помощи, — сказал доктор Жуковский.

Но не всем плохо! Одни потеряли всё и стали нищими... Но другие неизвестно отчего разбогатели!.. Сегодня Алексей сказал: — Есть покупатель на дом на Молоканской улице. Хорошие дает деньги! Нужно продать. А то мне с детьми совсем трудно стало жить...

Я и Яша протестуем против этой продажи. Деньги нам не нужны, а без нужды продавать дом не стоит! Деньги с каждым днем падают в цене, и в конце концов у нас вместо дома на руках останутся бумажки, постоянно понижающиеся в ценности... Но, Алексей так настойчиво жаловался, что ему трудно жить с детьми на те доходы, которые сейчас получает, что мы с Яшей должны были согласиться на продажу... Дом купил наш же квартирант Иванов, который за год до войны приехал в Баку с лесом от «компании» и снял у нас квартирку из двух комнат.

— Мне только бы переспать было где! Да подешевле! А так я весь день нахожусь на пристани... Лесом мы торгуем! — сказал он при найме квартиры. Он был высок, широкоплеч и страшно красен лицом, точно только-что вышел из парной бани. На нашем дворе все его так и звали: красный великан... Он обижался. Баку ему понравилось. И никто не заметил, как появилась у него паровая лесопилка... А вскоре пришел он к Яше и сказал — Семейство выписал!... Одному жить — одно баловство!.. Оставь-ка за мной квартирку в шесть комнат. — И вот этот приказчик, посланный в Баку продавать лес какой-то Самарской «компании», не только продал этот лес, но

тут же купил дом за 600,000 руб. наличными деньгами, которые уплатил у нотариуса, как только мы подписали купчую!..

До получения таких больших денег, я никогда не интересовалась ни курсом денег, ни валютой... Но теперь каждый день, как только беру в руки газету, прежде всего смотрю курс рубля...

— Может быть хочешь купить персидские туманы? — спрашивал Яша. — Покупай! Очень выгодно! Рубль падает всё время. Если подержишь несколько дней туманы, а потом продашь, — заработаешь хорошо!..

На другой день Алексей предлагает купить у него турецкие лиры...

— Слушай! Это тебе не персидские туманы! Турецкая лира верная валюта! И в цене всё растет! Если подержишь некоторое время, можешь заработать хорошие деньги!..

Вот настало глупое положение!.. Выменяли дом на кучу бумажек, а теперь не знаем, что с ними делать! Собственно нам совершенно не нужны были эти деньги, которые меня только сбивают с толку... Я почти не могу спать! Всё считаю сколько я купила туманов, сколько лир, и насколько завтра они поднимутся... Так нельзя! Я совсем запутаюсь. Нужно спросить опытных людей, что лучше всего покупать на русские деньги. Пошла к адвокату, это друг Вани и он мне посоветует и укажет правильный путь...

— Герасим Абрамович! Что выгоднее и вернее сейчас покупать из валюты?..

— Трудно сказать! Всюду сейчас не спокойно. А деньги — неверная вещь! Самое верное и лучшее помещение денег: — купить недвижимость, например, дом, землю.

Пошла в Коммерческий банк: — можете вы посоветовать какую лучше покупать сейчас валюту? — спросила я знакомого кассира.

— Всякую можно покупать. Но горе в том, что сейчас валюты-то верной почти нет никакой!..

— Я вот купила туманы и лиры. Но мне кажется это неверная валюта?.. А в других странах тоже не спокойно и покупать их деньги опасно?..

— Хуже чем у нас — ни у кого не будет!.. Если достанете — смело покупайте...

Алексей с деловым и озабоченным видом на минутку приходит домой и сейчас же опять уходит. Встретил меня на улице и сейчас же стал предлагать вступить в «их дело»!

— Хочешь купить акции в «нашем деле»? Дело серьезное и очень доходное! Принимаются члены только по рекомендации. Конечно, я тебя рекомендую, как мою родственницу и тебя сейчас же примут! Одному человеку можно купить не больше пяти акций. А каждая акция стоит двадцать тысяч рублей... Я тебя не уговариваю! Говорю только как брат сестре... Желающих купить акции очень много. А у нас акций ограниченное количество. Поэтому, если ты решишь вступить в общество, то я «там» скажу. И тебе оставят сколько ты захочешь купить...

— А какое же это дело?!

— Дело это настоящее! Не надувательство, а можно сказать, единственное серьезное в Закавказьи дело, которое и очень нужно и очень доходное... Мы организовали «Акционерное Общество Транспорт» по доставке продуктов в город, а так же и по перевозке людей по Бакинской губернии. Дело абсолютно верное! Каждый месяц собирается общее собрание и делается полный отчет деятельности транспорта. Вся чистая прибыль выдается членам на руки немедленно...

— Хорошее дело! Я куплю одну акцию для пробы... — Потом пошла к Ивану Яковлевичу и рассказала ему об «акционерном обществе»!

— Дураков ловят! — ответил он на мои слова. — Продали отцовский дом и не знают теперь, как поскорее денежки спустить! Тоже коммерсанты! Алексей к нам даже не зашел посоветоваться, когда продавали дом... Разве в такое время можно продавать недвижимость?! Проще просто подпалить дом!.. Тот, красный детина, поумнее вас всех!.. Куда ему девать деньги, которые сегодня пятак за рубль, завтра копейка... Вот он и нашел дураков, вроде Семиных. Дал им бумажки, а сам получил на прекрасной улице двухэтажный дом, который ему за год или за два, вернет все эти деньги!..

Ушла я от Карловых совсем расстроенная — но, дома ждало меня письмо от знакомых из Батума. Они описывали Батумские прелести так хорошо, что я решила поехать туда, посмотреть этот прекрасный город, его окрестности и море. Это, кажется, единственный сейчас уголок в России, который еще живет по человечески — без митингов, разрушений и насилий над человеческой свободой. Приехала и была очарована еще больше, чем ожидала. Взяла свой чемоданчик и пошла пешком до гостиницы, чтобы насладиться воздухом, солнцем, цветами и тишиной. Несмотря на большое движение на улицах, стояла полная тишина... Сам воздух и солнце, казалось,

поглотили все звуки. Даже шум своих шагов я не слышала!... Я обошла чуть не все гостиницы в городе и не нашла ни одной свободной комнаты. Что же я буду делать? Где я буду спать?.. С тревогой в сердце подумала я. Но красота природы скоро заглушила всю мою тревогу и я пошла на бульвар. Там еще лучше! Еще красивее! Вдоль всего бульвара растут красавицы-магнолии... Их огромные, белые цветы кажутся восковыми. Я прошла до Александровского сада любуясь и вдыхая аромат гардений, которые пышно растут тут же рядом с магнолиями и пальмами. Ими обсажены все аллеи и бульвары, до самого порта. Я ходила по ним и по улицам совершенно очарованная. Потом свернула на Садовую, которая была так же хороша, как и Александровская. И, — о счастье! Я увидела маленькую записочку, приколотую на воротах: «сдается комната»! Я зашла во двор в котором было много маленьких домиков-сарайчиков, похожих на товарные вагоны, но без колес. За справками я направилась к большому дому. В это время из одного такого вагона-сарайчика вышла женщина и спросила меня, что я ищу. Я сказала, что хочу посмотреть комнату, которая сдается. Она повела меня к другому такому же домику, открыла дверь и сказала: — Генерал тут жил. Да уехал в Добровольческую Армию. Вот его комната сдается. — Комната была так мала, что кроме кровати ничего в ней поместить было нельзя. Цена же была такая, как за номер в лучшей гостинице! Пришлось взять! Я оставила в ней мой чемоданчик и пошла искать моих знакомых.

Ближе к порту публики на улицах было больше. Отовсюду слышна музыка; из растворенных дверей ресторанов, из кафе... Рестораны всюду! На каждом углу, а то и на всех четырех углах каждого перекрестка... Всюду много мужчин в военной форме... Чуть не больше всего — в иностранных формах. Рестораны и кафе полны нарядными молодыми женщинами, говорящими по русски. В центре города, ближе к порту, толпы военных всех стран. Большинство в обществе молодых, нарядных женщин, говорящих на всех языках. И все или идут в ресторан и кафе или выходят из них веселые и беспечные. А оттуда всегда несется музыка или пение, то бравурное и веселое, то грустное, полное печали... Даже черномазые великаны-сенегальцы ходили по улицам под руку со своими подругами. В ресторанах все столики всегда заняты. За некоторыми сидят молодые офицеры в старой русской форме и, подражая иностранцам, громко разговаривают, требуют напитки и заказывают музыкантам играть что-нибудь душе-

щипательное!.. За выпитое вино нередко просят подавальщицу — запишите, Шурочка, — или — «Кися» заплати, я скоро получу с американца за проданные жемчуга и верну тебе свой долг...

Всем хотелось хоть немного пожить, как прежде... Хоть только тут, на глазах у других. А дома всё равно ничего нет, кроме дощатой комнаты, да кровати, на которой белье не менялось уже месяцы. В этих кафе и ресторанах можно услышать все новости. И про Добровольческую армию, и про курс валюты. Тут же происходит купля и продажа остатков русского богатства... Продавцы не всегда продают свое, а чаще взятое у знакомых или родственников на «комиссию»... И вот сидит в ресторане, потребует бутылку вина и сидит за ней несколько часов, поджидая богатого иностранного покупателя, продавая всё, чтобы не умереть с голоду. Но иностранные покупатели, прежде чем купить, меняли свою валюту на обесцененные ими же кавказские деньги и ими уже платили столько, сколько хотели... Они были сыты и спешить им было некуда! А голодные продавцы ждать не могли! И поэтому продавали последнее, что у них было: бриллианты, золото, фамильную серебряную посуду, драгоценные старинные Текинские корвы, меха... А иностранцы ничем не брезговали. Покупали и шелковые старинные шали, тонкое постельное — полотняное белье и даже платья... Целые пароходы уходили из Батумского порта нагруженные русским добром, проданным за ничего не стоющие бумажки закавказской валюты (временной)! Перед тем, как большевики заняли Тифлис, Батум был более пуст, чем после нашествия неприятеля. В нем осталось только то, что иностранцы не захотели купить и унести на пароход!.. Но куски мрамора, чугунные решетки с кладбища, мебель орехового дерева, куски инкрустации, картины и даже церковные Царские Врата были скуплены, погружены на пароходы и увезены заграницу «покупателями»...

Нашла знакомых. Рассказала, что не могла найти хорошей комнаты, а сняла какой-то вагон с кроватью, чтобы спать.

— Это вам повезло! Многие, за неимением комнаты, спят прямо на пляже, — сказали мои знакомые. — Все лучшие дома и гостиницы заняты иностранцами. Они чувствуют себя «победителями» в побежденном городе и не стесняются с нами... А что останется, — то для нас... Даже негры-солдаты всегда идут по тротуару и ни за что не уступят дорогу ни женщине, ни старику... Прямо сталкивают с тротуара!.. А что они делают с нашими женщинами и девушками! У них много денег. Они кормят их, голодных, в ресторанах... Всё это конечно до-

вольно просто и понятно... Но, если не смотреть на всё это и не замечать сытых, красных рож, то и здесь жить можно ... И даже лучше чем в Тифлисе. Как-то здесь и есть меньше хочется! Да и одежды теплой не нужно; квартиру топить тоже не нужно. А, турки привозят в своих «филюгах» кукурузные лепешки, каймак, дыни, арбузы, яйца, иногда и баранину, и продают всё страшно дешево! Но и тут эти «победители» наложили свою руку!.. Не позволяют им продавать без своего разрешения считая это контрабандой...

Мне всё нравится здесь, — море, купанье в нем, вечный прибой. Даже бури с волнами, заливающими берег. Живу в вагоне-сарайчике. Вернее только прихожу туда спать. А днем валяюсь на пляже. Решила съездить в Баку за вещами. Да кстати узнать, как дела «транспорта», а потом вернуться сюда опять! Уж очень мне всё тут нравится...

Приехала в Баку и узнала, что от «транспорта» ничего не осталось... Но, как же так? Где же всё имущество транспорта? Ведь были же хотя бы грузовики для перевозки продуктов и публики. Была контора!

— Всё пошло с торгов за долги, — заявил Алексей.

— А, где сотни тысяч рублей членских взносов?

— Всё пошло туда же!.. Но вот за то теперь четверо нас открываем новое и верное дело! Это уже будет последнее! Взнос всего пять тысяч рублей за пай! Хочешь войти?..

— Какое еще дело?

— Конфетная фабрика!! Люди всё честные, порядочные! Я ручаюсь за них!

— Спасибо! Я на пять тысяч столько куплю конфет, что вы в год их не съедите.

— Напрасно ты не соглашаешься! Я тебе говорю — верное дело и приносит хороший доход!

— Тина, купи у меня «кулон»! Алексей не дает мне денег, — сказала Нина, когда Алексей ушел из дому. У меня нет ни копейки своей! Не с чем в город пойти!

— Тина Дмитриевна, вас просят к телефону — сказала Даша. Я подошла. Звонили из какой-то гостиницы. Спрашивали знаю ли я Анну Калинину. Я хотела ответить, отрицательно. Но незнакомый женский голос перебил меня: —Я племянница отца Смирнова — Нюра! Пожалуйста приходите сюда! Я всё рас-

скажу вам... — В голосе было столько отчаяния, что я не колеблясь, ответила согласием... Фаэтон подвез меня к гостинице, о существовании которой я никогда не подозревала.

— Здесь г-жа Калинина? — спросила я в конторе гостиницы.

— А, это вы будете г-жа Семина, которую ждет Калинина?

— Да, я Семина! А, что случилось с Калининой?

— Мы ничего не знаем! Она приехала сегодня ночью из Энзели с ребенком, который плачет всё время. Должно быть больной. Жильцы жалуются, что спать никому не дает... Мы попросили ее найти комнату где нибудь в другом месте, но она сказала, что у нее нет денег заплатить за «номер» и уговорила нас вызвать вас сюда... Говорит, что вы всё устроите...

Хозяин проводил меня до дверей комнаты, где жила Нюра. Нам открыла молодая, страшно бледная и худая женщина...

— Я Нюра Калинина — племянница отца Смирнова! Я сегодня ночью приехала из Персии с сыном. Ему шесть дней всего...

На кровати лежал сверток и слабо «скрипел». Нюра подошла и развернула пестрые тряпки, в которые он был завернут. Я увидела крошечное красное сморщенное существо, без волос и почти без ногтей.

— Боже мой! Какой он крошечный! — сказала я.

— Да, я его не доносила... Я лучше расскажу вам всё по порядку. Я вышла замуж перед самой революцией. После свадьбы муж уехал на Персидский фронт, а я осталась у дяди с Верой и Любой в Александрополе. Жили мы в крепости в казенной квартире. После революции солдаты буйными толпами ходили по крепости ругались, показывая на дома, в которых жили офицерские семьи, и кричали: «Буржуи, вот погодите! Скоро всех перережем!» Я говорила Вере, что нужно уехать в Тифлис к дяде. Но им всё было жалко бросать насиженное место... Отъезд всё откладывался. Потом я получила от мужа письмо, тоже очень тревожное... Солдаты не слушаются... Приказания офицеров не исполняют. Устраивают митинги и грозят «перебить» всех офицеров, если их немедленно не распустят «по домам»... Я написала мужу, что еду к нему. Умирать так вместе! Сначала мы жили довольно сносно даже. Конечно я пряталась от солдат. Надела солдатские штаны и рубаху, почти не выходила из палатки. Скоро подошли и Сережа с Володей. Их батарея не пожелала оставаться в Персии и все войска подходили к нашей стоянке, откуда дорога шла к морю. Туда все и устремились. Но чем дольше мы стояли на этом месте, тем всё кругом становилось хуже и тревожнее. Лагерь разделился на-

двое: в одном офицеры и меньшая часть солдат стояли за поддержание Добровольческой Армии. Другая часть, тоже с офицерами, стояла за то, чтобы немедленно идти домой, или к большевикам. Лазутчики передавали, что в большевицком лагере солдаты говорят: «Перебьем всю офицерскую сволочь! Захватим пушки и пойдем к морю, а там и домой!» Муж меня уговаривал уехать в Тифлис к дяде. Мы уже знали, что Вера и Люба бежали из Александрополя, но мне жаль было расстаться с мужем. Я всё оттягивала свой отъезд. Когда же решила ехать, то было уже поздно... У нас не было денег даже для меня одной на дорогу... И я осталась с мужем. В лагере был почти голод. Казенных денег больше не отпускали. Покупать хлеб и мясо было не на что. Солдаты обносились, оборвались, ходили грязные, заросшие волосами, голодные и злые. Решено было, что оставаться больше в Персии нельзя. Ждали только случая, чтобы без кровопролития захватить пушки и идти с ними к морю... И вот, в одну темную, бурную ночь наш лагерь снялся и, под шум ветра и дождя, двинулся к морю. Там, думали они, пароходы уже ждут нас... Я забыла еще вам сказать, что около трех недель тому назад в Добровольческую Армию был послан офицер от наших сочувствующих ей офицеров и солдат, с просьбой прислать в Ензели пароходы за пушками и людьми. И теперь думали, что пароходы уже должны быть на месте, — в Ензели... Но за пушками следило много глаз не только с нашей стороны, но и из большевицкого лагеря... Последнюю ночь перед бегством дежурство по лагерю выпало на наших солдат и офицеров. Ночь была бурная... Дождь лил, как из ведра... Ветер чуть не срывал палатки. Раскаты грома заглушали всякий шум. Всё это было нам на пользу... И, как только лагерь затих и заснул, офицеры разбудили сочувствующих солдат, запрягли лошадей в пушки и двуколки, нагрузили их и выступили, не теряя ни минуты. Всё делалось молча. Избегали малейшего шума. Всех наших раненых солдат вынесли и положили на двуколки. Остальные шли пешком. Шум бури и дождя был нашим главным помощником... Только к утру в лагере у коммунистов узнали о нашем бегстве... Они тоже снялись и пошли по нашим следам. Сначала только по ночам они нападали на нас. Хотя их было в несколько раз больше, чем нас, но они опасались нападать на нас открыто. Ограничивались только стрельбой издали. Всего убили двоих и одного ранили... Мы всю ночь и весь следующий день шли. Я очень устала. Ноги опухли, а солдатские сапоги мне растерли ноги. На другой день я совсем уже не могла идти. Муж пробовал сажать меня на зарядный ящик. Но я не могла и пяти минут просидеть на нем.

Лучше всего было идти пешком. Меня поддерживали с одной стороны муж, с другой Володя, или Сережа — по очереди. Дорога была ужасная! Лошади, отощавшие от голода, едва тащили пушки. Поминутно они останавливались, хватали сухую, колючую траву, росшую по бокам дороги и ели ее. Да, и солдаты тоже выбились из сил, без еды, отдыха и сна, но садиться боялись! Боялись заснуть. Боялись и нападений преследующих нас коммунистов. Был с нами и доктор. Да как-то ночью не выдержал и сбежал. Не то обратно в Персию, не то к коммунистам. Я так страдала, что часто думала, что лучше умереть где нибудь в канаве под кустами, чем идти дальше хотя бы только еще несколько шагов. Я просила мужа оставить меня одну на дороге... Но меня вели всё дальше и дальше... Теперь коммунисты преследовали нас и днем, и ночью, и мы, почти без отдыха и еды шли и шли... Старались скорее дойти до моря. Наконец за два дня до моря, я совершенно уже лишилась сил от боли. Муж был в полном отчаянии. Хотел даже нести меня на руках... Но я чувствовала, что пришел мой конец, что я умираю... Батарея остановилась. Я легла на землю под пушку в страшных страданиях. Ребенок родился... Муж сам принял его. Пуповину перерезал перочинным ножем... Ребенка завернули в мою юбку, которая была в двуколке. Сережа взял на руки ребенка. Муж — меня... И батарея тронулась дальше... Но разве можно по таким дорогам, да с такой ношей идти долго? Мы сразу отстали от батареи. Я легла на землю, а муж сел, чтобы отдохнуть немного. Вдруг слышим шаги и громкие голоса совсем близко. Я вскочила, муж тоже и чуть не бегом бросились догонять батарею... Я до крови искусала свои руки, чтобы не кричать от боли...

— Когда мы наконец добрались до моря, там стояли три парохода... Погода была тихая и теплая... Но к следующему утру подул ветер и быстро погнал мелкую, с белыми гребешками волну. Когда мы дошли до берега, началась немедленная и спешная погрузка пушек и зарядных ящиков, лошадей и мулов. Работали все. Офицеры работали наравне с солдатами. Сначала пушку приходилось нагружать на лодку. Потом ее везли к пароходу. Волны заливали лодку, били ее о борт парохода, каждую минуту грозя смыть пушку, или зарядный ящик в море. Солдаты и офицеры по колено в воде, удерживали руками этот тяжелый груз, всё время рискуя быть раздавленными пушками. Когда всё и всех наконец погрузили на пароход, то и солдаты и офицеры падали от усталости где попало и немедленно засыпали мертвым сном... Пока грузились, я отдыхала на пароходе в каюте. Муж хотел, чтобы всем им ехать вместе на одном па-

роходе. Стали искать Сережу, но его нигде не было. Оказалось, что он был на другом пароходе. Пошли к нему. Он спал на палубе вместе с солдатами. Сколько ни будили его, — не могли разбудить... Решили тогда всем перейти на Сережин пароход, чтобы быть всем вместе. Так и сделали. К вечеру разыгралась настоящая буря. Пароходы поспешили уйти подальше от берега в море. Как только покончили с погрузкой, я попрощалась, села в лодку и перс повез меня на берег. На берегу я села на песок и стала смотреть как уходили пароходы. Точно три черных гроба, казалось мне... Ни флага, ни трубы, ни дыма не было видно... Они ныряли в волнах точно черные ящики... Солнце давно зашло. Волны доходили до моих ног... Ребенок вероятно плакал, но я ничего не замечала и не слышала... Всё смотрела туда, куда уходили черные пароходы... Их самих я уже не видела. Но всё ждала, чтобы хоть на миг еще показалась черная полоска, в которую они обратились на расстоянии...

— Безумная тоска сжала сердце... И раскаяние — почему я не поехала вместе с ними! Почему я осталась здесь и сижу одна на берегу! А он, — мой муж! Он уезжает от меня всё дальше и дальше!.. Я готова была броситься в море вместе с ребенком... И, вдруг, я увидела перед собой двух солдат. Они подошли. Остановились в нескольких шагах от меня и стали рассматривать меня с видом голодных зверей... В ужасе я вскочила с песка и пошла к городу, но они загородили мне дорогу... Один из них грубо спросил: «Чего ты тут делаешь?» И всё приближались... Вид у них был страшнее всякого бандита. Рубахи расстегнуты, волосы длинные, взлохмаченные, грязные, щеки не бритые... Через одно плечо пулеметная лента, а через другое винтовка... «Чего ты тут делаешь? Провожала пароход?» — снова спросил солдат, оглядывая меня. Конец! Смерть! подумала я... Я забыла, что за нами шли наши враги-коммунисты. И вот теперь они выместят на мне всю свою звериную злобу... Я всё еще была в штанах и солдатских сапогах, и держала на руках ребенка, завернутого в юбку. Один из солдат обошел меня кругом точно осматривая меня... И, вдруг, поднес кулак к моему лицу: «Ух!.. Стерва», со злобой плюнул он... «Вишь!.. Щенка только что родила!» сказал он, показывая на мою одежду, мокрую от крови и морской воды... Должно быть вид у меня был ужасный, если даже эти люди-звери не набросились сразу на меня. Солдат постарше стал рассматривать меня, точно примеривался с какой стороны легче и удобнее наброситься на жертву. Потом опять сплюнул... «Щенка то в воду бы!» сказал он, как бы про себя. Другой солдат протянул руку, чтобы взять моего ребенка... Я в ужасе отскочила от них...

Убийцы! Убийцы вы!.. закричала я и побежала... Вдали из ущелья, из которого мы сами пришли, выходили еще солдаты... Я бежала к городу сколько было у меня сил! И, когда добежала до первого жилья, открыла калитку в глиняной стене, перешагнула порог и упала... Когда я пришла в себя надо мной стояла персиянка, не зная что делать со мной. Четыре дня пролежала я у этих добрых людей. Они кормили меня, смотрели за моим ребенком. Они не говорили ни слова по русски. Я столько же по персидски. Я старалась объяснить им, что у меня нет денег и, что я не могу заплатить за их хлеб и уход за мной... Но они только и говорили «якши, якши», или «йок!» Через четыре дня пришел пароход. Мои спасители дали мне чадру, лепешек и отвезли меня на него. Я закрылась чадрой, чтобы не видели что я русская. Все эти дни, что я лежала, слышно было пение, русская ругань, и стрельба. Весь город был разграблен... На пароходе я сказала, что у меня нет денег... Пассажиры очень сочувственно отнеслись ко мне и к моему ребенку. Дали мне белье, и вот это платье (на ней было черное платье). Одна из дам привезла меня в эту гостиницу. И вот всё, что у меня теперь есть, — это мой сын, да моя измученная душа! — Она упала на кровать и вся тряслась от рыданий.

— Помогите мне пережить несколько дней, пока дядя Павел пришлет деньги и я уеду в Тифлис. Мы с мужем условились, что он будет писать мне по адресу дяди. А, как только доедет до Петровска, то пришлет телеграмму. Я думаю, что там уже должна быть для меня телеграмма от него.

— Нюра, вам здесь оставаться нельзя. Хозяин говорит, что жильцы жалуются, что ребенок плачет и не дает никому спать. Я сейчас поеду к моим друзьям и попрошу их приютить вас у себя. Они живут вдвоем, в собственном доме и будут смотреть за вашим ребенком, как за родным внуком. Они дадут вам отдохнуть и поправиться перед дорогой в Тифлис. Я бы с удовольствием взяла вас к себе. Но я сама живу у родственников мужа. Для вашего ребенка я постараюсь достать всё, что нужно. У моей невестки четверо детей. Я думаю, что она найдет всё нужное. А вы не плачьте и ждите меня. Всё устроится хорошо!.. Вы кормите вашего сына сами?

— Нет, у меня нет молока!

Я поехала к отцу Нины и всё им рассказала.

— Иван Яковлевич, драмы не кончаются, а продолжаются! — сказала я на его удивление по поводу того, что пережила и перетерпела эта молодая женщина...

— Господи, Боже ты мой! Вот ведь какое несчастие! А я только что читал, что за эти дни на море была страшная буря и,

что погибло несколько пароходов! Дай Бог, чтобы это были не те пароходы, на которых ехали сыновья отца Павла и ее муж!.. Вези, вези ее к нам!.. А я пойду в подвал найду ванночку. — Поди, ребенок-то не купанный от рождения! — озабоченно сказал Иван Яковлевич и заспешил, нашел ключ от подвала и сейчас же деловым голосом сказал Марье Яковлевне: — Грей воду! Да посмотри в сундуках, нет ли чего-нибудь оставшегося от детей, чтобы завернуть младенца после купания! А ты поезжай скорее и вези ее сюда...

Когда я вышла уже за ворота, он крикнул мне вдогонку: — Спроси у Нины нет ли у нее там чего нибудь для ребенка? Может-быть сохранились еще распашонки, или пеленки какие-нибудь?..

Я приехала домой и еще раз рассказала всю драму молодой женщины. У Нины нашлось для ребенка кое-что. Потом она пошла к Катюше и у нее тоже нашлись остатки от Миши. Я всё это забрала и поехала в гостиницу. Захватила там Нюру и повезла к старикам... Иван Яковлевич и Марья Яковлевна страшно растрогались, увидев худую, бледную молодую мать, с плачущим на руках ребенком.

— Вот, Нюра, это ваша комната! Располагайтесь в ней как дома. А я сейчас буду купать вашего сына.

Иван Яковлевич пошел на кухню, надел фартук, взял под мышку детскую ваннючку, а в руки огромный чайник с горячей водой и понес всё в комнату Нюры. Налив воду в ванночку и измерив деревянным термометром воду, он засучил рукава, подошел к кровати, развернул пеленки и так и ахнул!.. Красненький комочек весь опрел! Чуть не до мяса! Осторожно, на ветошке, он опустил ребенка в теплую воду и стал поливать с губки. Ребенок «скрипевший» всё время, сразу замолчал. Точно прислушиваясь, что это такое с ним делают? После купанья его обсыпали детской присыпкой, завернули и положили в кроватку. Он сразу заснул, первый раз со времени своего рождения!..

— Его нужно окрестить! Он очень слабенький, — сказал Иван Яковлевич. Но мать отнеслась ко всему безучастно. Она сидела подавленная и разбитая всем пережитым. Я дала ей денег и собралась уходить.

— Отдыхайте Нюра. Если что-нибудь вам понадобится, — вызовите меня без стеснения.

Она молчала и плакала. — Если бы я только знала где он и что с ним, мне было бы легче... Может быть в Тифлисе у дяди есть от него телеграмма?

— Наверное есть уже!.. И вы можете теперь получить ее каждую минуту. — Я простилась и ушла.

На другой день Иван Яковлевич окрестил ребенка. Дал имя его отца, — Николай. За Нюрой все ухаживали, как за родной... Но она бодрее не стала... Всё так же сидела в своей комнате и всё так же плакала. Сыном своим даже почти не интересовалась... За ним смотрели мои старики, — день и ночь... Но дни шли, а Нюра не получала ни телеграмм, ни денег, ни писем... Только через две недели она получила деньги от отца Смирнова, сейчас же собралась и уехала в Тифлис. Ребенок за эти две недели не развивался и не рос, а только всё «скрипел»... А мать по прежнему не проявляла к нему почти никакого интереса и чувства...

— Вот сколько выпало на слабую женскую душу горя и несчастья! — сказал Иван Яковлевич, когда мы проводили Нюру. Что-то видно случилось с ее мужем... Ни писем, ни телеграмм она от него не получила за все эти недели...

Стала и я укладываться, чтобы ехать в Батум. Взяла несколько небольших ковриков, немного столового серебра и белья. Вот только с деньгами вышло затруднение... Переводов прямо в Батум не принимают. Можно только в Тифлис. Я перевела десять тысяч через Коммерческий банк и двадцать тысяч по почте до-востребования, а золото и ценные вещи взяла с собой в ручном чемоданчике. В ручную сумочку положила деньги, паспорт. Я знала, что при обыске первым делом рылись в ручной сумочке, а потом уж в более крупном багаже.

— Ты что? Совсем уезжаешь? — спрашивает меня Алексей. — Если совсем, то я сдам твою комнату. По триста рублей платят теперь и то нельзя найти...

Всё уже было готово к моему отъезду. Я пошла попрощаться с Катюшей и ее матерью.

— Милая Тина Дмитриевна, может быть случайно услышите что нибудь о моем сыне? Он был во флоте — в Севастополе. Но после того, как там матросы учинили избиение офицеров, мы ничего о нем не знаем... Я молюсь за него, как за живого и прошу Всевышнего, чтобы он спас моего единственного сына. У него осталась жена и ребенок. Но я и об них тоже ничего не знаю...

— Тина, если приедете в Баку, — для вас всегда есть место в нашей квартире, — сказала Катюша Мартынова.

Как-то, когда я была уже в постели, пришла Даша. — Вы, вот, опять уезжаете! Мне тоже надоело жить здесь, да стоять в очередях. Так не увидишь как и жизнь пройдет!

— Хочешь к родителям в деревню ехать?

— Ну, что вы! Что я там забыла!? Там и совсем голод, да вши... Нет! Я вам скажу правду. Я тоже могу поехать в Батум!.. Меня американец-солдат сватает. Говорит, — «выходи за меня замуж! Повезу в Америку...» Многие из здешних девушек «повыходили» уже за американских солдат, и собираются ехать в Батум, а оттуда в Америку...

— Да, как же ты с ним разговариваешь?

— А, по «книжечке»! Там всё указано, кому что говорить. Когда я с ним познакомилась он дал мне что-то вроде конфеты. Сам развернул такую же и стал жевать... Ну, и я тоже развернула свою. Пожевала. Сладко! Я и проглотила ее! А, он показывает мне, — выплюнь-мол! И сам свою выплюнул. А она тянется, как резина... А, что я выплюну, если я ее проглотила!? Тина Дмитриевна, вы дайте мне ваш адрес. Может быть когда нибудь я к вам приеду.

После, уже в Батуме, я читала в газетах, как уезжали из Баку иностранные солдаты. Пока жили в Баку, начальство смотрело сквозь пальцы на «женитьбу» своих солдат. Даже поощряло! А когда стали уходить из Баку, это же начальство запретило им брать жен с собой. Но «женам», казалось, терять было нечего. У них были законные права на мужей. Они собрались все на вокзале и потребовали, чтобы их тоже взяли вместе с мужьями в Батум. Начальство распорядилось прицепить для них специальный вагон. Но на одной маленькой станции женский вагон отцепили. Воинский поезд ушел, а «жены» остались в вагоне в тупике.

У Алексея фабрика не успела расцвести и уже поблекла... Прогорело еще одно «верное дело».

— Разве можно что нибудь делать, когда такая «конкуренция»? Всякое верное дело губит! Когда мы открывали нашу фабрику она была только одна! А теперь уже три! — сказал Алексей. Он еще меньше стал бывать дома. Часто и ночевать не приходил домой. Придет на минутку; даст Даше денег на хозяйство и опять уйдет на несколько дней. В доме всем распоряжается Даша. Нина сошла на нет. Сидит без денег и без ухажоров, которых разогнал Алексей...

— Здравствуйте! — Я оглянулась, — Бакланов. Его маленькие глазки самодовольно блестят еще больше, чем раньше...

— А, что, демократия-то? Ведь победила! Не прав я был? Я горжусь, что родился демократом...

— А разве вы родились демократом? Никогда раньше не слыхала этого от вас!..

— А, что вы думали?! Что я буржуй какой-нибудь!? Нет! Я мозолистые руки свои ценю выше всего!.. Вот этими мозолистыми руками мы сделали революцию! Он поднял руку и сжал ее в кулак... (только никаких мозолей у него на руках не было.) И мы, народ, будем править страной... Вот этими самыми руками!

— Но, ведь коммунисты отрицают всякую частную собственность?.. Если они придут сюда, в Баку, то сейчас же отберут от вас вашу механическую мастерскую!..

— Нет, нет!.. Они могут отобрать у вас ваш дом!.. Но от меня мастерскую никогда не возьмут!.. Я сам рабочий! Я демократ и по рождению, и по убеждению, и по образу моей жизни!

— Но какой же вы рабочий?! Вы богаче всякого «буржуя»... И всегда жили, и теперь живете не работая!..

Вечером, накануне моего отъезда, я спросила Алексея — А, ты не собираешься в Добровольческую Армию? Многие из офицеров едут туда!..

— Никуда я не поеду! Пускай едут те, кто получали чины и ордена. А я ушел на войну штабс-капитаном, а вернулся капитаном... Мне не за что воевать! И я никого и ничего не хочу защищать от коммунистов...

— А твои убеждения? Твое имущество и твою семью, которую они не признают и разрушают? Ты и это не собираешься защищать?..

— Семью?.. А где она у меня? Всё уже до большевиков давно разрушено! Яша говорит, что он спокоен за свою Маню... А я не удивляюсь, если она приедет домой красным генералом! Она все может!.. Может быть она у них и теперь уже командует полком! Ленин ведь сказал, что государством может всякая кухарка править!.. Так почему же в таком случае не может командовать полком Маня?!. Я приготовил для нее подарки... Теперь ведь людям есть нечего! Драгоценности продают прямо за гроши! Я и купил для нее кое-что...

— Вот как?.. Чем хуже для всех, тем лучше для тебя? Умница!!.

— Тетичка, приезжай скорее обратно к нам! — целуя меня сказала Надя. — Дома так всегда скучно без тебя...

Вот и опять я еду! Не знаю только на долго ли?.. В вагоне много народа. И чувствуется какое-то общее напряжение... Все говорят друг с другом тихо, на ушко... — Два таможенных осмотра будет! — наклонясь ко мне говорит моя соседка... — Если вы везете драгоценности, прячьте пока не поздно! Отберут иначе всё!.. Если не татары, так грузины! — уверенно сказала она. — В волосах ищут. А то и в такие места заглядывают, что прежним таможенникам и не снилось даже...

— А, если я в багаж сдала?

— Ах, милая!.. Конечно всё найдут и выберут, что им нужно и что поценнее!..

И не успела я еще ничего придумать, как мне спасти эти ценные вещи, как поезд стал замедлять ход. В вагон вошли не то солдаты, не то «таможенные чиновники». Как только поезд остановился, раздалась команда: — Всем выходить с вещами на платформу! — Носильщиков не было. Пассажиры сами несли свои вещи. С платформы всех нас загнали в сарай таможни и приказали открыть чемоданы и сундуки.

— У кого есть золото и серебро, заявить заранее! — командовал вооруженный таможенный чиновник. Вынесли из багажного вагона сундуки и чемоданы, поставили в ряд.

Снова раздалась команда: — Открыть замки на сундуках и чемоданах! Кто не откроет, у того они будут сломаны! — Я видела свои сундуки. Но мне не хотелось даже подходить к ним. Я видела, как торопливо пассажиры стали открывать свои сундуки.

— А, это чьи сундуки? — ткнув сапогом в сундук крикнул вооруженный тип. — Открыть! Не то сейчас сломаем крышку!..

Я подошла к моим сундукам, поставила чемоданчик рядом открыла замки и стала ждать. Я видела, как у других все вещи переворачивали вверх дном... Дошли и до моих... Выбрали все мои ковры. Растрясли их... Свертки с серебром рассыпались по полу.

— А!.. Серебро! Из Азербейджана вывозить ценности нельзя!.. Ну ка поищи хорошенько, что там еще есть!.. — воодушевляясь перспективой хорошей наживы, крикнул один из бандитов... И все четверо стали вытаскивать и растрясать мои вещи, бросая их прямо на пол...

Когда они увидели мои дорогие ковры, накидку из куниц, несколько лисьих шкур, тонкое полотно и нарядные шелковые платья, — глаза у них разгорелись... Они забыли на время про других пассажиров.

— Столько ценного из республики вывозить не разрешается, — сказал один из таможенных чиновников...

— Что же тут ценного? Тряпки, да недорогие коврики? на это запрета нет! — вдруг раздался около меня мужской голос!.. Я оглянулась. Вижу молодой человек, вооруженный, в полу-военной одежде; лицо суровое, глаза грустные. Он в упор смотрит на «таможенного» бандита и резко крикнул: — Забирай серебро! Смотри следующих! — Все сразу оставили меня и стали рыться в вещах у других, а мой спаситель сгреб с пола мои вещи, положил их обратно в сундуки, запер их на замок и ключи отдал мне.

Я была совершенно ошеломлена всем случившимся, взяла ключи и даже не поблагодарила его. Он поднял мой чемодан, захлопнул его, отдал мне, и сказал: — Идите к поезду. Пора садиться... — Я послушно пошла.

У вагонов стояли пассажиры, — большинство грустные, обобранные... Но в вагоны еще не пускали. Скоро раздался звонок. Двери в вагоны открыли и пассажиры стали входить и занимать места. Около меня очутилась та дама, которая беспокоилась за мое серебро и золото. Она плакала, и сказала сквозь слезы: — Вот всё что у меня уцелело! — Она крепко прижимала обе руки к сердцу. — Я видела, как они ограбили и вас, — тихо сказала она.

В вагоне все сидели молча, подавленные потерей своих вещей. В фонаре над дверью слабо мерцал красноватый огонек свечи. Но в купэ было темно, как в склепе... Ночью поезд пришел в Тифлис, но я чувствовала себя уставшей и решила сейчас же ехать в Батум. А отдохнув там специально поехать в Тифлис за деньгами.

На другое утро поезд остановился на какой-то маленькой станции и грузинские таможенные чиновники объявили, чтобы мы выходили на станцию с вещами, для осмотра. Нашлись смельчаки и заявили, что едут из Азербейджанской республики и вещи осмотру не должны подвергаться. Но грубый окрик и, чуть ли не битье прикладом, выгнали всех на платформу, а затем дальше в сарай. Эти еще свирепее и наглее обращались с нами. Если они ничего не находили в ручном багаже, то подвергали телесному обыску. Мужчин уводили в одну сторону, а женщин в другую. В особой комнате раздевали всех до гола и смотрели в уши, заставляли раскрывать рот, нет ли за щекой чего нибудь спрятанного. Грубые грузинские женщины обращались с нами точно тюремные надсмотрщицы с арестантами. Они не обращали никакого внимания на наши протесты и заявления, что мы едем не из Грузии, а из Баку,

что нас уже обыскивали и проверяли... Они делали вид, что русского языка не понимают... Ловко и быстро забирали всё ценное и выпускали нас ограбленными до чиста! У меня взяли всё, вплоть до обручального кольца. Вынули серьги из ушей. Заставили раздеться и мое белье смотрели на свет, нет ли чего нибудь зашитого в нем?

Приехала в Батум и даже не хотела давать багажной квитанции носильщику. Думала, что сундуки окажутся пустыми... Я не могла никуда выходить, так была расстроена и подавлена этим двойным грабежом.

Но Батумский воздух и солнце мне помогли. И меня опять потянуло к морю... Когда лежишь на пляже, слушаешь шорох гальки и нежный, ласковый набег волн — все забывается!.. Все потери и огорчения кажутся далекими и маловажными, и хочется забыть все невзгоды и огочения... Отдохнув и успокоившись, я снова собралась ехать в Тифлис за моими деньгами. Приехала я утром в Тифлис. Взяла трамвай и поехала на центральную почту. Подошла к окошечку и протянула мою квитанцию. Чиновник посмотрел на нее и пошел куда-то. Долго я стояла, но чиновник не возвращался... Через некоторое время меня пригласили в кабинет к начальнику почты. Там было несколько человек. Один из них строго спросил меня:

— Откуда вы взяли эту квитанцию?..

— Привезла из Баку!

— Подождите здесь!.. — Все они вышли из комнаты. Минут через пять в нее вошли двое новых, в штатском, и пригласили меня следовать за ними. Мы вышли на улицу, сели в ожидавший нас фаэтон и поехали по залитому солнцем городу. Вскоре фаэтон свернул в какой-то незнакомый переулок и остановился у подъезда. Мы поднялись на второй этаж. Меня ввели в комнату, дверь и окно которой выходили в коридор. В комнате было несколько стульев и небольшой стол, за которым работал какой-то молодой человек. Его сейчас же куда-то вызвали из комнаты и я осталась в ней одна. С десяти часов утра я просидела там до трех по-полудни. «Мне сказали ждать». И я терпеливо ждала... Дверь была плотно закрыта и я даже не пробовала на замке ли она, или только притворена. В три часа в комнату вошел тот же тип и пригласил меня следовать за ним... Он привел меня в большую комнату, в которой стоял большой письменный стол. За столом сидел с видом грозного судьи известный всему Тифлису — комиссар по политическим и особо-важным уголовным делам — Рамишвили... К моему счастью я тогда еще не знала его и не подозревала,

что попала в его лапы. Иначе я едва ли сумела бы сохранить свое спокойствие. К этому времени он уже прославился по всей Грузии...

В комнате ставни на окнах были закрыты. Я стояла перед ним, а он важно сидел. Ни одного стула в комнате больше не было...

— Имя, фамилия! — резко и грубо крикнул он мне... Я назвала себя. Вдруг он выхватил у меня из рук мою сумочку и высыпал содержимое из нее на стол.

— Это что, тоже наворовали?!. — злобно сказал он и поднял на меня полные ненависти глаза.

— Нет, это мое!

— Посмотрим!

— Видите мои инициалы! — Не его душила злоба. Он просто не мог выговорить ни слова.

— Откуда эти вещи у вас?..

— Куплены в разное время. Точно не могу сказать когда. Это вот подарила мать, — я протянула руку и хотела показать на медальон, усыпанный бриллиантами и изумрудами. Но он грубо отстранил мою руку!

— Узнаем всё... Кто ваша мать?.. Откуда у нее деньги, чтобы покупать такие вещи!..

— Она давно умерла.

— Другого вы ничего сказать не могли. Я этого ждал... Когда вы получили двадцать тысяч?.. Говорите правду...

— Я еще не получила их! Я хочу получить!..

— Да!.. Вы хотите получить еще раз. — Вдруг он вскочил и изо всех сил ударил кулаком по столу. — Я вас заставлю говорить то, что я хочу! Деньги вы уже получили! А теперь еще раз хотите получить их...

— Нет! Я денег не получала!.. Я только сегодня утром приехал из Батума. Вот видите мой железнодорожный билет? — Я хотела протянуть руку, чтобы показать его, да во время остановилась. Но он не обратил никакого внимания на мои слова. Он взял в руки мой переводной бланк на десять тысяч, позвонил в Коммерческий банк и сказал: — Задержать выдачу десяти тысяч рублей Тине Дмитриевне Семиной до моего разрешения! Потом он обратился ко мне:

— Кого вы знаете, кто бы за вас мог поручиться? Я могу вас выпустить. Но могу вас и арестовать и держать до тех пор, пока не наведут о вас нужные справки! Откуда у вас такие большие деньги? — снова повторил он вопрос.

— От моего мужа?

— Кто ваш муж?

— Мой паспорт у вас в руках!

— Я вас допрашиваю и вы обязаны отвечать на мои вопросы! — снова крикнул он.

— Мой муж доктор!..

— У докторов столько денег не бывает!..

— Этого я не знаю! Но мой муж богатый человек. У него есть дома, нефтяные земли. Нас в Баку все знают!..

— Мы наведем справки в Азербейджане! Если слова ваши подтвердятся, то мы вас отпустим. А пока вы должны указать нам людей, которые вас знают, у которых есть имущество и которым мы можем верить. Тогда мы вас отпустим на поруки.

— У меня есть друзья здесь!.. Например настоятель Военного Собора, отец Смирнов!..

— А! Вот у вас какие друзья!! Такие же враги Грузии, как и вы!.. Тогда могу вам сообщить, что Смирнов (он сказал без добавления — отец) арестован уже!

У меня невольно вырвался вздох сожаления: — Бедный отец Павел!.. — сказала я.

— Кто же у вас есть, на кого вы можете указать?

Я стала осторожней! Явилась боязнь, что могу кого-нибудь подвеести под неприятности...

— Да вот, генерал Левандовский знает меня и моего мужа!..

Снова исказилась его рожа!..

— А! Другой арестант! Да еще бежавший из под ареста!.. Ну! Сейчас я уезжаю! Допрашивать буду завтра. А пока вас отведут в камеру!

— Но я могу указать еще семью, которая знает меня! Присяжного поверенного Григорьянца... У них на Анастасьевской улице собственный дом. — Как утопающий хватаюсь я за «соломинку»...

Он снова садится... — Теперь уже поздно, я должен уезжать! Есть у них телефон?

Я сказала ему номер и он позвонил... А вдруг его нет дома, мелькает у меня в голове... Но мне на этот раз повезло... Григорьянц через несколько минут был в охранном отделении... На вопрос знает ли он меня, ответил утвердительно.

— Да, я знаю Тину Дмитриевну очень хорошо.

— Можете ли вы поручиться за нее?

— Да, я ручаюсь!..

— Есть у вас недвижимая собственность?

— Да! Дом на Анастасьевской улице.

Допрос был кончен. Григорьянцу дали подписать бумагу и мы вышли из места пыток и бессильной злобы. Я прожила у Григорьянцев четыре дня и меня оттуда опять вызвали в охранку. Но на этот раз допрашивал кто-то другой. Он сразу сказал мне, что я могу получить мои деньги из банка и выехать из Тифлиса... Я поблагодарила моих спасителей и уехала в Батум...

— Подходит осень. Начнутся опять дожди и жить в вашем сарайчике станет совсем невозможно, — сказала я хозяйке.

— Сходите к соседям! У них дом большой, а семья, видать, маленькая. Они беженцы откуда-то из России.

Я пошла! Дом правда большой, двухэтажный. Стоял он в глубине двора. Верхний этаж обнесен стеклянной галереей. Нижняя галерея без стекол, но вся обвита виноградом. Я поднялась на второй этаж и постучала в стеклянную дверь. На мой стук вышла, какая-то женщина. Высокого роста, костистая, с большими красными руками. На ней было ситцевое платье и грязный мокрый фартук. На ногах мужские башмаки. Седые волосы растрепаны, длинное некрасивое лицо в морщинах, глаза бесцветные, усталые.

— Могу я видеть г-жу Григорьеву? — спрашиваю я женщину.

— Я Григорьева и буду. Входите. — Мы вошли в чистенькую гостиную, и сели. Она спрятала свои большие, красные руки под фартук и, как бы извиняясь, сказала:

— Я стираю сегодня белье. Да и не только сегодня! Всегда помаленьку подстирываю, каждый день, чтобы не накапливалось много. Семья-то хотя и не большая, но для Ниночки нужно иметь свежее всегда. Она — моя единственная дочь. Мы ее с самого рождения избаловали, она у нас одна девочка в семье... И всякое ее желание исполнялось всеми. У меня есть еще два сына... Вернее были до революции... Тоже хорошие мальчики... Учились в Московском университете... Но после революции пошли в Добровольческую Армию и теперь там воюют против коммунистов. — Она тяжело вздохнула и ее усталые глаза блеснули слезой. Давно уже нет писем от них...

— Мама, с кем ты разговариваешь? — входя в комнату спросила молодая девушка.

— Вот и моя Нина! — сказала мать, с любовью смотря на вошедшую. Дочь была такая же некрасивая, как и мать.

Очень худая, плоская, со светлыми жиденькими волосами, завитыми в «кудельки», губы тряпочками.

— Вот она обожает Кавказ и кавказцев! За год до войны мы всей семьей были на Кавказе. Ниночку так всё очаровало здесь, что она не хотела и уезжать отсюда! И всегда только и мечтала о Кавказе и кавказцах... После революции, когда стало невозможно жить в Екатеринодаре (мой муж там был начальником почты), то мы продали дом и уехали сюда. Наш дом был один из лучших в городе. Его у нас купил богатый еврей. А на эти деньги мы купили вот этот домишко, да за Чорохом землю с садом. Был там и домик, да турки растаскали дерево, вынули двери и окна. Теперь я там хочу выстроить дачу. А может быть и не для чего строить-то... Сыновья — неизвестно где... И муж тоже собирается ехать к ним. Не может сидеть без дела! «Поеду, говорит, найду их и буду вместе драться против большевиков!»

— Зато я, мама, нашла мужа-грузина!..

— Вы вышли замуж за грузина?

— Мой Коля с первого разу, как только увидел меня, влюбился и сделал мне предложение. И мы сейчас повенчались. — В полчаса они рассказали мне историю всей семьи.

— А я пришла к вам спросить нет ли у вас свободной квартиры, или комнаты?..

— У нас нету. Но у наших нижних квартирантов, кажется, есть свободная комната, или две...

— Спасибо. Я пойду посмотрю.

— Заходите к нам. Будем знакомы. Вы ведь тоже вроде беженка, как и мы, — сказала Григорьева.

Я стала спускаться с лестницы. Навстречу мне поднимался какой-то молодой человек.

— Коля, покажи квартиру Брагиных. Это мой муж! — Позвольте вас познакомить — сказала Нина.

Коля был совсем еще молодой человек, одетый подчеркнуто-франтовато. Он довел меня до квартиры Брагиных, очень галантно раскланялся со мной и ушел. Брагины были дома. Я вошла на галерею постучала в стеклянную дверь. В комнате горел свет. На кровати лежал мужчина и играл на гитаре. На стуле сидела бледная и худая женщина, вытянув ноги и скрестив руки на груди. Я еще раз постучала. Женщина, не меняя позы, повернула голову к дверям и, увидев меня, что-то сказала мужчине. Он перестал бренчать на гитаре, но позы своей не изменил, только повернул голову в мою сторону. Увидев незнакомое лицо, он встал, повесил гитару на стену, подошел к дверям и спросил, что мне нужно.

— Мне сказали что у вас сдаются комнаты?..

— Вот здесь! — выходя из комнаты сказал он. — Нравится, — берите. Дешево отдадим! Всё равно никто в них не живет! — сказал он каким-то обиженным тоном.

Он был страшно худой и высокий. Руки длинные, худые, точно сухие палки. Ноги тонкие и длинные, лицо тоже длинное, худое...

— Вы откуда? — спросил он меня.

— Из Баку! А вы тоже приезжий? — спросила я его.

— Тоже беженец. Но только не такой, как вы! Я приехал из Петрограда в начале войны, вот и живу здесь с тех пор.

— Бежали от войны?..

— Нет, не от войны. А от кошмара, в котором я много лет жил там...

Мы вышли опять на галерею. — Решим так: если я сейчас ничего не найду более подходящего, то вернусь к вам и возьму вашу комнату? Согласны?..

— Как хотите!.. Долго в ней всё равно не проживете.

— Ну, вот всегда так! Другой бы хвалил!.. А он рассказывает: сырая, да темная!.. Живем же мы?.. — добавила женщина.

— Да, что у них самих глаз нету?.. Тебе бы только деньги получать за эту тюрьму... Она здесь в Батуме лихорадку схватила и всё болеет. Тут за домом сейчас же болото!..

— Я хворая не от малярии! Я месяц тому назад родила двойню! И вот с тех пор никак не могу поправиться. А дети померли!.. Молока в грудях не было. Они и померли от голода... Оба были мальчики. В больнице-то тоже не хватало молока... Доктор сказал, чтобы одного ребенка муж взял домой. Этот умер на другой же день... Я думаю, что он его совсем не кормил, — с укором сказала женщина и посмотрела на мужа. — Он не любит детей. А я так вот — как скучаю!.. Родила двоих и ни одного не осталось живого... У нас здесь никого нет, — ни родных, ни знакомых. Мы ведь приезжие.

— Да, ваш муж говорил мне. Насчет комнаты я во всяком случае зайду к вам и скажу...

Но мне повезло. Иду как-то с пляжа по бульвару и встречаю знакомого офицера, — Савельева.

— Вот как! И вы здесь? — приветствовал он меня.

— Да и вы тоже здесь! — ответила я ему в тон.

— Я давно уже здесь живу. Я женился и с женой живу у тещи в доме. А вы где живете?

— У меня нет ни тещи, ни тестя. И поэтому я живу в сарайчике, у какой-то толстой «тети».

— Как же так! Это очень плохо!.. Подождите. Я спрошу мою тещу. У них дом огромный, много квартир. Я только не знаю есть ли свободная квартира. Теща моя женщина хорошая. Если я ее попрошу, может быть она что-нибудь найдет для вас поудобнее...

Я дала свой адрес и пошла в ресторан завтракать.

В Батуме жизнь особенная... Жизнь вольного города.

Сюда съехались многие «обиженные и угнетенные» со всех концов России... Были люди и со средствами. Но почему-то больше всего собралось здесь артистов. Артистов оперных, драматических, кафе-шантанных. А также шулера, мелкие жулики и крупные мошенники. У этих были всегда какие-то дела и у всех них были и большие деньги. В ресторанах такие «типы» требовали хорошую еду и много напитков. А, если случайно в их компании заговорят о Добровольческой Армии, то немедленно другие протестуют: — Да, ну их всех к черту! Надоело! Белые или красные — всё один «чёрт»! — Тут же в перемешку с русскими всегда были иностранцы в своих формах. Они всегда что-то покупали и торговались. Записывали, высчитывали, старались еще больше обесценить русский «рубль». Только и слышно: — «На какие»?.. — Все равно никакие уже не стоили ничего, но кому было выгодно, тот объявлял, что сегодня Закавказские «поднялись». А через час кто-нибудь скажет что «Азербейджанские» поднимаются. Мужчины несли на «биржу» последнюю ценную женину брошку, или браслет. Продавали за Азербейджанские. После полудня эти деньги уже «падали» и несчастный «биржевик» старался сбыть их за Закавказские. А, на другое утро и Закавказские, и Азербейджанские, и просто Грузинские, — все ничего не стоили... Но за то у приезжих спасителей в их чемоданах прибавилось на несколько тысяч долларов русских драгоценностей. В каждом ресторане играл оркестр. То грустный романс, то веселую залихватскую плясовую. А за столиками сидели русские «коммерсанты» пили чужое вино и продавали женины, или материнские драгоценности за ничего не стоящие бумажки. Первый раз я видела русских женщин и девушек из общества в роли подавальщиц. Пьяные хватали их за руки выше локтя или за подбородок, похлопывали по щеке... Предлагали выпить... Точь в точь, как купцы в прежнее время обращались со своими горничными... И эти, недавно еще считавшие себя «высшим обществом», женщины и девушки, — мило улыбались своим

«клиентам», расчитывая получить на «чай» от пьяного, наглого иностранца. В городе все большие помещения, — сараи и пустые склады, были переделаны под театры, кабарэ и разные увеселительные заведения. И у всех «дела» шли хорошо...

Прошло всего несколько дней, как я видела Савельева и вдруг он пришел ко мне и сказал: — Идите, посмотрите квартиру. Я рассказал тёще о вас и она сразу же решила, что «выживет» кого нибудь и даст квартиру вам...

Мы пошли. Дом был кирпичный, четырехэтажный. На втором этаже Савельев показал мне крошечные две комнаты с кухней.

— Да тут великолепно!.. Конечно, я возьму ее! — Тогда он повел меня наверх, чтобы познакомить со своей семьей. Теща с первого же взгляда понравилась мне. Встретила меня приветливо, как будто старую знакомую. Жена Савельева, хотя по годам и моложе своей матери, но была бородатая и угрюмая. На кровати лежала еще женщина, разбитая параличем, старшая сестра тещи.

— Она заменяет мне мать! — сказала теща, показывая на парализованную сестру...

Потом уже, когда мы с ней стали друзьями, она рассказала мне, что ее старшая сестра много лет тому назад вышла замуж за француза. А когда ее разбил паралич, тогда, чтобы не потерять положение хозяйки в доме, она уговорила свою младшую сестру занять в доме положение жены француза. От него у нее родились двое детей. Но в то же время она нежно любила свою старшую сестру и ухаживала за ней много лет. В данное время в доме хуже всех было положение старого двоеженца... Он всегда был полуголодным. Всё было дорого и трудно доставалось. Поэтому обе его жены экономили и притом главным образом на его еде. Старик уходил с утра из дому, чтобы не слушать упреков и ссор. А так как все деньги были в руках «жен», то он целыми днями искал даровую еду и конечно находил ее не всегда... А, вечером, когда он возвращался домой, ему говорили, что он опоздал, что все уже поели и что в доме нет уже ничего съедобного... Только племянник, Этьен, и заботился о голодном старике и, возвращаясь из французского консульства, где он служил, приносил что нибудь для старика, звал его к себе в квартиру и там кормил его. Этим только и поддерживал его силы...

Я немедленно перебралась в новую квартиру и устроилась довольно уютно. Потом наступил период деловых раз-

говоров и всяких коммерческих комбинаций. Случайно на улице встретила супругов Крижановских. Мы страшно обрадовались друг другу...

— Школа обучения на пишущих машинках сама собой кончилась, за отсутствием «учеников». Мы продали машинки и переехали сюда, — сказала Милица. — Приходите к нам, — пригласили они меня. А, когда я пришла, то сейчас же начался деловой разговор.

— Здесь в Батуме всякое дело дает большую прибыль! — сказал Крижановский. И по его словам выходило всё так легко и просто! Стоит только начать! Деньги сами придут в карман...

— Мы думаем открыть «комиссионную» лавку!.. Страшно выгодно! Теперь все нуждаются в деньгах. А денег ни у кого нет!.. Поэтому продают всё что имеет устойчивую ценность: меха, золото, драгоценности. Всё это будут приносить к нам в лавку для продажи. Риску никакого!.. Продадим, — получим проценты... Не продадим, пускай лежит до выгодного случая!.. Хотите с нами в компанию? Нам всё равно вдвоем не управиться. Дело это большое...

— Спасибо. Я еще сама не знаю сколько времени проживу здесь... Но я подумаю об этом...

А как раз ни о каких делах думать мне не хотелось... Я уходила с утра на пляж и весь день лежала там. Только голод заставлял меня пойти куда нибудь поесть... Я наслаждалась солнцем, морем и цветами. Цветы были всюду! Цвели какие-то кусты, деревья, розы всех цветов. Гардении, туберозы, распространяли такой дурманящий аромат, что невольно тянуло и меня туда, где были музыка и пение...

Еще издали я заметила шедшую ко мне навстречу какую-то молодую женщину. Она не смотрела на цветы. Вероятно не замечала их красоты и не чувствовала их аромата. Я подумала, что она верно сильно больна, или что у нее большое горе... Но, когда мы поравнялись, она подняла голову и я узнала хорошенькую Валечку, с которой я познакомилась еще в Боржоме... Это у нее борзая собака проглотила зайчика, которого ей принес ее красивый поклонник.

— Здравствуйте Валичка! Что с вами? Вы больны? Неужели всех ухажеров потеряли?.. И почему вы здесь?..

— Вы правы, я осталась одна и умираю от безумной тоски!.. Помните красавца Мишеля, который принес мне зайчика, которого съела борзая «Быстрый»? Вы с ней пришли ко мне, когда мы все собирались на пикник. Ну, так вот этот Мишель уехал в Америку! Понимаете? В Америку!.. И никог-

да я его не увижу!.. Он звал меня, но я не поехала. Я решила лучше теперь пережить разлуку с ним, пока я молода, чем потом, когда я буду старая и он сам меня бросит... Он так красив, что за ним, там в Америке, толпами будут бегать женщины. У них есть всё: деньги, наряды... Они его купят... Но, он никогда не забудет меня!.. Мы расстались полные любви и страсти. Во всех женщинах он будет искать только меня и так будет страдать, как и я теперь страдаю...

— Боже мой! Для чего вы это сделали? — сказала я... Мы пришли с ней на пляж и сели на песок.

— Я давно живу здесь. Мы сюда приехали с ним вместе... Он всё время откладывал свой отъезд и мы жили полные счастья... Целыми днями лежали вот здесь на песке и никого и ничего не замечали... Весь мир был только в нас самих и для нас вдвоем!.. Но, как он ни откладывал свой отъезд, конец всё же наступил... Иногда мне кажется, что мы совершили ужасное преступление против самих себя. И тогда мне хочется кричать от муки, которая охватывает меня. — Она легла, поджав ноги, закрыла глаза и тихо стала рыдать...

— Валичка, заходите ко мне. Я дам вам мой адрес, — сказала я, чтобы отвлечь ее. Она перестала плакать, нагнулась к воде и обмыла лицо.

— Спасибо. Я должна скоро ехать в Тифлис. Я только хочу немного успокоиться здесь... Мне всё кажется, что он здесь!.. Ведь здесь он говорил, смеялся, целовал меня, купался в этой воде... И мне приятно прикоснуться к воде, в которой он плавал. А звук его голоса я еще слышу и сейчас!.. — И она, как безумная стала рассказывать как он ее любит, какие нежные и ласковые говорил слова...

Зашла к Брагиным сказать, что я их комнаты не возьму.

— Я знал, что вы не возьмете... Да кто возьмет этакую тюрьму?..

— Ну, что ты опять за свое? Живем же мы год в ней! — стала защищать Брагина.

— Ну так что, что мы живем год?.. В тюрьме по десять лет живут, не унимался он. — Да, заходите в комнату, посидите с нами. У нас мрачно, но, если не на долго, то ничего...

Я зашла, чтобы не обижать людей.

— Я работаю наборщиком в Батумском Листке... Но когда-то, давно конечно, учился в Петроградской гимназии. Завел знакомство среди поддонков, воров и убийц. Они выдавали се-

бя за «революционеров». Уговорили меня бросить гимназию и уйти из дому. Я и ушел... Молод был и глуп!... Мне было всего пятнадцать лет. Отец мой был военный врач. «Если хочешь быть настоящим революционером ты должен исчезнуть и жить с нами! Иначе мы не дадим тебе веры, если ты будешь жить с папашей. Да учение-то брось. На кой тебе леший оно? Даром только теряешь время! Поступай на фабрику и будь рабочим», уговаривали меня мои «друзья». Ну, я и ушел из дому. Пошел в гимназию и больше не вернулся домой.. Я читал в газетах объявления о том, что пропал гимназист пятого класса и что указавшему место его нахождения будет выдана награда... Мать писала в газетах и умоляла меня вернуться домой. И я ни разу даже не позвонил ей по телефону. Вначале я очень тосковал и мне хотелось вернуться домой... Но мне пригрозили, что я «умер» для родителей и теперь уже стал другим человеком... Мне дали другое имя и фамилию. Меня с другими мальчишками посылали на разные «работы»: разбивать в больших магазинах заркальные стекла и красть. За невыполнение заданного урока нас били и морили голодом. А так же пугали, что выдадут нас полиции... Но, если я пойду домой к моим родителям, то убьют и меня и их.

— Ну, и что же вы сделали? — в волнении спросила я.

— Да ничего! Сразу, как ушел точно ножем отрезал. Даже матери и отца не жалел... Точно никогда их и не было... А «партия» меня взяла в оборот и заставляла исполнять всякие поручения... И чем больше я делал, тем больше погружался на «дно»... Теперь я был уже в полной их власти... Ослушаться я их не мог, они бы меня прикончили в «два счета»... Уехать из Петрограда я тоже не мог, меня бы схватила моментально полиция и засадила бы на много лет в тюрьму. Городская полиция знала меня, но благодаря влиянию тайной революционной «партии» не трогала нас... Нас было несколько таких мальчишек в партии. Нас посылали на всякую «работу»: мы разбивали огромные окна в магазинах, поджигали вагоны и дома. Всю эту работу мы исполняли под надзором «старшего», который обыкновенно стоял где нибудь тут же, не далеко, и наблюдал за нами и за нашей работой... Иногда он же помогал полиции ловить нас. Но это делалось только для отвода глаз, чтобы сбить ее с нашего следа... Если хорошо «сделаем дело», нам давали по гривеннику награды, что конечно не спасало нас от голода. Потом меня «поставили» на фабрику рабочим. Это тоже была награда за хорошую работу для «партии». На этой фабрике работала вот и она... Война для нас явилась избавлением от этого кошмара. Как ни страшна

и сильна была революционная партия, но из нее при мобилизации забрали главных руководителей и угнали на фронт. Остальным сразу стало легче жить. Тогда мы с ней повенчались и уехали из Петрограда.

— А, что сталось с вашими родителями?

— Не знаю!.. Да и совершенно не интересуюсь знать. С их миром у нас всё было покончено давно...

— Непонятно и жутко для меня всё, что вы рассказали... Я тоже из семьи доктора...

Ушла я из этого, стоящего на болоте, дома, чтобы никогда никого из них больше не видеть и даже ничего о них не слышать. Но судьба еще раз меня с ними столкнула...

Наконец я собралась сходить к Крижановским. Давно я у них не была. Пошла и застала полный развал семьи...

— Тина Дмитриевна, я уезжаю в Добровольческую Армию, — грустно сказал Крижановский. — Может быть удастся получить работу по моей специальности. Чёрт возьми! Ведь я инженер путей сообщения! Неужели никому моя специальность не нужна?!.. Моей жене я тоже больше не нужен!..

Атмосфера в доме была тяжелая и я скоро ушла. Через несколько дней Крижановская сама ко мне зашла.

— Только что проводила мужа... Завтра перебираюсь в новую комнату. Я очень рада, что он уехал. За последнее время совместная жизнь стала совершенно невозможной. Мы с ним всё время ссорились. Дела никакого нет. Денег нет... Я его не люблю и не скрываю этого от него. Я сама не знаю, как это случилось... Помните там, еще в Тифлисе, когда вы у нас учились печатать на машинке, я вас полюбила и теперь вы у меня единственный близкий человек, которому мне хочется рассказать всю мою жизнь... С раннего детства жизнь для меня сложилась неудачно... Мать моя бросила отца, когда мы с сестрой были еще совсем маленькими... Отец любил нас детей и только это его и спасло от самоубийства. Он безумно любил нашу мать. Он женился на моей матери, у которой была уже дочь от ее первого мужа, который был поляк. Он бросил жену, когда их девочке было три года. Потом родилась моя сестра. Через два года — я... Мать ушла от моего отца и оставила ему нас, но взяла свою старшую дочь. Когда мне было двенадцать лет, папа нам сказал, что наша мама умерла от чахотки, и что Анела приедет к нам жить... Так звали мамину дочь. Анела вернулась к нам уже взрослой барышней. Она сразу же нас

не взлюбила, всячески издевалась над нами и дразнила нас с сестрой. Мы учились в институте и домой приезжали только по праздникам. Она умела отравлять и эту нашу радость, быть нежными и ласковыми с папой. Но худшее было еще впереди... Папа заболел и умер... Мы остались в полной власти Анелы. Она была очень красива и количество ее поклонников всегда было велико. Теперь она была полная хозяйка в доме и он всегда был полон мужчин всех возрастов. Теперешний мой муж тогда еще был студентом и был влюблен в Анелу, но очевидно надоел уже ей, или она имела ввиду что-то более выгодное... Как-то, во время каникул я вошла в гостиную и увидела Крижановского плачущего на коленях перед Анелой. Увидев меня Анела сказала: «Встань же, дурак, с колен!» Толкнула его, встала с кресла и отошла, а он продолжал стоять у пустого кресла. Это было так смешно, что я засмеялась. Он быстро вскочил. «Женись вот на ней», показывая на меня сказала Анела. «Хочешь выйти за него замуж?» обратилась она ко мне. Я повернулась и вышла из комнаты не отвечая... «Милица, вернись!» крикнула она властно, и я не осмелилась ослушаться. Вернулась в гостиную... «Григорий Александрович женится на тебе! И ты выйдешь за него замуж!..» сказала она... Я выслушала ее, убежала в свою комнату и скоро уехала в институт. Но с тех пор он считался моим женихом. Только ждал пока я кончу институт. Я его ненавидела, да и он меня тоже...

Когда, по приказанию Анелы, мы наконец повенчались, то он стал притворяться, что любит меня. Это была месть Анеле... Так я и жила до революции, ничего не ожидая от жизни. Он хороший инженер, получавший большие деньги, доставлял мне всё, что было нужно! И, вдруг, в Тифлисе я встретила офицера и полюбила его в первый раз за всю мою жизнь. И он любит меня тоже. Мы встречаемся очень редко. Урывками, на минутку. Но наше счастье огромно, радостно... При встрече мы только смотрим друг на друга. Даже не всегда разговаривать можем... Муж, уезжая, сказал мне, что мы расстаемся на время... Но я знаю, что навсегда...

Она ушла, а через несколько дней пришла снова и сказала, — Мы открываем дело. Нас три дамы: генеральша А., у ней в Батуме несколько домов; я и еще одна опытная портиха. Все на равных паях. Мы уже нашли помещение и дали задаток. Мы будем принимать на комиссию вещи и продавать их. Будем и шить новые платья, пальто и костюмы. Генеральша участвует только деньгами. Работать не будет — стесняется. Но поможет наладить и пустить дело в ход. Вы, Тина Дмитриевна, не обижайтесь, что я вас не пригласила в компаньонки... Они

обе не хотят лишних компаньонок. Генеральша сказала, что много компаньонок только раздробят доход. А портниха заявила что «бездельниц», хотя бы и с деньгами, она не желает. Я буду заведывать магазином. Портниха кройкой и шитьем... Это дело верное! К нам будут приносить и продавать старые, не модные вещи за бесценок; а мы их будем перешивать, делать модными и продавать за хорошие деньги. Я зашла к вам только на минутку, чтобы рассказать всё. У меня столько дела, что я забыла все предыдущие неудачи. И, знаете, после отъезда мужа у меня и настроение лучше и энергии больше. Ну, до свидания! Я спешу. Заходите посмотреть, как мы устроились!..

Все работают. Все что-то устраивают... Только я ничего не делаю, подумала я провожая Милицу.

По календарю давно уже зима. Но в Батуме она началась только около Рождества. Пошли дожди со снегом. Стало холодно и сыро, и больных стало еще больше в городе. Сегодня мне сказали, что в ужасном положении находятся две женщины, — мать и дочь... Живут они в крошечном сарайчике, сколоченном из ящиков. Они обе больны. У них нет ни еды, ни теплой одежды. Я позвала мою квартирную хозяйку, чтобы она показала мне их переулок, у которого нет даже названия. Мы взяли кое-что из теплых вещей, еды и пошли. С величайшим трудом разыскали мы этих женщин. Оказалось, что они жили не в сарайчике, даже, а в чулане, приткнутом к сарайчику. В сарайчике жил его владелец, а чулан сдавал в наем. Крыша как решето из дранок. Такая же дверь, в которой, в вырезанную дыру, было вставлено стекло. Окна совсем нет. Пол земляной и теперь на нем стояла жидкая грязь. Со стен текла вода... Обе женщины, мать и дочь, лежали вместе на нарах, прикрытые рваным пальто... На стене висели какие-то черные платья, мокрые от дождевой воды, стекавшей на них... На полу стояла кострюля с водой и около нее чайная чашка. Я сразу увидела, что никакая помощь здесь не может быть оказана. Обеих женщин просто надо было немедленно отправить в больницу... Я накрыла их принесенным, мною одеялом и спросила, хотят ли они, чтобы их отвезли в больницу? Дочь подняла голову и попросила пить. А мать ничего не ответила. Она была в бессознательном состоянии... — Дайте воды... — сказала молодая женщина. Я зачерпнула из кострюли, стоявшей на полу и дала пить. Она стала кашлять и, приоткрыв гла-

за, сказала: — Послушайте, я не знаю, кто вы! У нас нет никого здесь... Если я умру, у мамы больше никого не будет... Она останется одна. Мы бежали из Екатеринодара. Моего мужа убили... Отец был убит еще на Западном фронте. Он был военный инженер. — Она опять легла, закрыла глаза и замолчала...

Я пошла в городскую больницу. Нашла заведующего, но долго не могла от него добиться, чтобы поехали за этими больными женщинами и взяли бы их... На мое заявление, что женщины могут умереть без медицинской помощи, заведующий больницей сказал: — А у нас, вы думаете им будет лучше?.. У нас нет ни лекарств, ни провизии... Помещение нечем топить... Белье нечем стирать, нет мыла, нет горячей воды... В палатах такая сырость и холод, как и у них я думаю... Мы бы давно должны закрыть больницу... Иностранное командование, пока было здесь, отпускало средства для поддержания больницы. Теперь они уходят и нам неоткуда больше получить ни копейки!..

— Но здесь хоть есть люди! А там они одни лежат!..

— Хорошо. Я скажу главному врачу. Дайте их адрес мы пошлем за ними.

— А не могли бы вы послать сейчас? Я бы сама показала место, где они лежат. А то ваши люди не найдут их. Это где-то в переулке. А домишко стоит в глубине двора.

— Я сейчас не могу! Лошадей нет. Повезли хоронить. Когда вернутся я пошлю...

Объяснив где находится дом и улица, я ушла. Вечером позвала хозяйку и мы пошли узнать взяли ли больных женщин. Пришли во двор, увидали свет в доме и пошли туда. На стук вышла женщина и на наш вопрос увезли ли больных, сказала, что увезли.

— А вы что родственники будете им? — спросила она. — Мы сами бедные люди, а они нам не платили за «квартиру» несколько месяцев. Если помрут обе, так у них и имущества-то никакого нет. Нечего и взять нам за квартиру, — ворчливо добавила она. На другой день я пошла в больницу и узнала, что дочь ночью умерла, а у матери «испанка» перешла в воспаление легких и она находится в очень тяжелом состоянии...

— Слышали новость? — входя в комнату сказал Савельев. — Иностранное командование передает город Грузинскому правительству, а сами уезжают!.. Придется и нам уезжать отсюда. С грузинами долго не проживешь!.. Да всё равно пришлось бы и без этого уезжать с Кавказа... Ходят слухи,

что у Деникина дела очень плохи. На днях приехал оттуда генерал Т. и рассказал такие жуткие истории, что лучше заблаговременно уехать за границу.

— Я поеду обратно в Баку! Всё что угодно, но оставаться жить под властью грузин невозможно...

С приходом грузинской власти в городе всё сразу страшно вздорожало. Да и почти ничего достать нельзя. Хлеб поднялся в цене до пятисот рублей за фунт. Мясо и масло совсем исчезли. В консульствах образовались очереди за получением виз. Около участков толпы, чтобы получить свидетельство о личности и о прививках чумы, холеры, тифа брюшного, тифа сыпного и оспы. Но, визы ни одно из консульств прямо в свою страну не дает. Только до Константинополя. Грустно стало на душе!.. Последнее рушится! Больше некуда бежать... Дальше уже море... Здесь люди, точно застигнутые ледоходом сгрудились на берегу и не знали где спасение!.. Временное благополучие кончилось... Страна, бывшая родиной многих поколений, сразу стала чужой и враждебно настроенной...

— Все спрашивали друг друга: — Вы куда едете?.. — И никто не мог ответить. — Сами еще не знаем! Хотели в Англию да визы не дают! Пока достали в Константинополь, а оттуда легче хлопотать о дальнейшем...

Все оказались ненужными там где родились и где, до того, вся жизнь их была работой на родину...

Пошла в церковь. Сегодня воскресенье. Я так давно не была в церкви. Может быть найду там душевное спокойствие... В соборе было полно молящихся. Я стала около самых дверей. Не хотелось нарушать тишину, благолепие и торжественность службы... Большой соборный хор пел очень хорошо. Когда открылись Царские Врата и священник вынес Чашу со Святыми Дарами, я в нем узнала отца Павла Смирнова!.. Я стала на колени и благодарила Господа, что его выпустили из тюрьмы. После окончания обедни я стала ждать, когда выйдет отец Павел из алтаря. Все ушли из церкви, а я вышла на паперть и долго стояла. Какие-то старушки тихо разговаривали. Но и они ушли. А отца Павла всё нет. Может быть он вышел через другую дверь? Я пошла обратно в собор и сразу увидела отца Павла выходящего из боковых дверей алтаря. Он шел очень медленно, опустив голову и прихрамывая на короткую ногу. Боже мой, как он поседел!.. Это всё сделала тюрь-

ма... Я позвала его: — Отец Павел! — Он остановился, посмотрел и, заметив меня, быстро зашагал ко мне.

— Тина Дмитриевна! Как вы очутились здесь? Здравствуйте. Вот и опять встретились... Господи, Боже ты мой! Я именно вас и хочу видеть. — Его черные глаза засветились попрежнему, но скоро опять потухли. Он как-то весь поник и сгорбился... Борода и длинные волосы совсем седые, лицо худое желтое.

— Отец Павел! Вы давно в Батуме?

— Нет. Недели три будет.

— А дома у вас всё благополучно?

— Нет, Тина Дмитриевна. Не благополучно... — Он замолчал. Мы вышли на паперть, спустились и тихо пошли по бульвару.

— Сядемте вот тут на скамейку, если вы никуда не спешите. А вы надолго приехали сюда? Или только подышать воздухом Черного моря? У вас ведь свое есть море! Но оно всё пропахло мазутом, поди?..

— Не знаю, отец Павел! Может быть на долго. Мне очень нравится здесь жить. А вы, отец Павел, с семьей здесь или один?

— Один. Девочки и Митя остались в Тифлисе. Пока я жив, хочу чтобы они кончили зубоврачебную школу и получили дипломы. Живу я у соборного сторожа, а за еду работаю в ресторане. Веду отчетные книги. Стыдно другой раз проходить через ресторан. Публика, поди, думает, что священник ходит по ресторанам... А я ведь только прохожу через него. И обедаю в конторе, где работаю. Работаю я по двенадцати часов подряд. Да и лучше!.. По крайней мере не думаю ни о чем. А вот, как приду домой, лягу в постель, так всё и встанет перед глазами... И нет сил отогнать видения. И нет сна... Встаю, хожу по комнате. Чтобы заглушить мысли, пою потихоньку молитвы... Другой раз так до рассвета и не могу заснуть...

— Отец Павел! Что же вас так мучает? Что случилось?!

— Горе великое! Непоправимое... Потерял я моих мальчиков!.. Володя и Сережа в бурю на Каспийском море потонули... И даже тела их не нашли, чтобы предать земле... Помните Нюру, племянницу мою, которая была у вас в Баку с ребенком? Ее муж тоже погиб вместе с моими детьми...

— Бедная! Где она теперь?

— Уехала к матери в Полтаву... Ребенок умер у нас вскоре после того, как она приехала из Баку. Потом я получил письмо от товарища Володи из Петровска. Он плыл вместе с ними, но на другом пароходе и спасся чудом... Пароход, на

котором спасся этот офицер, две недели носило по морю... Вернее только кузов от парохода... Ни трубы, ни мачт, ни бортов, ни руля на нем уже не было... Спаслось на нем еще несколько солдат, которые находились в трюме... Когда море немного успокоилось из Петровска послали искать пропавшие пароходы... Нашли из трех только один. Да и тот был обломком... Я был в госпитале и всех их видел и расспрашивал. Жуткую рассказали они картину... Вот как придет ночь, останусь один, так всё и встанет перед глазами... Слышу страшный шум бешеных волн... Вой ветра... Скрип и стон старого парохода... И крики ужаса обреченных на гибель людей... Мой Володя и муж Нины, сначала сели на тот пароход, который спасся... Но Сережа оказался на другом... Володя пошел за ним, но нашел его спящим, никак не мог его разбудить и остался с ним... Потом и муж Нюры перешел к ним на свою погибель... Пароходы были очень старые. Грузили на них вещи всё тяжелые и громоздкие: пушки, зарядные ящики, патронные двуколки, лошадей, мулов... Люди были для такой работы не опытные, укрепляли груз как попало. Да и были все страшно уставшие переходами по персидским дорогам... Шли день и ночь без еды и отдыха... Как попали на палубу, так повалились и заснули где стояли... Многие и проснуться не успели... Когда началась буря веревки и цепи полопались. Пушки, зарядные ящики, лошади и люди, заливаемые водой, стали кататься по палубе пока не выбили борта и не свалились в море. За ними туда же полетели зарядные ящики, с диким ржанием лошади и с криком ужаса люди...

«Солдаты и офицеры старались удержать что возможно. Но новые волны смывали и их и всё, что попадалось на пути. Темнота была кромешная. Фонари разбились. Другие залило водой. Отовсюду неслись крики и мольбы о помощи придавленных тяжестями и искалеченных. Но в следующую минуту гора воды смывала всё и крики замолкали... Никто никому не мог помочь... Все, кто еще мог найти что-нибудь устойчивое, привязывали себя, чтобы не быть унесенным в море... Всё трещало, ухало и рушилось... Мачты, труба, капитанская будка, — всё разбивалось и уносилось в море... Люки нельзя было открыть, чтобы спуститься туда. И вдруг среди воя и шума что-то черное, страшное мелькнуло выше нашей палубы и куда-то провалилось... Мне почудился многоголосый крик смертельного ужаса... Это был остов какого-то из наших пароходов... Волны нагнали его на нас и перебросили через нашу палубу... Он камнем пошел ко дну... День настал еще страшнее чем ночь... Наш пароход осел и почти не сопротивлялся бушевав-

шим волнам... Вода стояла на палубе так высоко, что я не замечал как сильно ныряет пароход. Так продолжалось три дня и три ночи! Когда же стало немного тише и светлее я увидел страшное зрелище разрушения... Вместо парохода была бесформенная громада, на которой не было ни мачт, ни трубы, ни капитанской будки, да и самого капитана не было... Мы, двое, с полковником были привязаны к основанию сломанной мачты и только благодаря этому не были смыты в море...

Полковник, всё время заливаемый водой, не мог уже больше стоять на ногах... Теперь волны перекатывались через него... Скоро я заметил, что его тело билось о сваи и мои ноги... Но у меня не было сил отвязать веревку. Позже я нашел в кармане перочинный нож, перерезал веревку и освободился от его разбитого и изуродованного тела... Скоро волны его унесли. Я остался один со сломанной ногой и крепко притянутой мокрой веревкой к свае. Теперь я сидел по грудь в воде и ждал такой же участи, как и полковник... Я потерял всякое представление о времени... Иногда я открывал глаза и видел кругом только море... Потом меня стала мучить жажда... Палуба стала сухой... Больше ее не заливало. У меня кружилась голова и тошнило. Теперь я лежал на палубе. Сколько прошло дней и ночей я не знаю... Потом пришли какие-то люди, взяли меня и унесли куда-то... Пришел я в себя в госпитале... Там я узнал, что оба наших парохода погибли. Остов того парохода, на котором я был найден, заметили рыбаки. Они дали знать в Петровск и был выслан пароход. Меня нашли и привезли в госпиталь. Остов парохода привели в порт. В трюме его оказалось больше трупов, чем живых. Все они оказались в ужасном положении. Несколько человек сошли с ума. Другие были искалечены. Живые и мертвые валялись вместе без воды, без помощи, швыряемые из стороны в сторону по всему трюму! Всё смешалось, — ящики, винтовки, бочки с водой. Кровь, разбитые и разломанные человеческие кости и изорванные внутренности...»

— Прошло три недели после бури. Рыбаки каждый день вылавливали разбухшие, изуродованные тела погибших. Хоронили в общих могилах на кладбище. Я приехал, расспросил рыбаков, где больше всего было похоронено тел... Нанял людей, разрыл могилы. Осмотрел каждого несчастного погибшего... Но своих сыновей не нашел... Две недели я ходил по берегу... Много верст исходил... С раннего утра и до поздней ночи я шел вдоль берега... Каждый кусочек дерева, плавающий в море, принимал за труп и часами ждал когда

«он» приблизится. Часто не хватало терпения... Тогда брал у рыбаков лодку и плыл в открытое море... Иногда увижу далеко в море черную точку и жду когда ее прибьет к берегу... И чем эта «точка» ближе, тем мое нетерпение становится больше. И если нет поблизости лодки, сниму одежду и плыву к телу... Притащу к берегу. Нет!.. Стану перед чужим сыном на колени перекрещу его, прочту молитву и спрашиваю: «Где мои дети?.. Видел ты их? Скажи!..»

— Иногда рыбаки скажут, что видели тело на берегу верст за пять от того места, где я жил. Я чуть не бегу туда... Приду, а там доска, или какой нибудь обломок... И сердце тонет в тоске... И так весь день хожу по берегу в поисках своих детей... Сам мокрый, грязный. Об еде и не думал совсем... Настанет ночь, приду в рыбачью хижину, лягу усталый до изнеможения. А перед глазами море и разбухшие трупы... Между ними вижу, как волны подвигают к берегу тело Володи, или Сережи. И вдруг новый страх... Волны ведь могут опять унести тело в море!.. Соскакиваю с постели, надеваю невысохшую одежду и бегу на берег. Иду в одну сторону... Ничего нет... Иду в другую, — тоже ничего! А может быть дальше?.. Иду и иду... И так хожу и жду рассвета, думая, что с наступлением его буду видеть дальше... Стану на мокрый песок и молюсь: «Господи! За что такое тяжкое наказание послал ты мне!?. Дети мои еще не жили... С чистыми сердцами пошли они защищать Россию!.. Накажи меня за грехи мои, но дай мне последнее, горькое утешение... Дай мне взглянуть на них и похоронить их тела... Пусть хоть эту последнюю услугу они примут из моих рук...» Так стою в воде и молюсь до рассвета... Придут утром рыбаки и насильно уведут меня с берега... А у меня нет уже воли и сил сопротивляться им...

— Не знаю чем бы всё это кончилось... Но от Верочки я получил телеграмму, что Митя заболел сыпным тифом в очень тяжелой форме... Это известие привело меня в себя... Поручил я рыбакам все выброшенные морем тела осматривать... Если по приметам будут похожи на моих сыновей, то сейчас же телеграфировать мне. Дал им денег и уехал в Тифлис... Слава Господу, Митю выходили! Но от рыбаков никакой телеграммы так и не получил...

Он замолчал... А я не смела прервать это молчание...

— Вскоре грузинское правительство отрешило меня от должности Настоятеля Военного Собора, арестовало меня и посадило в камеру «смерти». В этой камере заключенные уми-

рали почти поголовно. Она была заражена сыпным тифом. Совершенно почти темная, она вмещала в десять раз больше жильцов, чем полагалось. Люди лежали на полу и под нарами. В крошечное оконце не проникал не только свет, но и воздух. В ней не всегда была даже вода для питья... Часто умершие лежали среди живых по суткам. На просьбы и мольбы заключенных дать воды, или вынести тело умершего, мы слышали только смех стражи или угрозы расправиться с нами. О медицинской помощи и думать было нечего... Меня впихнули в эту камеру, смрадную и кишащую насекомыми, для того, чтобы и я разделил участь других обреченных, часто ни в чем неповинных людей... Нужно было чудо, чтобы не заболеть и не умереть там... А я вот и не заболел и вышел живым... И всё время ухаживал за больными. Там были многострадальные защитники Родины-России, — офицеры, врачи и такие же как и я — священники. Словом все, кто любил и защищал Россию... Множество раз вызывали меня на допросы. Пугали смертью. Но никакого обвинения не предъявляли. Всё сводилось к тому, чтобы я выехал из Тифлиса, так как прихожане «бунтуются» требуют меня Настоятелем Собора. Наконец взяли с меня подписку что я «выеду» из Тифлиса, довезли до границы Батумской области и выпустили... Я приехал сюда, чтобы быть поближе к детям. Хотел ехать в Добровольческую Армию. Но не мог оставить детей без всяких средств к жизни. И вот, слава Господу, опять служу в Храме для души, а для тела работаю в ресторане... Какие случится получить деньги посылаю детям... Прошу Бога, чтобы он подарил мне жизнь, чтобы дети мои встали на ноги!

Он замолчал. Слезы текли по его бледным, худым щекам...

— Извините меня!.. Мне пора идти на работу. Я рад, что встретил вас и поделился моим никогда не утихающим горем... — Он встал и пошел прихрамывая.

Пришел сегодня полковник Савельев и предложил «купить» целый чемодан денег. Несколько миллионов «колокольчиков» за две тысячи грузинских.

— Какие там еще «колокольчики»!? Я и так запуталась в названиях, цвете и величине «денег». Нет!.. Не хочу никаких «миллионов»!.. А позвольте! Откуда они у вас...

— Не мои. Приехал из Добровольческой Армии генерал Талин и просит меня ликвидировать его миллионы. Он собирается ехать во Францию...

— Так почему же вы сами не купите их?

— Да, знаете, я ведь и сам тоже думаю уехать заграницу... А с этими «колокольчиками» никуда не «подашься».

— Почему генерал Талин не живет здесь, раз его «колокольчики» годны для покупки и для того, чтобы на них жить?

— Вот то-то и оно, что их никто не берет и на них ничего купить здесь нельзя.

— Очень мило!.. Так на какого «лешего» вы предлагаете мне купить их?

— А что мне делать? Просит помочь!.. Старый мой друг, ведь, генерал Талин. Как ему откажешь!? А по правде говоря, так за весь чемодан с его деньгами нельзя дать и одной почтовой марки... — «Сделка» не состоялась. Савельев ушел...

На сердце у меня с каждым днем становилось всё тяжелее. Чувствуется полное одиночество и, какая-то беззащитность... Знакомые и друзья все думают только о себе и с полной бесцеремонностью стараются устроить только свои дела. Пойду навещу Милицу! Она давно уже у меня не была. Посмотрю как у нее идут дела...

— Здравствуйте Милица! Как поживаете? У вас тут очень уютно!..

— Ах, как хорошо, что вы сами ко мне зашли... У меня столько накопилось рассказать вам! А времени нет к вам зайти. Одна я осталась! Тут такая была драма, чуть до убийства не дошло. Обе мои компаньонки бросили меня... Я осталась одна в магазине. Сняли мы этот магазин втроем: я, генеральша и опытная портниха и стали устраивать. Это почти всё мое, только мебель генеральши. Мы хотели всё сделать уютно и нарядно. Но наша компаньонка-портниха всё критикует, а потом и ругать нас стала. Да такими словами, что хоть беги из магазина... «Всё, говорит, это не к чему! Только очковтирательство! Работать не умеете, так занавесочками, да салфеточками хотите заманить публику!.. Вы, говорит, гнилое мясо! Без меня пропадете. Только я и могу это дело вести...» Генеральша стала возражать ей, но портниха схватила молоток (я им приколачивала занавески) и запустила им в генеральшу... Правда, не попала. Но та сразу же ушла домой и отказалась от участия в «деле». На другой день отказалась и портниха. «А ну, говорит, всех вас к чёртовой матери! Стану я на вас работать!» И ушла. А мы накануне только приняли в переделку костюм! Она его распорола. Теперь за всё я одна в ответе: и за костюм и за контракт на магазин!.. Костюм я решила сшить, как он был, но когда стала его гладить, то спину сожгла!.. Дама пришла сегодня и требует костюм. Я ей сказала, что мы «его

нечаянно» сожгли. Теперь она требует за него деньги!.. Потом пришел хозяин магазина и просит деньги за весь месяц вперед!.. Мы ему дали только часть, в виде задатка. Я сказала ему, что отказываюсь от магазина, а он теперь с меня требует неустойку! «Иначе, говорит, подам на вас в суд!..» Я только что была у адвоката... Он меня успокоил. Сказал, что во время революции никакие сделки и контракты не действительны... Но хуже всего то, что у меня нет ни комнаты, ни квартиры... Я здесь и спала на столе, на котором портниха кроила. Если теперь хозяин меня выгонит из магазина, то мне некуда даже пойти... Нигде у меня нет никакого приюта... Ни для работы, ни для ночлега...

— А, муж вам пишет?..

— Нет. Ни одного письма не написал... Да я и не хочу ничего знать о нем. А, вот мой друг, о котором я вам говорила, пропал куда-то... Это меня очень тревожит... Мы с ним очень редко видимся... И он никогда мне не говорит, что он делает и чем занимается... Но я сама стала догадываться о его занятиях. Неделю тому назад я получила от него записку... Он просил меня прийти к нему и указал мне адрес, где-то около Чероха... Я ночью шла по пустырям и едва нашла его в каком-то разрушенном доме, так он указал в своей записке. Левая рука прострелена и замотана какой-то тряпкой... Худой, заросший бородой, одежда оборванная, грязная; весь в крови... «Мы с тобой может быть последний раз видимся, сказал он. Мне тяжело, Милица... Мы полюбили друг друга так поздно... Ничего я не мог дать тебе в это проклятое звериное время... Был я честным офицером... Служил родине по совести! Всё разлетелось в прах!.. Никому не нужны мы теперь такие, какими нас сделала революция и изуродованная жизнь. Стали ненужным хламом... Мы еще живы и нужно есть и иметь место для сна. И вот, мы, — несколько бывших офицеров, — организовали небольшую «шайку» и стали пользоваться большевистскими лозунгами: — «грабь награбленное»... Но мы не такие опытные, как они! Нас выследили, двоих убили... Ах чёрт! Храбрейшие были офицеры... Сражались с турками; все георгиевские кавалеры... А погибли, как бандиты, подстреленные этой грузинской сволочью...» Он здоровой рукой закрыл лицо... Из под руки по обветренным и худым щекам текли слезы... «Ведь только в пятнадцатом году были выпущены из училища... Чуть не мальчики!.. Прости меня, Милица, за мою слабость. Но я так хотел видеть тебя в последний раз . . . И вот, вместо помощи и поддержки, в которой ты нуждаешься, я только причиняю тебе лишние страдания и вдоба-

вок, подвергаю тебя опасности... Прости меня! И сейчас же уходи отсюда! Что бы ты не услышала, не возвращайся больше сюда... Если я буду жив я дам тебе знать!» Я ушла. И вот уже прошла неделя, а от него ничего не слышно... Я чувствую, что я лечу в пропасть... И никогда мне из нее не выбраться!.. Мне так страшно... Я боюсь ночи... Боюсь остаться одна!.. Днем, вижу людей. А ночь, — это точно могила...

— Милица, переходите ко мне! У меня есть место для вашего спанья. А мне будет веселей и легче с вами.

— Хорошо. Если хозяин выгонит меня из магазина, перейду к вам...

Через несколько дней она переехала ко мне и жила у меня до тех пор, пока не уехала в Кобулеты, а какую-то еврейскую семью шить на многочисленную детвору. Вернулась она весной и вид у нее был сытый и бодрый...

— Теперь я чувствую себя окрепшей. Да и тепло... А еды мне нужно не много. Но шить надоело!.. Муж пропал... Друга убили!.. Только одна вы у меня остались!.. — заявила она.

А мне всё делают предложение за предложением... И одно нелепее другого. Пришли ко мне двое — полковник Савельев и генерал Ж. и предложили участвовать в «выгодной покупке пробок»...

— Эти пробки ценятся чуть не на вес золота. Нам их из первых рук предложили. Если «биржевики» узнают, так такую вздуют цену, что и не приступишься. Нам собственно никакие компаньоны не нужны. Но никто из нас с генералом не может поехать в Баку продавать их! Первый же грузинский солдат арестует, когда узнает об этом. Поэтому вы для нас незаменимая компаньонка. Во-первых — вы дама. Во-вторых — вы бакинка, знающая всех и вся в оптовом «винном деле»! .. Товар уж очень приятный, чистый, лекгий. В одном тюке пятьдесят тысяч пробок! А всего триста тысяч. Стоят они всего-навсего восемьдесят тысяч рублей. Все расходы за товар, и за вашу поездку и жизнь в Баку, — всё делится на три части!.. Полная гарантия, что как только вы приедете с пробками в Баку, у вас их с руками оторвут!.. Пробок там нет «на рынке»! И большие винные оптовики все в критическом положении... Им нечем закупоривать бутылки!..

— Спасибо, я подумаю о вашем предложении!

Через два дня полковник Савельев пришел и сказал, что генерл Ж. отказался от участия в «пробках».

— Это ничего. Я телеграфировал моему приятелю в Тифлис. У него есть немного денег. И он примет участие в этой сделке... Значит вы согласны помочь нам?

— Видите ли, я еще не решила, как мне быть...

— Ну, какие еще колебания! Конечно соглашайтесь! Я давно уже был уверен в этом... Вашу ручку!.. Ну вот мы и компаньоны!.. Теперь деловая сторона сделки. Я сейчас дам за пробки задаток. А вы потом заплатите «остальное»... Я всё устрою: погружу пробки в вагоны и отправлю их в Баку. А вы, когда приедете в Баку, предъявите «накладные», заплатите за перевозку и прикажете «выгрузить» ваши пробки и продавайте их. Как только получите за них деньги, — сейчас же переведите их на мое имя в Батум...

— Сколько же мне нужно всего заплатить здесь и в Баку?

— Я еще не справлялся сколько будет стоить перевозка трехсот тысяч пробок. Я думаю что пустяки. Но здесь придется вам немного больше, конечно, заплатить. Правда это понадобится всего на какие нибудь несколько дней, или, самое большее, на неделю. А, как только продадите пробки, получите деньги и вышлите их мне. Я на них сейчас же куплю валюту, или обменяю на более выгодные деньги... И вы получите вместо ваших семидесяти девяти тысяч...

— Да, да, понимаю. Но мои деньги находятся в Баку, а здесь у меня нет столько...

Глава 2

Городское санитарное управление объявило, что, ввиду появившихся в городе заболеваний чумы, всё население обязано явиться в свои участки для прививки... Пошла и я. По дороге встретила генерала Левандовского. Он сказал мне, что ходит в участок вторую неделю, но никак не может добиться получения свидетельства. — Таких тупоголовых я никогда еще не видел! Простое удостоверение личности не могу получить. Мне нужно его подать во французское консульство для получения виз для семьи и для меня. Чиновник начинает писать! Пишет, пишет... Протянет мне написанное... О, ужас!.. Ни один человек не поймет, что там написано!.. Я хочу удостоверение о моей личности! снова говорю я чиновнику. Он опять начинает писание, пишет, пишет. И всё такую же неразбериху... Да вы не то пишете, говорю я ему, заглядывая в лист который он пишет. «Так шито ви просите... Скажыте русским языком?» оборачиваясь ко мне говорит, несчастный «чиновник»! И я в сотый раз повторяю ему, что я хочу удостоверение моей личности. И он опять начинает писать. Через полчаса «работы» он спрашивает меня «шито ви просите»?.. Ну, я уж извелся вдребезги. Взял и сам написал и дал ему подписать удостоверение моей личности и приложить печать. Он обрадовался страшно. «Так ви бы сразу и сказали, шито ви хотите»! Это так просто... Поставил печать не читая моего свидетельства. И вот теперь я иду во французское консульство за визами, а семью послал на прививки. Мне самому привили столько разной дряни, что я и счет потерял. Уезжаю с первым же пароходом, пока грузинское «око» не остановилось на мне. Теперь спасать меня некому. Все иностранцы уезжают из Батума. А, вы что думаете делать, Тина Дмитриевна?

— Поеду домой в Баку, как только нельзя будет жить здесь...

— Ну, что же! — Это может быть самое лучшее. Вы не военный человек, дама, вам ничего...

Около участка, где делают прививки, стоят толпы, ожидая своей очереди. Я увидела старуху Григорьеву.

— Вы тоже делали чумную прививку? — спросила я ее.

— Сделала! Но для чего и сама не знаю. Идемте ко мне, ведь тут за углом недалеко мой дом. Я хоть вам расскажу о своем горе. А то я всё одна... Молчу да плачу...

Когда мы пришли к ней она сказала: — Идемте на кухню. Это теперь у меня единственное место в доме. — Мы пришли на кухню, где по-прежнему стояла лоханка с намоченным бельем. Она пригласила меня сесть и сама плюхнулась на сломанный стул.

— Одно несчастье следует за другим! — сказала она. Старуха выглядела еще хуже, с тех пор, как я ее видела... Лицо ее совсем посерело! Глаза опухли, нос красный! Седые волосы.

— Ни одного письма нет ни от «старика», ни от сыновей... Все должно быть погибли там... Я теперь жалею, что не поехала со «стариком»! Лучше бы там помереть с ними, чем терпеть позор моей дочери! За что всё обрушилось на меня. Бывало она спит, так мы с мужем на цыпочках ходим, чтобы не разбудить Ниночку! А теперь в полночь приходят эти голодные грузины, хлопают дверьми, кричать: «Нинка!.. Нинка!..» Нет! Я не могу больше переносить всё это! Я повешусь вот здесь в кухне...

— Где же ее муж?

— В том-то и беда, что Коля уехал в Екатеринодар. Какой-то богатый человек послал его туда, чтобы найти и привезти закопанные драгоценности. Обещал за это отдать Коле половину «клада»! Но прошло уже шесть месяцев, а его всё нет... Нина говорит: «раз муж пропал, то я могу себя считать свободной! Что хочу то и делаю». Теперь полон дом всякого хлама... Приходят голодные. Пьют, едят, орут. На меня смотрят, как на прислугу. Такие хамы!.. А еще кавказцы считаются гостеприимными людьми... Возьму ружье да всех и перестреляю... Господи! За что всё это обрушилось на мою голову!? Всю жизнь работала... Копила, берегла всё для детей. И всё полетело прахом... Ни детей, ни семьи... Теперь последний кусок хлеба скармливаю дочери... — Она диким взглядом обвела кухню. Потом встала и начала ходить взад и вперед, задевая за всё, что попадалось ей под ноги.

— Не могу! Не могу больше выносить этой жизни!..

Я успокоила ее сколько могла и ушла. Было уже после двенадцати, но Нина всё еще спала... И мать, проходя мимо ее комнаты, по привычке ступала на носки, чтобы не разбудить Ниночку...

Вот и опять весна! И как всегда вечно молодая и радостная... Я пошла на бульвар. Там так же, как и в прошлом году цвели магнолии и розы... Я увидела знакомую даму. Она шла с незнакомой мне девочкой лет двенадцати.

— Откуда у вас эта девочка, — спросила я ее.

— О, это Маруся!.. Она живет в нашем дворе. Ее недавно привезли из Одессы. Она обожает море! Когда я пошла она попросила меня взять ее с собой. — Мы пришли на пляж и сели. Маруся подошла к самой воде и стала бросать камешки...

— Если бы вы только знали, какая это несчастная девочка!.. Она круглая сирота... Никогда не перестает искать свою мать... Ее всегда тянет к морю. Как только увидит пароход, — заберется на него и ее везут. Ей всё равно куда ехать. Только ехать... Она забралась на пароход, который шел в Батум и ее привезли сюда. Хорошо еще, что ее заметил хороший человек. Он механик на пароходе. Он отвел ее домой к жене. Потом расспросили ее про ее мать, и вот что она рассказала им:

«Мы жили с мамой, я и мой маленький брат... Ему было два года... Папа наш был в Белой Армии и мы его долго не видели... Потом пришли в Одессу большевики... Стали стрелять... Как-то утром мама разбудила меня и сказала: — Маруся, я пойду и узнаю где ваш папа... Добровольцы грузятся на пароходы... Если наш папа там, я приду за вами и мы уедем отсюда с папой. — Она ушла. Когда мы с братом проснулись мамы еще не было дома. Я дала брату хлеба и мы стали играть. Потом мы вылезли из окна. Дверь была заперта на замок. Мы стали играть во дворе. Потом брат стал плакать и просить есть. Я его посадила на окно и сама влезла в комнату. Мы поели и брат заснул. Потом пришла ночь... Мамы всё еще не было... Потом и я заснула. Когда проснулась было солнце. Я дала кусок хлеба брату. Мы вылезли опять через окно и стали искать маму. Но ее никто не видел. Мы сидели на улице и плакали! Брат просил есть. Но хлеба больше у нас не было. Какая-то женщина, проходя мимо нас, сказала — Ваша мать уехала в Константинополь. Она нашла вашего отца! Он был ранен. Пароход отошел от пристани раньше времени и увез много женщин, которые пришли искать своих мужей. И ваша мать тоже...

Но она скоро вернется обратно... — Мы не стали больше лазить через окно в нашу квартиру. Там не было хлеба больше... Мы спали сначала на дворе, а потом где нас застанет ночь! Брат всё время плакал и просил есть. Я просила у прохожих копеечку, а иногда мы ходили по дворам и просили хлеба. Когда у нас был хлеб, мы уходили за город, на берег и там весь день спали, и купались... Иногда и ночью оставались там же... Скоро я забыла где наша квартира. А мама наша нас не искала больше и мы не знали где она. У брата живот стал большой и он не мог ходить... Только всё просил есть. Как-то я проснулась на берегу и увидела, что около нас сидит солдат!.. Страшный, бородатый весь... Он смотрел на меня!..

— Ты, что тут делаешь? — спросил он меня.

— Мы спим тут!..

— А, это кто? Чей это ребенок?..

— Мой брат.

— Где ваша мать? Где вы живете?

— Да нигде!.. Вот сидим тут. А на ночь уходим в город. Иногда и ночуем здесь...»

Она рассказала ему, что мать уехала куда-то на пароходе... Теперь они остались одни...

— Дяденька, дай кусочек хлеба... Мы голодны! — попросила девочка.

— Ладно!.. Что, есть хочешь?.. Вот что, девченка! Ты вот покарауль мою сумку, да одежду. А я выкупаюсь. А потом дам вам хлеба и денег...

Солдат разделся, но прежде чем идти в воду, сказал — Ты смотри у меня, сволочь!.. Если убежишь с моими вещами, догоню и убью и тебя и твоего брата... А, выкупаюсь, дам вам денег и хлеба. Слышь?!.. Сядь вот на сумку... Стереги ее...

Солдат был рыжий и весь заросший волосами. Брат проснулся и с ужасом смотрел на страшного человека, не смея даже плакать и просить еду. Он только крепко прижался к сестре... Когда солдат полез в воду и стал купаться, мальчик заплакал и стал просить хлеба.

— Подожди! Вот дяденька выкупается и даст нам много хлеба... Подожди не плачь...

А, тот в воде фыркал, плескался, тер себя песком. Но далеко в воду не заходил и кричал сидевшим на берегу детям: — Вша совсем заела... Вот сколько ее — стервы!.. В кожу впилась и песком ее не ототрешь никак... Наконец он вылез из воды. Столкнул девочку, сидевшую на его сумке и сам лег греться на солнце...

— Так, ты говоришь, что мать твоя уехала на пароходе — сказал солдат, приподнимая голову. — А я вот сколько ден хожу по берегу, а выкупаться всё не мог! Не на кого сумку было оставить... Сумка-то моя драгоценная... На-ко погляди сколько там денег и золота... — Он лег на бок, вытащил сумку из песка, развернул шнурок, которым она была замотана, вытащил из муски смятую газету, развернул ее и показал толстый пакет. — Вот видишь? Это всё деньги! А вот и золото. — Потом он вытащил часы с цепочкой и еще часы, и еще... — А, вот это на руку надевается!.. А это вот в уши. А вот брошка!.. Вот еще брошка...

— Дяденька дай хлеба! Брат есть просит, — попросила девочка.

— Хлеба?.. У меня нет хлеба... Ну, погоди... Вот пойдем в город, так я вас накормлю там... — Он уложил всё свое богатство обратно в сумку, завязал крепко шнурком, оглянулся, зарыл сумку слегка в песок и еще раз посмотрел кругом. Не видя никого, протянул голую, волосатую руку к девочке, и потянул ее к себе...

Когда девочка пришла в себя, брат плакал... Солнце стояло высоко и жгло немилосердно. Она приподнялась и с ужасом посмотрела кругом... Но страшного человека-зверя уже не было... Он ушел...

После этого дня девочка с братом не уходили далеко от города. Большую часть дня сидели в порту около пристани и смотрели на приходящие и уходящие пароходы... Всё еще ждали мать... Спали тут же около пустых бочек, или складов (теперь уже пустых). Однажды утром, девочка проснулась и увидела, что ее маленький брат не просыпается и не шевелится. Она долго сидела около него, потом уходила и снова приходила... Но брат так и не проснулся... Одну ночь она спала около мертвого брата... Но потом ушла и забыла о нем... Ей хотелось попасть на пароход и поехать, — всё равно куда!.. А вдруг найдется мама... Один раз она забралась на пароход, который ее привез в Румынию. Там ее не выпустили на берег и привезли обратно в Одессу. Точно таким же образом она забралась на пароход шедший в Батум. Теперь она живет у добрых людей...»

Город стал пустеть... Там, где еще недавно было оживление, где все говорили только о «курсе» валюты и расценке денег, теперь почти пусто. «Комиссионные» магазины закрылись, только в больших пустых окнах валяются обрывки газет, тряпки... На улицах не видно больше черномазых солдат под

«ручку» с русскими девушками... В ресторанах и театрах опустело. Многие и совсем закрылись. Торгуют только те, что продают простую еду. Рынок оживлен не меньше, чем раньше «биржа». Все у кого еще есть что продать, несут свой товар на базар и меняют там прямо «с руки»... Часто меняют его на хлеб, мясо, или масло. Продукты первой необходимости на деньги больше не продают, а меняют на одежду, обувь... Все как-то присмирели и притихли. Даже не слышно разговоров о визах и отъезде. В городе остались только «обреченные», которым некуда и не на что ехать...

Совсем неожиданно пришел ко мне этот наборщик — Брагин...

— Мне нужно «переждать» у вас часа два... Пожалуйста разрешите! — сказал он...

— Сидите!.. Но почему только два, а не три и не один час?..

— Меня ищут грузинские власти, чтобы арестовать, как большевика... А, через два часа мои товарищи увезут меня из Батума. Я получил от коммунистической партии большое назначение... Комиссаром в Саратов...

Пришел отец Павел и рассказал:

— Ходят слухи, что большевики заняли Баку и идут на Тифлис. Точно перед страшной эпидемией, или во время наводнения, — все бегут из города. Хлопочут о визах. Поступают матросами на пароходы... Дамы делаются горничными, только бы вырваться отсюда... В это воскресенье в соборе почти никого не было. Забыли и о Боге... Все стараются только спасти свое тело!.. А вы, Тина Дмитриевна, не собираетесь уезжать заграницу?..

— Нет, отец Павел. Я остаюсь на русской земле и никуда не поеду!.. Бежать мне не от чего и не от кого. Те, что стали теперь страшнее всякого турка и немца, — мне не страшны... Что они сделают мне??.. Ведь почти четыре года я перевязывала их раны, поила их с ложки, простаивала ночи около их кроватей, утирала липкий предсмертный пот. Мне они говорили последнюю свою просьбу написать письмо матери, или жене. Ведь не за деньги и не за награды я работала!.. Как я могу их теперь бояться?.. В моих глазах они все просто несчастные люди и братья мне...

— Вот и хорошо!.. Ваши слова радуют мою душу... Оставайтесь здесь и мы будем ждать не страшных врагов, а страдальцев-братьев наших!..

Но, новости дошедшие до Батума были жуткие. Неожиданно на улицах Батума появились «беженцы» из Тифлиса. Они рассказывали, что «командиры» большевицкой армии, как-только заняли город, объявили солдатскую «неделю». Всякий солдят облюбовав какой-нибудь дом, приходил в него как в свой собственный: спал, ел и мог брать что ему хотелось...

Встретила Нину Григорьеву.

— Все комиссионные магазины обошла, но ничего уже в них нет. Мне нужно кружевное платье для моих выступлений, сказала она. — А, Кольку-то моего кажется большевики расстреляли... Я так и знала, что с ним что-нибудь да случится!.. Он дурак! Вместо денег, за которыми поехал, попал сам в лапы большевиков... Прислал мне письмо. Просит прислать ему три тысячи грузинских денег, чтобы откупиться... «Иначе меня расстреляют». Я это письмо отослала его сестрам. Пускай выкупают его...

— Как поживает ваша мать?..

— А что ей сделается! Сидит на своей кухне целый день. Всё надоело!.. Я страшно раскаиваюсь, что мы переехали на Кавказ... Сначала мне всё здесь нравилось. Но теперь я разочаровалась во всем... Хоть бы взять моего Кольку! Уехал к чёрту на кулички. Не оставил мне денег, да еще просит его выкупать от большевиков... Хорош гусь?..

Сегодня на улицах полно приехавших из Тифлиса с чемоданами и узлами. Сидят прямо на тротуаре. Только пришла домой, кто-то постучал. Открыла дверь, а там стояла старуха из нижнего этажа.

— Вы живете одна, а вот тут в подъезде сидят люди. У них нет для ночлега места. Они только что приехали из Тифлиса... Большевики пришли туда...

— Посылайте их ко мне... — И только она ушла, пришли мужчина и дама с чемоданами.

— Простите за такое вторжение к вам... Мы пробудем у вас только один, или два дня, пока найдем что нибудь подходящее, — сказал мужчина, назвал свою фамилию и представил мне свою даму, как жену: — Полковник Павлов. А это моя жена.

Я указала в столовой на тахту. — Вот это всё, что у меня есть подходящего для спанья. Эта комната в вашем полном распоряжении.

— Бог мой! Да тут отлично!.. И мы устроены по «царски»!.. А до сих пор приходилось плохо... Бежали из Москвы

в прошлом году... С величайшим трудом пробрались до Кавказа, а потом в Тифлис. Я очень прилично устроился там у итальянцев — переводчиком в торговом предприятии. И вот только стали обзаводиться так сказать «домом» и забывать «красных и белых»... Вдруг опять нужно куда-то бежать и спасаться!.. Вчера утром я собрался идти на службу... Но только вышел из подъезда вижу люди в панике бегут и что-то кричат... Сразу разобрал: большевики... Просто ушам своим не поверил! Откуда большевики в Тифлисе?! Не знал, что мне делать... В руках у меня были вот ее «туфельки», — полковник нежно посмотрел на свою жену, — я их нес для починки. Пока я стоял и раздумывал что делать, невдалеке раздались выстрелы, я сразу понял и ясно представил себе большевиков и побежал сказать жене. Схватили чемоданы и вот мы опять «беженцы»... Опять бесприютные и выкинутые из жизни люди...

Но они были не единственные бежавшие из Тифлиса. Иду по улице, а группы беженцев сидят на «узлах». У одной молодой женщины на руках плачет маленький ребенок... Я остановилась и спросила: — Вы из Тифлиса?

— Нет, мы из Владикавказа!

— Значит и там большевики?..

— Там они давно. Мы через горы шли пешком и только сегодня ночью приехали в Батум...

Я стала расспрашивать, что их выгнало из Владикавказа и все повторяют те же ужасы, точно это завоевание «Мамая», а не такие же русские люди... Куда придут, — всюду насилие, избиения, грабежи и убийства...

— Не знали ли вы там семью Ваксман? — спросила я.

— Конечно знала! Мы не далеко жили от них. Сам капитан Ваксман был ранен и умер в госпитале... А ее раздавил грузовик. Она переходила улицу... Грузовик был полон красноармейцев и мчался. Когда они переехали ее, даже не остановился ни на минуту. Точно кошку раздавили и умчались... Старшая дочь с мужем были в Добровольческой Армии, а младшая, хорошенькая, не захотела голодать, и пропала девочка... Два мальчика учились в кадетском корпусе во Владикавказе. Но когда пришли туда большевики, они бежали в Добровольческую Армию. Старшего там убили. А младший, Коля, вернулся во Владикавказ, когда узнал, что мать убили большевики. Он тоже погиб. Но прежде чем умереть, отомстил убийцам матери. Надел офицерскую форму и с наганом пошел в ресторан, где всегда пьянствовали «высшие коммунисты». Сел за стол, потребовал вина и стал ждать... Сначала никто на него не

обращал внимания. Но когда увидели, что сидит белый офицер, да еще в форме, — это было хуже, чем показать быку красную материю... Поднялась ругань. Раздались угрозы и полетели в него бутылки, стулья... Вдруг один из важных, должно быть, сказал: «Стойте товарищи! Дайте мне эту «гниду» прикончить»... Вынул револьвер, положил подбородок на стол и стал целиться... Не успел однако нажать на собачку... Свалился сам под стол от меткого выстрела Коли... Поднялось что-то невероятное... Пьяная свора бросилась на Колю швыряя в него всем, что попадалось под руки стулья, посуду, опрокидывая столы... Все бросились на него... А Коля стал отстреливаться... И ни одна его пуля не пропала даром... «Вот вам, скоты, за смерть моей матери... Вот за брата... А это за сестру...» Оставшуюся последнюю пулю он выпустил себе в рот... Тело его было превращено в кусок мяса... Он отомстил не только за свою семью, но и за многих мучеников большевизма и коммунизма...

— Перед нашим бегством из Владикавказа большевики убили генерала Радаца. Они его вытащили из поезда и стали над ним издеваться. Кровавая толпа окружила кольцом генерала и стала срывать с него одежду, и над совершенно обнаженным, — солдаты стали издеваться. Комиссар поезда крикнул: «А ну! беги!!.. Убежишь, твое счастье — отпустим...» Толпа улюлюкала, свистели, хохотали, отпуская самые грубые ругательства. Генерал Радац, посмотрев затекшими изуродованными глазами, сказал: «Стреляйте, трусы! Учитесь как нужно умирать...» Круг сузился. Замелькали приклады и кулаки. Раздались выстрелы... Удовлетворена животная жажда крови и толпа солдат стала расходиться. На месте страшной расправы над беззащитным человеком, лежала красная изуродованная масса...

После рассказа молодой женщины и мне стало жутко!.. Кто они эти русские люди, которые убивают стариков, детей и насилуют женщин?.. Нет! Это не русские люди, которых я знала — это звери!..

Беженцы Павловы продолжают жить в моей квартире и не ищут себе другой комнаты... Пошла к хозяйкам. У них всегда масса новостей...

— Мы собираемся уезжать во Францию, — сказали они, как только я вошла. — Если сюда придут большевики, то отберут у нас дом. Тогда мы все умрем от голода... Как только мой

сын приедет в Батум, мы уедем на его пароходе. Едемте с нами! Слышали, что делают большевики с женщинами в Тифлисе?..

— Не знаю!.. Я не собираюсь ехать заграницу. Я поеду в Баку.

— А вы думаете большевики в вашем Баку другие?.. Хлеб-то сегодня уже пятьсот рублей фунт! Да и его нет в пекарнях. Скоро наступит настоящий голод... А во Франции его сколько угодно по нормальным ценам. Нет! Мы будем укладываться и как только придет пароход, уедем сейчас же...

Пришла к себе. Мои «квартиранты» тоже расстроены. На столе рассыпано множество красивых женских украшений. Не имеют только никакой цены...

— Тина Дмитриевна! Я хочу всё это продать! Не купите ли? Мне нужны деньги на пароходный билет, — сказала Павлова.

— Милочка! Да как же ты уедешь одна и оставишь меня на верную смерть? Лучше я раньше уеду. А ты останешься!.. Тебе большевики ничего не сделают... А я, как только заработаю деньги на твой проезд, сейчас же вышлю их тебе... Ты приедешь ко мне. Ведь это нормально?..

— Ну, нет!.. Я не стану так рисковать своей жизнью... Тут всё мое!.. Я продам вещи и уеду... Ты доставай деньги сам для себя... На мои не надейся...

— Сколько бы вы могли дать за всё это? — она показала на свои «побрякушки»...

— Я не покупаю. Мне они не нужны... Предложите их кому-нибудь другому...

Пойду к отцу Павлу. Знает ли он, что делается в Тифлисе?..

— Нет отца Смирнова. Ушел в Тифлис, — сказал сторож. — Как только узнал, что туда пришли эти «коммунисты» и грабят и насилуют женщин, так и ушел. Поезда-то не ходят до самого Тифлиса... Мы уговаривали его не ехать, но он сказал: — «У меня там дети... Я с ними хочу умереть вместе...» — И ушел...

И правильно!.. Он умрет ради детей и вместе с ними... А, я ради чего буду подвергать себя опасности, оставаясь здесь? Нет!.. Не хочу уезжать из России...

Пришел пароход на котором служит младшим помощником капитана сын хозяйки. В этот же день они стали грузить свои вещи и повезли их на пристань... Целые подводы нагрузили: деревянные чашки, корыта, большие глиняные кувшины, в которых хранилась жареная баранина... Кувшины с солеными маслинами... Всё, всё увозят... Старик француз заглянул

ко мне в комнату и сказал: — Мадам! Мы уезжаем... Через два дня пароход уходит во Францию!.. А как вы?.. Нельзя одной молодой женщине оставаться здесь... Сегодня фунт хлеба стоит тысячу рублей. Где их взять?.. А придут большевики, так и последнее отберут... Разве можно в такой стране оставаться?.. Дайте ваш паспорт моему племяннику. Он пойдет в контору и поставит визу. И поедем все вместе...

Пошла искать Милицу. Я давно уже ее не видела. Ее очень трудно найти. Она теперь не имеет постоянной комнаты. На улицах редкие пешеходы идут с чемоданами в порт. И туда же тащат тощие клячи телеги, нагруженные последними пожитками русских людей покидающих свою страшную родину...

— Борис Васильевич! Вы куда спешите?

— Да вот еду за женой в Сухум. Мы уезжаем в Константинополь... И вам советую не оставаться здесь! Слышали, что делают большевики в Тифлисе?.. Собирайтесь и уезжайте. Это вам мой совет! До свидания... Встретимся в Константинополе...

— Да, постойте! Да я... — Но Семановский был уже далеко и не слышал меня... Что же мне делать?!.. Все уезжают... Город опустел... Все, кто только мог уехать, шли к порту: одни за визами к «конторам», другие, кто получил эти визы, шли и тащили на себе свои тощие чемоданы в таможню... Что я буду делать здесь одна? Ни родных, ни друзей у меня нет. Страх одиночества охватил меня... Точно на необитаемом острове!.. А, если захвораю и буду умирать, как умирали те мать и дочь в холодной и сырой конуре без помощи!.. Ваня, милый, родной мой! Что мне делать? Я совсем одна! Я не знаю что будет со мной!.. Я не хочу уезжать из России... Но и оставаться здесь мне страшно... Я не смерти боюсь, а насилий и надругательств над собой...

Пришла домой и увидела повеселевших моих квартирантов...

— Мы были в конторе итальянского пароходства. Нам сказали, что ждут там из Италии пароход, который возьмет нас и повезет в Италию бесплатно.

— Это замечательно! Я очень рада за вас...

В этот же вечер зашел ко мне Этьен и стал уговаривать меня ехать с его семьей во Францию.

— Завтра пароход уходит и мы все уезжаем... Вы останетесь здесь одна... Всё стало страшно дорого. Придут большевики. Отберут у вас всё и вы умрете с голода... Давайте сейчас же ваш паспорт! Я пойду в контору и поставлю визу.

Сейчас там еще работают, но завтра они сами будут укладываться и контора будет закрыта...

Я отдала мой парспорт и он ушел, а через час вернулся с визой на моем паспорте!! Я стала укладываться. Утром позвали подводу, вынесли мои сундуки и повезли их в таможню, для осмотра...

Пришла Милица. Увидела, что квартира разорена и воскликнула: — Неужели и вы уезжаете?.. Как же я останусь здесь совсем одна!.. — Она заплакала, вынула платок из сумочки и вместе с ним упал на пол кусок кукурузной лепешки... Она его подняла и опять положила в сумочку.

— Вот купила на последние деньги! — Она показала на кусочек лепешки. — Я отщипываю от него по маленькому кусочку, чтобы продлить наслаждение. Всё равно голода я утолить не могу...

— Милица, я мебель оставляю здесь. Если хотите живите в моей квартире вместе с Павловыми.

Всё было кончено... Я попрощалась с Милицей и Павловыми и вышла на улицу... С этого момента я лишилась Родины, которую я любила и люблю, дома, где я чувствовала себя счастливой и беззаботной и имущества, которого было много и которое давало мне беспечную и спокойную жизнь... И стала я как приживалка и богатой, но чужой семье... С этого утра кончилась моя жизнь, как русской свободной женщины и, началась новая суетливая, боязливая жизнь приживалки в чужом доме...

В десять часов утра я была в таможне... Нашла свои вещи, которые стояли самыми последними в линии других. Таможня была в огромном сарае и, как на скотобойне, разделена на проходы. В каждом проходе прямо на земле лежали вещи, на которых сидели их хозяева. Время от времени проходили по два, по три вооруженных винтовками и револьверами и обвешанных патронными лентами «таможника». Эти «таможенники» были кто в русской солдатской шинели, кто в стеганой кофте, кто просто в пиджаке. Один из них говорил по-грузински, другие по-русски. Но рожи и у тех и у других были страшные... Пассажиры спрашивали их скоро ли будут осматривать багаж и они грубо отвечали: — Не проспишь! Сама увидишь, когда будут осматривать твой багаж...

Пароход отходил из Батума в шесть часов вечера. И только в три часа дня пришли «таможенники» и стали проверять паспорта и багаж. Многие ехали семьями, или с друзьями и по-

могали друг другу. Разбросанные вещи быстро собирали, укладывали в сундуки, запирали и, получив разрешение, выносили их из таможни на пароход.

Раскрыли какой-то ящик и нашли в нем столовое серебро. Конфисковали всё. Хозяева серебра плачут: — С чем мы теперь поедем заграницу! Это единственное наше богатство, — говорили они чиновнику.

— А мне какое дело с чем вы поедете! Раз не с чем ехать, оставайтесь здесь, — сказал «чиновник»...

Таможня опустела. Мои сундуки остались последними.

— Открыть сундуки! — грубо приказал подошедший «таможенник». Я открыла и несколько человек сразу стали рыться в моих вещах. Всё выбросили прямо на пол. Уже стало почти темно. На пароходе зажгли огни, и в сарае слабо загорелись фонари керосиновых ламп... Пароход должен скоро отойти. А мои вещи валяются разбросанные по грязному полу. И я не знаю в чем дело... Один «таможенник» подойдет посмотрит и уйдет... Подойдет другой. Снова станет рыться и рассматривать их... Стало совсем темно.

Вдруг подошел один из них и сказал: — Пароход скоро должен отойти. Вы не успете уложить вещи. Очень уж у вас их много... Нужно дать солдатам «на чай». Иначе с этим пароходом не уедете... — А, завтра «приходят» сюда большевики, — подходя к нам сказал другой. Всё равно всё отберут у вас...

Меня уже предупреждали о взяточниках в таможне и я приготовила сто двадцать тысяч грузинских денег.

— Сколько вы хотите? У меня есть немного...

— Чем больше, тем лучше! Скорее уедете, — сказал первый «чиновник».

Я вынула деньги и отдала ему: — Поделитесь со всеми... — Он отошел, но сейчас же подошли другие и стали требовать денег: — А мне, а мне как же?

— Это все мои деньги. У меня нет больше, — сказала я.

— Как нет. Давай и нам тоже!.. Что ж это за порядок, одному давать, а другим нет.

Они кольцом окружили меня, топтали мои вещи, вырывали у меня из рук сумочку. Я была близка к обмороку от ужаса и от смыкавших меня кольцом солдат. И вдруг, расталкивая локтями, ворвался с матросами Этьен. — Что вам надо? — те расступились... Этьен сказал своим матросам по-французски: — Укладывайте вещи, — и когда всё было уложено в сундуки и заперто, он сказал, — нести всё на пароход...

Сундуки унесли. Мы пошли к выходу. У дверей нам преградил дорогу один из бандитов: — Неправильно проверены вещи! Выпустить вас не могу...

Опять поднялся спор и все «таможенники» обступили нас.

— Есть у вас еще деньги? — спросил Этьен. — Дайте им. Пять минум осталось до отхода парохода.

— Я отдала всё, что у меня было. — Я открыла мою сумочку и показала пустое отделение. Они все моментально стали заглядывать туда. В это время вернулись обратно французские матросы и оттеснили «таможенников». Мы вышли и быстро пошли к пароходу, у которого по обе стороны стояли такие же бандиты с ружьями. Они потребовали мой паспорт. Солдат стал его вертеть во все стороны и даже посмотрел на свет.

— Да всё правильно! Видишь визы? — Этьен вырвал паспорт из рук солдата и мы стали подниматься по сходням на пароход... Позади нас, как бы прикрывая наш тыл, шли французские матросы. На палубе, около сходен, стояло несколько человек из команды... Я ступила на палубу и почти упала на руки матери Этьена...

— Идемте, спускайтесь в трюм. Там все русские едут!..

КОНЕЦ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Опять на фронт

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Поход на Мосул

Цена 4 долл. 50 цен.

Склад издания:

RAUSEN PUBLISHERS
600 West 150 Street. Apt. 21
New York, N. Y. 10031